

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (34)
2020

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

С.Г. Бочаров – кандидат исторических наук

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

Индекс 80425, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2020

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2020

© Журнал «Поволжская археология», 2020

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue

S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2020

© Mari State University, 2020

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

История археологии

Загребин А.Е. (Ижевск, Россия).

Этнограф и археолог Стефан Кирович Кузнецов: казанские годы 8

**Средневековая культура народов Евразии
и мусульманская археология**

Грудочко И.В. (Челябинск, Россия).

Типология и культурно-хронологическая интерпретация
курганов с «усами» 20

Серегин Н.Н., Матренин С.С. (Барнаул, Россия).

Монголия в жузханское время: основные аспекты интерпретации
археологических материалов 36

Крыласова Н.Б., Данич А.В. (Пермь, Россия)

Низки из металлических пронизок и бус в средневековом
финно-угорском костюме Пермского Предуралья 50

Самашев С.К. (Нур-Султан, Казахстан).

Вопросы изучения функции тамгообразных знаков
средневековых кочевников Казахстана 66

Колода В.В., Аксенов В.С. (Харьков, Украина).

Поминальный комплекс представителей всаднического сословия
из Северо-Западной Хазарии 81

Нуржанов А.А. (Алматы, Казахстан),

Терновая Г.А. (Москва, Россия).

К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах
юго-западного Жетысу во второй половине VIII–XII вв.
(по материалам археологии) 99

Авизова А.К. (Шымкент, Казахстан).

Предварительные результаты изучения впускных погребений
на Бесиншитобе в Отрарском оазисе 113

Жилина Н.В. (Москва, Россия).

Волжская Булгария и Древняя Русь. Сравнительная характеристика
убора из украшений XI–XIII вв. в реконструкциях 125

Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия).

Монументальные постройки Биляра: новый взгляд.
здания с подпольным отоплением 145

Белорыбкин Г.Н., Осипова Т.В., Соболев А.С. (Пенза, Россия).

Планиграфия сооружений Золотаревского городища 159

Газимзянов И.Р. (Казань, Россия), Дремов И.И. (Саратов, Россия).

Погребение с северной ориентировкой на мусульманском могильнике
в Болгаре и проблема интерпретации железных конусов 170

<i>Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. (Казань, Россия).</i> Металлические изделия с Багаевского селища	185
<i>Адамов А.А., Балюнов И.В. (Тобольск, Россия).</i> Ярковское 1 городище – памятник XII–XIV веков из Тобольского Прииртышья	199
<i>Khramchenkova R.Kh., Gubaydullin A.M. (Kazan, Russian Federation), Degryse P. (Leuven, Belgium), Biktagirova I.R. (Kazan, Russian Federation), Ogorodnikov A.D., Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> The Fragment of Enameled Glass Vessel from the Bolgar Excavation (Russia)...	212
<i>Буршинева С.Г., Кузнецова О.Б. (Вологда, Россия), Смирнова Н.В. (Кириллов, Вологодская область, Россия), Воропай Л.М. (Вологда, Россия).</i> Опыт применения ультразвука для стабилизации железных археологических предметов с активной коррозией	223
Авторский указатель	236
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENS

History of archaeology

Zagrebin A. Ye. (Izhevsk, Russian Federation).
Ethnographer and Archaeologist Stefan Kirovich Kuznetsov: kazan years 8

Medieval culture of the peoples of Eurasia and Muslim archaeology

Grudochko I.V. (Chelyabinsk, Russian Federation).
Typology and Cultural-Chronological Interpretation of Kurgans
with ‘Moustache’20

Seregin N.N., Matrenin S.S. (Barnaul, Russian Federation).
Mongolia in Rouran time: main aspects of the interpretation
of archaeological materials36

Krylasova N.B., Danich A.V. (Perm, Russian Federation).
Threads of Metal Beads and Tube Beads in the Middle-Age
Finno-Ugrian Costume of the Perm Cis-Urals50

Samashev S.K. (Nur-Sultan, Kazakhstan).
Issues of Studying the Function of Signs Resembling Tamgas
of the Kazakh Medieval Nomads.....66

Koloda V.V., Aksonov V.S. (Kharkov, Ukraine).
Burial complex of equestrian class representatives
from the northwestern Khazaria81

*Nurzhanov A.A. (Almaty, Kazakhstan),
Ternovaya G.A. (Moscow, Russian Federation).*
To the Issue of the Distribution and Influence of Islam in the Cities
of the Southwestern Zhetysu Region in the Second Half
of the 8th – 12th Centuries99

Avizova A.K. (Shymkent, Kazakhstan).
Preliminary results of study of the inlet burials
on the Besinshitobe in Otrar oasis113

Zhilina N.V. (Moscow, Russian Federation).
Volga Bulgaria and Old Rus’. Comparative Characteristics of Attire
of Adornments in Reconstructions of the 11th – 13th Centuries.....125

Zilivinskaya E. D. (Moscow, Russian Federation).
Monumental Structures of Bilyar: new approach.
Buildings with Underfloor Heating145

Belorybkin G.N., Osipova T.V., Sobol A.S. (Penza, Russian Federation).
Spatial Analysis of the Zolotarevka Fortified Settlement Structures159

*Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation),
Dremov I.I. (Saratov, Russian Federation).*
Nord-Oriented Burial on the Muslim Burial Ground in Bulgar
and the Issue of Interpretation of Iron Cones170

<i>Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. (Kazan, Russian Federation).</i> Metallic Wares from Bagaevka Settlement	185
<i>Adamov A.A., Balyunov I.V. (Tobolsk, Russian Federation).</i> Yarkovskoe 1 hillfort – monument of the XII–XIV centuries in the Tobolsk Irtysh River region	199
<i>Khramchenkova R.Kh., Gubaydullin A.M. (Kazan, Russian Federation), Degryse P. (Leuven, Belgium), Biktagirova I.R. (Kazan, Russian Federation), Ogorodnikov A.D., Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> The Fragment of Enameled Glass Vessel from the Bolgar Excavation (Russia)...	212
<i>Burshneva S.G., Kuznetsova O.B. (Vologda, Russian Federation), Smirnova N.V. (Kirillov, Russian Federation), Voropay L.M. (Vologda, Russian Federation).</i> Experience of Ultrasonic Use to Stabilize Archaeological Iron Artifacts with Active Corrosion	223
Rules for Authors	236
List of Abbreviations.....	248
Submissions	250

История археологии

УДК 39(092)“1870/1885”

<https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.8.19>

ЭТНОГРАФ И АРХЕОЛОГ СТЕФАН КИРОВИЧ КУЗНЕЦОВ: КАЗАНСКИЕ ГОДЫ

© 2020 г. А.Е. Загребин

В статье освещается жизненный путь и научная деятельность С.К. Кузнецова, этнографа и археолога, труды которого оставили заметный след в историографии и активно цитируются современными исследователями. С.К. Кузнецов был видным представителем генерации исследователей финно-угорских народов России, работавших на рубеже XIX–XX вв. под эгидой Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Изучая духовную и материальную культуру марийского и удмуртского населения Камско-Вятского региона, он руководствовался гуманистическими принципами, в целом, свойственными казанскому научному сообществу.

Ключевые слова: этнография, археология, С.К. Кузнецов, Казань, университет, финно-угорские народы, марийцы, удмурты, Малмыж.

Малмыжская сторона Вятского по-низовья представляла собой контактную зону, где в эпоху, последовавшую за присоединением Казанского ханства к Москве, сложилась языковая, культовая и этническая чересполосица. Внутри неё нашли место луговые мари, боровшиеся за эти земли потомки арских удмуртов, татары-мусульмане, крещенные татары и русские крестьяне, частью происходящие из стрельцов, поселенных в беспокойном крае Иваном Грозным (Михеева, 2015, с. 24). Гарнизон Малмыжской крепости, отстроенной взамен укреплений марийского князя Полтыша, получил в пользование земли неподалеку, основав собственное поселение – Пахотную (Ильинскую) слободу.

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов (1854–1913) – один из первых исследователей, профессионально изучавших финно-угорские народы России, родился и воспитывался в грамотной крестьянской семье Пахотной слободы. Отец его – Кир Леонтьевич Кузнецов – почти двадцать лет исполнял обязанности церковного старосты, а мать – Елена Ефимовна (урожденная Сметанина), родом из

с. Черемисский Малмыж, происходила из достаточной семьи, в доме которой была открыта первая школа в селе (Забудский, 1925, с. 102). Юные годы, проведенные в окрестностях уездного г. Малмыжа, где звуки иной речи, покроя и краски одежды соседей не казались чем-то необыкновенным, в то же время будили пытливым ум. Кузнецов писал в своих воспоминаниях: «Еще в детстве, болтая у дедушки на пчельнике со сторожем Павлом (черемисином завятской стороны), я понемногу выпрашивал его о всякой всячине и учился у него по черемисски» (Кузнецов, 1906, с. 29)¹. Умение слушать и быстро схватывать услышанное пригодились ему в Казани, куда подающий надежды в учении крестьянский мальчик был отправлен в гимназию. Он успешно освоил программы в мужском приходском училище и уездном училище Министерства народного просвещения (Смирнов, 2017, с. 136).

Через два года Кузнецов поступил в третий класс 1-й Казанской гимназии. С.К. Кузнецов вспоминал: «Учась в гимназии, я свел знакомство с двумя черемисами, которых часто навещал.

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов
(1854–1913)

Stefan K. Kuznetsov
(1854–1913)

Один был хороший песенник, другой много рассказывал о старых черемисских порядках и обычаях; предок его был черемисский князь, и у него хранились старинные грамоты, по которым я еще в четвертом классе выучился читать скоропись XVII века» (Кузнецов, 1906, с. 29). От Казани до Малмыжа, сто с небольшим вёрст, он проходил пешком на вакациях и в гимназические годы, и потом, учась в университете: если «в пути застигало ненастье, я застревал на день, на два в инородческой деревне или где-нибудь на пчельнике, среди глухого леса. Однажды я провел целую неделю у язычника черемисина Ельмурзы, известного в округе жреца. Не покладая рук, записывал я в записную книжку всякую мелочь из языческого обихода», – писал он позже (Кузнецов, 1906, с. 30). Возможность проявить себя представится Кузнецову в вы-

пускном классе, когда в 1872 г. губернатор В.И. Чарыков предложил начинающим авторам прислать тексты для публикации в «Вятских губернских ведомостях». Отправленная Кузнецовым рукопись краеведческого содержания была напечатана, принеся гимназисту первый журналистский успех (Кузнецов, 1874). И первые серьезные деньги: «Губернатор приказал выдать мне установленный гонорар, по 5 к. за строчку, и полученные мною 35 р. с копейками мне с избытком хватило на целое лето. С большим удобством разъезжал я на эти деньги по инородцам и всюду встречал самый сердечный прием...» (Кузнецов, 1906, с. 30). Три года в Казани еще более укрепили его в желании продолжать учение, несмотря на более чем скромные материальные возможности.

В 1873 г. С.К. Кузнецов стал студентом историко-филологического факультета Императорского Казанского университета, получив стипендию Министерства народного просвещения. Чем объяснить выбор, сделанный им в пользу изучения древних языков, сказать трудно. Так или иначе, Кузнецов был в числе студентов, показывавших отличные результаты в классической филологии. Греческий язык помогал ему достойно содержать себя, став предметом, который он преподавал в гимназии (Иваск, 1913, с. 257). В 1877 г., окончив университет со степенью кандидата филологии, он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре римской словесности (Богданов, 1913, с. 323). Проводником в более тонкие лингвистические структуры стал для него профессор И.А. Бодуэн де Куртене, чьи лекции по санскриту Кузнецов с желанием посещал и чьей поддержкой решился вопрос о его стажировке

в Дерптском университете с назначением годовой прибавочной субсидии.

А в душе уже зрел конфликт. Годом ранее С.К. Кузнецов был избран в члены-сотрудники Императорского Русского Географического Общества (ИРГО), отослав свои записки в его Отделение этнографии (Журнал, 1877а, с. 101–102). На летних каникулах он пробует себя в качестве археолога на раскопках могильника вблизи с. Черемисский Малмыж (Кузнецов, 1884а). Еще больше его растревожил IV Археологический съезд, проходивший в начале августа 1877 г. в Казани.

На съезде С.К. Кузнецову удалось встретиться со многими выдающимися учеными, слушать выступления на близкие ему темы (Журнал, 1877б, с. 200–201). Вскоре его этнографические очерки были приняты в редакцию нового столичного исторического журнала (Кузнецов, 1877, 1879а). Готовить рукописи к изданию ему помогал сам председатель Отделения этнографии ИРГО Л.Н. Майков, которому он был благодарен всю жизнь (Кузнецов, 1906, с. 31). Летом 1878 г. Кузнецов отправился в лежащую в тридцати верстах от Малмыжа марийскую д. Китяк, чтобы наблюдать обряд жертвоприношения в священной роще, о чем доложил на Отделении этнографии ИРГО и опубликовал большую статью, удостоенную серебряной медали Общества (Журнал, 1879, с. 85; Кузнецов, 1879б). На заседание в Санкт-Петербург он приезжал из Дерпта, где совмещал занятия по классической филологии со знакомством с музейным делом в прибалтийских губерниях, развивавшемся по примеру краеведческих акций германских и финляндских студенческих союзов.

Вернувшись в 1879 г. из Дерпта, С.К. Кузнецов вновь обратился к теме истории и этнокультуры, правда, в ином ключе – приняв обязанности хранителя университетского Музея этнографии, древностей и изящных искусств с кабинетом монет и медалей (Гущина, 2019, с. 60). В музее можно было применить «дерптский опыт» и ближе сойтись с группой, изучавшей, по его определению, «финские языки» – Н.И. Золотницким, С.М. Шпилевским, В.К. Магницким, И.А. Износковым и Т.С. Семёновым, который взялся учить его марийскому (Семибратов, 2009, с. 12–13). За время краткого отсутствия в Казани он увидел, насколько укрепилась в местном ученом сообществе идея познания природы и человека в ретроспективном фокусе изучения территории. Двигателем инициатив казанских краеведов стало Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ).

В 1880 г. С.К. Кузнецов проходит процедуры, предусмотренные для получения должности приват-доцента, и вступает в ОАИЭ, чтобы заняться любимым делом – полевой работой (Протокол, 1885, т. 4, с. 12). Тем же летом, в новом статусе, он отправился в этнографическую поездку, переезжая из марийских в татарские деревни Малмыжского уезда, общаясь с языческими жрецами, муллами и православными миссионерами (Протокол, 1885, т. 4, с. 63; Кузнецов, 1884д). Знакомство с активными членами ОАИЭ – археологами сблизило его с методиками, вещественно дополняющими сохранившиеся устные предания о былом (Кузнецов, 1882а; Мельникова, 2007, с. 53–54).

С.К. Кузнецов с энтузиазмом берется за раскопки на памятниках,

часто подсказанных ему народной молвой (Кузнецов, 1884а, 1884ж). С его именем связано два археологических памятника, обследованных им в 1881 г. – Атамановы кости и Ройский Шихан на р. Вятке. Оба они обнаружены по расспросам местных жителей, которые сообщали ему о частых находках в окрестностях села человеческих костей и древних вещей: черепков глиняной посуды, железных, бронзовых и костяных наконечников стрел, женских украшений, деталей пояса, ножей и пр. На разрушенном могильнике «Атамановы кости» им была раскопана могила с двумя плохо сохранившимися костяками. По мнению ученого, «многие из находок напоминают те, которые были добыты из Пьяноборского могильника, например, бронзовый предмет в форме эполеты, подвески наподобие кистей, бронзовые кружки» (Кузнецов, 1884а, с. 409).

Интересными оказались также исследования «Ройского Шихана» на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, осуществленные при участии П.А. Пономарева и А.А. Штукенберга – активных членов ОАИЭ, изучающих древности Казанского Поволжья. Разведочные раскопки памятника дали богатый материал: обломки орнаментированных по горлу горшков, костяные стрелы, бронзовый кельт, амулеты из медвежьих и бобровых зубов, точильные камни. «Не приурочивая памятник к какому-либо определенному времени и указав на довольно близкое по-видимому отношение его к костякам», С.К. Кузнецов отмечал, ссылаясь при этом на мнение П.А. Пономарева, что Ройский Шихан – большое искусственное возвышение, т. е. земляные укрепления городища, – «по-

хож на те «кокошники» (серповидные насыпи), которые известны близ с. Шурана и д. Сорочьи Горы» на правобережье Камы (Кузнецов, 1884ж, с. 328).

Не забывает ученый этнографию и лингвистику (Протокол, 1885, т. 4, с. 64–65, 70; Кузнецов, 1884г). Экспедиции приносят массу материалов для последующих обобщений и позволяют пополнять экспонатами музеев Общества. Так, в 1882 г. он представил коллегам «...коллекцию одежды и старинных женских головных уборов, собранных им во время экскурсии» (Протокол, 1885, т. 5, с. 22). Продолжает Кузнецов свои опыты в этнографической журналистике (Кузнецов, 1874б; 1882б; 1884б; 1884е). В дискуссиях на собраниях ОАИЭ он заявляет о себе как о самостоятельно мыслящем этнографе, способном аргументированно противоречить сложившимся мнениям.

Отдельно стоит остановиться на критической заметке, с которой С.К. Кузнецов выступил в феврале 1882 г. на Общем собрании ОАИЭ по поводу реферата известного путешественника, исследователя Восточной Азии, Г.Н. Потанина, совершившего по приглашению Общества короткую экспедицию к удмуртам Елабужского уезда (Потанин, 1880–1882). Кузнецов, будучи сторонником ареального подхода, не принимал его метода широких аналогий, особенно применительно к сопоставлению мифологических сюжетов и образов, бытующих у южно-сибирских народов и удмуртов (Кузнецов, 1884в). Для него явным было только то, что можно было наблюдать и сравнивать в рамках исторически и географически очерченной территории (Протокол, 1885, т. 5, с. 14). И хотя его точку зрения поддержали не все,

молодой ученый испытывал духовный подъем и творческий настрой.

В 1883 г. коллеги избирают С.К. Кузнецова секретарем ОАИЭ. Музей, научное общество и археолого-этнографические экспедиции постепенно вытесняют классическую филологию из круга научных интересов приват-доцента. Зато решительно расширяется круг общения, поскольку Казань традиционно была «окном на Восток» для российских и зарубежных ориенталистов и финно-угроведов. Кузнецов как секретарь ОАИЭ и просто надежный товарищ помогает адаптироваться в условиях губернского города и его округа ученым, приехавшим для полевых исследований среди родственных народов. Венгру Б. Мункачи он помогает выбрать оптимальный маршрут экспедиции к удмуртам, снабжает специальной литературой и рекомендательными письмами (Megvalószult gyermekáalom, 2008, ol. 62, 312–314; Кузнецов, 1906а, с. 44). Финнам В. Поркка, А.О. Хейкелю и А. Рейнгольму Кузнецов становится проводником в сообщество казанских интеллектуалов, увлеченных изучением археологии и этнографии (Протокол, 1885, т. 5, с. 43). В 1884 г. он способствовал тому, чтобы финские коллеги смогли зафиксировать элементы Сюрема – традиционного марийского моления, за что получил жесткую отповедь от директора Казанской учительской семинарии, профессора Н.И. Ильминского, радевшего за успех православного миссионерства в крае (Загребин, 2019, с. 74). В эти годы зримо проявляется интерес Кузнецова к разработке темы дохристианских культов марийцев и удмуртов и связанных с ними форм социальной организации.

В марте 1883 г. ОАИЭ планировала провести празднование годовщины

создания Общества, С.К. Кузнецову было предложено подготовить и прочесть речь на публичном торжественном заседании. Доклад на тему «Большие моления черемис в честь добрых богов» не разочаровал слушателей (Протокол, 1885, т. 5, с. 34). Были у него и другие публичные выступления и публикации, касавшиеся погребального обряда, представлений о загробной жизни и поминальной традиции мари (Кузнецов, 1884 г.). В целом его взгляды на марийское язычество эволюционировали от простого любопытства и описательности к оценочным суждениям, как показало время, не всегда оправданным и порой излишне субъективным (Кузнецов, 1885). Продолжая «экскурсии», Кузнецов побывал на одном из самых почитаемых мари мест – Чембулатовом камне на р. Немда, где поддерживался «культ героя», транслируемый на обширный регион (Протокол, 1885, т. 5, с. 56; Кузнецов, 1905). Тогда же он стал серьезнее разрабатывать «удмуртскую тему», присутствуя в 1882, 1883 и 1884 гг. на частных и общественных молениях, увидев в верованиях удмуртов признаки шаманизма.

На Годичное Собрание Общества 1884 г. С.К. Кузнецов предложил доклад: «О фетишах у вотяков» с демонстрацией фотографий удмуртских идолов (Протокол, 1885, т. 5, с. 46). Еще ранее на октябрьском Общем Собрании, он выступил с сообщением, в котором проанализировал удмуртский «институт «посвященных» и пришел к выводу о том, что «жреческая иерархия вотяков носит совершенно шаманский характер» (Протокол, 1885, т. 5, с. 57). Присутствовавшие на заседании А.О. Хейкель и А. Рейнгольм представили Собранию сделанную в экспедиции коллекцию рисунков,

изображающих культовую и бытовую жизнь родственных финнам народов региона (Протокол, 1885, т. 5, с. 57). Близкие сюжеты прозвучали в докладе «Характеристика шаманских верований и следы шаманизма у наших поволжских инородцев», прочитанном им на мартовском Собрании Общества (Протокол, 1885, т. 5, с. 61). Признание научных достижений Кузнецова было в том же году подтверждено единогласным избранием в действительные члены ОАИЭ (Протокол, 1885, т. 5, с. 53).

Казалось, все складывалось неплохо, но в августе 1885 г. С.К. Кузнецов переезжает в г. Томск, куда его, по всей видимости, пригласил В.М. Флоринский – профессор Казанского университета и попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Стефану Кировичу было поручено создание образцовой университетской библиотеки.

Выслужив в 1903 г. положенный срок и выйдя в отставку статским советником, С.К. Кузнецов переезжает в Москву, где вскоре становится секретарем Археологической комиссии Императорского Московского Археологического Общества.

В московские годы жизни С.К. Кузнецов сблизился с этнографами, объединенными Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Большая часть его работ того периода выходила в журнале этнографического отдела ИЮЛЕАЭ «Этнографическое Обозрение». Пять из семи статей тех лет он построил на собраниях 1870–1880-х гг., когда путешествовал по марийским, удмуртским и татарским селам по разным надобностям. Так, в очерке о крестьянском мироустрой-

стве удмуртов, Кузнецов пишет: «Мои наблюдения за вотской общиной довольно стары: они относятся к 1883 г., когда я вместе с другими, под руководством Н.Ф. Анненского, производил (по поручению Казанского губернского земства) подворную перепись голодающего вотского населения в двух волостях Мамадышского уезда...» (Кузнецов, 1904б, с. 26). Описательность и конкретизация в данном случае становились преимуществом его «этнографического реализма», нежели попытки конструировать реальность, подбирая цитаты и аналогии (Трубецкой, 1913, с. 325–326). Скорее всего, за такую самостоятельность Отделение этнографии ИРГО в 1905 г. отметило малой золотой медалью и денежной премией его труды о марийцах и удмуртах (Алфавитный список, 1905–1907, с. 92, 167).

В прежнем реалистическом ключе написаны статьи С.К. Кузнецова о религиозных обычаях, обрядах и движениях, непосредственным свидетелем которых он был (Кузнецов, 1907; Кузнецов, 1908). Чего он, наверное, не ждал – это критики. Внове было ощутить, что его позиции, основанные на опыте многолетних наблюдений и понимании речи, могут быть поколеблены теми, кто не просто говорил, но и думал на родном языке, при этом излагал свои аргументы по-русски (Васильев, 1910). За время службы в Сибири он не заметил, что в Казани выросло новое поколение выходцев из марийских и удмуртских деревень, получивших светское или духовное образование и готовых самим изучать и представлять культуру своих народов. Согласия с ними у Кузнецова не возникло (Попов, 2005, с. 74–75).

В 1907 г. С.К. Кузнецов вошел в число учредителей Московского ар-

хеологического института, определяя образовательные стратегии будущих археологов и археографов. Курс, прочитанный в 1907/1908 уч. гг., Кузнецов посвятил финноязычному населению северо-восточной Руси – мере, мешере, муроме и веси – племенам, стоявшим у истоков российской государственности, но малоизученным (Кузнецов, 1910а). Одновременно он выступил с пространной статьей, анализируя этнографическую литературу об удмуртах с XVIII в. до современных ему дней (Кузнецов, 1910б). Чувствуя перспективы начатого, профессор шел дальше на восток, к мордве (Кузнецов, 1912). Возможно, в его

планах был еще более широкий финно-угорский горизонт, но стало подводить здоровье.

В 1912 г. С.К. Кузнецов оставил Москву. В малмыжский дом он перевез немалую часть библиотеки и этнографических собраний, поскольку был уверен, что накопленные им «богатства» пригодятся землякам (Семибратов, 1996, с. 236). И не ошибся. Пройдет пять лет, окончится одна война и начнется новая, а в городе его юности возникнет Историческое общество. Книги и мысли профессора Кузнецова еще долго будут служить его ученикам и продолжателям.

Примечания

¹ Черемисы – устаревшее название (экзотоним) народа мари. Марийский язык входит в волжско-финскую ветвь финно-угорских языков (уральская языковая семья) (Основы, 1976, с. 3–96). В своих воспоминаниях С.К. Кузнецов также упоминает волостного заседателя Филиппа Трифонова – «природного вотяка», учившего его в детстве удмуртскому языку (Кузнецов, 1906а, с. 31).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфавитный список лиц, удостоенных наград Императорского Русского Географического Общества со времени его основания по 1905 г. включительно. СПб., 1905–1907. 201 с.
2. Богданов В.В. С.К. Кузнецов // ЭО. 1913. Кн. 96–97. № 1–2. С. 323–325.
3. Васильев В.М. Заметки по поводу этнографических очерков С.К. Кузнецова «Из воспоминаний этнографа», «Черемисская секта “Кугу сорта”» // ИОАИЭ. Т. XXVI. Вып. 1–2. Казань, 1910. С. 161–162.
4. Гущина Е.Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития // ИОАИЭ. Т. 39. № 1–2. Казань, 2019. 252 с.
5. Журнал заседания Отделения этнографии – 22 апреля 1877 г. // ИРГО 1877. Т. 13 / Ред. В.И. Срезневский. С.-Пб.: Тип. В. Безобразова, 1878а. С. 101–103.
6. Журнал заседания Отделения этнографии – 28 октября 1877 г. // ИРГО 1877. Т. 13 / Ред. В.И. Срезневский. С.-Пб.: Тип. В. Безобразова, 1878б. С. 197–201.
7. Журнал заседания Отделения этнографии – 20 декабря 1878 г. // ИРГО. Т. 15 / Ред. В.И. Срезневский. С.-Пб.: Тип. В. Безобразова, 1879. С. 84–85 (298–299).
8. Забудский О. Некоторые данные к биографии археолога Ст. Кир. Кузнецова // Труды Малмыжского музея местного края. 1925. Июль–сентябрь. Вып. 9. С. 101–103 / Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 7685. Рукопись.
9. Загребин А.Е. Очерки истории финно-угорских этнографических исследований в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2019. 144 с.
10. Иваск У.Г. Некролог С.К. Кузнецова // Библиографические известия. 1913. № 3. С. 257–258.
11. Кузнецов С.К. Четыре дня у черемис во время Сюрема: этнографический очерк // ИРГО 1879. Т. 15 / Ред. В.И. Срезневский. С.-Пб.: Тип. В. Безобразова, 1880б. С. 135–150, 169–206.
12. Кузнецов С.К. Исторический очерк села Черемисского Малмыжа // ВГВ. 1874а. № 13. С. 3–4; № 14, С. 3–4; № 15. С. 3–4; № 16. С. 3–4; № 18. С. 4; № 21. С. 4–5.

13. Кузнецов С.К. Черемисские мольбища, жреческая иерархия и жертвенные пиры // ВГВ. 1882б. № 84.
14. Кузнецов С.К. Поминки у черемис // ВГВ. 1884е. № 12.
15. Кузнецов С.К. Черемисские песни // ВГВ. 1874б. № 77. С. 3–4.
16. Кузнецов С.К. Очерки из быта черемис // Древняя и новая Россия. 1877. № 8. С. 346–358; 1879а. № 5. С. 41–58.
17. Кузнецов С.К. Археолого-этнографические этюды. Казань: тип. Имп. ун-та, 1882а. 44 с.
18. Кузнецов С.К. Атамановы кости: могильник бронзовой эпохи близ села Черемисского Малмыжа и деревни Ахпая, в Малмыжском уезде Вятской губернии // ИОАИЭ. Т. 3. Казань, 1884а. С. 394–410.
19. Кузнецов С.К. Заметки по поводу реферата Г.Н. Потанина «У вотяков Елабужского уезда» // ИОАИЭ. Т. III. Казань, 1884в. С. 411–419.
20. Кузнецов С.К. О загробных верованиях и культе покойников у черемис // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1884г. С. 50–52.
21. Кузнецов С.К. Отрывки из дорожных заметок во время этнографической экскурсии по Вятской губернии в 1880 году // ИОАИЭ. Т. 3. Казань, 1884д. С. 260–276.
22. Кузнецов С.К. Предварительное сообщение о результатах раскопок над Ройским истоком на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. 1884ж. Т. 3. С. 326–329.
23. Кузнецов С.К. Загробные верования черемис // КГВ. 1884б. № 24.
24. Кузнецов С.К. Остатки язычества у черемис // ИРГО. Т. 21. Вып. 6 / Ред. А.В. Григорьев. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885. С. 449–479.
25. Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // ЭО. 1904. Кн. 63. С. 24–49.
26. Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // ЭО. 1905. Кн. 64. № 1. С. 129–157.
27. Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // ЭО. 1906. Кн. 68–69. № 1–2. С. 29–51.
28. Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. Вятка: Губернская Типография, 1907. 77 с.
29. Кузнецов С.К. Черемисская секта Кугу Сорта: Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев // ЭО. 1908. Кн. 79. № 4. С. 1–59.
30. Кузнецов С.К. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет // ЭО. 1910б. Кн. 84–85. № 1–2. С. 76–113.
31. Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 г. Вып. 1. (меря, мешера, мурома, весь). М.: Синодальная типография, 1910а. 197 с.
32. Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1908–1909 г. Вып. 2. (мордва). М.: Тип. Пожидаева, 1912. 73 с.
33. Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник. Ижевск: УдГУ, 2007. 118 с.
34. Михеева Г.А. Некоторые вопросы изучения русского периода в истории города Малмыжа на южной Вятке // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона / Отв. ред. А.Е. Загребин. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. С. 22–34.
35. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / Ред. В.И. Лыткин и др. М.: Наука, 1976. 463 с.
36. Попов Н. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение. 2005. № 1. С. 58–78.
37. Потанин Г.Н. У вотяков Елабужского уезда // ИОАИЭ. Т. 3. Казань, 1880–1882. С. 189–259.
38. Протокол XIX Общего Собрания, 28 апреля 1881 года // ИОАИЭ. Т. 4. Казань, 1885. С. 59–63.
39. Протокол IV Годичного Публичного Собрания, 18 марта 1883 года // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1885. С. 23–27.

40. Протокол XVI заседания Совета, 1 апреля 1880 года // ИОАИЭ. Т. 4. Казань, 1885. С. 11–12.
41. Протокол XXIV заседания Общего Собрания, 24 февраля 1882 года // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1885. С. 12–15.
42. Протокол XXVI заседания Общего Собрания, 28 октября 1882 года // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1885. С. 19–22.
43. Протокол Годичного Собрания Общества, 18 марта 1884 года // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1885. С. 61–62.
44. Протокол заседания Совета ОАИЭ, 20 октября 1884 года // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1885. С. 45–47.
45. Протокол Общего Собрания, 4 октября 1884 года // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1885. С. 56–57.
46. Протокол Общего Собрания, 7 февраля 1884 года // ИОАИЭ. Т. 5. Казань, 1885. С. 49–52.
47. Семibrатов В. Кузнецов Степан Кирович // Знатные люди. Энциклопедия земли Вятской. Т. 6 / Ред. В.Д. Сергеев. Киров: Вятка, 1996. С. 236.
48. Семibrатов В.К. О жизни и творчестве С.К. Кузнецова // Кузнецов С.К. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2009. С. 5–15.
49. Смирнов А.С. Стефан Кирович Кузнецов – член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // ИОАИЭ. Т. 37. № 4. Казань, 2017. С. 134–155.
50. Трубецкой Н.С. С.К. Кузнецов // ЭО. 1913. Кн. 96–97. № 1–2. С. 325–331.
51. Megvalósult gyermekálmom (Munkácsi Bernát udmurtföldi útja) / A Naplót és a levelezést közreadja, a jegyzeteket írta: Kozmács Istvan. Bratislava: AB-ART, 2008. 487 ol.

Информация об авторе:

Загребин Алексей Егорович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник. Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, (г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия); zagreb72@izh.com

ETHNOGRAPHER AND ARCHAEOLOGIST STEFAN KIROVICH KUZNETSOV: KAZAN YEARS

A.Ye. Zagrebina

The paper describes the life and academic work of S.K. Kuznetsov, ethnographer and archaeologist, whose works have left a noticeable mark on historiography and is are actively cited by modern researchers. S.K. Kuznetsov was a prominent representative of the generation of researchers of the Finno-Ugric peoples of Russia who worked at the turn of the 19th – 20th centuries under the auspices of the Society of Archaeology, History and Ethnography affiliated to Imperial Kazan University. In his study of the spiritual and material culture of the Mari and Udmurt population of the Kama-Vyatka region, he was guided by humanistic principles, generally characteristic of the Kazan scientific community.

Keywords: archaeology, ethnography, S.K. Kuznetsov, Kazan, university, Finno-Ugric people, Mari people, Udmurt people, Malmyzh.

REFERENCES

- 1905–1907. *Alfavitnyi spisok lits, udostoennykh nagrad Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva so vremeni ego osnovaniya po 1905 g. vklyuchitel'no (Alphabetic List of Persons Awarded by the Imperial Russian Geographical Society from its Foundation through 1905)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Bogdanov, V. V. 1913. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*. 96–97 (1–2). 323–325 (in Russian).
- Vasil'ev, V. M. 1910. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University) XXVI (1–2)*. Kazan, 161–162 (in Russian).
- Gushhina, E. G. 2019. *Etnograficheskoe sobranie Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i razvitiya (Ethnographic collections of the Imperial Kazan university: history of formation and development)*. *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom*

universitete (*Proceedings of The Society For History, Archaeology And Ethnography Affiliated to Kazan University*) 39 (1–2). Kazan (in Russian).

5. 1878. In Sreznevskii, V. I. (ed.). *Izvestija Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)*. 13. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov Tipography”. 101–103 (in Russian).

6. 1878. In Sreznevskii, V. I. (ed.). *Izvestija Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva (News of the Imperial Russian Geographical Society)*. 15. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov Tipography”. 101–103 (in Russian).

7. 1879. In Sreznevskii, V. I. (ed.). *Izvestija Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)*. 15. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov Tipography”. 84–85 (in Russian).

8. Zabudskii, O. 1925. *Nekotorye dannye k biografii arkheologa St. Kir. Kuznetsova (Information from the Biography of the Archaeologist S.K. Kuznetsov)*. *Trudy Malmyzhskogo muzeya mestnogo kraja. 1925. Ijul'-sentyabr' (Proceedings of the Malmyzh Museum of the Local Territory. July-September)*. 9. 101–103. Malmyzhskii kraevedcheskii muzei. Dossier 7685. Manuscript (in Russian).

9. Zagrebina, A. E. 2019. *Ocherki istorii finno-ugorskikh etnograficheskikh issledovanii v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) (Essays on the History of Finno-Ugric Ethnographic Studies in Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries))*. Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovanii (in Russian).

10. Ivask, U. G. 1913. In *Bibliograficheskie izvestiya (Bibliographic News)*. 3. 257–258 (in Russian).

11. 1879. In Sreznevskii, V. I. (ed.). *Izvestija Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva 1879 (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society 1879)*. 15. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov Tipography”. 1880. 135–150, 169–206 (in Russian).

12. Kuznecov, S. K. 1874. In *Vyatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)* 13, 3–4, 14, 3–4; 15, 3–4; 16, 3–4; 18, 4; 21, 4–5 (in Russian).

13. Kuznecov, S. K. 1882. In *Vyatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)* 84 (in Russian).

14. Kuznecov, S. K. 1884. In *Vyatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)* 12 (in Russian).

15. Kuznecov, S. K. 1884. In *Vyatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)* 12 (in Russian).

16. Kuznetsov, S. K. 1877, 1879. In *Drevnyaya i novaya Rossiya (Ancient and new Russia)* 8, 346–358; 5, 41–58 (in Russian).

17. Kuznetsov, S. K. 1882. *Arkheologo-etnograficheskie etyudy (Archaeological and Ethnographic Studies)*. Kazan: Typography of the Imperial Kazan University (in Russian).

18. Kuznetsov, S. K. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* III. Kazan, 394–410 (in Russian).

19. Kuznetsov, S. K. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* III. Kazan, 411–419 (in Russian).

20. Kuznetsov, S. K. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 50–52 (in Russian).

21. Kuznetsov, S. K. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 3. Kazan, 260–276 (in Russian).

22. Kuznetsov, S. K. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 3. Kazan, 326–329 (in Russian).

23. Kuznetsov, S. K. 1884. In *Kazanskie Gubernskie Vedomosti (Kazan Provincial Bulletin)* 25 (in Russian).

24. Kuznetsov, S. K. 1885. In Grigor'ev, A. S. (ed.). *Izvestija Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)*. 21 (6). Saint Petersburg: “A. S. Suvorin Tipography”. 449–479 (in Russian).

25. Kuznetsov, S. K. 1904. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*. 683. 24–49 (in Russian).

26. Kuznetsov, S. K. 1905. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 64 (1). 129–159 (in Russian).
27. Kuznetsov, S. K. 1906. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*. 68–69 (1–2). 29–51 (in Russian).
28. Kuznetsov, S. K. 1907. *Kul't umershikh i zagrobnye verovaniia lugovykh cheremis (The Cult of the Dead and Beliefs in Life after Death among the Meadow Cheremis)*. Vyatka: Provincial Typography (in Russian).
29. Kuznetsov, S. K. 1908. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 79 (4). 1–59 (in Russian).
30. Kuznetsov, S. K. 1910. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 84–85 (1–2). 76–113 (in Russian).
31. Kuznetsov, S. K. 1910. *Russkaya istoricheskaya geografiya. Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute v 1907–1908 g. Vyp. 1. (meria, meshchera, muroma, ves') (Russian historical geography. The course of lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908. Vol. 1 (The Meria, Meshhera, Muroma, Ves'))*. “Sinodal'naia tipografiia” Publ. (in Russian).
32. Kuznetsov, S. K. 1912. *Russkaya istoricheskaya geografiya. Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute v 1908–1909 g. Vyp. 2. (mordva). (Russian historical geography. The course of lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908. Vol. 2 (The Mordva))*. Moscow: “Tip. Pozhidaeva” Publ. (in Russian).
33. Mel'nikova, O.M. 2007. *Provintsial'noe arkheologicheskoe soobshchestvo Viatskoi, Kazanskoi, Permskoi gubernii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.). Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik (Provincial Archaeological Community of the Vyatka, Kazan and Perm Provinces (Second Half of 19th – early 20th cc. Biobibliographical Reference Book)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
34. Mikheeva, G. A. 2015. In Zagrebin, A. E. (ed.) *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavyanskikh narodov Kamsko-Vyatskogo regiona (The historical and cultural heritage of the Slavic peoples of the Kama-Vyatka region: Scientific almanac)*. Izhevsk: “Institute of Computer Research” Publ., 22–34 (in Russian).
35. Lytkin, V. I. et al. (eds.). 1976. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Mariiskii, permskie i ugorskie yazyki (Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics. The Mari, Perm and Ugric Languages)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
36. Popov, N. 2005. In *Finno-ugrovedenie (Finno-Ugric Studies)* (1), 58–78 (in Russian).
37. Potanin, G. N. 1880–1882. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 3. Kazan, 189–259 (in Russian).
38. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 4. Kazan, 59–63 (in Russian).
39. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 23–27 (in Russian).
40. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 4. Kazan, 11–12 (in Russian).
41. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 12–15 (in Russian).
42. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 19–22 (in Russian).
43. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 61–62 (in Russian).
44. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 45–47 (in Russian).
45. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 56–57 (in Russian).

46. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 49–52 (in Russian).

47. Semibratov, V. 1996. In Sergeev, V. D. (ed.). *Znatnye lyudi (Noble People) Entsiklopediya zemli Vyatskoi (Encyclopedia of the Vyatka Area)* 6. Kirov: “Vyatka” Publ., 236 (in Russian).

48. Semibratov, V. K. 2009. In Kuznecov, S.K. *Svjatyni. Kul't predkov. Drevnjaja istorija (Shrines. The Cult of Ancestors. Ancient History)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 5–15 (in Russian).

49. Smirnov, A. S. 2017. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Proceedings of the Society of History, Archaeology And Ethnography Affiliated to the Kazan University)* 37 (4). Kazan, 134–155 (in Russian).

50. Trubetskoi, N. S. 1913. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*. 96–97 (1–2). 325–331 (in Russian).

51. Kozmács, I. 2008. *Megvalósult gyermekálom (Munkácsi Bernát udmurtföldi útja)*. Bratislava: AB-ART (in Hungarian).

About the Author:

Zagrebin Alexei Ye. Doctor of Historical Sciences, Professor of the RAS, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation; zagreb72@izh.com

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

Средневековая культура народов Евразии и мусульманская археология

УДК 903.5 904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.20.35>

ТИПОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУРГАНОВ С «УСАМИ»¹

© 2020 г. И.В. Грудочко

Статья посвящена типологии и дискуссионному вопросу хронологии курганов с «усами» урало-казахстанских степей. За период с 1966–2017 гг. было предложено несколько концепций, которые отражают различные позиции исследователей по этим проблемам (М.К. Кадырбаев, А.З. Бейсенов, С.Г. Боталов). Причиной разногласий является то, что курганы с «усами» могли сооружаться возле объектов более ранних эпох, что и повлияло на их неправильную датировку в рамках раннекочевнической тасмолинской культуры. Неоднозначную трактовку получил предметный комплекс, который с точки зрения типологии обладает датирующими возможностями. Так, сторонники тасмолинской «версии» считают, что предметы I тыс. н. э. были впущены в насыпи курганов с «усами», а сторонники поздней (раннесредневековой) принадлежности полагают, что курганы с «усами» сооружались вблизи и на раннекочевнических памятниках. Кроме того, обе стороны констатируют малочисленность хорошо датируемых находок. Накопленные на сегодняшний день материалы, стратиграфические наблюдения и новейшие результаты радиоуглеродного датирования позволили автору предложить типологию, которая описывает центральное сооружение комплекса кургана с «усами» в зависимости от количества и расположения насыпей центрального сооружения и наличия/отсутствия курганов более древних эпох. Такой подход дает основание относить курганы с «усами» к эпохе IV–VII вв. н. э. и исключить более раннюю датировку.

Ключевые слова: археология, урало-казахстанские степи, эпоха Великого переселения народов, курганы с «усами», типология, хронология.

Курганы с «усами» являются оригинальной разновидностью археологических памятников, открытие которых относится к первой половине XX в. На сегодняшний день на территории Казахстана и России обнаружено и изучено множество комплексов данного типа. Последние годы отмечены достижением значительных результатов в картографировании и радиоуглеродной хронологии. Активные полевые исследования ведутся на Тургае и в Центральном Казахстане. В перспективе их возобновление на Южном Урале. Нам удалось собрать и систематизировать данные о 553

комплексах, обнаруженных в различных районах урало-казахстанских степей (Археологическая карта..., 1960; Кадырбаев, 1966, с. 308, рис. 1; Зданович и др., 2003; Ломан и др., 2004; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Свод памятников..., 2007; Свод памятников..., 2010; Мамедов, 2016; Кукушкин и др., 2016; Бейсенов и др., 2017; Бейсенов, Умиткалиев, Дуйсенбай, 2017; Ахияров, 2017; Batanina und andere, 2014, космоснимки SAS.Планета). Они неравномерно рассредоточены по районам, что связано, в том числе, с различной степенью изученности. Наибольшее количество встре-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Южный Урал в системе кочевого мира Евразии второй половины I тыс. н. э. (в контексте мультидисциплинарных исследований)» (№ 20-49-740011).

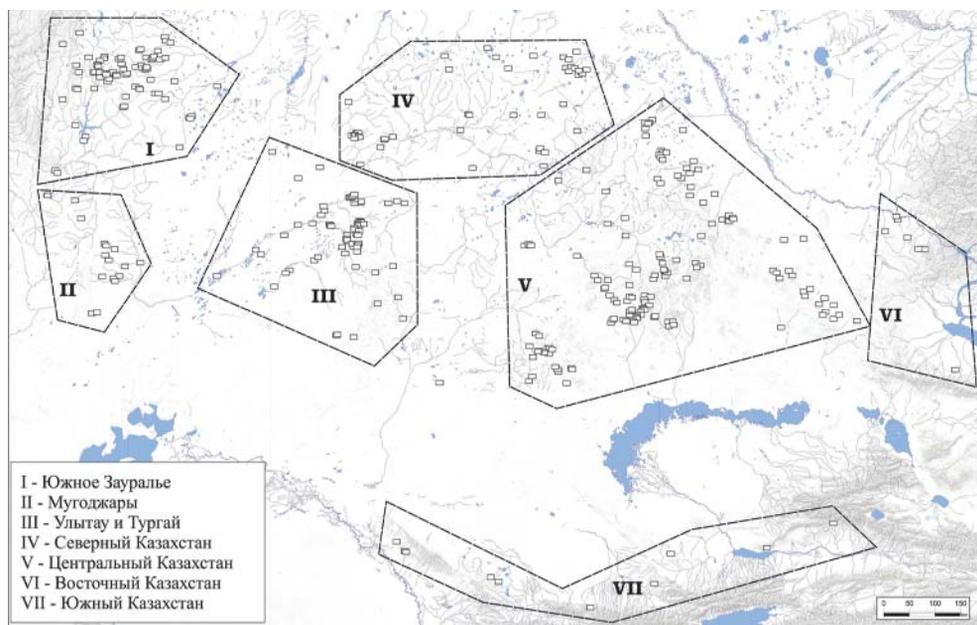

Рис. 1. Карта и районирование курганов с «усами».

Fig. 1. Map and zoning of the kurgans with “moustache”.

чено в Центральном Казахстане (241 памятник – 43%), затем в Тургайско-Улытауском районе (117 шт., 21%) и в Зауралье – 89 (16%). Менее представительны серии в Северном Казахстане (59 шт., 11%), Мугуджарах (20 шт., 4%), Восточном и Южном Казахстане (16 шт., 3%, и 11 шт., 2%, соответственно) (рис. 1).

Главная проблема изучения курганов с «усами» заключается в неоднозначном культурно-хронологическом определении этих памятников и сводится к дискуссионной трактовке составляющих элементов всего комплекса. Типология в данном случае выступает ключевым инструментом для понимания и решения этой проблемы. Закономерно то, что известные на сегодняшний день типологические схемы (М.К. Кадырбаев, А.З. Бейсенов, С.Г. Боталов) отражают разные авторские позиции по вопросу абсолютной хронологии курганов с «усами». В этой работе мы бы хотели

проследить, каким образом шло осмысление и интерпретация курганов с «усами», и предложить свою позицию в решении этого вопроса.

Первый исследователь, который попытался определить датировку курганов с «усами», был А.Х. Маргулан. Он обратил внимание на стелы в составе одного из комплексов на реке Жинишке. На них были нанесены знаки, напоминающие орхонское письмо, в связи с чем исследователь предложил относить их к раннему Средневековью (Маргулан, 1949, с. 12).

М.П. Грязнов, анализируя материалы довоенных лет, пришел к выводу о раннекочевнической принадлежности. В качестве доказательства он приводит комплекс Большое Чебачье с предметами I тыс. до н. э. из могильной ямы. Комплекс Дандыбай вовсе не содержал находок, но по соседству с ним находился еще один курган с захоронением эпохи ранних кочевников. Это дало основание предпо-

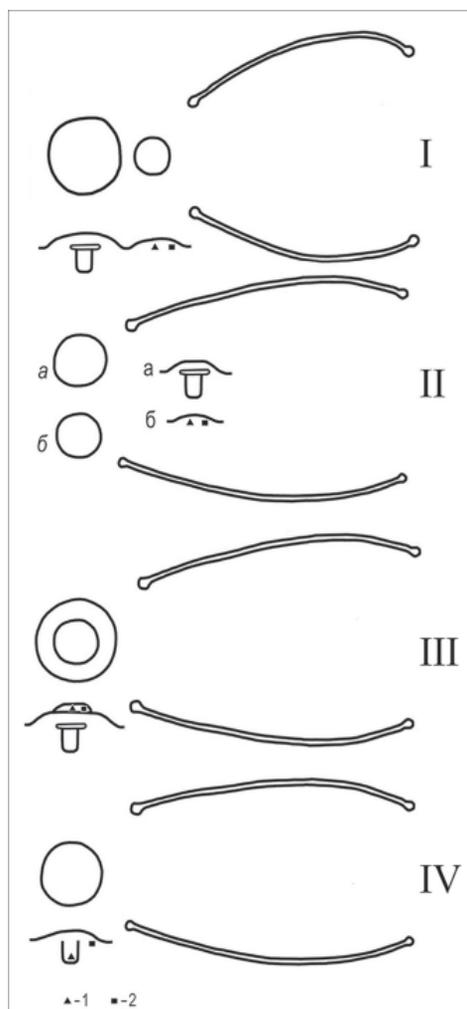

Рис. 2. Типология курганов с «усами»
М.К. Кадырбаева 1966 г.

1 – скелет или отдельные кости лошади;
2 – глиняный сосуд.

Fig. 2. Typology of kurgans with a “moustache”
by M.K. Kadyrbaev 1966. 1 – skeleton or
separate bones of the horse; 2 – ceramic pot.

ложить, что курган с «усами» датируется тем же временем (Грязнов, 1956, с. 9–10).

В 1966 году М.К. Кадырбаев предложил типологию курганов с «усами» (рис. 2). В ее основе лежал тезис о целостности всех составных элементов комплекса, включающий: погребальное сооружение (в большом кургане), поминальное (малый курган) и «усы».

Классической разновидностью он считал тип I, в котором различается большой погребальный и пристроенный к нему с востока малый курган. Остальные типы являются линиями развития типа I. М.К. Кадырбаев подчеркивал, что «рассмотрение в отдельности какого-либо элемента ведет к неверному пониманию комплекса в целом» (Кадырбаев, 1966, с. 309). На этом тезисе была основана тасмолинская принадлежность курганов с «усами». Однако дальнейшие исследования показывали, что этот комплекс имеет все-таки автономное положение относительно больших погребальных сооружений.

Эту мысль позже высказал С.С. Сорокин в работе, посвященной окологурганным сооружениям ранних кочевников. В частности, он указал на неодновременность поминального и погребального актов в кургане с «усами». В качестве примера он приводит знаменитый комплекс из могильника Тасмола, где погребение сакского времени является ранним погребальным актом, а сосуд на древней поверхности свидетельствует о более позднем поминальном действии (Сорокин, 1981, с. 24, 25).

Поправка С.С. Сорокина позволила А.З. Бейсену разработать новую типологию (рис. 3, 1996) и скорректировать первоначальную схему М.К. Кадырбаева: «Недостаточной стороной определения М.К. Кадырбаева являлась неразработанность проблемы, касающейся простой разновидности курганов с каменными грядами, состоящей только из одного центрального сооружения» (Бейсенов, 1996, с. 35). В своей типологии исследователь выделяет три типа, соответствующие планиграфическим особенностям головных курганов (рис. 2: 1–12). Ведущим типом

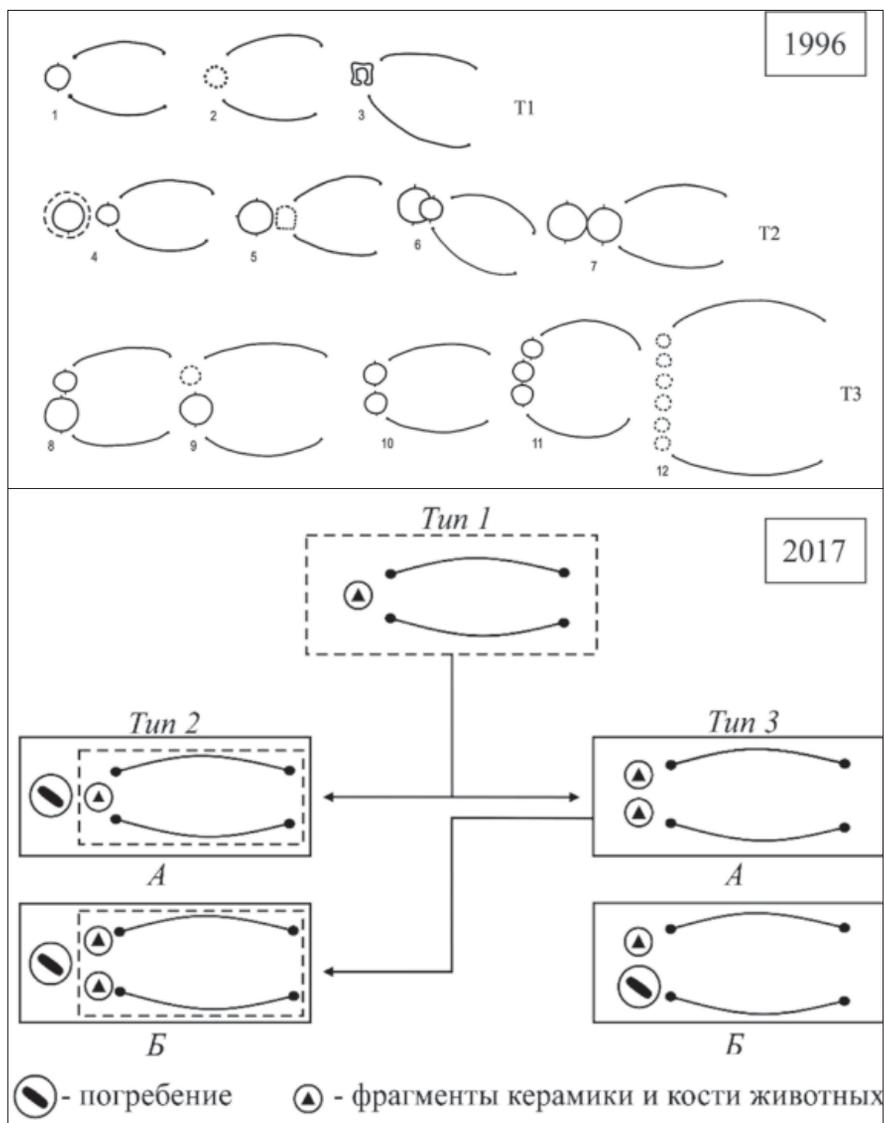

Рис. 3. Типология курганов с «усами» А.З. Бейсенова 1996 и 2017 гг.
 Fig. 3. Typology of kurgans with a "moustache" by A.Z. Besenov 1996 and 2017.

А.З. Бейсенов обозначил тип 1 – с одной насыпью: «Именно указанная разновидность сооружений является собственно курганом с каменными грядами» (Бейсенов, 1996, с. 39). Он становится типом 2, когда пристроен к погребальному сооружению с востока. Тип 3 предположительно назван им «промежуточным» между типами 1 и 2 (Бейсенов, 1996, с. 40).

Главным позитивным моментом работы А.З. Бейсенова является вывод о том, что определяющим фактором типовых различий является автономность расположения собственно системы кургана с «усами» или привязка этого комплекса к обыкновенному погребальному сооружению» (Бейсенов, 1996, с. 40). Однако это не ставило под сомнение синхронность

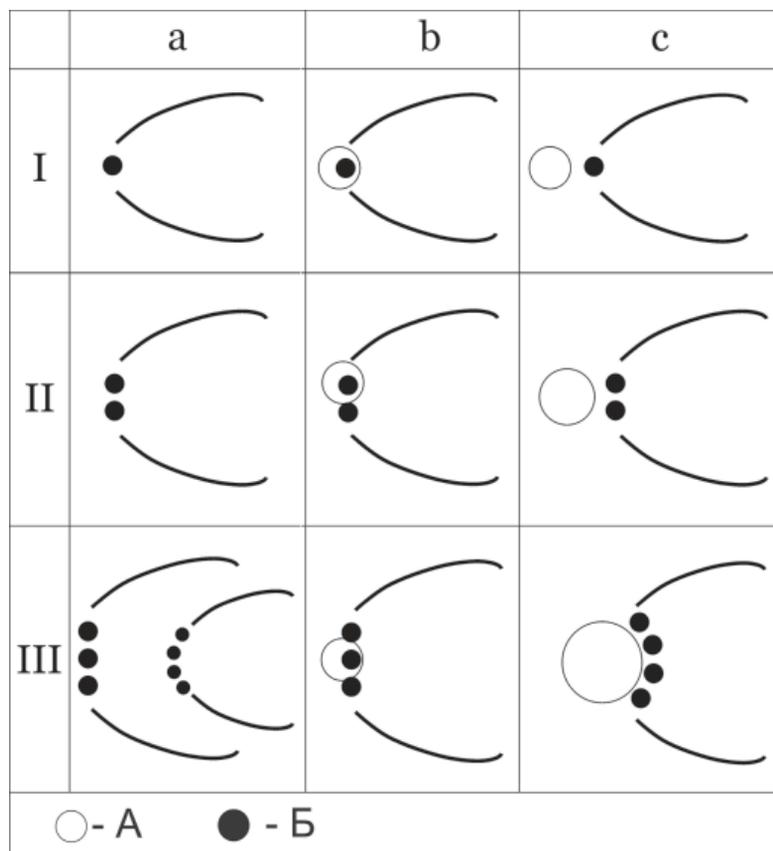

Рис. 4. Типология курганов с «усами» И.В. Грудочко. А – курган ранней эпохи; Б – головной курган комплекса с «усами».

Fig. 4. Typology of kurgans with a “moustache” by Ivan V. Grudochko. А – mound of the early era; В – kurgan by complex with “moustache”.

курганов с «усами» с тасмолинскими памятниками; весь раннесредневековый материал, который содержали на тот момент около десятка комплексов, обозначен впускным.

Примерно в то же время появились новые материалы по Южному Уралу, которые заставили челябинских исследователей (С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, И.Э. Любчанский) пересмотреть тасмолинскую версию и еще раз скорректировать типовые различия этих памятников. Единодушным стало мнение о существовании ведущих курганов с «усами» только двух типов – 1 и 3 (по А.З. Бейсенову). Тип 2, по мнению С.Г. Боталова, является

вариантом простейшего типа 1, который пристроен к насыпи более ранней эпохи (Боталов, 2000, с. 292). Исследователи также обращают внимание на факты двойной стратиграфии, разновременной планиграфии, проявляющиеся не только для пристроенного комплекса типа 2, но и для некоторых памятников с одной насыпью (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 91).

В 2017 году А.З. Бейсенов скорректировал свою типологическую схему (рис. 3, 2017). Классической моделью по-прежнему является ритуальный комплекс с одной насыпью. Типы 2 и 3 почти повторяют планиграфию центрального сооружения по версии

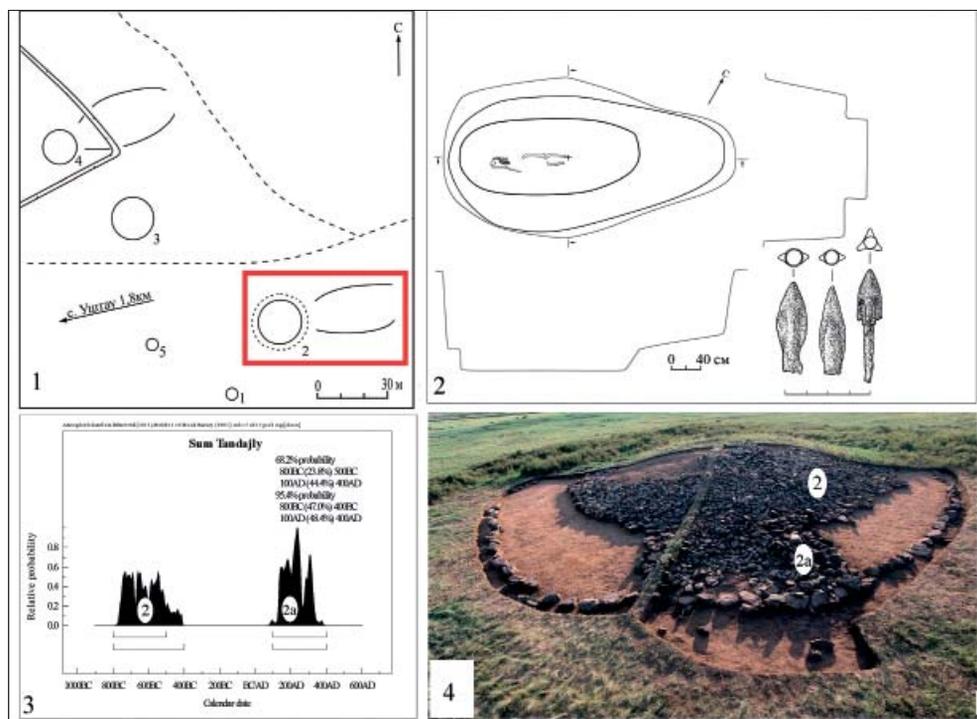

Рис. 5. Курган с «усами» типа Ic из могильника Тандайлы 2 (Бейсенов и др., 2016, с. 235, рис. 2, 1, 2, 4–7, табл. 2). 1 – общий план могильника; 2 – план могильной ямы и инвентарь из кургана 2; 3 – таблица радиоуглеродных дат из курганов 2 и 2а; 4 – общий вид на центральное сооружение; вид с востока.

Fig. 5. Kurgans with a “moustache” type Ic of the burial ground Tandaiyly 2 (Beisenov et al., 2016, p. 235, fig. 2, 1, 2, 4–7, table 2). 1 – general plan of the burial ground; 2 – grave pit plan and inventory from the mound 2; 3 – table of radiocarbon dates from mounds 2 and 2a; 4 – general view of the central structure; view from the East.

1996 года. Отмечено, что тип 3А приобретает форму 2Б, когда пристроен к большому погребальному сооружению. Ранее эта форма не была отмечена в схеме 1996 года. Введен новый признак – наличие погребения, которое определяет различие между вариантами 3А и 3Б, а в типе 2 является постоянным. Автономность комплекса с «усами» подчеркнута в типе 2, в типе 3 это не отмечается.

Таким образом, опыт типологий курганов с «усами» (Кадырбаев, 1966; Бейсенов, 1996; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Боталов, 2000, 2008) показывает, что главными признаками различий являются (а) планиграфия центрального сооружения,

(б) относительная хронология составляющих его элементов и (в) их погребальный/поминальный характер. С 1990-х гг. достигнуто согласие в том, что простейшей формой кургана с «усами» является ритуальный комплекс с одной центральной насыпью (Бейсенов, 1996, с. 40; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006). Разногласия возникают при определении хронологии, особенно в трактовке комплексов с двумя или более насыпями: были ли курганы с «усами» частью тасмолинского погребального обряда, или же древние курганы могли быть вторично использованы и переоборудованы для более позднего кургана с «усами». Данная проблема постепенно находит

свое решение благодаря поступлению новых материалов, особенно в области радиоуглеродной хронологии (Бейсенов, 2015–2017; Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016; Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017; Бейсенов и др., 2016).

На наш взгляд, главной задачей типологии является определение того, что является курганом с «усами», а что – инокультурными элементами, поэтому классификация должна быть основана на двух взаимодополняющих друг друга признаках (рис. 4). Первый – количество и расположение курганов центрального сооружения (римские цифры). Второй – факт использования (или неиспользования) ранней насыпи в ансамбле кургана с «усами» (индексы «а», «b», «с») (рис. 4: А). Признак «человеческое захоронение» нами не учитывается, поскольку имеет случайный или исключительный фактор.

Модель Ia составляет большинство исследованных комплексов Зауралья (Оленина Отнога, Новокоңдуровский, Городищенское IX, Суходол, Рымникский, Медес, Новоактубинский, Солончанка IX, Кызыл-Жар), Центрального и Северного Казахстана (Дандыбай, Былкылдак (курган 16), Ботакара (курган 55), Шидерты, Ак-Кайракты, Карагайлы 2-3, Акмустафа 2, Атасу-2, Унирек 2) (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 32–42; Любчанский, Бытковский, 2006; Грудочко, 2013; Грязнов, 1956, с. 9; Кадырбаев, 1958, с. 102; Досымбаева, 2013, с. 562–564, рис. 2; Бейсенов и др., 2018; Курманкулов, Утубаев, Касенова, 2018). Они демонстрируют типичную картину жертвенно-поминальных традиций курганов с «усами», главными чертами которой являются каменная архитектура на-

сыпи, стабильное отсутствие человеческих погребений, установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного инвентаря, остатки продуктов горения, кости животных (как правило, лошади). Типологическая близость керамики, узкие радиоуглеродные даты, согласующиеся с датировкой предметного комплекса в пределах V–VII вв., позволяют идентифицировать простейший тип Ia. Именно его следует считать индикатором историко-культурного комплекса «курганы с «усами», к чему единогласно пришли исследователи на современном этапе.

Единовременные комплексы с двумя и более насыпями составляют типы IIa и IIIa. При том, что подкурганный обряд имеет такой же характер, что и в предыдущем типе, он отличается количеством насыпей. Особенно показателен исследованный на современном уровне комплекс Солончанка I, который демонстрирует сходство обряда всех трех насыпей, планиграфическую цельность комплекса и отсутствие инокультурного материала (Любчанский, Таиров, 1999).

Тип Ib и IIb характеризуется тем, что комплексы сооружены на погребальных курганах более ранней эпохи, при этом подкурганный обряд на древнем горизонте совпадает с обычным для курганов с «усами» обрядом (Тасмола, Кайнсай, Кара-Бие, Толагай, Карамурун, Большое Чебачье) (Грязнов, 1956, с. 9, 10, рис. 1, 2; Кадырбаев, 1958, с. 96–99, табл. 1, 2, рис. 1; Кадырбаев, 1959, с. 169–173, рис. 7; Кадырбаев, 1966, с. 355–357, рис. 48, 49; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 56, 57, рис. 38). В качестве показательного примера необходимо отметить комплекс Тасмола (курган 19), который, исходя из описа-

ний раскопок (Кадырбаев, 1962, с. 71–77), сооружен на насыпи раннесакского времени. Несмотря на эти и другие нюансы, группа памятников Ib, Ib считается показательной в пользу раннекочевнической принадлежности всех курганов с «усами».

Таковую же ситуацию, но в более стандартизированной планиграфической форме демонстрирует следующий тип Ic. Это комплексы из Центрального Казахстана (Назар, 37 воинов, Бугулы (курган 13), Бес-Оба – колхоз им. Сталина (курган 2), Кара-Бие (курган 15), Канаттас (курган 12а), Киик-Су, Ельшибек, Сангуыр II (курганы 1–3), Нуркен 2 (курган 6), Ботакара (курган 1), Ак-Булак II (курган 1), Нурманбет II (курган 4), Койтас, Бесоба, Жамантас, Тандайлы-2) (Кадырбаев, 1958, с. 99, 100–102; Кадырбаев, 1959б, с. 164–168, 174–176, 178; Кадырбаев, 1961; Кадырбаев, 1966, с. 345; 348, 349; Бейсенов, 2007; Бейсенов, 2016, 2017; Бейсенов и др., 2016; Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017), Восточного Казахстана (Зевакино (курган 2), Кызылтас (курган 1)) (Арсланова, 1975, с. 118–121) и Южного Зауралья (Елизаветпольский) (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 85–87). Весь ансамбль представляет собой большой курган ранней эпохи, к которому с восточной стороны пристроен комплекс с «усами». В целом они собраны и проанализированы в монографии южноуральских исследователей (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 76–91). Здесь хотелось бы остановиться на новых и недавно введенных материалах двух центральноказахстанских комплексов – 37 воинов, Назар, Тандайлы 2 и Жамантас. Первый в основном исследован еще в 1952 (Кадырбаев, 1958, с. 99). Он состоит из кургана с «усами», большого

кургана с кольцевой оградой и ряда 37 выкладок с северной стороны. Недавно исследования возобновлены А.З. Бейсеновым, который раскопал одну из северных выкладок с дромосной могилой (Бейсенов, 2015). Из нее получена радиоуглеродная дата, определяющая вероятное время совершения погребения в пределах VIII–V вв. до н. э. Известен также сосуд, относящийся к комплексу с «усами», точная локализация которого, судя по первой публикации М.К. Кадырбаева, не ясна (Кадырбаев, 1958, с. 99). Сам сосуд имеет типологическое сходство с керамическим материалом других курганов с «усами» (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 122, 125–127, рис. 68, 7–13) и не имеет аналогов в более раннее время. Вполне вероятно, что кольцевая ограда большого кургана была разобрана и на этом месте сооружен головной курган комплекса с «усами». То есть имеющиеся данные позволяют говорить как минимум о двух хронологических горизонтах. К наиболее раннему следует относить цепочку северных выкладок (или часть выкладок) и большой курган. Ко второму – курган с «усами» и керамический сосуд.

В комплексе Назар также прекрасно прослеживается факт разновременной и разнокультурной ситуации. Он состоит из большого (раннего) кургана, окруженного кольцевой каменной оградкой. Разрыв кольцевой оградки фиксируется в восточной части – там, где помещен малый курган с «усами». На общем плане «до раскопок» малый курган немного перекрывает восточную полу насыпи большого кургана, что указывает на относительную последовательность этих сооружений (Бейсенов, 2016, с. 85, 90, 91, рис. 2, 3). В малом кургане на древней по-

Таблица 1

Распределение курганов с «усами» по типам «а, b» и «с».

	I (a, b)	II (a, b)	III (a, b)	Ic	IIc	IIIc	всего
Южный Урал (I)	54	6	7	3	-	-	70
Мугоджары (II)	11	2	-	-	-	-	13
Тургай (III)	56	18	6	7	3	-	90
Северный Казахстан (IV)	34	4	3	-	-	-	41
Центральный Казахстан (V)	74	17	5	89	5	1	191
Восточный Казахстан (VI)	7	2	-	7	-	-	16
Южный Казахстан (VII)	3	1	-	-	-	-	4
Всего	239	50	21	106	8	1	425

верхности обнаружена донная часть лепного сосуда и кинжал гуннского времени – IV–V вв. н. э. В большом кургане открыто дромосное погребальное сооружение, отнесенное к раннесакскому периоду VIII–VI вв. до н. э. (Бейсенов, 2016, с. 86, 88). Еще два кургана того же времени (Назар-2) находились в 3 км к востоку. Их ранняя дата подтверждается наличием аналогичных дромосных конструкций, бронзовым наконечником стрелы в одной из них и радиоуглеродными датами (Бейсенов, 2016, с. 87, табл. 3). Но в насыпь одного из этих курганов было впущено погребение V в. с мечом и колчаном из железных ромбических наконечников стрел (Бейсенов, Китов, 2013; Бейсенов, 2016, с. 86). Таким образом, здесь довольно уверенно прослеживается ранний – раннесакский горизонт, в рамках которого оставлены все большие курганы с дромосными погребениями, и поздний – впускное погребение V в. и курган с «усами».

Комплексы Тандайлы 2 (рис. 5) и Жамантас тоже представляют собой классическую модель Ic. Надо сказать, что здесь впервые получены радиоуглеродные даты со всех объектов центрального сооружения, указывающие на значительный интервал между их постройками. Даты из большого кургана относятся к раннему железу

ному веку (2468±28 и 2471±32) (УВА-28347 и УВА-28349 соответственно), тогда как головной курган комплекса с «усами» был сооружен на 700–800 лет позже (1795±36 и 1654±30) (УВА-28348 и УВА-24912 соответственно) (Бейсенов и др., 2016, с. 236, табл. 2; Бейсенов и др., 2017, с. 231, табл. 1).

Специфической особенностью подтипов «b» и «с» (Ib, Ic, IIb, IIc, IIIb) является то, что курганы с «усами» воздвигались на площадках могильников или непосредственно на курганах раннего времени, причем зачастую («с») были пристроены с восточной стороны насыпей больших размеров. Особенно показательна эта традиция проявляется в Центральном Казахстане, при этом следует отметить, что насыпь ранней эпохи была органично включена в архитектурный ансамбль кургана с «усами» (37 воинов, Назар и др.). Археологически эти факторы фиксируются резким различием архитектуры курганов с «усами» по отношению к более ранним, частыми случаями перекрытия большого кургана малым и никогда наоборот. То есть в случаях двойной стратиграфии курган с «усами» уверенно занимает более позднее положение.

Посмотрим, как географически распределяются описанные типы (табл. 1). Из известных нам памятников планы насыпей и конфигурация

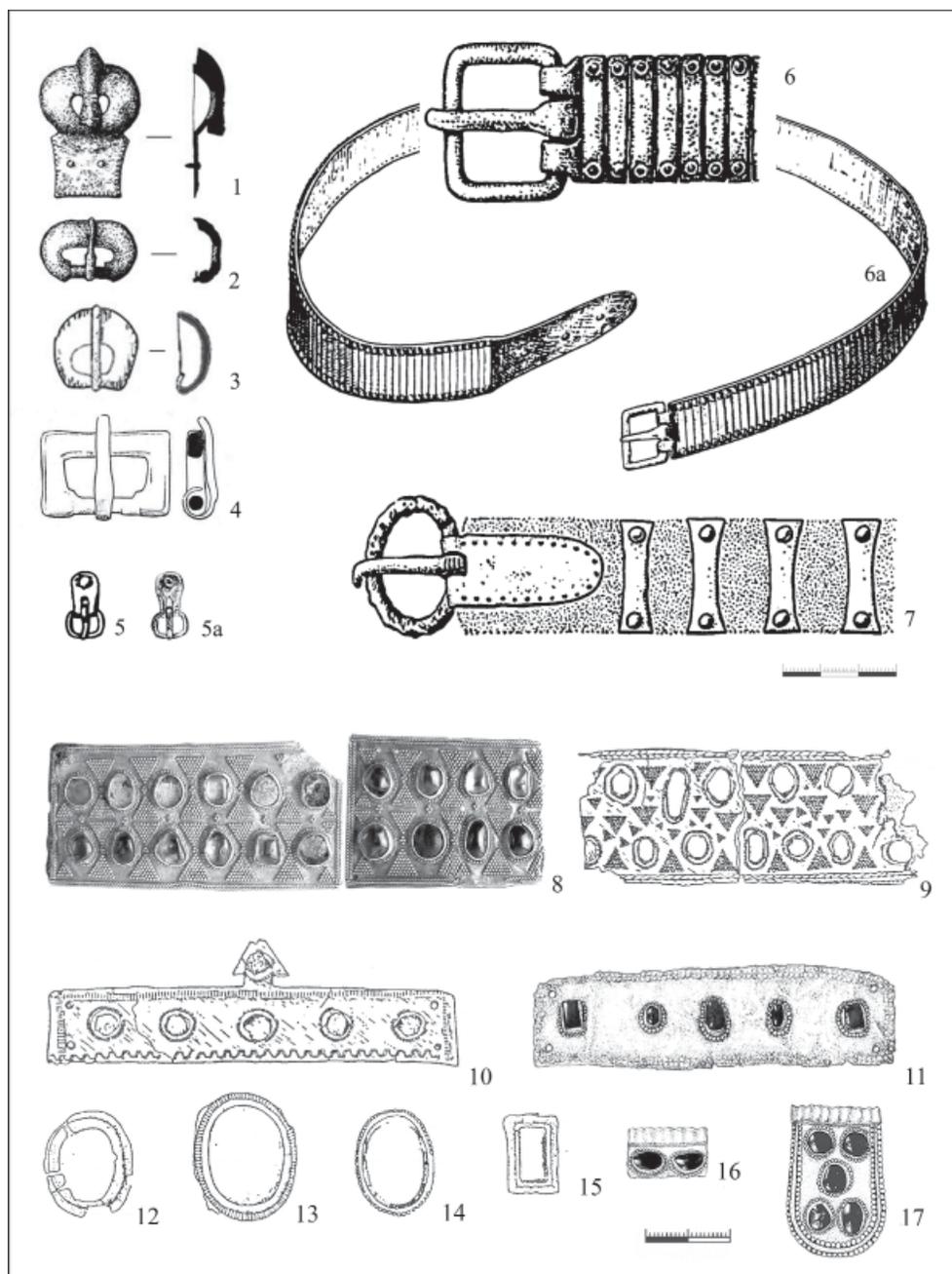

Рис. 6. Инвентарь из курганов с «усами» и синхронных погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1, 2 – Каменный Амбар (курган 6); 3 – Аркаим; 4 – Боровое; 5, 5а, 6, 6а, 8 – Канатгас (курган 19); 5/5а – варианты прорисовки пряжки (Кадырбаев, 1959; Археологическая карта..., 1960); 6а – реконструкция пояса; 7 – Зевакино (курган 1); 9, 10, 12–15 – Солончанка I; 11, 16, 17 – Атасу-2.

Fig. 6. Inventory from the kurgans with “moustache” and synchronous burial monuments of the 5th–6th centuries in the Ural-Kazakhstan steppes. 1, 2 – Kamenny Ambar (mound 6); 3 – Arkaim; 4 – Borovoe; 5, 5а, 6, 6а, 8 – Kanattas (mound 19); 5/5а – variants of drawings the buckle (Kadyrbayev, 1959; Archaeological map..., 1960); 6а – reconstruction of the belt; 7 – Zevakino (mound 1); 9, 10, 12–15 – Solonchanka I; 11, 16, 17 – Atasu-2.

их расположения известна для 425 (100%) комплексов. Наиболее распространенным и многочисленным для всех территорий является автономный комплекс с одной насыпью (239) – 56%, в числе которых и тип Ib, построенный непосредственно на объекте ранней эпохи – в большинстве случаев они выявляются только в процессе раскопок. Меньшее количество составляют комплексы с двумя (50) – 12%, и тремя (21) – 5%, насыпями. Наибольший интерес представляет разновидность Ic, представленная 106 памятниками (25%). Если в Южном Зауралье их встречено всего 3, то на Тургае их уже 7, а в Центральном Казахстане – 89. Более сложные сооружения Iic и IIic вовсе не встречены в Зауралье, зато они известны в Центральном Казахстане (8 и 1 соответственно).

Показательно привести региональные соотношения типов. В Южном Зауралье из 70 (100%) известных памятников к типам Ia и Ib относится 54 (77%) комплекса и всего 3 (4%) к типу Ic. Другую ситуацию демонстрирует Центральный Казахстан, где из 191 (100%) памятника 74 (39%) составляют разновидности Ia и Ib и 89 (46%) – Ic. Данное региональное различие, по нашему мнению, может характеризовать поведение мигрантов, желающих приобщиться к сакральным площадкам древних предков – обитателей этих мест. Это можно объяснить тем, что Центральный Казахстан (Восточная Сары-Арка) насыщен большими курганами раннесакской эпохи, которые, если исходить из рационального подхода, были удобной сырьевой строительной базой. Именно поэтому большинство курганов с «усами» сооружались в непосредственной близости от больших курганов. По мере удале-

ния на запад курганы с «усами» приобретали все большую автономность. Традиция каменной архитектуры сохранилась, однако уже не было такого обилия каменных курганов.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что все типы курганов с «усами», если отбросить очевидные инокультурные элементы, объединяются схожими чертами, которые заключались в одноразовом жертвенно-поминальном акте. В «чистом» виде они проявляются в подтипах «а» (Ia, IIa, IIIa). В исключительных случаях в них совершались человеческие захоронения (Канаттас, Зевакино, возможно, Султантемировский, возможно, Егиз-Койтас). Выделенные типы (I, II, III) отличаются количеством насыпей, но функционально объединяются теми же жертвенно-поминальными традициями. Среди главных признаков можно назвать каменную архитектуру насыпи, наземный характер жертвенно-поминальных действий, стабильное отсутствие человеческих погребений (с исключениями), установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного предметного комплекса, остатки кострищ, отдельные кости животных (как правило, лошади) или целые туши. Все эти признаки хорошо продемонстрированы в типах Ia, IIa, IIIa, в которых достоверно прослежено отсутствие инокультурных включений. Определяющим и наиболее распространенным типом является тип I, к чему пришли исследователи в 1990-х гг. (Бейсенов, 1996; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006). Инвентарь из этих курганов с «усами», а также синхронных погребальных комплексов урало-казахстанских степей согласуется с известными на сегодняшний день радиоуглеродными датами и

относится к IV–VII вв. н. э. (рис. 6) (В рисунке 6 приведены предметы IV–VI вв. без учета кушнареновской керамики VI–VII вв. из двух зауральских комплексов).

Приведенные в статье материалы по курганам с «усами» еще раз подчеркивают, что подтипы «b» и «с» характеризуют одновременные комплексы, когда курганы с «усами» воздвигались на площадках могильников или непосредственно на курганах раннего времени, причем зачастую («с») были пристроены с восточной сторо-

ны (рис. 5). Несмотря на чужеродный характер, насыпь ранней эпохи становилась частью архитектурного ансамбля кургана с «усами» (что и повлияло на неверную культурно-хронологическую идентификацию памятников). Эта традиция имеет региональную особенность и хорошо проявляется в Центральном и Восточном Казахстане. Менее заметна эта традиция в западных районах – Тургай и Зауралье, где курганы с «усами» в большинстве случаев имеют автономную локализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Казахстана. / Отв. ред. Е.И. Агеева, К.А. Акишев. Алматы: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. 488 с.
2. Бейсенов А.З. Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия Министерства науки Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1996. № 2. С. 31–40.
3. Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 1. С. 6–12.
4. Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. № 1(14). С. 84–93.
5. Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции / Отв. ред. А.З. Бейсенов / Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 2. С. 31–37.
6. Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В. Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы 2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Бердников, Е.А. Липнина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 233–239.
7. Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. № 3(20). Т. 6. С. 227–231.
8. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С.Г. Боталов, Отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 462–468.
9. Бейсенов А.З., Логвин А.В., Базарбаева Г.А., Грудочко И.В., Сеитов А.М. Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. С. 38–49.
10. Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Агасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3(25). С. 103–117.
11. Бейсенов А.З., Умиткалиев У., Дуйсенбай Д.Б. Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами» // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан / Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 2. С. 50–60.
12. Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сары-Арка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия,

палеоэкология, культуры / Отв. ред. И.М. Бердников, Е.А. Липнина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. Вып. 5. С. 249–255.

13. *Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.

14. *Боталов С.Г.* Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье. Т. II. / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 207–366.

15. *Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э.* Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

16. *Грудочко И.В.* Рымникский курган с «усами»: итоги исследований // Наука ЮУрГУ: материалы 65-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук: в 2 т. Т. 1. / Отв. за вып. С.Д. Ваулин. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 163–166

17. *Грязнов М.П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956. С. 8–16.

18. *Досымбаева А.М.* Усуньский археологический аспект в истории гуннов и тюрков Центральной Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С.Г. Боталов, Отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 545–629.

19. *Кадырбаев М.К.* Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1962. Вып. 1(18). С. 70–83.

20. *Кадырбаев М.К.* О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1958. Вып. 1(6). С. 95–104.

21. *Кадырбаев М.К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1959. С. 162–203.

22. *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

23. *Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р., Касенова А.Д.* Археологические исследования «кургана с усамы» Унирек 2 в Шетском районе // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения - 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие (19–20 апреля 2018 года)» / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы-Актобэ: Типография ЖК С. Т. Жанәділов, 2018. С. 291–294.

24. *Любчанский И.Э., Бытковский О.Ф.* Курганы с «усами»: Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокоңдуровский I // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов» / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 374–385.

25. *Любчанский И.Э., Таиров А.Д.* Археологическое исследование комплекса курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 5–62.

26. *Маргулан А.Х.* Отчет о работах Центрально-казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР, серия археологическая. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1949. Вып. 2. № 67. С. 3–36.

27. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область / Отв. ред. Е.М. Арын, Г.М. Камалова. Алматы: Аруна, 2010. 600 с.

28. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область / Отв. ред. В.Ф. Зайберт, Г.М. Камалова. Алматы: Аруна, 2007. 495 с.

29. *Сорокин С.С.* К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Вып. 22. Л.: Искусство, 1981. С. 23–39.

30. *Batanina Ija M., Batanina Natal'ja S., Levit Ninel' V. und Kaiser Elke* Archäologisch Karte des Flusstals Karagajly-Ajat. Eine Region des vorgeschichtlichen Eurasiens aus der Vogelperspektive // Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Bonn. 2014. P. 199–305.

Информация об авторе:

Грудочко Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего об-

разования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» (г. Челябинск, Россия); grudochkoivan@mail.ru

TYPOLOGY AND CULTURAL-CHRONOLOGICAL INTERPRETATION OF KURGANS WITH 'MOUSTACHE'

I.V. Grudochko

The paper addresses the typology and a debatable issue of the chronology of kurgans with 'moustache' in the Ural-Kazakhstan steppes. Several concepts were proposed over the period from 1966–2017 reflecting the different viewpoint of researchers on these issues (M.K. Kadyrbaev, A.Z. Beysenov, S.G. Botalov). The reason for disagreement is that kurgans with 'moustache' could have been constructed near earlier sites, which influenced their incorrect dating within the framework of the early nomadic Tasmola culture. The complex of items, which has dating capabilities from the viewpoint of typology, has received an ambiguous interpretation. Thus, the supporters of the Tasmola 'version' are convinced that the items of the 1st Millennium AD were added to the kurgans with 'moustache', and the supporters of the late (Early Medieval) affiliation presume that the kurgans with 'moustache' were constructed near and at the site of early nomadic monuments. Besides, both parties note the small number of well-dated finds. The presently accumulated materials, stratigraphic observations and the latest radiocarbon dating results have allowed the author to propose a typology describing the central structure of the complex kurgan with 'moustache' depending on the number and location of the central structure's mounds and the presence/absence of earlier barrows. This approach gives grounds to attribute the kurgans with 'moustache' to the period of the 4th–7th centuries AD and to rule out earlier dating.

Keywords: archaeology, Ural-Kazakhstan steppes, the era Great Migration period, kurgans with 'moustache', typology, chronology.

REFERENCES

1. In Ageeva, E. I., Akishev, K. A. (eds.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological Map of the Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
2. Beisenov, A. Z. 1996. In *Izvestiya Ministerstva nauki Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Ministry of Science - Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series)* 2. 31–40 (in Russian).
3. Beisenov, A. Z. 2015. In *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences)* 15. No. 1, 6–12 (in Russian).
4. Beisenov, A. Z. 2016. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 14 (1), 84–93 (in Russian).
5. Beisenov, A. Z. 2017. In Beisenov A. Z. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye. Sbornik statey, posvyashhennyiy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation. Collection of Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition)*. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 31–37 (in Russian).
6. Beisenov, A. Z., Duisenbai, D. B., Akhiyarov, I. K., Svyatko, S. V. 2016. In Berdnikov, I. A., Lipnina, E. A. (eds.). *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures)* 5. Irkutsk: "ISU" Publ., 233–239 (in Russian).
7. Beisenov, A. Z., Duisenbai, D. B., Svyatko, S. V. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 20 (3), Vol. 6, 227–231 (in Russian).
8. Beisenov, A. Z., Kitov, E. P. 2013. In Botalov, S. G. (ed.-in-chief), Kradin, N. N., Lyubchanskiy, I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (The Huns Forum Origin and Identification Issues of the Eurasian Huns Culture)*. Chelyabinsk: Cheliabinsk: South Ural State University Publ., 462–468 (in Russian).

The work was completed with the financial support of the RFBR grant "The Southern Urals in the system of the Nomadic World of Eurasia in the second half of the first Millennium AD (in the context of multidisciplinary research)"(No. 20-49-740011).

9. Beisenov, A. Z., Logvin, A. V., Bazarbayeva, G. A., Grudochko, I. V., Seitov, A. M. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbonik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition) 2*. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 38–49 (in Russian).
10. Beisenov, A. Z., Torgoev, A. I., Duysenbai, D. B., Akhiyarov, I. K. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 103–117 (in Russian).
11. Beisenov, A. Z., Umirkaliev, U., Duysenbai, D. B. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbonik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition) 2*. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 50–60 (in Russian).
12. Beisenov, A. Z., Umirkaliev, U. U., Kul'kova, M. A. 2016. In Berdnikov, I. A., Lipnina, E. A. (eds.). *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury (Eurasia during the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures)* 5. Irkutsk: "ISU" Publ., 249–255 (in Russian).
13. Botalov, S. G. 2009. *Gunny i tiurki (istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya) (The Huns and Turks (Historical and Archaeological Reconstruction)*. Cheliabinsk: "Rifean" Publ. (in Russian).
14. Botalov, S. G. 2000. In Ivanova, N. O. (ed.). *Drevniaya istoriya Iuzhnogo Zaural'ya. Ranniy zheleznyi vek i srednevekov'e (Ancient History of the South trans-Urals. Early Iron Age and Middle Ages)* 2. Chelyabinsk: South Ural State University, 207–366 (in Russian).
15. Botalov, S. G., Tairov, A. D., Lyubchanskii, I. E. 2006. *Kurgany s «usami» uralo-kazakhstanskikh stepei (Barrows with "wiskers" in the Ural and Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
16. Grudochko, I. V. 2013. In Vaulin, S. D. (ed.). *Nauka YuUrGU: materialy 65-i nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk (Science of South Ural State University: Proceedings of the 65th Scientific Conference. Social and Humanitarian Science Sections)* 2 (1). Chelyabinsk: South Ural State University, 163–166 (in Russian).
17. Gryaznov, M. P. 1956. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 61 Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 8–16 (in Russian).
18. Dosymbaeva, A. M. 2013. In Botalov, S. G. (ed.-in-chief), Kradin, N. N., Lyubchanskii, I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (The Huns Forum Origin and Identification Issues of the Eurasian Huns Culture)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 545–629 (in Russian).
19. Kadyrbaev, M. K. 1962. In *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya istorii, arkheologii i etnografii. (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. History, Archaeology and Ethnography Series)*, 1 (18), 70–83 (in Russian).
20. Kadyrbaev, M. K. 1958. In *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya istorii, arkheologii i etnografii. (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. History, Archaeology and Ethnography Series)*, 1 (6), 95–104 (in Russian).
21. Kadyrbaev, M. K. 1959. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 162–203 (in Russian).
22. Kadyrbaev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbaev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevniaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303–433 (in Russian).
23. Kurmankulov, Zh. K., Utubaev, Zh. R., Kasenova, A. D. 2018. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie (19–20 aprelya 2018 goda) (Margulan Readings - 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage (April 19–20, 2018))*. Almaty-Aktobe: "S. T. Zhanadilov Tipografy" Publ., 291–294 (in Russian).
24. Lyubchanskiy, I. E., Bytkovskii, O. F. 2006. In Botalov, S. G. et al (eds.). *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problema kul'turogeneza) (Archaeology of the South Urals. The Steppe (Issue of Cultural Genesis)*. Series: Ethnic genesis of the Ural peoples. Chelyabinsk: "Riphey" Publ., 374–385 (in Russian).

25. Lyubchanskiy, I. E., Tairov, A. D. 1999. In Tairov, A. D. (ed.). *Kurgan s «usami» Solonchanka I (Kurgan with “wiskers” Solonchanka I)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 5–62 (in Russian).

26. Margulan, A. Kh. 1949. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya arkheologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeological series)* 67 (2). Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 3–36 (in Russian).

27. In Aryn, E. M., Kamalova G. M. (eds.). 2010. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazakhstan. Pavlodarskaya oblast' (Corpus of Sites of Historical and Cultural of the Republic of Kazakhstan. Pavlodar Region)*. Almaty: “Aruna” Publ. (in Russian).

28. In Zaybert, V. F., Kamalova, G. M. (ed.). 2017. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazakhstan. Akmolinskaya oblast' (Corpus of Sites of Historical and Cultural of the Republic of Kazakhstan. Akmola Region)*. Almaty: “Aruna” Publ. (in Russian).

29. Sorokin, S. S. 1981. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 22. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 23–39 (in Russian).

30. Batanina, Ija M., Batanina, Natal'ja S., Levit, Ninel' V. und Kaiser, Elke 2014. In *Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation)*. Bonn. 199–305 (in German).

About the Author:

Grudochko Ivan V. Candidate of of Historical Sciences. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “South Ural State University (national research university)” FSAEIH SUSU (NRU). Lenin ave., 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grudochkoivan@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.36.49>

МОНГОЛИЯ В ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ¹

© 2020 г. Н.Н. Серегин, С.С. Матренин

Статья посвящена обобщению материалов жужанского времени, полученных в ходе раскопок на территории Монголии. Представлен обзор истории исследования и интерпретации памятников второй половины IV – первой половины VI вв., расположенных в различных частях страны. Авторами осуществлена характеристика сопроводительного инвентаря из комплексов жужанского времени, на основании чего предложены датировки для каждого объекта. Установлено, что широкие аналогии находкам из погребений Монголии имеются в памятниках кочевников Алтае-Саянского региона и Забайкалья, а также комплексах сяньби и когуре Восточной Азии. Кроме того, отчетливо выделяются западные связи, очевидно, демонстрирующие сложные миграционные процессы эпохи Великого переселения народов. Погребальный обряд, зафиксированный в ходе исследования объектов жужанского времени, характеризуется высокой степенью вариабельности показателей. В целом, имеющиеся материалы отражают существование неоднородного социума, включавшего различные группы населения, на непродолжительное время объединенные в составе Жужанского каганата.

Ключевые слова: археологические памятники, жужанское время, Монголия, погребальный обряд, предметный комплекс, хронология, интерпретация.

Введение

В результате многолетних полевых исследований на территории Монголии, в том числе весьма продуктивных работ, осуществленных в конце XX – начале XXI столетий, археологическими материалами в разной степени обеспечены практически все этапы древней и средневековой истории страны. Одним из немногих «белых пятен» остается жужанское время (2-я пол. IV – 1-я пол. VI вв. н. э.). Между тем данный период имеет принципиальное значение как для понимания сложных этнокультурных и социально-политических явлений эпохи Великого переселения народов, так и для реконструкции процессов сложения кочевых империй раннего Средневековья. Фрагментарность археологических материалов существенным образом ограничивает возможности полноценных исследова-

ний в указанном направлении. В связи с этим весьма актуальным является детальный анализ единичных памятников жужанского времени, раскопанных в различных частях Монголии в последние десятилетия. В настоящей статье представлены возможности интерпретации известных объектов обозначенного региона 2-й пол. IV – 1-й пол. VI вв. н. э., материалы которых оказались достаточны для рассмотрения культурно-хронологической принадлежности комплексов, постановки вопроса об исторических судьбах оставившего их населения, а также определения перспектив и направлений дальнейших исследований.

Обзор материалов

Традиционно история жужаней основывается на сведениях письменных источников – китайских династийных хроник. Перипетии социально-политических процессов, происходивших

¹ Обобщение сведений о памятниках Монголии жужанского времени проведено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии (проект №19-59-44013). Культурно-хронологическая интерпретация анализируемых материалов осуществлена в рамках реализации проекта РНФ №20-78-10037.

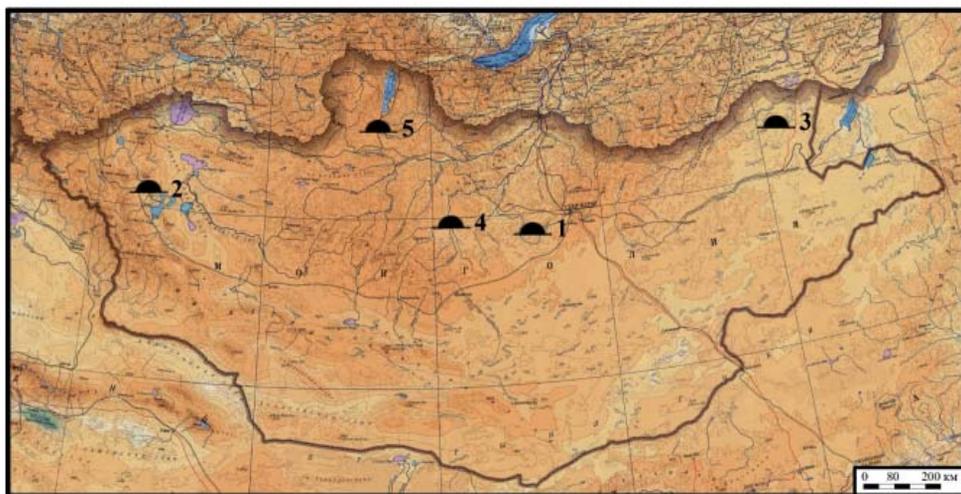

Рис. 1. Карта распространения памятников, рассматриваемых в статье (1 – Баруун Хайрхан; 2 – Урд Улаан Унээт; 3 – Хох нуур; 4 – Талын гурван хэрэм; 5 – Худгийн Хазан).

Fig. 1. Map of the distribution of the sites considered in the paper (1 – Baruun Khairhan; 2 – Urd Ulaan Uneet; 3 – Hoh Nuur; 4 – Talyn Gurvan Herem; 5 – Khudgyn Khazan).

в Монголии во 2-й пол. IV – 1-й пол. VI вв., представлены в целом ряде обобщающих работ (Крадин, 2007, с. 146–173; Монголын ..., 2017; и мн. др.). Специалистами неоднократно отмечалось практически полное отсутствие археологических материалов, которые можно было бы определенно связать с историей Жужанского каганата (Савинов, 1984, с. 22). Только в последние десятилетия в результате работ монгольских археологов появились новые данные, позволяющие приступить к анализу общих и особенных характеристик памятников данного региона 2-й пол. IV – 1-й пол. VI вв. н. э. (рис. 1).

Сведения об одном из первых известных комплексов жужанского времени на территории Монголии получены в ходе работ монголо-корейской экспедиции в 1993 г., проведенных в местности Баруун Хайрхан Центрального аймака (Цэвэндорж и др., 2008, с. 176, рис. 79). Судя по информации, представленной в краткой

публикации, под небольшой каменной насыпью находилось одиночное захоронение человека без лошади, ориентированного в западном направлении (рис. 2). Радиоуглеродный анализ позволил установить хронологию погребения в рамках VI в.

Расширение сведений о памятниках Монголии жужанского времени произошло в 2002 г. Серию показательных находок данного периода археологам передал пастух, обнаруживший предметы в местности Худгийн Хазан (Хубсугул аймак) (рис. 3). Часть этих материалов была введена в научный оборот и отнесена авторами публикации к тюркскому периоду (Цэвэндорж, Цэрэндагва Эрдэнэ-Очир, 2003). Позже предложенная хронология памятника, который, судя по имеющимся сведениям, представлял собой разрушенное погребение, была пересмотрена (Эрэгзэн, Ишцэрэн, 2014).

После этих находок, на тот момент никоим образом не повлиявших на

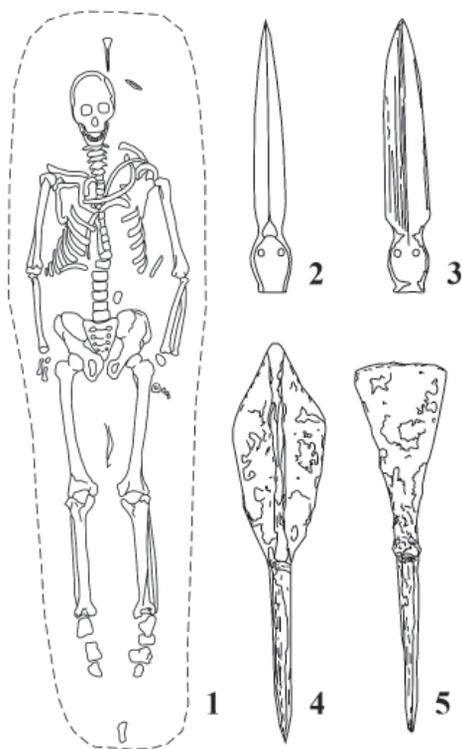

Рис. 2. Археологический комплекс Баруун Хайрхан (по: Цэвэндорж и др., 2008, рис. 79).

Fig. 2. The archaeological complex of Baruun Khairhan (after: Tsewendorzh et al., 2008, fig. 79).

человека, уложенного в деревянный гроб и ориентированного головой на запад – северо-запад. Предметный комплекс, частично опубликованный, включал керамический сосуд, украшения, элементы костюма и вооружение (рис. 4). Датировка объекта жужанским временем отчасти была подтверждена результатами радиоуглеродного анализа (Очир, Анхбаяр, 2016, с. 192; Li et al., 2017, p. 896).

Яркие материалы получены в 2015 г. при изучении скального погребения Урд Улаан Унээт в Западной Монголии (Ховдский аймак). Как и в случае с большинством других подобных комплексов, данный объект был обнаружен местными жителями и частично разрушен. Судя по имеющимся сведениям, в скальном гроте был погребен мужчина, уложенный в деревянную конструкцию и сопровождаемый останками лошади. В ходе работ выявлен представительный инвентарь, включающий элементы костюма, вооружение, конское снаряжение и бытовые изделия (Баярсайхан и др., 2017; Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018; и др.) (рис. 5). Согласно заключению монгольских исследователей, сделанному с учетом полученных результатов радиоуглеродного анализа, комплекс Урд Улаан Унээт может быть датирован в рамках IV–VI вв. н. э.

В этом же году исследовано еще одно погребение рассматриваемого периода (Турбат и др., 2016, с. 96). Участниками экспедиции Института археологии АН Монголии изучен ряд объектов комплекса Хох нуур в вос-

состояние источниковой базы по археологии жужанского времени Монголии, на протяжении достаточно долгого периода каких-либо новых материалов не появлялось. Парадоксальность данной ситуации, учитывая весьма активные полевые исследования, проводимые десятками экспедиций в разных частях страны, получила отражение в обобщающих работах монгольских исследователей, где лакуна между комплексами хунну и тюрков вообще не находила объяснения (Цэвэндорж и др., 2008). Поэтому вполне понятно, что участники монголо-китайской экспедиции, в 2014 г. исследовавшие комплекс жужанского времени в Центральной Монголии, подчеркивали, что это первый подобный памятник (Очир, Анхбаяр, 2016, с. 192; Li et al., 2017). Раскопанный объект Талын гурван хэрэм представлял собой одиночное погребение

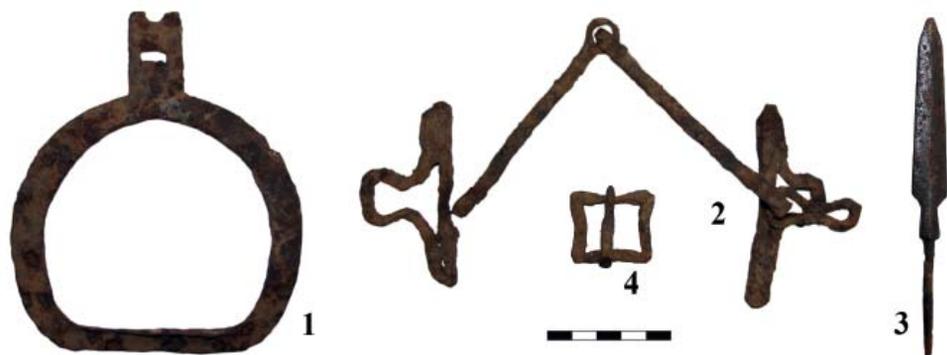

Рис. 3. Материалы из разрушенного погребения Худгийн Хазан. Фото Н.Н. Серегина.

Fig. 3. Materials from the destroyed burial of Khudgyn Khazan. Photo by N.N. Seregin.

точной части страны (Дурнод аймак). Захоронение, судя по полученным материалам, относящееся к жужанскому времени, было совершено под небольшой овальной насыпью. В могиле находились потревоженные останки человека, ориентированного головой в северном направлении. Сохранившийся инвентарь включал керамический сосуд, железный нож и стремя (рис. 6).

Наконец, весьма неожиданная находка сделана в 2015 г. участниками монголо-французской экспедиции на памятнике Тамир в Центральной Монголии. В ходе раскопок разрушенного хуннского погребения № 24 был обнаружен сасанидский дирхем, относящийся, судя по фиксирующимся характеристикам, к концу V – первой четверти VI вв. н. э. (Батсүх и др., 2016, с. 156). По мнению монгольских археологов, монета оказалась в могиле в ходе ее ограбления в жужанское время (Батсүх и др., 2016, с. 157).

Очевидно, что, несмотря на обозначенные яркие находки, археология Монголии жужанского времени все еще находится на стадии первоначального накопления материалов (в ходе раскопок в различных частях Монголии исследован и ряд дру-

гих объектов, которые не могут быть однозначно отнесены к жужанскому времени в связи с отсутствием узко датирующих находок и результатов радиоуглеродного анализа). Вместе с тем полученные данные предоставляют довольно широкие возможности для их интерпретации. Основой для каких-либо заключений должен стать анализ зафиксированных элементов погребального обряда и обнаруженных категорий предметного комплекса. На данном этапе целесообразным представляется обобщение имеющихся результатов раскопок объектов жужанского времени Монголии в контексте гораздо более представительных материалов, полученных в ходе раскопок памятников эпохи Великого переселения народов в других частях центрально-азиатского региона.

Предметный комплекс из объектов Монголии жужанского времени

Несмотря на немногочисленность памятников жужанского времени на территории Монголии, известные объекты содержат показательный инвентарь, позволяющий рассматривать возможности культурно-хронологической интерпретации объектов. Подробный анализ предметного комплек-

Рис. 4. Материалы из комплекса Талын гурван хэрэм
(по: Очир, Анхбаяр, 2016, рис. 194–198).

Fig. 4. Materials from the Talyn Gurvan Herem complex
(after: Ochir, Ankhbayar, 2016, fig. 194–198).

са каждого из памятников требует представления в отдельных публикациях. Учитывая ограниченный объем данной статьи, кратко изложим основные выводы, связанные с определением круга аналогий и датировкой наиболее выразительных изделий из обозначенных погребений.

Скальное погребение Урд Улаан Унээт включает редкие по сохранности предметы снаряжения, одежды и бытовой утвари, в том числе изделия, выполненные из органических материалов.

Железный колчанный крюк имеет поперечную прямую планку на язычке и щиток в виде сомкнутой овальной петли, вытянутой перпендикулярно основанию (рис. 5: 3). Подобные предметы получили наиболее широкое распространение в материалах некрополей булан-кобинской культуры Алтая, относящихся ко 2-й четверти I тыс. н. э. (Матренин, 2017, рис. 2). Кроме того, аналогии крюкам с поперечной планкой происходят из комплексов IV–VI вв. н. э. – погребений бурхотуйской и дарасунской культур

Рис. 5. Предметный комплекс скального погребения Урд Улаан Унээт. Раскопки Ж. Баярсайхана, Т. Түвшинжаргала. Фото Н.Н. Серегина.

Fig. 5. The inventory of the cave burial Urd Ulaan Uneet.

Excavations by J. Bayarsaykhan, T. Tuvshinzhargal. Photo by N.N. Seregin.

Восточного Забайкалья, курумчинской культуры Прибайкалья, поздних сяньби Северного Китая, «кенкольцев» Тянь-Шаня, джетыясарского населения Восточного Приаралья и др. (см. обзор: Матренин, 2017, с. 12–13).

Кожанный колчан имеет корпус в виде цилиндра-тубуса с «карманом» (щитком) в верхней части и стрелами, уложенными наконечниками вниз (рис. 5: 3). В происхождении и ранней истории распространения подобных изделий в Центральной Азии сохраняется много открытых вопросов.

Такие элементы снаряжения известны в предметном комплексе населения Алтая IV–V вв. н. э. (Матренин, 2017, с. 25–28). В результате «степного влияния» в конце V в. н. э. колчаны с «карманом» (правда, с берестяным корпусом) распространились у воинов Тоба Вэй (Бобров, Худяков, 2005, с. 111). Можно предположить, что использование подобных изделий в центрально-азиатском регионе связано с традициями материальной культуры кочевых племен, проживавших во владениях Жужанского каганата.

Рис. 6. Железное стремя из погребения комплекса Хох нуур (по: Турбат и др., 2016, с. 96).

Fig. 6. Iron stirrup from the burial of the Hoh Nuur complex (after: Turbat et al., 2016, p. 96).

Весьма показательным элементом инвентаря погребения Урд Улаан Унээт является деревянное седло (рис. 5: 1). Детальный анализ этой находки, включая подробное описание особенностей изготовления предмета, заслуживает отдельной публикации. В настоящей работе лишь отметим, что, судя по имеющимся археологическим источникам, самые ранние модификации «жестких» седел с деревянными полками появляются в Восточной Азии в начале IV в. н. э. у сяньби (см. обзор: Комиссаров, Худяков, 2007). Ближайшие аналогии изделию из скального захоронения обнаружены в Восточном Туркестане в погребениях могильника Чжангунь-лук, датирующихся, судя по найденному в них инвентарю, IV–V вв. н. э. (Синьцзян-Уйгурский ..., 2003, рис. 2: 8; 10: 1–2; 15: 2). Похожие «жесткие» седла с полками без стремян,

датирующиеся 2-й пол. IV – началом V вв. н. э., найдены на Алтае (Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 84–90). Можно предположить, что обозначенные изделия относятся к одной традиции, позже ставшей исходным прототипом для классического раннесредневекового кочевнического седла со стремянами.

Другим элементом конского снаряжения из скального погребения Урд Улаан Унээт являются удила и псалии (рис. 5: 4). Показательным признаком данного комплекта следует считать железные скобы. Роговые псалии с таким вариантом оформления получили распространение только с середины VII в. н. э. (Тишкин, Серегин, 2011, с. 16). Находки из погребения Урд Улаан Унээт сочетают железные скобы с архаичной формой псалиев и, вероятно, демонстрируют более раннее появление таких уздечных комплектов.

Деревянный сосуд в виде кувшина (бокала) с ручкой (рис. 5: 2) обнаруживает точную аналогию в погребении 2-й пол. IV–V вв. н. э. на Алтае (Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 70). Похожие изделия, но имеющие иные пропорции тулова, зафиксированы и в других комплексах обозначенного региона. Датировочного значения данные изделия не имеют. К тому же обнаружение их в археологических памятниках является большой редкостью, что затрудняет объективное представление о масштабах распространения подобных предметов.

Сложносоставной лук. Сохранилась длинная «М»-образная деревянная кибить, усиленная комплектом из семи роговых накладок (рис. 5: 6–7). Изделия такой конструкции широко применялись в азиатском регионе на протяжении II в. до н. э. – V в. н. э. Во 2-й пол. I тыс. н. э. их вытесняют луки

тюркской традиции, имеющие среднюю длину кибити и соответствующие накладки (Горбунов, 2006, с. 23–24). Учитывая особенности оформления роговых накладок, датировка изделия из комплекса Урд Улаан Унээт определяется рамками III–V вв. н. э.

Остальные категории инвентаря не являются информативными в плане культурно-хронологической атрибуции скального погребения. Предполагаемая датировка данного комплекса, подтверждаемая результатами радиоуглеродного анализа – середина IV – начало VI вв. н. э.

Материалы из разрушенного погребения **Худгийн Хазан** включают немногочисленные предметы, наиболее показательными из которых являются стремя, удила с псалиями, наконечник стрелы и пряжка.

Железное стремя (рис. 3: 1) относится к довольно редкой и показательной группе плоских пластинчатых изделий с Т-образной подножкой. Происхождение таких стремян связывается исследователями с сяньбийскими племенами Северного Китая и относится к IV в. н. э. (Комиссаров, Худяков, 2007). Именно из этого центра происходило распространение подобных предметов, ставших одной из наиболее ярких новаций в материальной культуре кочевников в середине I тыс. н. э. Верхняя хронологическая граница бытования изделий такого типа определяется распространением традиции изготовления дужек из прута округлого сечения. В целом период существования в Центральной Азии ранних пластинчатых стремян с Т-образной подножкой, подобных находке из комплекса Худгийн Хазан, представляется возможным ограничить рамками 2-й пол. V–VI вв. н. э.

Железные удила с псалиями (рис. 3: 2). Удила имеют соединеннокольчатые звенья с петельчатыми окончаниями. Наличие дополнительных восьмерковидных петель сближает данный образец с экземплярами из памятников Алтая жужанского и раннетюркского времени (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1: 3, 10–12). Весьма оригинальны железные вертикальные псалии в виде «стержня» из раскованного прута с цельной скобой. Аналогии подобным изделиям нам неизвестны. Вероятно, данные предметы являются своего рода «экспериментальными» образцами, не получившими широкого распространения.

Весьма редкой модификацией изделий является также железный наконечник стрелы с черешковым насадом, четырехгранным (ромбическим) в сечении пером шестиугольной формы и цилиндрическим упором (рис. 3: 3). Близкая аналогия данному изделию зафиксирована в арсенале корейских воинов Пэкчэ V в. н. э. (Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 192–193, рис. 7: 14).

Железная пряжка (рис. 3: 4) с подвижным язычком без щитка с вогнутой квадратной рамкой не имеет узкой хронологии. Предварительно, учитывая немногочисленность подобных находок, представляется возможным рассматривать вогнутость боковых сторон квадратных рамок в качестве элемента оформления подвижноязычковых пряжек IV–V вв. н. э.

Погребение **Талын гурван хэрэм** включает серию находок, из которых наиболее важными для интерпретации комплекса являются элементы сложносоставного лука, гривна и бляха-накладка.

Длинный сложносоставной лук (рис. 4: 1), усиленный комплектом из семи роговых накладок, может быть

отнесен к III–V вв. н. э. Он представляет собой местное развитие луков хуннуской военной традиции, отличающейся от образцов II в. до н. э. – I в. н. э., прежде всего, формой срединных боковых накладок. В целом данный элемент вооружения из погребения Талын гурван хэрэм наиболее близок изделиям из комплексов III–IV вв. н. э. Тянь-Шаня и Восточного Приаралья, а также из объектов 2-й пол. IV–V вв. н. э. Алтайской лесостепи (Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 1: 2, 5; Горбунов, 2006, рис. 4: 8–21).

Бронзовая гривна (рис. 4: 3). Гривны являлись достаточно распространенной категорией украшений у народов Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанское время. В Средневековье мода на такие шейные украшения исчезает. Гривна из памятника Талын гурван хэрэм имеет пластинчатый щиток в центральной части, подобный по оформлению изделиям из памятников сяньби Внутренней Монголии и комплексов бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья IV–VI вв. н. э. (Ковычев, 2012, рис. 5; Li et al., 2017, p. 896).

Золотая бляха-накладка (рис. 4: 4). Изделие представляет собой прямоугольную прорезную пластину из листового металла с декоративными прорезями, образующими растительный узор. Корпус украшен точечными вдавлениями. По углам пластины на нижней стороне крепились подвески сердцевидной формы. Бляха пришивалась к ремню через отверстия, расположенные по углам. Похожие бляхи с иной формой прорезей зафиксированы в материальной культуре когурё Кореи III–IV вв. н. э. (Zhang, 2004, fig. 4: 6–8; 6: 9; и др.).

Рассмотренная коллекция артефактов дает основания датировать погре-

бение комплекса Талын гурван хэрэм в рамках IV–V вв. н. э.

Сопроводительный инвентарь захоронения **Барун-Хайрхан** представлен наконечниками стрел (рис. 2: 2–5). Наиболее показательными в плане хронологии являются роговые (костяные) наконечники с выступающей втулкой бочонковидной формы с встроенной (цельной) свистункой (рис. 2: 2–3). Подобные изделия имеют ограниченный ареал распространения (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 4: 17–18; Ковычев, 2012, с. 129; и др.). Судя по известным аналогиям, время активного использования таких наконечников у кочевников центрально-азиатского региона приходится на IV–VI вв. н. э. Остальные экземпляры имеют широкий период бытования в рамках I тыс. н. э. В целом комплекс Барун-Хайрхан может быть отнесен к концу III – началу VI вв. н. э.

Единственной показательной находкой из комплекса **Хух нуур** является железное стремя (рис. 6). Отличительной особенностью изделия, не характерного для памятников кочевников Центральной Азии, является непропорционально вытянутая шейка. Архаичная общая форма предмета сочетается с более поздним признаком – изготовлением вещи из прута подквадратного сечения, в то время как наиболее ранние стремена были плоскими. Изделия с вытянутой шейкой характерны для когуреских и сяньбийских комплексов IV–V вв. н. э. (Комиссаров, Худяков, 2007, табл. 1–3).

Проблемы культурно-хронологической интерпретации комплексов Монголии жужанского времени

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе исследования памятников Монголии жужанского време-

ни, демонстрирует высокую степень варибельности показателей, учитывая единичный характер известных объектов. Скальное захоронение Урд Улаан Унээт, судя по имеющимся сведениям, представляет собой один из наиболее ранних комплексов подобного типа. Традиция погребения в скальном гроте получает распространение на территории Монголии на завершающем этапе тюркского периода, а также в развитом Средневековье (Серегин, 2018). Этнокультурная интерпретация таких объектов остается дискуссионной. Захоронения по обряду одиночной ингумации вытянуто на спине головой на запад и северо-запад в простых ямах без внутримогильных конструкций (комплекс Баруун Хайрхан) получили распространение в погребальной практике сяньби Внутренней Монголии и Маньчжурии (Предварительное изучение..., 2004, рис. 6, 15, 18, 35, 38, 39; Могильник Сандаовань, 2004, рис. 3–5, 7; и др.). То же самое можно сказать по поводу погребений в деревянных гробах с труположением по западному сектору с отклонением к северу (Талын гурван хэрэм) (Могильник Дундацзин, 2004, рис. 3, 9, 16, 18; и др.). Захоронение умерших вытянуто на спине головой на север в простых ямах без дополнительных сооружений (Хохнуур) может рассматриваться в рамках сяньбийской традиции погребения в деревянных гробах, особенно популярной в конце I–III вв. н. э. (Могильник Дундацзин, 2004, рис. 3, 9, 16, 18; Предварительное изучение..., 2004, рис. 2, 22, 31; и др.).

Предметный комплекс, обнаруженный в рассматриваемых погребениях,

отражает весьма широкие контакты населения Монголии жужанского времени в различных направлениях. Широкие аналогии имеются в памятниках кочевников Алтае-Саянского региона и Забайкалья, а также комплексах сяньби и когуре Восточной Азии. Кроме того, отчетливо выделяются западные связи, очевидно, демонстрирующие сложные миграционные процессы эпохи Великого переселения народов.

Датировка анализируемых комплексов определяется рамками IV–VI вв. н. э. с возможностью дальнейшей детализации хронологической позиции каждого объекта при условии накопления материалов жужанского времени. Имеющиеся результаты радиоуглеродного анализа подтверждают сделанные выводы.

В целом немногочисленные памятники Монголии жужанского времени отражают известный исторический контекст данного периода в истории страны. Можно предположить, что общество жужаней представляло собой неоднородный социум, включавший различные группы населения, характеризовавшиеся варибельностью материальной и духовной культуры и на непродолжительное время объединенные в составе каганата. Вероятно, в ходе последующего расширения имеющейся источниковой базы станет возможным выделение конкретных традиций обрядовой практики каждой из групп и рассмотрение особенностей их происхождения и исторических судеб в процессах становления и эволюции общностей кочевников раннего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батсүх Д., Эрдэнэ Б., Энхбаяр Г., Төрбат Ц., Дюшен С., Николаева Д.* Монгол-Францын хамтарсан «Тамир» төслийн 2015 оны хээрийн судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи–2015 / Отв. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 155–157.
2. *Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т.* Ховд аймгийн Мянгэд сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа / Отв. ред. Ц. Одбаатар. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. Т. 106–117.
3. *Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Баяндэлгэр Ч., Мицнх Л.* Ховд аймгийн Мянгэд сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Хадан гэрийн соёл / Отв. ред. Д. Сухбаатар. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2017. Т. 5–28.
4. *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2005. С. 80–199.
5. *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
6. *Ковычев Е.В.* К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. С. 129–146.
7. *Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
8. *Комиссаров С.А., Худяков Ю.С.* Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.
9. *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
10. *Матренин С.С.* Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
11. Могильник Дундацин // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии / Отв. ред. Вэй Цзянь. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 55–102 (на кит. яз.).
12. Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии / Отв. ред. Вэй Цзянь. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 16–54 (на кит. яз.).
13. Монголын эртний түүх. Боть III: Жужань. Улаанбаатар, 2017. 229 т.
14. *Очир А., Анхбаяр Б.* Жужаны үеийн булш // Монголын эртний булш оршуулга / Отв. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. III. С. 190–195.
15. Предварительное изучение сяньбийских погребений Внутренней Монголии // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии / Отв. ред. Вэй Цзянь. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 211–272 (на кит. яз.).
16. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
17. *Серегин Н.Н.* Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья: культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 41–51.
18. Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагуньлука в 1998 году // Синьцзянское культурное наследие. 2003. № 1. С. 1–19 (на кит. яз.).
19. *Тишкин А.А., Мыльников В.П.* Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.
20. *Тишкин А.А., Серегин Н.Н.* Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
21. *Төрбат Ц., Эрдэнэ-Очир Н., Батсүх Д., Энхбаяр Г.* «Монголчуудын угсаатны бүрэлдэхүүн ба монголчуудын угсаа гарлын цогц судалгаа» төслийн хүрээнд эрдэнэ

уул ба хөх нуурт малтлага хийсэн тухай // Монголын археологи – 2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. С. 95–96.

22. Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

23. Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргүй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгүүл. 2003. Т. IV. Ф. 2. Т. 23–28.

24. Эрдэнэ-Очир Н. Предметы вооружения трех древних государств Кореи из музея Сеульского национального университета // Археологический судлал. 2011. XXXI. С. 183–220.

25. Эрэгзэн Г., Ишицэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсгалын судалгааны асуудалд // Археологический судлал. 2014. Т. XXXIV. С. 264–276.

26. Li J., Zhang Y., Zhao Y., Chen Y., Ochir A., Zhu H., Zhou Y. The genome of an ancient Rouran individual reveals an important paternal lineage in the Donghu population // American journal of physical anthropology. 2018. №4. P. 895–905.

27. Zhang X. Types and Relative Questions of Koguryo Iron Belt Decorations // Research of China's Frontier Archaeology. Beijing, 2004. P. 258–272 (на кит. яз.).

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заместитель проректора по научному и инновационному развитию. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент. Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

MONGOLIA IN ROURAN TIME: MAIN ASPECTS OF THE INTERPRETATION OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

N.N. Seregin, S.S. Matrenin

The paper concerns the materials of Rouran time obtained during excavations in the territory of Mongolia. The authors present a review of the history of research and interpretation of the sites of the second half of the 4th – the first half of the 6th centuries located in different parts of the country. The characteristic of the accompanying inventory from the complexes of the Rouran time is concerned and the dating for each object is proposed. The authors establish that wide analogies to finds from the burials of Mongolia are found in the sites of the Altai-Sayan region and Transbaikalia, as well as in the Syanbi and Kogure complexes of East Asia. In addition, western connections are clearly distinguished, apparently demonstrating the processes of the Great Migration period. The funeral rite recorded during the study of objects of the Rouran time is characterized by a high degree of variability of indicators. In general, the available materials reflect the existence of a heterogeneous society, which included various groups of the population, for a short time united in the Rouran kaganate.

Keywords: archaeological sites, Rouran time, Mongolia, funeral rite, inventory, chronology, interpretation.

REFERENCES

1. Batsykh, D., Erdene, B., Enkhbayar, G., Törbat, Ts., Dyushen, S., Nikolaeva, D. 2016. In Chuluun, S. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2015 (Mongolian Archaeology-2015)*. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Түүх, 155–157 (in Mongolian).

2. Bayarsaikhan, Zh., Түвшинзаргал, Т. 2018. In Odbaatar, Ts. (ed.). *Syan'bi, Zhuzhany yein түүх, соелын судалгаа (The Xianbei and Rourans: History and Culture)*. Ulaanbaatar: “National Museum of Mongolia” Publ., 106–117 (in Mongolian).

3. Bayarsaikhan, Zh., Түвшинзаргал, Т., Bayandelger, Ch., Mshchkh, L. 2017. In Sukhbaatar, D. (ed.). *Khadan geriin soel (Rock Burial Complexes)*. Ulaanbaatar: “National Museum of Mongolia” Publ., 5–28 (in Mongolian).

The generalization of information about the monuments of Mongolia of the Rouran period was funded by RFBR and MCESSM according to the research project №19-59-44013. The cultural and chronological interpretation of the analyzed materials was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project №20-78-10037.

4. Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2005. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v syan'biiskuyu epokhu (Military Affairs of Central Asian Nomads in the Xianbei Period)* Novosibirsk: Novosibirsk State University, 80–199 (in Russian).
5. Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3rd – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).
6. Kovychev, E. V. 2012. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 9. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 129–146 (in Russian).
7. Kozhombardiev, I. K., Khudyakov, Yu. S. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. 75–106 (in Russian).
8. Komissarov, S. A., Khudiakov, Yu. S. 2007. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi (History and Culture of the Ulus of Jochi)*. Kazan: "Fan" publ., 246–266 (in Russian).
9. Kradin, N. N. 2007. *Kochevniky Evrazii (Nomads of Eurasia)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
10. Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. (Equipment of Altai Nomads (the 2nd Century BC – 5th Century AD))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
11. Tszian', Vei (ed.). 2004. *Otkrytie i issledovanie syan'biiskikh mogil'nikov vo Vnutrennei Mongolii (Discovery and Study of Xianbei Burial Grounds in Inner Mongolia)* XVIII. Beijing: "Kesyue yaizban'she" Publ., 55–102 (in Chinese).
12. Tszian', Vei (ed.). 2004. *Otkrytie i issledovanie syan'biiskikh mogil'nikov vo Vnutrennei Mongolii (Discovery and Study of Xianbei Burial Grounds in Inner Mongolia)* XVIII. Beijing: "Kesyue yaizban'she" Publ., 16–54 (in Chinese).
13. 2017. *Mongolyn ertnii tyykh Bot' III: Zhuzhan' (Ancient History of Mongolia. Vol. 3: Rouran)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
14. Ochir, A., Ankhbayar, B. 2016. In Chuluun, S. (ed.). *Mongol ertnii bulsh orshuulga (The Ancient Burial Sites of Mongolia)* 3. Ulaanbaatar: "Shinzhekh ukhaany Akademiin Tyykh" Publ., 190–195 (in Mongolian).
15. Tszian', Vei (ed.). 2004. *Otkrytie i issledovanie syan'biiskikh mogil'nikov vo Vnutrennei Mongolii (Discovery and Study of Xianbei Burial Grounds in Inner Mongolia)* XVIII. Beijing: "Kesyue yaizban'she" Publ., 211–272 (in Chinese).
16. Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoi Sibiri v drevneturkuskuyu epokhu (Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Period)*. Leningrad: LSU Publ. (in Russian).
17. Seregin, N. N. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 41–51 (in Russian).
18. 2003. In *Sin'tszyanskoe kul'turnoe nasledie (Xinjiang Cultural Heritage)* 1. 1–19 (in Chinese).
19. Tishkin, A. A., Mylnikov, V. P. 2016. *Derevoobrabotka na Altae vo II v. do n.e. – V v. n.e. (po materialam pamyatnikov Yaloman-II i Bosh-Tuu-I) (Woodworking in Altai in the 2nd Century B.C.–5th A.D. (Based on the Materials of the of the Yaloman-II and Bosch-Tuu-I Monuments))*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).
20. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 6. Barnaul: Altai State University, 14–32 (in Russian).
21. Tørbat Ts., Erdene-Ochir N., Batsykh D., Enkhbaier G. 2016. In Chuluun, S. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2015 (Mongolian Archaeology-2015)*. Ulaanbaatar: Shinzhekh ukhaany Akademiin Tyykh, 95–96 (in Mongolian).
22. Tsevdorzh, D., Bayar, D., Tserendagva, Ya., Ochirkhuyag, Ts. 2008. *Arkheologiya Mongolii (Archaeology of Mongolia)*. Ulaanbaatar (in Russian).
23. Tsevdorzh, D., Tserendagva, Ya., Erdene-Ochir, N. 2003. In *Tuukhiin setguul (History magazine)* 4 (2). 23–28 (in Mongolian).
24. Erdene-Ochir, N. 2011. In *Arkheologiin sudlal (Archaeological Investigations)* XXXI. 183–220 (in Mongolian).
25. Eregzen, G., Ishtseren, L. In *Arkheologiin sudlal (Archaeological Investigations)* XXXIV. 264–276 (in Mongolian).
26. Li, J., Zhang, Y., Zhao, Y., Chen, Y., Ochir, A., Zhu, H., Zhou, Y. 2018. In *American journal of physical anthropology*. No. 4. 895–905 (in English).
27. Zhang, X. 2004. In *Research of China's Frontier Archaeology*. Beijing, 258–272 (in China).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of of Historical Sciences. Deputy Vice-Rector, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of of Historical Sciences, Associate professor. Barnaul Law Institute, Chkalova st., 49, Barnaul, 656038, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

УДК 902, 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.50.65>

НИЗКИ ИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРОНИЗОК И БУС В СРЕДНЕВЕКОВОМ ФИННО-УГОРСКОМ КОСТЮМЕ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ¹

© 2020 г. Н.Б. Крыласова, А.В. Данич

В эпоху средневековья широкое распространение, в особенности, у финно-угорских племен, приобрели металлические бусы и пронизки (особый вид бус в форме трубочки). Они, как и прочие виды бус, нанизывались на нить или кожаный шнур, и такие низки использовались в женском костюме в составе височных, накосных и поясных украшений, а в мужском – только в поясных украшениях. В процессе многолетних исследований Баяновского и Рождественского могильников в Пермском крае изучено достаточное количество низок, сохранившихся в изначальной последовательности или даже на шнурках, чтобы сделать предварительные выводы об особенностях их набора. По утверждению авторов, в IX–XI вв. существовали определенные стандарты в наборе низок. Выделено два основных вида низок – на одинарных и на двойных шнурках. На протяжении рассматриваемого периода наблюдаются хронологические изменения в составе пронизок и бус, но в целом способы сборки низок подчинялись строгой традиции.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, средневековье, элементы костюма, металлические пронизки и бусы, низки.

В эпоху Средневековья на обширных пространствах Евразии, в особенности заселенных финно-угорскими племенами, элементами украшений костюма служили металлические пронизки и бусы. Они, наподобие стеклянных и каменных бус, нанизывались на нитяной или кожаный шнур, реже использовались для расшивки деталей одежды. Как и элементы других сборных украшений (накладки поясных наборов, бусы из ожерелий), металлические пронизки и бусы можно отнести к числу массовых находок. Исследователи обычно уделяют мало внимания этой категории изделий, поскольку они медленно изменялись во времени и их редко используют в качестве датирующего материала; они почти не различаются на разных территориях, поэтому не учитываются при выделении характерных особенностей археологических культур. Сравнительно редко металлические

пронизки и бусы сохраняются в составе низок, но, поскольку отсутствуют материалы для сравнения, эти низки обычно лишь упоминаются без какой-либо характеристики.

Попытаемся восполнить этот пробел и продемонстрировать варианты сборных украшений из металлических пронизок и бус по материалам Баяновского и Рождественского могильников. Эти могильники относятся к числу наиболее изученных на территории Пермского края: на Баяновском вскрыто 486, на Рождественском – 389 погребений. Памятники принадлежат к финальному этапу ломоватовской археологической культуры (Белавин, Крыласова, 2016), Баяновский могильник датируется в пределах IX – первой половины X вв., Рождественский с к. IX до к. XI вв. Оба памятника существенно повреждены, на месте Рождественского могильника в XVI – первой половине

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2, при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Рис. 1. Височные украшения. Баяновский могильник: 1 – п. 276, 2 – п. 281, 3 – п. 467, 4 – п. 470, 5 – п. 69; Рождественский могильник: 6 – п. 252.

Fig. 1. Temporal decorations. Bayanovsky burial ground: 1 – b. 276, 2 – b. 281, 3 – b. 467, 4 – b. 470, 5 – b. 69; Rozhdestvensky burial ground: 10 – b. 156, 11 – b. 154, 12 – b. 167, 13 – b. 275.

XX вв. существовала деревня, часть Баяновского могильника была уничтожена карьером, а оставшаяся часть активно грабилась в начале 2000-х гг.

Металлические пронизки и бусы встречены в подавляющем большинстве погребений – женских, мужских и детских. Но только при особых обстоятельствах в неразрушенных погребениях они сохраняются в таком виде, что можно проследить последовательность расположения элементов, иногда даже на сохранившихся шнурках. Это только выборочная часть сборных украшений из пронизок и бус, поэтому проводить на основе данных материалов какой-либо количественный анализ пока бессмысленно. Основными задачами являются определение вариантов ис-

пользования металлических пронизок и бус, изучение структуры низок и взаимосвязи различных вариантов их сборки с функциональным назначением низок.

Большинство рассматриваемых пронизок и бус изготовлено из сплавов на основе меди, часть спиралевидных пронизок – из меди, в п. 365 Баяновского могильника в составе низок присутствовали серебряные бусины (рис. 5: 1).

Не претендуя на исчерпывающую характеристику, рассмотрим вкратце основные элементы низок.

Пронизки подразделяются на две основные группы – спиралевидные и литые. Спиралевидные пронизки бытовали с самого начала эпохи Средневековья (Голдина, 1985,

Рис. 2. Накосники с короткими низками. Баяновский могильник: 1 – п. 62, 2 – п. 156, 3 – п. 157, 4 – п. 190, 5 – п. 192, 6 – п. 193, 7 – п. 195, 8 – п. 275, 9 – п. 400, 10 – п. 403, 11 – п. 470, 12 – п. 476, 13 – п. 252, 14 – п. 473, 15 – п. 480, 16 – п. 66, 17 – п. 467, 18 – п. 425; Рождественский могильник: 19 – п. 230, 20 – п. 183, 21 – п. 222, 22 – п. 258, 23 – п. 214.

Fig. 2. The braid decoration with short threads. Bayanovsky burial ground: 1 – b. 62, 2 – b. 156, 3 – b. 157, 4 – b. 190, 5 – b. 192, 6 – b. 193, 7 – b. 195, 8 – b. 275, 9 – b. 400, 10 – b. 403, 11 – b. 470, 12 – b. 476, 13 – b. 252, 14 – b. 473, 15 – b. 480, 16 – b. 66, 17 – b. 467, 18 – b. 425; Rozhdestvensky burial ground: 19 – b. 230, 20 – b. 183, 21 – b. 222, 22 – b. 258, 23 – b. 214.

рис.16: 11–12). Они скручены из проволоки различной толщины, уложенной плотными витками. По сечению преобладала круглая проволока, но встречается также плоская и граненая (трехгранная). Вероятнее всего, мастера изготавливали длинные спи-

ральки-заготовки, от которых в процессе сборки низок отрезались куски необходимой длины. Использовались и обрезки спиралек, которые имелись в наличии, о чем свидетельствует тот факт, что нередко в одном украшении встречаются спиралевидные прониз-

ки из проволоки разного сечения и с разным диаметром трубочки.

Среди литых пронизок, по наблюдениям Р.Д. Голдиной, в IX в. заметно сокращаются вариации типов (Голдина, 1985, с. 131). Из них наиболее архаичными являются пронизки в виде простых гладких трубочек (напр., рис. 5: 3–4), которые появились еще на агафоновской стадии ломоватовской культуры (VI–VII вв.) (Голдина, 1985, рис. 16: 63). Самыми распространенными на протяжении всего рассматриваемого периода были пронизки с 2–4 гладкими шаровидными вздутиями, плавно переходящими к трубочке (напр., рис. 6: 3, 11). Во второй половине X–XI вв. наряду с ними бытовали пронизки, у которых трубочка между вздутиями декорировалась поперечными «поясками», такие «пояски» иногда покрывали и вздутая пронизка (напр., рис. 6: 12) (Крыласова, 2013, рис.1: 72–74). В целом со временем наблюдается тенденция к расширению разновидностей пронизок, они становятся более декоративными, иногда достигают значительной длины (напр., рис. 6: 4, 11–12). С начала X в. получили распространение одночастные пронизки с прорезными вздутиями (напр., рис. 7: 2–6), которые отличаются от подобных пронизок к VII–VIII вв. (Голдина, 1985, рис. 16: 90) более изящными пропорциями, а со второй половины X в. наряду с ними – пронизки с двумя прорезными вздутиями (напр., рис. 7: 12) (Крыласова, 2013, рис. 1: 43, 75; 1а: 255).

Металлические бусины некоторые исследователи рассматривают вместе с пронизками как их одночастный вариант. Но по отношению к рассматриваемому комплексу это применимо лишь к литым шаровидным и зон-

ным бусинам без воротничка, которые можно считать 1-частным вариантом пронизок с гладкими вздутиями, плавно переходящими к трубочке (напр., рис. 2: 2–13, 17–18), – они являлись наиболее массовыми на протяжении всего рассматриваемого периода. Наряду с ними в X в. появились шаровидные бусы с «воротничком» у краев отверстия – гладким, покрытым насечками или имитацией зерни (напр., рис. 2: 1), а у упомянутых серебряных бус – с настоящей зернью (рис. 5: 1). В X в. в Предуралье распространились также бусы-«флакончики» (напр., рис. 2: 16, 22), а ближе к середине X в. одновременно с крестопорезными бубенчиками появились шаровидные бусы из двух половинок, которые бытовали в дальнейшем на протяжении XI в. (напр., рис. 2: 20–21, 23), подобную датировку эти бусы имеют на всех финно-угорских территориях (напр., Кочкуркина, 1989, с. 265).

При анализе низок отмечено, что в их составе кроме металлических элементов часто использовались стеклянные и каменные бусы – обычно крупные, сопоставимые по размерам с металлическими бусами, или даже крупнее их. Набор таких бус достаточно стандартный. Из монохромных бус преобладают зонные и цилиндрические бусы желтого, бирюзового, темно-синего, сургучно-красного, белого цвета, встречаются крупные черные шаровидные бусины. Достаточно устойчиво сочетаются с низками из металлических элементов ребристые бесцветные, синие и черные стеклянные бусы и бирюзовые кашинные бусы. Наиболее характерными являются полихромные бусы – цилиндрические и бочонковидные с черной, красной, бирюзовой, белой основой и цветными гладкими

Рис. 3. Накосники с длинными низками. Баяновский могильник: 1 – п. 276, 2 – п. 70, 3 – п. 266, 4 – п. 283, 5 – п. 336, 6 – п. 350, 7 – п. 280, 8 – п. 55, 9 – п. 54; Рождественский могильник: 10 – п. 156, 11 – п. 154, 12 – п. 167, 13 – п. 275.

Fig. 3. The braid decoration with long threads. Bayanovsky burial ground: 1 – b. 276, 2 – b. 70, 3 – b. 266, 4 – b. 283, 5 – b. 336, 6 – b. 350, 7 – b. 280, 8 – b. 55, 9 – b. 54; Rozhdestvensky burial ground: 10 – b. 156, 11 – b. 154, 12 – b. 167, 13 – b. 275.

глазками, бочонковидные черные и бирюзовые с выпуклыми глазками и гладкими белыми петлями и прочие

типы глазчатых и полосчатых бус. Из каменных бус в составе низок чаще всего присутствуют сердоликовые

призматические, в единичных случаях – шаровидные сердоликовые, эллипсоидные хрустальные и агатовые бусы. Предварительный анализ материалов позволяет утверждать, что если в IX в. в низках использовались те же типы бус, которые входили в состав ожерелий, то в X–XI вв. – наиболее редкие типы крупных ярких бус, почти не встречающихся в ожерельях.

В способах набора низок выделяется два основных варианта, которые сосуществовали на протяжении всего рассматриваемого периода.

Первый вариант – в основе низки находится один шнур, на который в определенной последовательности нанизываются бусы и пронизки.

Второй вариант – в основе низки два шнура, которые последовательно то проводятся вместе сквозь бусы, то разводятся, и на каждый шнур нанизываются спиралевидные пронизки, затем вновь соединяются и пропускаются сквозь бусы и т. д. В XI в. вместо спиралевидных пронизок в таких низках нередко использовались длинные литые пронизки.

Поскольку низки из металлических элементов обычно закреплялись в костюме в вертикальном положении, необходим был замыкающий элемент, не позволяющий низке рассыпаться. В качестве такого элемента в наконечниках использовались подвески, которые привязывались за петлю на конце низки, а в поясных привесках преимущественно пронизки-колокольчики, внутри которых прятался узел, фиксирующий низку.

Как показал анализ погребальных комплексов, низки из металлических бус и пронизок входили в состав ви-

сочных украшений, наконечников и поясных привесок.

Использование низок в составе височных украшений достоверно зафиксировано в единичных погребениях. Но частые находки разрозненных металлических пронизок и бус в районе черепа позволяют предполагать, что они имели более широкое распространение. Наиболее устойчиво прослеживается использование низок в качестве подвесов для височных колец, зафиксированное в четырех женских погребениях Баяновского могильника. При этом в одном случае (п. 276) представлены низки из двойных шнуров, на которых в верхней части нанизаны по 3 бронзовые бусины, ниже на каждом шнуре – спиралевидные пронизки, и внизу – группы из стеклянных одночастных и двучастных лимонovidных и зонных бус с серебряной прокладкой, с бесцветным, коричневым и синим верхним слоем (рис. 1: 1). В остальных случаях височные кольца подвешивались на коротких одинарных шнурах с бронзовыми бусами и спиралевидными пронизками (рис. 1: 2–4). Уникальное височное украшение, выявленное в женском погребении (п. 69) Баяновского могильника, представляет собой две плетеные «ленты» шириной 4,5 см: в их основе находилось по два вертикальных шнура с нанизанными на них короткими (по 1–1,5 см) спиралевидными пронизками, между которыми горизонтально размещались шнурки – каждый с одной спиралевидной пронизкой и парой бронзовых бус (рис. 1: 5). Поскольку такое украшение является пока единственным, однозначно интерпретировать его трудно. Это могли быть «ленты», нашитые на отворотах головного убора, или про-

Рис. 4. Накосники с длинными низками. Рождественский могильник: 1 – п. 162а, 2 – п. 266; Баяновский могильник: 3 – п. 65, 4 – п. 69, 5 – п. 440, 6 – п. 406, 7 – п. 415, 8 – п. 272, 9 – п. 281, 10 – п. 139, 11 – п. 165.

Fig. 4. The braid decoration with long threads. Rozhdestvensky burial ground: 1 – b. 162a, 2 – b. 266; Bayanovsky burial ground: 3 – b. 65, 4 – b. 69, 5 – b. 440, 6 – b. 406, 7 – b. 415, 8 – b. 272, 9 – b. 281, 10 – b. 139, 11 – b. 165.

сто свисающие с края головного убора своеобразные височные подвески. Но во всяком случае, данное украшение демонстрирует, что из бронзовых

пронизок и бус кроме простых низок собирали и более сложные конструкции. Еще один вариант использования низок из металлических элементов в

височных украшениях зафиксирован в п. 252 Рождественского могильника, где найдена пара калачевидных височных подвесок с шумящими привесками (что само по себе является исключительным, так как калачевидные подвески, дополненные привесками, встречены всего дважды). На одной из подвесок в центре вместо привески был привязан кожаный шнурок с нанизанными на него спиралевидными пронизками, который, вероятнее всего, представлял собой подбородочное украшение (рис. 1: 6). Такие украшения, нередко встречающиеся в женских погребениях, обычно представляли собой цепочку или низку стеклянных бус, соединявшую височные подвески и свисавшую под подбородком, обрамляя конур лица. В данном же случае аналогично использована низка из металлических элементов.

Чтобы перейти к характеристике низок, входивших в состав украшений кос, напомним, что собой представляли накосники, характерные для женского костюма ломоватовской культуры. К числу основных накосников, имевших всеобщий характер, принадлежали арочные и биконьковые шумящие подвески, имевших локальный характер – колесовидные подвески и треугольные, с основой из маленьких «умбончиков». Такие подвески обычно использовались парами. Основные накосники могли дополняться второстепенными, из которых наиболее часто встречаются флаконовидные пронизки-игольники, копоушки, гребешки и пр. Предполагается, что основные накосники отражали этническую принадлежность, а второстепенные несли какую-то дополнительную информацию. Хотя чаще всего в качестве второстепен-

ных накосников выступали предметы утилитарного назначения, которые, когда не использовались по прямому назначению, прикреплялись обычно на правую косу и служили амулетами. Подвески-накосники крепились на шнурах, которые вплетались в косу или свисали вдоль нее. Чтобы косы с тяжелыми украшениями не мешали при работе, их носили за спиной, соединяя низкой бус или цепочкой. В процессе погребения косы разъединялись и укладывались на груди, поэтому в ранних исследованиях они нередко интерпретировались как нагрудные украшения (Крыласова, 2000, с. 61–78, 103–104).

На Баяновском могильнике в полной мере представлено все разнообразие накосников в самых традиционных формах. Рождественский могильник, принадлежавший к финальному этапу ломоватовской культуры, сопровождал одноименное городище – типичный средневековый городок с полиэтничным населением, где прослеживается тенденция к постепенному стиранию выразительных этномаркирующих признаков в предметах материальной культуры. Здесь зачастую украшения кос состояли из низок бус без характерных подвесок, или в погребения помещались лишь обломки таких подвесок, чтобы подчеркнуть этническую принадлежность погребенных. И только изредка в женских погребениях присутствуют обычные для ломоватовской культуры накосники. Но одной из особенностей данного памятника является то, что здесь изучена серия мужских погребений, «в ногах» или в «изголовье» которых был уложен женский накосник с прекрасно сохранившейся низкой. Очевидно, это был «дар вдовы», причем не исключено, что женщина по-

Рис. 5. Сложносоставные накосники. Баяновский могильник: 1 – п. 365, 2 – п. 275, 3 – п. 101, 4 – п. 345, 5 – п. 284.

Fig. 5. Hair decoration composite. Bayanovsky burial ground: 1 – b. 365, 2 – b. 275, 3 – b. 101, 4 – b. 345, 5 – b. 284.

мещала в погребение умершего мужа не просто украшение, а отрезанную вместе с ним косу.

Анализ низок, сохранившихся в составе накосников, позволил выделить среди них несколько вариантов.

Первый вариант наиболее простой – шнурок у подвески декорирован группой из нескольких бронзовых бус (от 3 до 11) (рис. 2), иногда такая низка дополнялась одиночными желтыми, зелеными глазчатыми, си-

ними стеклянными бусинами (рис. 2: 5, 8, 17, 20), в п. 400 короткие низки включали каменные бусы (рис. 2: 9). При этом варианте длинные кожаные шнуры могли вплетаться в косы. Этот вариант низок устойчиво сочетается с основными типами накосников – арочными и биконьковыми подвесками, которые обычно представлены парой, иногда двумя парами однотипных подвесок (рис. 2: 7), в п. 425, 467 Баяновского могильника – парой арочных и парой биконьковых подвесок (рис. 2: 17–18). Лишь в одном погребении (п. 156) Баяновского могильника на коротких низках помещались подвески с основой из маленьких умбонов (рис. 2: 3). В ряде погребений основные накосники на коротких низках дополнялись второстепенными – подвеской-ложечкой (рис. 2: 16), флаконовидными пронизками-игольниками (рис. 2: 13–14, 17), копоушкой (рис. 2: 18), шумящими колокольчиками (рис. 2: 13), для подвешивания которых использовались преимущественно длинные низки.

Второй вариант – подвески крепились на длинных низках, как правило, собранных на одном шнуре, в составе которых наиболее часто присутствуют бронзовые бусы-«флакончики», перемежающиеся цветными стеклянными и каменными бусами (рис. 3–4). Реже встречаются длинные низки на двойном шнуре, собранные из спиралевидных пронизок и литых шаровидных и зонных бронзовых бус (рис. 4: 3, 5–6, 9–10). При таком варианте низки не могли вплетаться в волосы, они, вероятнее всего, свисали вдоль кос и могли обматываться вместе с косой шнурком (Крыласова, 2000, с. 63–64). Длинные низки сочетаются с биконьковыми (рис. 3: 1–5, 8, 10, 12), арочными (рис. 3: 3, 6–7;

4: 10; 5: 1–5), колесовидными подвесками (рис. 4: 1–2, 4), с подвесками с треугольной основой из маленьких умбонов (рис. 3: 9; 4: 6). Основные накосники на длинных низках чаще всего дополняются флаконовидными пронизками, которые обычно помещались на правой косе (рис. 3: 1, 3–7, 9; 4: 4–8), нередко – подвесками-ложечками (рис. 4: 3–5), копоушками (рис. 3: 9–11), металлическими амулетами-гребешками (рис. 3: 12–13), которые либо сопровождают основные накосники, либо используются сами по себе.

В ряде женских погребений Баяновского могильника представлены сложносоставные накосники, состоящие из 2–3 пар подвесок, иногда усложненных дополнительными элементами (рис. 2: 7, 13, 17–18; 3: 9; 4: 3–4; 5: 1–5). Среди них выделяются следующие варианты: две пары основных и второстепенные накосники на коротких низках (рис. 2: 7, 13, 17–18), пара накосников на коротких и пара на длинных низках (рис. 5: 1–4), все накосники на длинных низках (рис. 3: 9; 4: 3–4; 5: 5). В отдельных случаях у подобных накосников сохранились низки бронзовых или стеклянных бус, соединявшие косы (рис. 5: 1, 5). В п. 345 Баяновского могильника такая низка не сохранилась, но между парными накосниками выявлено три набора из бронзовых пронизок и бус с колокольчиками на конце, которые образовывали своеобразную «бахрому», очевидно, крепившуюся на шнурке, соединявшем косы (рис. 5: 4).

В целом можно утверждать, что накосники на длинных и коротких низках сосуществовали на протяжении всего рассматриваемого периода, но, судя по бусам в составе

Рис. 6. Женские поясные привески. Баяновский могильник: 1 – п. 404, 2 – п. 369, 3 – п. 266, 4 – п. 101, 5 – п. 69, 6 – п. 350, 7 – п. 467, 8 – п. 470, 9 – п. 389, 10 – п. 270; Рождественский могильник: 11 – п. 178, 12 – п. 398.

Fig. 6. Women's belt decoration. Bayanovsky burial ground: 1 – b. 404, 2 – b. 369, 3 – b. 266, 4 – b. 101, 5 – b. 69, 6 – b. 350, 7 – b. 467, 8 – b. 470, 9 – b. 389, 10 – b. 270; Rozhdestvensky burial ground: 11 – b. 178, 12 – b. 398.

низок, отмечается предпочтение коротких низок в IX в., а длинных – в X–XI вв.

Поясные привески в женском костюме, как правило, представляли

собой низки, достигавшие длиной до колен, обычно крепившиеся к поясу слева. В отличие от наконечников, где в составе преобладают бусы, поясные низки состояли пре-

Рис. 7. Женские поясные привески. Баяновский могильник: 1 – п. 65, 2 – п. 252, 3 – п. 473, 4 – п. 195, 5 – п. 362, 6 – п. 365, 7 – п. 440, 8 – п. 406; Рождественский могильник: 9 – п. 167, 10 – п. 348, 11 – п. 268, 12 – п. 317.
Fig. 7. Women's belt decoration. Bayanovsky burial ground: 1 – b. 65, 2 – b. 252, 3 – b. 473, 4 – b. 195, 5 – b. 362, 6 – b. 365, 7 – b. 440, 8 – b. 406; Rozhdestvensky burial ground: 9 – b. 167, 10 – b. 348, 11 – b. 268, 12 – b. 317.

имущественно из пронизок, дополнявшихся металлическими бусами, стеклянные бусы в их составе редки. Женские поясные привески

можно разделить на два основных варианта.

В первом варианте низки на одинарном шнуре в количестве от 1

Рис. 8. Мужские поясные привески. Рождественский могильник: 1 – п. 196, 2 – п. 149, 3 – п. 280, 4 – п. 256, 5 – п. 212; Баяновский могильник: 6 – п. 250, 7 – п. 105, 8 – п. 59, 9 – п. 357, 10 – п. 76, 11 – п. 437, 12 – п. 279, 13 – п. 232, 14 – п. 278, 15 – п. 305, 16 – п. 277.

Fig. 8. Men's belt decoration. Rozhdestvensky burial ground: 1 – b. 196, 2 – b. 149, 3 – b. 280, 4 – b. 256, 5 – b. 212; Bayanovsky burial ground: 6 – b. 250, 7 – b. 105, 8 – b. 59, 9 – b. 357, 10 – b. 76, 11 – b. 437, 12 – b. 279, 13 – b. 232, 14 – b. 278, 15 – b. 305, 16 – b. 277.

до 5 последовательно крепились к поясу (рис. 6: 1–12). В порядке сборки низок прослеживается такая особенность, что внизу у замыкающего низку колокольчика

размещалась группа бусин или пронизок со вздутиями, а выше – длинные литые или спиралевидные пронизки, иногда перемежающиеся пронизками со вздутиями.

Во втором варианте низка, собранная сверху из бронзовых бус или пронизок, внизу разделялась на 2–3 «хвоста» с набором из спиралевидных пронизок и бус, завершающихся колокольчиками или бубенчиками. Чаще всего в основании таких низок находился двойной шнур. Во многих женских погребениях Баяновского могильника на месте разделения низки помещался «самоварчик» – подвеска-коробочка из двух половинок, нанизанных на два ремешка, протянутых через специальные петли (рис. 6: 5; 7: 3–5, 7–8). На Рождественском городище такие подвески-«самоварчики» тоже известны, но не представлены ни в одной сохранившейся низке. Здесь в п. 167 на месте разделения низки находилась крупная черная стеклянная бусина (рис. 7: 9). Низки, разделяющиеся на «хвосты», нередко сопровождалась дополнительными привесками с низками на одном или на двух шнурах, которые завершались колокольчиками (рис. 7: 4, 6–8), либо к ним привязывали шумящие подвески-коробочки (рис. 7: 1–2, 6). На Рождественском могильнике в погребениях второй половины X–XI вв. одна из низок в составе поясных привесок зачастую завершалась флаконовидной пронизкой (рис. 7: 12). Различие места размещения флаконовидной пронизки-игольника в женском костюме Баяновского и Рождественского могильников обусловлено либо хронологическими различиями, либо местными традициями.

Кроме описанных низок, служивших украшением и одновременно оберегом, в составе женского костюма отмечаются низки из металлических бус, на которых к поясу подвешивались деревянные ножны

в медной или серебряной обкладке (напр., рис. 7: 1).

В мужском костюме низки из металлических элементов выявлены только в составе поясных привесок. Причем здесь чаще всего шнурки с нанизанными на них металлическими бусами и пронизками выполняли утилитарную функцию – служили для подвешивания к поясу кресал с бронзовыми рукоятями (рис. 8: 4, 7, 14), костяных или деревянных гребешков с зооморфными рукоятями (рис. 8: 6), деревянных ножен (рис. 8–9), поясных кошельков (рис. 8: 15–16). Для этих целей использовались довольно лаконичные короткие низки на одинарном или двойном шнурке. На Рождественском могильнике в мужских погребениях достаточно широко встречаются якорьковые подвески, к которым подвязывались такие низки (рис. 8: 5), «якорек» закреплялся в петле на поясе, такое крепление позволяло легко снять с пояса необходимый предмет. Реже встречаются низки, служившие украшением пояса. Это обычно 1–2 короткие низки, завершающиеся колокольчиками или бубенчиками (рис. 8: 1–3). В двух мужских погребениях Баяновского могильника встречены привески с более длинными низками, в п. 279 такая привеска внизу разделялась на два «хвоста», завершающихся бронзовыми когтевидными привесками (рис. 8: 11–12).

Одним из оригинальных мужских поясных украшений являлись привески на двух шнурах с набором металлических пронизок и бус, между которыми размещались планки, вырезанные из передней стенки когтя медведя (определение П.А. Косинцева) (рис. 8: 10). Первое такое украшение было обнаружено в XIX в. на Загарском могильнике (Спицин,

табл. VII: 16), но поскольку долгое время это была единственная подобная находка, она никак не интерпретировалась. Сейчас такие привески известны уже в десятке погребений Баяновского и Рождественского могильников. Собраны они были следующим образом: сверху, где шнурки подвязывались к поясу, на них были нанизаны спиралевидные пронизки, ниже следовали планки из когтей (до 12 экз.), у которых шнуры пропускались через пару отверстий, просверленных в районе центральной части планки; планки перемежались бронзовыми бусинами или пронизками с парой гладких вздутий; внизу шнуры сводились в одну низку, замыкающуюся колокольчиком или привеской.

Таким образом, анализ низок, сохранившихся в погребениях Рождественского и Баяновского могильни-

ков, показал, что в период IX–XI вв. существовали определенные стандарты в их наборе, несмотря на то, что каждая низка, безусловно, оригинальна и отражает эстетические предпочтения человека, который ее собирал. На протяжении рассматриваемого периода прослеживаются некоторые хронологические изменения в составе пронизок и бус, но в целом способы сборки низок подчинялись строгой традиции. Выделено два основных вида низок – на одинарных и на двойных шнурках, каждый из которых применялся во всех категориях украшений, где применялись низки из металлических элементов (височных, накосных, поясных). Предполагается, что дальнейшие исследования в данном направлении позволят выделить хронологические и территориальные различия в наборе низок в среде средневекового финно-угорского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 1 (32). С. 28–41.
2. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
3. *Кочуркина С.И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.
4. *Крыласова Н.Б.* История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
5. *Крыласова Н.Б.* Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 1 (21). С. 104–115.
6. *Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып. 26. СПб.: Типография Безобразова, 1902. 109 с.

Информация об авторах:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); главный научный сотрудник, ПФИЦ УрО РАН (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

Данич Андрей Васильевич, научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

THREADS OF METAL BEADS AND TUBE BEADS IN THE MIDDLE-AGE FINNO-UGRIAN COSTUME OF THE PERM CIS-URALS

N.B. Krylasova, A.V. Danich

Metal beads and tube beads became universally popular, in particular within the Finno-Ugrian tribes during the Middle Ages. Just like with other varieties of beads, a string or a leather cord was passed through them. These threads were used as part of temple, braid or belt decorations in the women's attire and only as belt decorations in the men's attire. A sufficient number of threads, with their initial order intact and some even preserved on cords, have been studied in the course of years of research of the Bayanovsky and Rozhdestvensky burial sites in the Perm Region for initial conclusions to be drawn about the specifics of these combinations. It has been claimed by the authors that there were certain standards for the choice of threads in the 9–11th centuries. Two types of threads have been defined – those on a single cord and on a dual cord. Throughout the period under scrutiny chronological changes in the combinations of threads and beads can be observed. However, these combinations were generally in conformity with the classical tradition.

Keywords: archaeology, the Perm Cis-Urals, the Middle Ages, costume elements, metal beads and tube beads, threads.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2016. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 32 (1), 28–41 (in Russian).
 2. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'ie (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
 3. Kochkurkina, S. I. 1989. *Pamiatniki iugo-vostochnogo Priladozh'ia i Prionezh'ia X–XIII vv. (Sites of the South-Eastern Ladoga and Onega Regions dated 10th–13th cc.)*. Petrozavodsk: "Kareliia" Publ. (in Russian).
 4. Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
 5. Krylasova, N. B. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 21 (1), 104–115 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1902. *Drevnosti Kamskoy chudi po kollekcii Teploukhovykh (Antiquities of the Kama Chud' People from the Teplouhovs collection)*. Series Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 26. Saint Petersburg: Bezobrazov Tipografy (in Russian).

About the Authors:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation. Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Danich Andrey V. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; adanich@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.66.80>

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИИ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА

© 2020 г. С.К. Самашев

В статье рассматривается функции тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана. Учеными активно разрабатываются вопросы тамгопользования народов, населявших казахские степи с древнейших времен до наших дней. Каждый год выявляются новые движимые и недвижимые памятники с изображениями тамг разного периода истории. Среди них особо выделяются тамги эпохи Средневековья. В данный период в евразийских степях проходили сложные этнополитические и социокультурные процессы – создавались и распадались Тюркские, Тюркешский, Карлукский, Огузский и Кимакский каганаты, а также государственные образования найманов, караханидов, керейтов, жалайыров и кыпшаков. Известно, что кочевые этносы средневековья имели тамги, как общеплеменные, так и производные от них, а также родовые, семейные и личные, которые определяли их статус в обществе, право на имущество и т.д. Тамгами отмечались оружие, предметы быта, детали одежды, монеты. Тамга практически стала инструментом управления, то есть она имела функцию знака государственности, родовой принадлежности, частной собственности, а также использовалась в качестве поминального текста, оберега и, возможно, «для придания индивиду особого статуса», можно сказать, была древним прототипом современных нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения.

Ключевые слова: археология, Казахстан, средневековье, тамга, знак, тамговедение, тамгопользование, кочевники, тюрки, каганаты.

Введение.

Средневековые тамгообразные знаки становятся объектом научных разработок, о чем свидетельствует появление различных публикаций, посвященных типологии и классификации, а также хронологической и этнической идентификации тамгообразных знаков (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010, с. 6–10; Рогожинский, 2013, с. 227). Объем введенных в научный оборот публикаций позволяет выделить тему «Исследование средневековых тамгообразных знаков казахских степей» в основное направление в тамговедении.

В петроглифах разных регионов Казахстана выявляются тамгообразные знаки, оставленные средневековыми народами (табл. 1), но пока никто не занимался систематизацией и подсчетом накопленного материала по Казахстану в целом. Кроме того, еще далеки от окончательного сложения общие методологические прин-

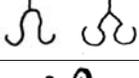
ципы разработки вопросов генезиса, функции, семантического анализа и этносоциокультурной атрибуции средневековых тамгообразных знаков. Корреляция данных археологических и письменных источников также имеет множество нерешенных вопросов. Тем не менее нельзя отрицать определенные подвижки в деле разработки проблем тамговедения. Анализ введенных в научный оборот источников дает возможность разделить средневековые тамгообразные знаки по названиям крупных этнических объединений и указать их как тамги времен древних тюрков, тюркешей, огузов, карлуков и ранних караханидов.

Наиболее древние тамги Казахских степей относятся к различным периодам каменного века, но формирование их в сложную знаковую систему состоялось, по-видимому, в бронзовом веке (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010, с. 7). Некоторые

Типы древнетюркских тамг в петроглифах Казахстана
(по: Самашев, Базылхан, Самашев, 2010, с. 146–165; Самашев, 2013, с. 282, 284, 288)

№	Изображение тамги	Название и дата памятника	Этническая идентификация
1		Тамгалы (Tamgaly), Алматинская область, VIII–IX вв.	Он ок? (по З. Самашеву и Н. Базылхан)
2		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв. Тамгалы (Tamgaly), Алматинская область, VIII–IX вв.	- -
3		Баянжурек (Bayanzhurek), Алматинская область, VI–IX вв.	Тарду? (по З. Самашеву и Н. Базылхан)
4		Шакпак ата (Shakpak ata), Мангистауская область, IX в.	-
5		Сауыскандык (Sauyskandyk), Кызылординская область, IX в.	-
6		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв. Мерке (Merke), Жамбылская область VIII–IX вв.	- -
7		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
8		Ойжайлау (Oizhailau), Алматинская область, VIII–IX вв.	-
9		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
10		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
11		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VII–IX вв.	Басмыл, карлук (по З. Самашеву и Н. Базылхан)
12		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
13		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
14		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
15		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
16		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
17		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв.	Басмыл, карлук (по З. Самашеву и Н. Базылхан)
18		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-

№	Изображение тамги	Название и дата памятника	Этническая идентификация
19		Арпаозен (Arapozen), Туркестанская область, VIII–IX вв.	-
20		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв.	- - -
21		Сауыскандык (Sauyskandyk), Кызылординская область, VIII–IX вв.	Он ок (по З. Самашеву и Н. Базылхан)
		Баянжурек (Bayanzhurek), Алматинская область, VIII–IX вв.	-
		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
		Мерке (Merke), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
22		Каратау (Karatau), Туркестанская область, VIII–IX вв.	Он ок (по З. Самашеву и Н. Базылхан)
23		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
24		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
25		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
26		Сенек Бессокты (Senek Bessokty), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
27		Аксу-Жабагылы (Aksu-Zabagyly), Туркестанская область, VIII–IX вв.	-
28		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
29		Сауыскандык (Sauyskandyk), Кызылординская область, IX–X вв.	-
		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, IX–X вв.	-
		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
30		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
31		Жайсан (Zhaisan), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
32		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-

№	Изображение тамги	Название и дата памятника	Этническая идентификация
33		Ойжайлау (Oizhailau), Алматинская область, VIII–IX вв.	-
34		Каратау (Karatau), Туркестанская область, VIII–IX вв.	-
35		Сауыскандык (Sauyskandyk), Кызылординская область, VIII–IX вв.	-
36		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
37		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
38		Отрар (Otyrar), Туркестанская область, VIII–IX вв.	-
39		Оралбай (Oralbai), Восточный Казахстан, VIII–IX вв.	-
40		Тамгалы (Tamgaly), Алматинская область, VII–IX вв.	Тюркеш, он ок (по З. Самашеву и Н. Базылхан)
41		Каратау (Karatau), Туркестанская область, VIII–IX вв.	-
42		Мерке (Merke), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
43		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
44		Каракабак (Karakabak), Мангистауская область, VIII–IX вв.	-
45		Улкен Карасай (Ulken Karasai), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
46		Улкен Карасай (Ulken Karasai), Жамбылская область, VIII–IX вв.	-
47		Ешкиолмес (Eshkiolmes), Алматинская область, VIII–IX вв.	-
48		Ешкиолмес (Eshkiolmes), Алматинская область, VIII–IX вв.	-
49		Оралбай (Oralbai), Восточный Казахстан, VIII–IX вв.	-

исследования в этом направлении указывают на тюрко-монгольское начало средневековых тамгообразных знаков (Ольховский, 2001, с. 100; Тулумбаев, 2001, с. 7–8; Tezcan, 2010, с. 375–378; Samashev, Bazylkhan, 2010, с. 313–314; Базылхан, 2014, с. 195–196; Qurbanov, 2013, с. 22–25; Aksoy, 2014, с. 86–88).

Часть исследователей, ссылаясь на разные документальные памятники, пытаются связать генезис средневековых тамгообразных знаков с территорией современного Китая (Яценко, 2001, с. 108; Osawa, 2010, с. 194; Тишин, 2018, с. 105–106).

В самый разгар научной полемики В.В. Тишин, основываясь на различных письменных источниках, предлагает пять терминов, обозначающих тамговые знаки древнетюркского времени (Тишин, 2018, с. 107). Этим он указал на необходимость нового взгляда на данную научную проблему.

Одной из нерешенных проблем в этой области является создание методики исследования средневековых тамгообразных знаков. Пока предложены некоторые методические разработки выделения тамгообразных знаков в петроглифах Казахстана (Рогожинский, 2012, с. 91; Новоженев, 2012, с. 117–118).

На сегодняшний день хорошо исследованы наскальные изображения тамг (рис. 1–5), обнаруженные на территории Жетысу, в горных районах Южного, Восточного и Западного Казахстана (Рогожинский, 2011, рис. 1).

А.Е. Рогожинский сообщает о фиксации «около 200 местонахождений древних и средневековых тамг-петроглифов, насчитывающих в общей сложности до 500 изображений знаков» и выделяет «до 40 основных форм знаков, некоторые из которых

имеют несколько производных вариантов». Эти изображения датируются автором древнетюркскими (VI–VII вв.), тюргешскими (первая половина VIII в.), карлукскими и раннекараханидскими (вторая половина VIII – начало XI в.), огузскими (середина VIII – XI в.) знаками (Рогожинский, 2016, с. 54). Из них к тамгам древнетюркского времени относятся знаки племен «он ок будун (десяти стрел)» (Досымбаева, Бондарев, 2016, с. 112).

Н. Базылхан выделяет шесть функций тамгообразных знаков в родоплеменной структуре: родовой знак; племенной знак; знак этнополитических объединений; династийный знак; фамильный знак; знак правителей государств (Базылхан, 2014, с. 196).

Тюргешские тамги часто встречаются на монетах. Выявление и изучение тюргешских монет связывают с именем А.Н. Бернштама, прочитавшего надписи на четырех медных монетах, найденных в процессе раскопки городища Сарыга в 1939 году (Бернштам, 1951, рис. 1–2). О.И. Смирновой определено, что тюргешская тамга является стилизованной буквой «ат» (Рогожинский, Тишин, 2018, с. 81). Монеты с тюргешскими тамгами были в обороте в Отырарском оазисе начиная с 30-х годов VIII в. (Досымбаева, Бондарев, 2016, с. 113). Весомый вклад в изучение тюргешских монет внесен Г.Б. Бабаяровым (Бабаяров, 2007, с. 8–92). А.Е. Рогожинский среди других тамг-петроглифов идентифицирует тюргешские тамги по широко распространенным монетным аналогиям (Рогожинский, 2016, с. 60).

Карлукские тамги, обнаруженные недавно на территории Жетысу, имеют широкий ареал распространения: от Юго-Восточной, Юго-Западной и

Рис. 1. Карта распространения основных типов древнетюркских тамг-петроглифов: 1 – Каракабак; 2 – Шакпак ата; 3 – Сенек Бессокты; 4 – Сауыскандык; 5 – Отырар; 6 – Аксу-Жабагылы; 7 – Каратау; 8 – Мерке; 9 – Жайсан; 10 – Ойжайлау; 11 – Тамгалы; 12 – Улкен Карасай; 13 – Ешкиолмес; 14 – Баянжурек; 15 – Оралбай.

Fig. 1. Distribution map of the main types of ancient Turkic tamgas-petroglyphs: 1 – Karakabak; 2 – Shakpak ata; 3 – Senek Bessokty; 4 – Sauyskandyk; 5 – Otyrar; 6 – Aksu-Zhabagly; 7 – Karatau; 8 – Merke; 9 – Zhaisan; 10 – Oizhailau; 11 – Tamgaly; 12 – Ulken Karasai; 13 – Eshkiolmes; 14 – Bayanzhurek; 15 – Oralbai.

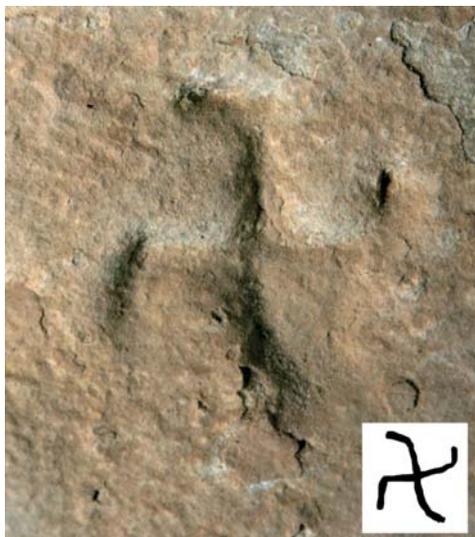
Центральной Монголии до Алтая и Южного Казахстана (Кубарев, 2018, с. 36). Сведения о карлукских тамгах имеются в работе П.Б. Лурье (Лурье, 2010, с. 280–282). По мнению А.Е. Рогожинского, карлукские тамги на казахстанской земле появились после 745 года, с началом переселения карлукских племен в Жетысу (Рогожинский, 2016, с. 170).

Тамги раннекараханидских времен выявлены в памятниках Таласской долины, а также однотипные знаки известны среди петроглифов Кыргызского и Таласского Алатао, на посттюркешских монетах и керамике (Рогожинский, 2016, с. 61).

Средневековые исторические источники содержат ценную информацию об огузских тамгах. Например, в известном труде Махмуда Кашгари «Диуан-и лугат-ат турк» говорится о 22 родовых тамгах огузов,

в «Жамиат ат-тауарих» Рашид ад-Дина речь идет о 24 огузских тамгах. Подобную информацию содержат труды Абулгази бахадур хана «Шаджара-и турк» и Утемиш хаджи «Дафтар-и Чингизнаме» (Базылхан, 2014, с. 198). А.Е. Рогожинский отмечает численное преобладание огузских тамг на западе и юге Казахстана (Рогожинский, 2016, с. 61).

С. Ажигали, занимающийся изучением системы родовых знаков Арало-Каспийского региона, разделяет их на три группы. Раннюю группу составляют знаки огузского периода, указанные в труде Махмуда Кашгари. По его мнению, проследить системность этих знаков на более ранних памятниках практически невозможно, но можно говорить об их существовании уже с древнетюркского периода – с VI–VII вв. В среднюю группу входят тамги, из-

вестные в Арало-Каспийском регионе с X–XI вв., то есть в домонгольский период. А последняя группа состоит из тамг огуз-туркменских племен, которые населяли Прикаспий в средневековую и позднесредневековую эпоху (Хегай, 2017, дата обращения: 25.11.2019).

Итак, как мы отметили, тамги, возникшие в результате этносоциокультурных процессов средневекового населения Великого пояса степей, распространяются в различных сферах жизнедеятельности людей, начиная с маркировки территориальных владений государства (Досымбаева, 2011, с. 280) и заканчивая личными вещами индивидов, отражаются в их мировоззрении, верованиях, родственных и общественных отношениях, во внутренней и внешней политике, на политико-экономическом потенциале и направлении, тем самым являются ценным источником. С этой точки зрения имеются две важные задачи. Первая – разносторонне изучить тамги с использованием со-

Рис. 3. Сауыскандык. Хребет Каратау.

Fig. 3. Sauyskandyk. Karatau Ridge.

Рис. 2. Каракабак. Мангыстау.

Fig. 2. Karakabak. Mangystau.

временных научных методов и включить в ряд полноценных источников. Вторая – пользуясь этими данными, подчеркнуть глубину территориальной и этнической целостности казахского народа, унаследовавшего эти маркеры.

Методы. Методы изучения функций тамгообразных знаков остаются практически нераскрытой темой, поскольку в самом тамговедении как специфической области науки методический вопрос не разработан в полном объеме. Это, скорее всего, связано с тем, что исследовательская среда состоит из специалистов разных областей гуманитарных наук (историки, археологи, этнографы, тюркологи, филологи, юристы и др.), к тому же имеющих разноплановый опыт работы и различный уровень теоретических знаний и, главное, имеющих разные научные задачи. Более или менее продуктивные результаты у археологов, успешно использующих в своей работе выработанные в петроглифоведении методы. Но этого недостаточно для решения существующих проблем в этой области.

Можно заметить, что многие исследователи в своих работах по тамговедению придерживаются следующих методологических принципов:

Рис. 4. Баянжурек. Жетысу.

Fig. 4. Bayanzhurek. Zhetysu.

историзма, универсальности истории, функциональности, а также системности. Действительно, для объективного исследования тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана как отдельного общественного явления необходимо рассмотреть исторические условия возникновения этих знаков. Средневековые кочевники, населявшие казахские степи, периодически объединялись и создавали свои государства во главе с каганом, а также общегосударственные, общеплеменные и родовые тамги и символы, имеющие государственные функции. Но при этом нужно отметить и признать наличие особенностей тамг у разных племен и искать причины такого отличия. Эти отличия напрямую связаны с функциями тамгообразных знаков, используемых средневековыми кочевниками Казахстана. В свою очередь, выявление функций тамгообразных знаков потребует использования принципа системности в исследовательской деятельности.

Принимая во внимание общие подходы в разработке данной проблемы, в работе автором были использованы следующие методы исследования:

1. Количественный анализ средневековых тамг, выявленных на территории современного Казахстана и введенных в научный оборот.

Рис. 5. Оралбай. Тарбагатай.

Fig. 5. Oralbai. Tarbagatai.

2. Метод сравнительно-сопоставительного анализа: общее и особенное в характеристике тамг Казахского Алтая, Жетысу, Сарыарки, Шу-Таласского и Арало-Каспийского регионов.

3. Контент-анализ, в частности в контексте «связанности символов».

4. Дискурс-анализ: метод изучения социального мира; изучение категории идентичности; выявление типов и количества данных для анализа; изучение текста дискурса и контекста.

5. Нарративный метод: изучение письменных текстов и информации, основанной на устной традиции.

Результаты. В самом начале предметных исследований тамги рассматривались учеными весьма ограниченно – как невербальные обозначения структурных элементов этноса. Далее по мере накопления материалов выясняется, что тамги, помимо отражения принадлежности человеческого индивидуума к определенной семейно-родовой группе, могут также скрывать в себе разнообразные и более глубокие, зашифрованные данные обо всех сферах жизнедеятельности древних обществ, расшифровка которых напрямую зависит от исследовательского опыта и «фантазии» ученого.

Основываясь на результатах работ предыдущих исследователей, мы попытались определить функциональные назначения тамгообразных знаков средневековых народов Казахстана. Наличие тамги независимо от места, времени и случая нанесения означает одно – присутствие человека. Все остальное: место, время, форма, смысловое содержание и т. д. – это детали. Работа исследователей заключается в интерпретации этих деталей с целью превращения тамг в полноценный исторический источник. В нашем случае это знак присутствия средневековых популяций на определенной территории в определенное время. То есть средневековые тамги и тамгообразные знаки, выявленные на территории Казахского Алтая, Жетысу, Шу-Таласского междуречья, Приаралья, Центрального и Западного Казахстана, изученные с использованием археологических, в том числе естественно-научных методов и введенные в научный оборот, указывают на расселение на этих землях в раннее Средневековье племен, входивших в состав Западно-Тюркского, Тюркешского, Карлукского, Огузского и Кимакского каганатов, а в позднее Средневековье – племен, входивших в состав государственных образований найманов, караханов, керейтов, жалайыров, кыпшаков и др. Тем самым тамги указывают на проживание этих племен в казахских степях в средневековый период.

Тамга также является знаком родовой принадлежности. Поскольку на данную тему имеется огромное количество научной литературы, мы не будем останавливаться на этом подробно и вдаваться в детали.

Следующее функциональное значение тамги – «знак собственности

скота» – вытекает из природы самого кочевого образа жизни. Задолго до средневековых кочевников на территории Казахстана произошла аридизация климата. Как отметил Н.Э. Масанов, «вследствие этого абсолютно доминирующей, а зачастую единственно возможной, особенно в пустынной, полупустынной и степной зонах, составляющих более 90% территории Казахстана, отраслью хозяйства на протяжении почти трех тысячелетий являлось кочевое скотоводство» (Масанов, 1995, с. 64). В итоге для средневековых кочевников скот (и в первую очередь лошади) играл главную роль. Эти люди, так же как их предшественники, были адаптированы к суровой реальности кочевой жизни. Важность скота для кочевников хорошо описывает Ч.Ч. Валиханов: «Кочевой степняк ест и пьет и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиза, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевника более, нежели целые страницы (описаний)» (Валиханов, 1985, с. 28).

Все достаточно элементарно. Кочевникам, чтобы выжить, нужно было иметь в собственности домашних животных, а чтобы отличить их от чужого скота, нужно поставить собственную тамгу. Выходит, тамга в качестве знака собственности у средневековых кочевников играла жизненно важную роль. При этом в большинстве случаев тамга являлась знаком собственности владельцев конских табунов. На это указывают труды Ю.А. Зуева (Зуев, 1960), Л.И. Лаврова (Лавров, 2009), Т. Гюленсоя (Gülensoy, 1989) и многих других авторов.

По нашему мнению, определение функции тамги в качестве «собственности» и/или «обладания» можно применять только в случае таврирования домашних животных. Многие исследователи данное определение используют обобщающе: тамги, маркирующие территории, колодцы, жилые помещения и другие различные движимые и недвижимые имущества индивида или этнической группы, причисляют к этой группе. При детальном рассмотрении возникают сомнения в правильности такого разделения. Например, тамги на сосудах интерпретируют как знак собственности владельца данного изделия и в то же время как авторский знак (Плетнева, 1967, с. 124). Также имеются сведения о том, что тамги ставили гости в знак благодарности за гостеприимство (Лавров, 2009, с. 15). Та же история и с оружием. Тамги могут быть родовым знаком хозяина, а также обозначаться специальным символом, используемым в качестве оберега или для придания личности большей значимости. Точно так же можно трактовать тамги на колодцах. Следовательно, перед тем как расположить тамгу в определенной группе, предварительно нужно выяснить предназначение изделия – культовый это предмет или бытовой. Более сложно обстоит дело с памятниками тамгопользования, о значении которых можно только догадываться.

Тамги средневековых народов имели также функцию «знака государственности». К такой категории знаков можно отнести тамги, встречающиеся на монетах, штандартах правителей и в официальных документах.

Тамги, выполняющие функцию поминального текста, следует отделить от других видов тамг, нанесенных на стелы.

Тамги, имеющие магическую функцию, составляют отдельную группу, и, по нашему мнению, туда можно отнести тамги, поставленные на мемориально-культовые памятники, обереги (тумар, назарлык), а также на различные виды боевого оружия и на ритуальные предметы. В этом плане очень интересный факт приведен у И.С. Чичурова, переведившего византийские исторические источники: «...когда же автократор спросил турок, у которых на лбу черным было наколото изображение креста, зачем они носят этот знак, турки ответили, что много лет назад в Турции была чума и что некоторые христиане из турок предложили это сделать, и таким образом страна была спасена» (Чичуров, 1980, с. 55).

Следует отметить, что на сегодняшний день очень мало документальных подтверждений о тамгах, свидетельствующих «об особом статусе индивида» в обществе. Но мы не исключаем варианта выделения особой категории знатных людей с помощью постоянных татуировок, чтобы, как у древних пазырыкцев, осуществить «переоформление» натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости» (Полосьмак, 2001, с. 232).

Есть основание выдвинуть предположение по поводу «преемственности» данной практики. Учитывая особенность Укокского погребения (сохранность в условиях мерзлоты), можно считать, что татуировки на останках средневековых кочевников уничтожены за давностью лет.

Есть и другой, обратный случай, когда тамгу использовали для общественного порицания. Например, Х.Х. Яхтанигов указывает на три категории такого явления среди северо-

кавказского народа (Яхтанигов, 1993, с. 77). Возможно, рабов (очень часто военнопленных обращали в рабство) также выделяли от других людей надрезом на ушах. На это указывает существующий у казахов фразеологизм «Құлақ кесті құл», буквальный перевод – «Раб с рваным ухом» (Кожаметова, Жайсакова, Кожаметова, 1988, с. 125), имеющий глубокие корни своего появления.

Вполне возможно, что временные тамги использовали во время совершения ритуалов «перехода» в новую жизнь, то есть на определенных этапах взросления человека.

Обсуждения. Судя по доступным нам источникам, одним из первых, кто обратил внимание на функциональные назначения тамг, был Л.И. Лавров (Лавров, 1978, с. 91). Он указывает на три функции тамг: в качестве производственного клейма, подписи или печати, а также герба. При этом он не исключает вероятности того, что тамга при всём своем разнообразии первоначально являлась знаком собственности у скотоводов, особенно у владельцев конских табунов.

Следующей успешной работой в этой области считается статья В.С. Ольховского «Тамга (к функции знака)», где он выделяет восемь функций тамговых знаков: знак принадлежности; знак владения; знак авторства; знак присутствия; знак удостоверения; знак покровительства и подчинения; хронологический показатель; оберег (Ольховский, 2001, с. 100–109). Касательно этой работы С.А. Яценко «придерживается иного мнения об опытном обосновании и происхождении этого списка тамг» (Тамги доисламской центральной Азии, 2019, с. 18). В то же время О. Каратаев и К. Жанибекова в общей

работе используют предложенные В.С. Ольховским варианты практически без изменений, подтверждая каждый пункт материалами своих личных изысканий (Karataev, Janibekova, 2016, с. 163–179). Также А. Курбанов, основываясь на результатах указанной работы В.С. Ольховского и некоторых других исследователей, выделяет пять функций тамгообразных знаков: показатель этнической принадлежности; выражение доминирующей этнической культуры; знак статуса, доминантно-вассальных отношений; указатели религиозной принадлежности и мифологического мышления; графический знак территориальной принадлежности (Qurbanov, 2013, с. 17–22).

У Д.Д. Васильева тамги функционально разделены на четыре категории: тамги обладания; тамги наследования; тамги персонификации; тамги присутствия (Васильев, 2015, с. 365).

К сожалению, нам пока неизвестны работы других авторов, также детально рассмотревших функциональные назначения тамг.

Заключение.

Доступные нам источники указывают на то, что в конкретном отрезке времени у конкретного народа и/или государства тамги имели определенные функции, которые раньше или позже могли меняться вместе с мировоззрением и образом жизни социума. Поэтому невозможно установить «универсальные» функциональные назначения для тамгообразных знаков. Для обеспечения объективного исследования нужно сохранить гибкость в их рассмотрении.

В данной статье сделана попытка определить функции тамг средневековых кочевников Казахстана. Мы ни

в коем случае не считаем свои выводы а предлагаем как вариант к решению совершенными и универсальными, вопроса.

Финансирование. Работа выполнена в рамках обучения в докторантуре исторического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева по специальности «Археология и этнология».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаяров Г.Б.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н. э.). Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои, 2007. 120 с.
2. *Базылхан Н.* Реконструкция и этимология некоторых названий тамг тюрко-монгольских этносов VIII–XIV вв. // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 195–206.
3. *Бернштам А.Н.* Новый тип тюркешских монет // Тюркологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 67–72.
4. *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. / Отв. ред. А.Х. Маргулан. Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 7–89.
5. *Васильев Д.Д.* Древнетюркские надписи и петроглифы Южной Сибири как источник по истории периферии тюркского каганата // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 36–366.
6. *Досымбаева А., Бондарев М.* Тамги – маркеры этнической культуры и символы тюркского государства // IX Дулатовские чтения / Отв. ред. М. Сарыбеков. Тараз: Тараз университеті, 2016. С. 112–120.
7. *Досымбаева А.М.* Тюркское наследие Казахстана как источник по истории тюркских народов Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Изд-во Хикари, 2011. С. 274–282.
8. *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 93–140.
9. *Кожяхметова Х.К., Жайсакова Р.Е., Кожяхметова Ш.О.* Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.
10. *Кубарев Г.В.* Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе / Отв. ред. Р.М. Еркинова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018. С. 33–39.
11. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 185 с.
12. *Лавров Л.И.* Кавказские тамги. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 88 с.
13. *Лурье П.* Карлуки и яглары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии / Отв. ред. В.А. Алёшкин и др.. С-Пб.: Инфо-ол, 2010. С. 279–284
14. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности nomadного общества). Алматы: Социнвест; Москва: Горизонт, 1995. 320 с.
15. *Новожинов В.А.* К вопросу об идентификации тамгообразных знаков в петроглифах Центральной Азии (Методологический аспект) // Историко-культурное наследие и современная культура / Отв. ред. А. Байлдаева, М.К. Семби, Е.Ж. Оразбек. Алматы: Service Press, 2012. С. 117–122.
16. *Ольховский В.С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Вып. 7 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир, М.: ИА РАН, 2001. С. 100–109
17. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.
18. *Полосьмак Н.В.* Всадники Уюка. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
19. *Рогожинский А.Е.* Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей казахской степи // Археологические наследия Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 53–63.
20. *Рогожинский А.Е.* Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе. Т. 2 / Труды САИПИ. Вып. VIII / Сост.:

Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева, А.Е. Рогожинский, В.Ф. Чирков. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 217–225.

21. *Рогожинский А.Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура / Отв. ред. А. Байдаева, М.К. Семби, Е.Ж. Оразбек. Алматы: Service Press, 2012. С. 91–104.

22. *Рогожинский А.Е.* Проблемы изучения удостоверительных знаков средневековых кочевников Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2013. № 3. С. 226–240.

23. *Рогожинский А.Е.* Тамги Тамгалы // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района / Отв. ред. А. Садуакасулы, Б.А. Байтанаев, Б.А. Железняков. Алматы, 2016. С. 161–174.

24. *Рогожинский А.Е., Тишин В.В.* Комплекс рунических надписей и тамга-петроглифов долины Алмалы в Семиречье // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 8. С. 77–91.

25. *Самашев З.* Древнетюркская графика. Астана: Prosper Print, 2013. 316 с.

26. *Самашев З., Базылхан Н., Самашев С.* Древнетюркские тамги. Алматы: Абди компани, 2010. 168 с.

27. Тамги доисламской Центральной Азии / Отв. ред. Р.Х. Сулейманов. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 452 с.

28. *Тишин В.В.* Некоторые вопросы изучения тамг кочевников Центральной Азии древнетюркского времени // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7 / Отв. ред. Д.Д. Васильев. М.: ИВ РАН, 2018. С. 101–113.

29. *Тулумбаев В.З.* Башкирские тамги и их названия (лингвистическое исследование). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Уфа, 2001. 25 с.

30. *Хегай М.* Ученый раскрыл загадки происхождения казахской тамги. 2017. URL: <http://www.caravan.kz/gazeta/uchenyyj-raskryl-zagadki-proiskhozhdeniya-kazakhskojj-tamgi-398573/> (дата обращения: 25.11.2019).

31. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1980. 216 с.

32. *Яхтанигов Х.Х.* Северокавказские тамги. Нальчик: Лейтер-ибн-Марат, 1993. 204 с.

33. *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

34. *Aksoy M.* Tarihî sessiz dili damgalar. İstanbul, 2014. 440 s.

35. *Gülensoy T.* Orhun'dan Anadolu'ya türk damgaları. İstanbul, 1989. 179 s.

36. *Karatayev O., Janibekova K.* Damgalar ve onların işlevleri (fonksiyonları) // Türk Uluslararası Dil, Edebiyat ve Halkbilimi Araştırmaları Dergisi 2016, Yıl: 4, Sayı: 8. Sayfa: 163–179.

37. *Osawa T.* On Functional Changes of Tamga and Nishan-signs in the Old Turkic Period // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Edited by J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. London & Dover: Dunkling Books, 2010. Pp. 341–372.

38. *Qurbanov A.* Damğalar, rəmzlər... mənimşəmələr. Bakı, 2013. 328 s.

39. *Samashev Z., Bazylkhan N.* Ancient Turkic Tamga-Signs // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Edited by J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. London & Dover: Dunkling Books, 2010. Pp. 311–329.

40. *Tezcan M.* Tamgas among the Turks in the Middle Ages: Their Role as Legal Signs, and Some Related Terms // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Edited by J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. London & Dover: Dunkling Books, 2010. Pp. 373–394.

Информация об авторе:

Самашев Самат Кайроллаевич, докторант (PhD). Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан); ssamashev@gmail.com

ISSUES OF STUDYING THE FUNCTION OF SIGNS RESEMBLING TAMGAS OF THE KAZAKH MEDIEVAL NOMADS

S.K. Samashev

The article considers the functional purpose of signs resembling tamgas of the Kazakh medieval nomads. Today, scientists from Kazakhstan and foreign scientists are studying the system of tamga formation by people inhabiting Kazakh steppes since the ancient times.

Year by year scientists reveal new movable and immovable monuments with images of tamgas belonging to the different periods of history. Among them the most distinguishing ones are the tamgas of the Middle Ages. During the Middle Ages complex ethno-political and socio-cultural processes took place there – Western Turkic, Turgesh, Karluk, Oguz and Kimak khanates as well as state formations of the naimans, karakhans, kereits, zhalayyrs and kipshaks were founded and disintegrated. It is known that the nomadic ethnic groups of the Middle Ages had independent tamgas, both tribal and derived from them, as well as family and personal, which showed their status in society, the right to property, etc. Tamgas were used to mark weapon, coins and items of household and clothing. Almost all objects were marked with tamgas, tamga practically was used a tool of management, i.e. it was a sign of statehood, ancestral affiliation, private property, and was also used as a memorial text, a talisman and, perhaps, "to give an individual a special status". Tamgas are said to be an ancient prototype of modern legal acts regulating public relations.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Middle Ages, tamga, sign, tamga studies, tamga usage, nomads, Turkic people, khanates.

REFERENCES

1. Babayarov, G. B. 2007. *Drevnyurkskie monety Chachskogo oazisa (VI–VIII vv. n.e.) (Old Turkic coins of Chach oasis (6th – 8th cc. AD).* Tashkent: National Library of Uzbekistan named after A. Navoi Publ. (in Russian).
2. Bazylkhan, N. 2014. In Erofeeva, I.V. (ed.). *Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo (Challenges Related to the Study the Intangible Cultural Heritage of the Peoples of Kazakhstan and Central Asia: Toponymy, Epigraphy and Art).* Almaty: "EVO PRESS" Publ., 195–206 (in Russian).
3. Bernshtam, A. N. 1951. In Kononov, A. N. (ed.). *Tyurkologicheskii sbornik (Collected Papers on Turkic Studies)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 67–72 (in Russian).
4. Valikhanov, Ch. Ch., 1985. In Margulan, A. Kh. (ed.). *Sobranie sochinenii v pyati tomakh (Collected works in five volumes)* 2. Almaty: Kazakh Soviet Encyclopedia Publ., 7–89. (in Russian).
5. Vasil'ev, D. D. 2015. In Bazarov, B. V. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkhologii i etnologii Tsentral'noy Azii (Actual Issues of Archaeology and Ethnology of Central Asia).* Irkutsk: "Ottisk" Publ., 36–366 (in Russian).
6. Dosymbaeva, A., Bondarev, M. 2016. In Sarybekov, M. (ed.). *IX Dulatovskie chteniya (9th Dulatov Readings).* Taraz: Taraz university Publ., 112–120 (in Russian).
7. Dosymbaeva, A. M. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives)* 2. Almaty: "Hikari" Publ., 274–282 (in Russian).
8. Zuev, Yu. A. 1960. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 93–140 (in Russian).
9. Kozhakhmetova, Kh. K., Zhaisakova, R. E., Kozhakhmetova, Sh. O. 1988. *Kazakhsko-russkii frazeologicheskii slovar' (Kazakh-Russian Phraseological Dictionary).* Alma-Ata: "Mektep" Publ. (in Kazakh and Russian).
10. Kubarev, G. V. 2018. In Erkinova, R. M. (ed.). *Znachenie prirodnogo i kul'turnogo naslediya v sovremennoy obshchestve (The Importance of Natural and Cultural heritage in Modern Society).* Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Tipography, 33–39 (in Russian).
11. Lavrov, L. I. 1978. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza (Historical and ethnographic essays of Caucasus).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Lavrov, L. I. 2009. *Kavkazskie tamgi (Caucasian tamgas).* Nalchik: "M. and V. Kotlyarovs" Publ. (in Russian).
13. Lur'e, P. 2010. In Alekshin, V. A. et al. (eds.). *Drevnie kul'tury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia).* Saint-Petersburg: "Info-ol" Publ., 279–284 (in Russian).
14. Masanov, N. E. 1995. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva) (Nomadic Civilization of the Kazakhs: Fundamentals of the Life of Nomadic Society).* Almaty: "Sotsinvest" Publ., Moscow: "Horizon" Publ. (in Russian).
15. Novozhenov, V. A. 2012. In Baidlayeva, A., Sembi, M. K., Orazbek, E. Zh. (eds.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya kul'tura (Historical and cultural heritage and modern culture).* Almaty: "Service Press" Publ., 117–122 (in Russian).
16. Ol'khovskii, V. S. 2001. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 7. Armavir; Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 100–109 (in Russian).

17. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. (Proceedings and Research in the USSR Archaeology) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Polos'mak, N.V., 2001. *Vsadniki Ukoka (Riders in Ukok)*. Novosibirsk: "INFOLIO-Press" Publ. (in Russian).
19. Rogozhinskii, A. E. 2016. In Bobrov, V. V. (ed.) *Arkheologicheskie naslediya Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya) (Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia. Issues of Interpretation and Preservation)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 53–63 (in Russian).
20. Rogozhinskii, A. E. 2011. In Ermolenko, L. N. et al (comp.). *Naskal'noe iskusstvo v sovremennoy obshchestve (Rock art in modern society)* 2. Series: Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art VIII. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 217–225 (in Russian).
21. Rogozhinskii, A. E. 2012. In Baidlayeva, A., Sembi, M. K., Orazbek, E. Zh. (eds.). *Istoriokul'turnoe nasledie i sovremennaya kul'tura (Historical and cultural heritage and modern culture)*. Almaty: "Service Press" Publ., 91–104 (in Russian).
22. Rogozhinskii, A. E. 2013. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 3. 226–240 (in Russian).
23. Rogozhinskii, A. E. 2016. In Saduakasuly, A., Baitanayev, B. A., Zhelezniyakov, B. A. (eds.). *Drevnosti Zhetysu. Pamyatniki arkheologii Zhambylskogo raiona (Antiquities of Zhetysu. Archaeological Monuments of Zhambyl region)*. Almaty, 161–174. (in Russian).
24. Rogozhinskii, A. E., Tishin, V. V. 2018. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 8. 77–91 (in Russian).
25. Samashev, Z. 2013. *Drevnyurkskaya grafika (Old Turkic graphic)*. Astana: "Prosper Print" Publ. (in Kazakh, Russian and English).
26. Samashev, Z., Bazykhan, N., Samashev, S. 2010. *Drevnyurkskie tamgi (Ancient Turkic tamga-signs)*. Almaty: Abdi kompani (in Kazakh, Russian and English).
27. In Suleimanov, R. Kh. (ed.). 2019. *Tamgi doislamskoi Tsentral'noi Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: "IICAS" Publ. (in Russian and English).
28. Tishin, V. V., 2018. In: Vasiliev, D. D. (ed.). *Trudy Instituta vostokovedeniya Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences)* 7. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 101–113. (in Russian).
29. Tulumbaev, V. Z. 2001. *Bashkirskie tamgi i ikh nazvaniya (lingvisticheskoe issledovanie) Bashkir tamgas and their names (linguistic research)*. PhD. Thesis. Ufa (in Russian).
30. Khagai, M. 2017. *Uchenyi raskryl zagadki proiskhozhdeniya kazakhskoi tamgi (Scientists solve the riddle of Kazakh tamgas)*. URL: <http://www.caravan.kz/gazeta/uchenyji-raskryl-zagadki-proiskhozhdeniya-kazakhskojj-tamgi-398573/> (accessed: 25.11.2019).
31. Chichurov, I. S. 1980. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniya: «Khronografiya» Feofana, «Breviarii» Nikifora ((Byzantine Historical Writings: the Chronography of Theophanes, The Breviary of Nicephorus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Yakhtanigov, Kh. Kh. 1993. *Severokavkazskie tamgi (Northern Caucasian tamgas)*. Nal'chik: "Leiter ibn Marat" Publ. (in Russian).
33. Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoiazыchnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ia (Tamga Symbols of Iranian-Speaking Ancient and Medieval People)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
34. Aksoy, M. 2014. *Tarihin sessiz dili damgalar*. İstanbul (in Turkic).
35. Gülensoy, T. 1989. *Orhun'dan Anadolu'ya türk damgaları*. İstanbul (in Turkic).
36. Karatayev, O., Janibekova, K. 2016. In *Türk Uslularası Dil, Edebiyat ve Halkbilimi Araştırmaları Dergisi* 2016, Yıl: 4, Sayı: 8. Sayfa: 163–179. (in Turkic).
37. Osawa, T. 2010. In Pim, J. E., Yatsenko, S. A., Perrin, O. T. (eds). *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London & Dover: Dunkling Books. 341–372 (in English).
38. Qurbanov, A. 2013. *Damğalar, rəmzlər... mənimləmlər*. Bakı (in Azerbaijani).
39. Samashev, Z., Bazykhan, N. 2010. In Pim, J. E., Yatsenko, S. A., Perrin, O. T. (eds). *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London & Dover: Dunkling Books. 311–329 (in English).
40. Tezcan, M. 2010. In Pim, J. E., Yatsenko, S. A., Perrin, O. T. (eds). *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London & Dover: Dunkling Books. 373–394 (in English).

About the Author:

Samashev Samat K. Doctor (PhD) student Eurasian National University named after L.N. Gumilev. Satpayev Str., 2, Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan; ssamashev@gmail.com

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСАДНИЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ХАЗАРИИ

© 2020 г. В.В. Колода, В.С. Аксенов

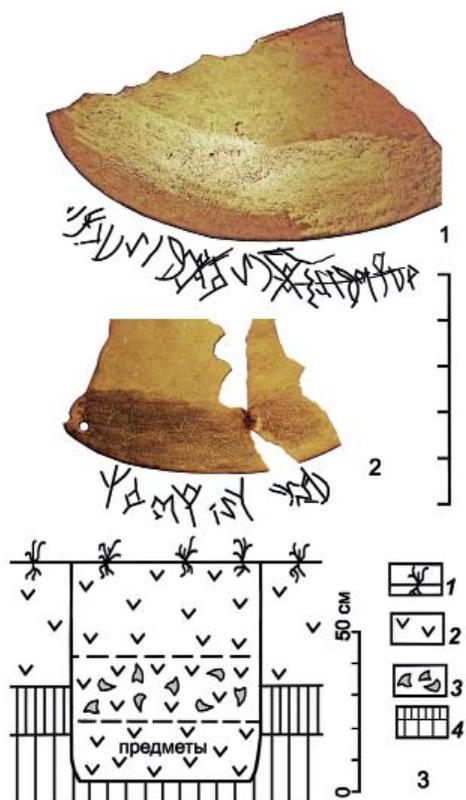
Авторами анализируется богатый вещевой комплекс, выявленный на кремационном могильнике близ с. Старая Покровка Чугуевского района Харьковской области. В виду отсутствия каких-либо костных остатков, рассмотренный комплекс не относится к категории погребальных памятников, а связан с поминальной обрядностью населения салтовской культуры лесостепного населения Хазарского каганата. Исходя из многочисленных аналогий вещам, найденным в памятниках салтово-маяцкой культуры, рассмотренный вещевой комплекс может быть датирован второй половиной VIII – началом IX в. Наличие предметов вооружения, всаднического снаряжения и предметов кочевого быта позволяют отнести его к поминальным комплексам представителя воинского всаднического сословия. Присутствие в комплексе второй фибулы, двух туалетных коробочек («дарохранилищ»), пицета на цепочке и зеркала с граффити указывает, что часть вещей связана с женским костюмом. Возможно, женщине принадлежал и бронзовый перстень, входивший в комплекс. Два набора вещей принадлежали двум разнополым индивидам. Эти находки свидетельствуют о том, что данный комплекс, по-видимому, сопровождал парное захоронение.

Ключевые слова: археология, салтовская (салтово-маяцкая) культура, Харьковская область, поминальный комплекс, вооружение, упряжь, орудия труда, украшения, детали одежды, предметы хозяйственного назначения.

Древности материальной и духовной культуры народов Хазарского каганата в настоящий момент воплощены в салтовскую (салтово-маяцкую) культуру конца I тыс. н. э. Одним из наиболее насыщенных салтовскими древностями регионов является Харьковская область Украины, где уже более столетия ведутся историко-археологические исследования древностей Хазарии (Колода, 2011). Практически ежегодно выявляются новые памятники и объекты, которые далеко не сразу попадают к ученым. Еще в 2012 г. близ с. Старая Покровка на ныне практически уничтоженном кремационном могильнике были обнаружены три поминальных комплекса и очажная цепь, расположенные в пределах 1,5–2,0 м друг от друга (49°47'55,4"N/36°33'40,7"E – Wikimapia.org). Один из них представлял собою поминальный комплекс, связанный с погребением трех индивидов (Аксенов, Колода, 2017).

Второй поминальник был посвящен двум представителям салтовского воинского сословия (Аксенов, Колода, 2019). Данная работа посвящена анализу материалов из еще одного аналогичного объекта, связанного с представителями всаднического сословия. Ранее из этого неординарного комплекса были опубликованы остатки зеркала с рунической надписью (Колода, 2014) (рис. 1: 1, 2). Ее перевод гласит: "К женщине приглядишь, – тонка ли она (и) согласишь на богатую/дородную (...выбери богатую/дородную.) Пускай (работая) без передышку хуеет (Пускай носится безостановочно и хуеет)" (Мудрак, 2017, с. 356–357).

Рассматриваемый комплекс представлял собою округлую в плане яму диаметром 60 см, глубиной 70 см, заполненную лесным оподзоленным черноземом (рис. 1: 3). Артефакты размещались в нижних 40 см: на глубине 30–50 см выявлены остатки двух

гончарных сероглиняных кувшинов, которые удалось частично реконструировать (рис. 2: 1, 2). Нижние 20 см заполнения ямы представляли собою чернозем бурого цвета (что объясняется температурным воздействием помещенных туда предметов в горячем состоянии). Деревесные угли, зола, костные останки человека отсутствовали. Предметы, выявленные в нижней части комплекса, можно разделить на 4 группы: кухонный инвентарь, предметы вооружения, конская сбруя и предметы личного обихода.

Кухонные принадлежности состояли из остатков металлического котла, крюка для вынимания из него мяса и длинного вертела ("шашлычницы").

Котел, выявленный в сломанном и смятом состоянии, был биметал-

Рис. 1. Материалы к публикации поминальника из Старой Покровки: 1, 2 – фрагменты бронзового зеркала с граффити; 3 – план и профиль комплекса:

Условные обозначения:

- 1 – дневная поверхность, 2 – чернозем,
- 3 – керамические фрагменты,
- 4 – предматерик, материковая супесь.

Fig. 1. Materials for the publication of a memorial from Staraya Pokrovka: 1, 2 – fragments of a bronze mirror with graffiti; 3 – layout and profile of the complex:

- Legend: 1 – day surface,
- 2 – chernozem, 3 – ceramic fragments,
- 4 – subsoil deposits, land sandy loam.

лическим. Его тело сделано из железных и медных пластин толщиной $\approx 0,2$ см, которые соединялись заклепками. Железные части в большинстве своем представлены мелкими расслоенными перержавевшими фрагментами, дно изготовлено из цельного медного листа (рис. 3: 1, 2). К нему внахлест крепились медные и железные полосы боковых частей. Котел долго использовался перед тем, о чем свидетельствуют заплатки, представленные как в обломках, так и на теле самого котла (рис. 3: 2, 3). Его дужка

Рис. 2. Керамика из комплекса.

Fig. 2. Ceramics from the complex.

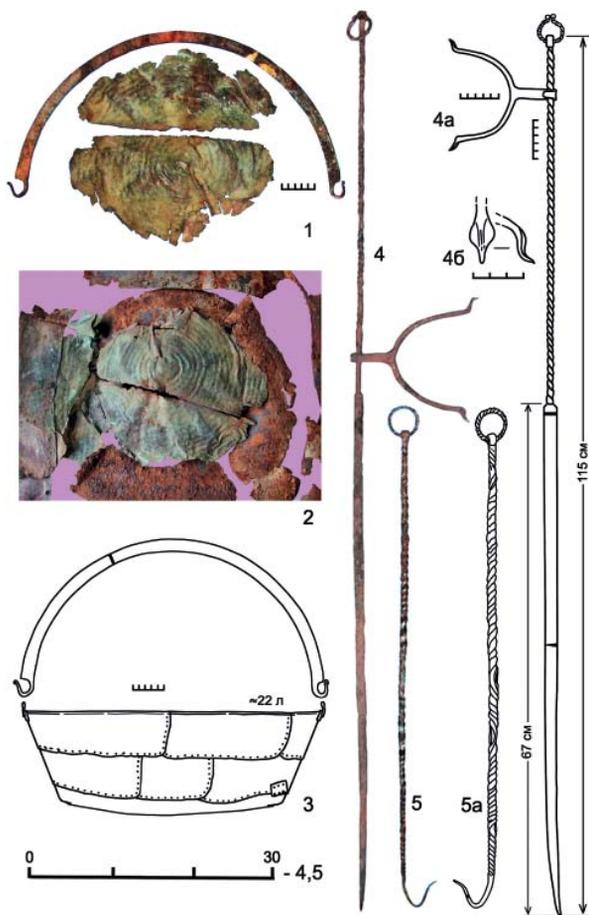

Рис. 3. Кухонный инвентарь:

1 – дужка и дно котла, 2 – остатки котла после выемки из грунта (без масштаба), 3 – котел (реконструкция), 4 – "шашлычница" (после реставрации), 5 – крюк для котла (после реставрации).
1–3 – бронза, железо;
4, 5 – железо.

Fig. 3. Kitchen utensils: 1 – boiler ear and bottom, 2 – boiler remains after removal from the ground (not scaled), 3 – boiler (reconstruction), 4 – 'roisserie' (after restoration), 5 – boiler hook (after restoration).
1–3 – bronze, iron;
4, 5 – iron.

выполнена из изогнутой железной полосы шириной $2 \times 0,2-0,3$ см, которая заканчивалась крючьями для подвешивания (рис. 3: 1). Высота дужки – 25 см, расстояние между ее концами – 48 см, что позволяет реконструировать его внешний вид (рис. 3: 3): его верхний диаметр – 48 см, нижний – 36 см, высота – около 16 см, что дает объем ≈ 22 л. Аналогии котлу широко известны в салтовской среде (Михеев, 1985, рис. 11: 15; Аксенов, Михеев, 2003, рис. 6: 19; Колода, 2007, с. 121–124; Сорокин, 1959, с. 184; Плетнева, 1967, рис. 39: 15, 19; 1994, с. 327, рис. 54: 1–5, 8, 10).

Железный крюк для вынимания мяса из котла (рис. 3: 5, 5a) был изготовлен из круглого в сечении переви-

того стержня диаметром 1 см. В комплексе он выявлен согнутым вдвое; впоследствии выпрямлен до изначального состояния кузнечным способом. Его длина составляла 60,5 см. Одинарный крюк, выполненный из прутка квадратного сечения ($0,4 \times 0,5$ см). Противоположная сторона преобразована в петлю, в которой находилось подвижное кольцо диаметром 4 см, выкованное и перевитое из железного стержня ($\varnothing - 0,4-0,6$ см). Аналогии таким крюкам (чаще в двузубом исполнении) известны как в салтовской археологии (Аксенов, Михеев, 2006, с. 105–106), так в этнографии Северного Кавказа (Калоев, 1971, с. 167).

Железный вертел был выявлен согнутым дважды, но впоследствии

также был выпрямлен до изначального состояния (рис. 3: 4, 4а). Его общая длина (114,5 см). В ней явно выделялись две части: лезвие для нарезывания приготавливаемой пищи и рукоять. Лезвие (67 см) представляло собою слегка изогнутую к острому концу полосу. На протяжении 30 см (ближе к рукояти) сечение было прямоугольным при ширине 1,7 см и толщине 0,4 см. К острому концу полоса слегка изгибалась и сужалась в клинок треугольного сечения. Рукоять (48 см) была изготовлена из круглого перевитого прута (\varnothing – 0,8 см) и заканчивалась петелькой. К ней крепилось кольцо для подвешивания, его концы были оформлены в виде декоративных отогнутых наружу "шишечек". Это кольцо изготовлено из перевитого стержня диаметром 0,4 см. Его общие размеры – 3,8×3,2 см. На ручке в свободном (подвижном) состоянии располагалась опора-тренога (одна из опор отломана). Общая высота опоры – 14 см (рис. 3: 4а). Ее верхняя часть (6 см) представляла собою круглый в сечении стержень диаметром около 1,5 см. Вверху он был расклепан и загнут в петлю, которая "обнимала" рукоять вертела, сохраняя его подвижность. Нижняя часть опоры представляла собою дуги прямоугольно-квадратного сечения, которые заканчивались декоративными лапками водоплавающих птиц (рис. 3: 4б). Аналогии вертелу под названием "шашлычница" также известны в салтовской среде (Михеев, 1985, рис. 37: 9; Колода 2013, с. 43; Голубев, 2018, с. 6–7).

Набор вооружения представлен палашом, ножами, топориком чеканом, наконечником копья, булавой, грузиком от кистеня, наконечниками стрел, фрагментом кольчужного пояса.

Клинковое оружие представляет собой однолезвийную полосу с едва заметной кривизной в 0,5 см (рис. 4: 1; 5: 1). Длина клинка достигает 76,5 см, длина рукояти – 12,5 см. Ширина елмани – 2,3–2,4 см, а ширина лезвия в месте перехода в черенок – 3,5 см. Стороны клинка почти на всем протяжении параллельные и сходятся лишь у острия. Конец клина на протяжении 13,5 см обоюдоострый, и он немного шире самой полосы клинка, что является следствием проковки для придания ему двулезвийности. Клинок в месте перехода в рукоять снабжен обоймой шириной 1,0 см, для лучшего насаживания на него перекрестия. Перекрестие у клинка брусковидное с прямыми концами и расширением по середине (рис. 4: 2; 5: 2). Рукоять – брусковидная, сужающаяся к концу. Она имеет сильный изгиб в сторону лезвия клинка (рис. 4: 3). Форма, размеры, незначительная кривизна клинка (всего 0,5 см) позволяет видеть в оружии переходную форму от палаша к собственно сабле. Данный экземпляр следует отнести к ранним салтовским саблям (Крыганов, 2012, с. 54, рис. 20: 1) и датировать второй половиной VIII – серединой IX вв. (Измайлов, 1989, с. 109). Аналогичные сабли хорошо представлены на салтовских кремационных могильниках региона (Кухаренко, 1951, рис. 30: 4; 34; 36; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 11: 1; 79: 1; Колода, 2012, илл. 9: 4; Свистун, 2012, илл. 4: 4; 8: 3).

К деревянным ножнам сабли относится их металлическое окончание в виде невысокого стаканчика, овальной в плане формы. Оно снабжено четырьмя пластинчатыми петельками и двумя гвоздями в дне для крепления его к деревянной основе ножен (рис. 4: 6; 5: 4). С ножнами сабли

Рис. 4. Предметы вооружения, фото (все – железо).
Fig. 4. Armament, photographs (all – iron).

связаны и две железные портупейные скобы. Они имеют в плане форму вытянутой в длину буквы «П» с небольшим полукруглым выступом посередине длинной стороны рамки (рис. 4: 4, 5; 5: 3). Данные портупейные скобы являются упрощенным подобием типологически близким к ним так называемым трехарочным второй половины VII – первой половины VIII вв. (комплекс из Перещепины, Кундобоня, Бочи, Кунагота) (Комар, 2006, рис. 3: 11; 4: 15; 5: 19; 38: 1–4; Крыганов, 2012, с. 60, рис. 26: 3).

Они аналогичны деталям ножен из комплекса второй половины VIII в. у с. Тополи (Кухаренко, 1951, рис. 31: 12) и портупейным скобам из ряда погребений второй половины VIII – первой половины IX вв. из кремаций на Донце (Красная Горка, Сухая Гомольша, Кочеток) (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 62: 5; Колода, 2012, илл. 9: 5; Свистун, 2012, илл. 7: 9, 10).

Проушной **топорик-чекан** имеет удлиненную треугольную форму лезвия; обушок – плоский, удлиненный, оттянутый, прямоугольный в сечении

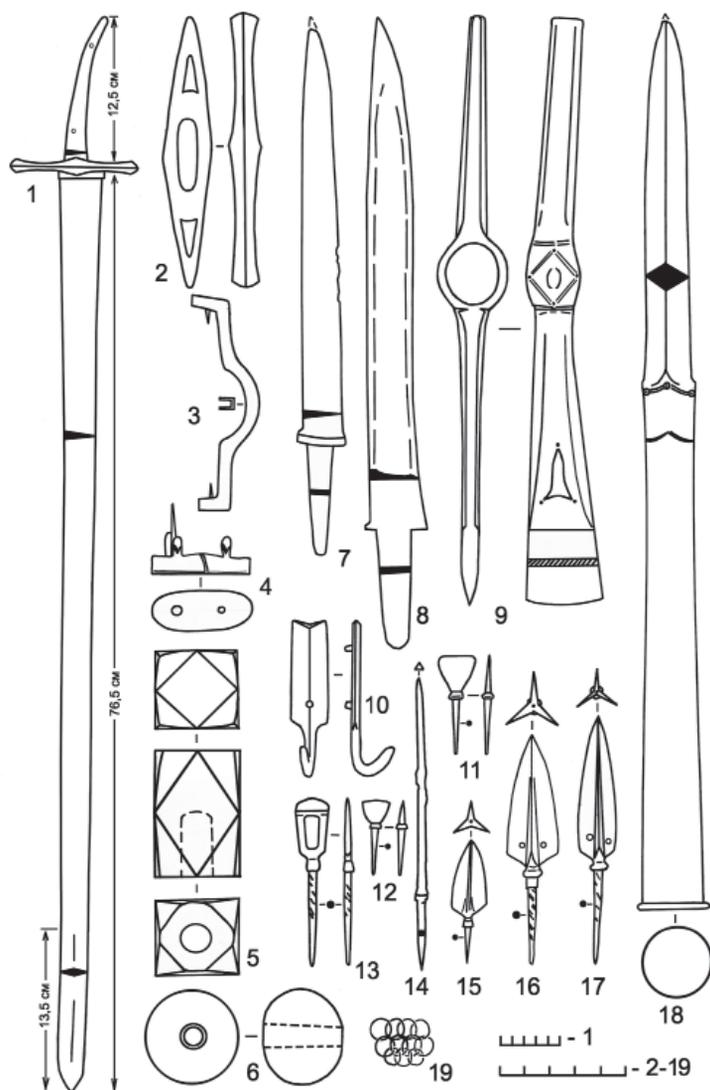

Рис. 5. Предметы вооружения, про-
рисовка
(все – железо).
Fig. 5. Armament, drawing (all – iron).

(рис. 4: 9; 5: 9). Щечки проушины топора украшены четырьмя отрезками, образующими ромб. На лезвии топора нанесена фигура в виде треугольника с точками по вершинам углов. Такие топоры-чеканы, входящие в тип I, подтип 1, вариант А (Кочкаров, 2008, табл. XXXI: 1–6), хорошо представлены в аланских древностях Северного Кавказа и Подонья (Качкаров 2008, с. 66; Плетнева 1989, с. 75).

Наконечник копья относится к пикам. У него короткое ромбическое

в сечении перо (рис. 4: 10; 5: 18). Наибольшая ширина пера находится у его основания. Такие наконечники копий на Северном Кавказе представлены в основном в кремационных захоронениях могильников Дюрсо, Казазово, Молдовановка (Кочкаров 2008, с. 57, табл. XXVIII). Встречены они и в салтовских кремациях бассейна Северского Донца (Красная, Горка, Сухая Гомольша, Лысый Горб, Тополи) (Аксенов, Михеев 2006, с. 110–111). Они относят-

ся к типу III, подтипу А и в целом датируются VIII–IX вв. (Кочкаров, 2008, с. 57).

Оружие ударного действия представлено двумя железными предметами. **Обушок от кистеня** (рис. 4: 19; 5: 6) относится к типу шаровидных с долевым каналом (Крыганов, 1987, с. 63, рис. 1: 9–11; Крыганов, 2012, с. 72, рис. 40: 2, 3, 5). Эти изделия широко представлены в салтовских комплексах Подонцовья (Аксенов, 2009, табл. 98: 2; Аксенов, Михеев, 2003, рис. 5: 3; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 85: 15), датируемых в своем большинстве IX–X вв. (Крыганов, 1987, с. 64). **Навершие булавы** имеет форму квадратной в сечении призмы со срезанными углами (рис. 4: 18; 5: 5). В его основании имеется углубление цилиндрической формы размером 1,3×2,6 см под деревянную рукоять. Булавы для салтовского населения не характерны (Крыганов, 2012, с. 71). По форме данное изделие не отличается от кубовидных со срезанными углами древнерусских булав более позднего времени (Крыганов, 2012, с. 73, рис. 40: 4; Кирпичников, 1966, рис. 10). Это вторая находка булав в салтовских древностях. Первая булава биконической формы происходит из комплекса № 2 того же могильника у Новой Покровки (Аксенов, Колода, 2019, с. 35, рис. 6: 9).

Оружие дистанционного боя в комплексе представлено семью наконечниками стрел и железным колчанным крючком/застежкой от колчанного пояса. **Наконечники стрел** железные, черешковые, с порошком для упора между черешком и пером. Они относятся к нескольким типам. Три из них являются трехлопастными и по форме пера могут быть отнесены к типу килевидных с плечиками (рис. 4: 13, 15;

5: 15, 16) и килевидных узких (рис. 4: 12; 5: 17). У этих наконечников верхняя трехгранная часть острия постепенно переходит в трехлопастную у основания пера. Два из трех указанных наконечника имеют в лопастях специально сделанные отверстия. Еще три наконечника относятся к отделу плоских. У двух из них перо имеет форму треугольной лопаточки (рис. 4: 14, 16; 5: 11, 12), еще у одного – перо в виде прорезной пятиугольной в плане лопаточки (рис. 5: 13). Один наконечник относится к отделу граненых. Его перо имеет шиловидную форму треугольного сечения (рис. 4: 11; 5: 14). Данные типы наконечников стрел датируются VIII–IX вв. и хорошо представлены в кремационных погребальных комплексах Подонцовья и Северо-Западного Кавказа хазарского историко-культурного периода (Крыганов, 1989, рис. 1: 4–6, 10, 19, 20; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 78: 7–11; Дмитриев, 2003, табл. 89: 2–6, 23, 25, 30).

Колчанный крючок относится к отделу пластинчатых и имеет щиток пятиугольной формы с явно выраженным ребром, расположенным вдоль его центральной оси (рис. 4: 17; 5: 10). В верхней части щитка имеет небольшой вырез в сторону рабочей части крючка. Подобные изделия встречены на ряде кремационных могильников бассейна Северского Донца (Аксенов, Михеев, 2009, рис. 3: 5; Колода, 2012, илл. 8: 16; Крыганов, 1979, рис. 1: 31).

С оборонительным снаряжением связан **фрагмент кольчужного пояса** (рис. 4: 20; 5: 19), составленный из колец диаметром 1,2–1,5 см. Кольца изготовлены из железного круглого в сечении прута диаметром 0,09 см путем склепывания концов. Такие находки в салтовских кремациях Подон-

цовья не редкость (Кухаренко, 1951, рис. 33: 4; Аксенов, Колода 2019, с. 39, рис. 8: 2).

Воинский набор дополняют **два железных черешковых ножа** клиновидного сечения, с прямой спинкой (рис. 4: 7, 8; 5: 7, 8). Один из них снабжен дополнительным напускным хомутиком у основания рукояти для лучшего закрепления ее на черенке (рис. 4: 7; 5: 7). Такие ножи являются обычными хозяйственными орудиями с широким спектром применения, часто встречаются на салтовских памятниках и происходят в основном из комплексов, датированных VIII–IX вв. (Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 94).

Конское снаряжение представлено удилами, стременами, оковкой луки седла из железа и бронзовыми украшениями конской сбруи.

Удила состоят из двухчленного грызла и псалиев S-видной формы (рис. 6: 5, 8). Окончание стержней грызла снабжено двумя перпендикулярными друг другу петлями. Стержень псалиев плоский в сечении, один из его концов оформлен в виде стилизованных конских голов. Подобные удила в целом характерны для VIII–IX вв. степной зоны Евразии (Кирпичников, 1973, с. 13). По материалам хазарского периода они относятся ко второй половине VIII – первой половине IX вв., когда они часто представлены в кремациях Подонцовья и Прикубанья (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 11: 2; 18: 6; 54: 1; 57: 11; 80: 3; 81: 11; Крыганов, 1989, рис. 4: 6; Дмитриев, 2003, табл. 91: 9, 10).

С уздой связаны и железные **соединители ремней оголовья** (рис. 6: 1–4; 7: 21). Три соединителя представляют собой плоское кольцо небольшого диаметра с тремя пластинчатыми зажи-

мами со щитком ромбической формы (рис. 7: 21). Подобные соединители с тремя скрепами различной формы встречены в памятках VIII–IX вв. Поволжья (Казаков, 1992, рис. 58: 7, 8), Северного Кавказа (Дмитриев, 2003, табл. 88: 76–83), Дунайской Болгарии (Въжарова, 1976, обр. 81: 3а, 3б). С ремнями оголовья связаны и три отдельные железные скрепы с кольцом и щитком округлой в плане формы (рис. 6: 1–4). Такие отдельные соединители сбруйных ремней часто встречаются в салтовских кремациях Подонцовья (Крыганов, 1989, рис. 2: 23–25).

Седло в комплексе представлено оковкой его передней луки. Она представляет собой две пластины изогнутой формы (трапециевидных очертаний), соединенные между собой тремя железными заклепками (рис. 7: 1). Исходя из ее размеров, толщина луки седла – не более 20 мм и состояла она, по-видимому, не из цельного дерева, а из дощечек. В салтовских древностях второй половины VIII–IX вв. находки оковок передней луки седла не редкость (Плетнева, 1989, рис. 43; Аксенов, Михеев, 2009, 4: 18; Дмитриев, 2003, табл. 91: 12, 13; Крыганов, 1989, рис. 4: 12). Для памятников предшествующего периода более характерны иные оковки – дуговидной формы (Гаврилова, 1965, рис. 8: 1–3, табл. XXXI: 17; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, рис. 21). Разная форма оковок предсалтовского и салтовского времени, вероятно, связана с разным типом седел (Комар, 2008, рис. 8). С седлом связана крупная **сбруйная пряжка** трапециевидной в плане формы (рис. 7: 20), которой был оснащен, по-видимому, подбрюшный ремень. Такие пряжки характерны для всех европейских кочевников от Урала до Дуная в

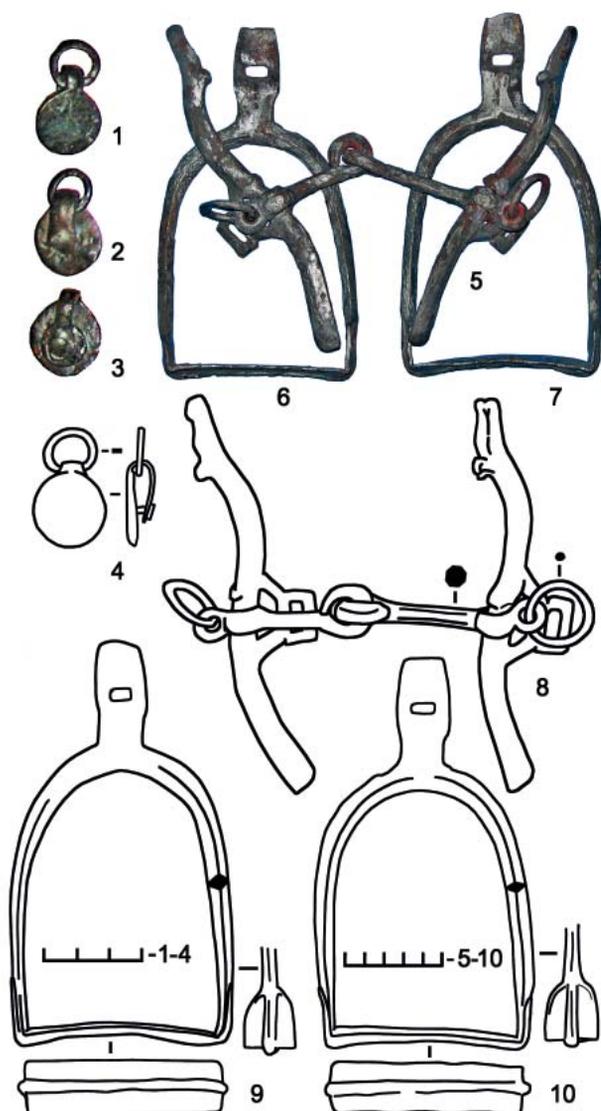

Рис. 6. Элементы снаряжения всадника (все – железо).

Fig. 6. Rider's equipment items (all – iron).

VII–IX вв. (Кирпичников, 1973, с. 76), в том числе и разноэтнического салтовского населения (Крыганов, 1989, рис. 1: 40; Аксенов, Михеев, 2003, рис. 5: 5, 39; Плетнева, 1989, рис. 38).

Два стремена представляют так называемый «салтовский» тип. Они арковидные, имеют слегка выделенную петлю прямоугольной в плане формы с прямоугольной прорезью для ремня путлища, прямую и слегка выгнутую подножку (рис. 6: 6, 7, 9, 10). Их подножка – неширокая, укреплена

одним продольным центральным жгутом. Данный тип стремян численно доминирует в салтовских древностях (Плетнева, 1989, рис. 44; Крыганов, 1989, рис. 4: 1–4, 8; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 10: 1; 11: 7; 18: 7; 20: 6; 48: 2; 54: 5, 6; 57: 1; 64: 4; 73: 13; 79: 2; Дмитриев, 2003, табл. 91: 1, 5, 7).

Украшение сбруи представлено **бронзовыми бляшками** круглой (рис. 7: 2–4, 6–13, 15–19) и листовидной (рис. 7: 5, 14) формы, которые подвешивались к ремням на одном

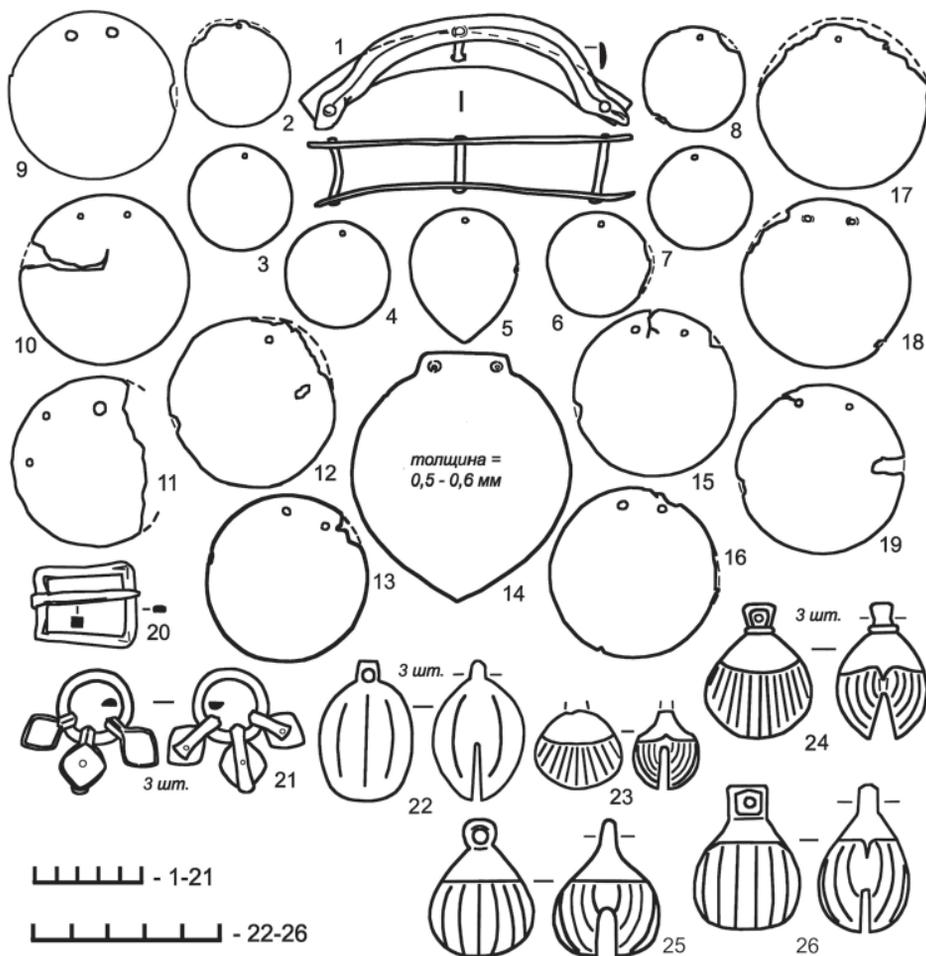

Рис. 7. Элементы конской упряжи: 1, 20, 21 – железо; 2–19, 22–26 – бронза.

Fig. 7. Horse harness elements: 1, 20, 21 – iron; 2–19, 22–26 – bronze.

или двух узких кожаных ремешках. Меньшие по размеру бляшки-решмы ($\text{Ø}=4,8\text{--}4,9$ см) украшали ремни конского оголовья, крупные бляшки ($\text{Ø}=7,7\text{--}7,8$ см) крепились к нагрудному и шлейному ремням сбруи (Плетнева, 1989, с. 86, 87, рис. 41; 42). Подобные украшения ремней сбруи до недавнего времени зачастую происходили из аланских катакомб Подонцовья (Аксенов, 2005, рис. 2: 14–16; 3: 3–6; 4: 9, 12, 13; 5: 4, 5; Плетнева, 1989, рис. 41, 42). Но со временем аналогичные украшения были встречены в кремационных

комплексах хазарского периода в Подонцовье и Северо-Западном Кавказе (Аксенов, Михеев, 2009, рис. 1: 13; Аксенов, Воловик, 1999, рис. 1: 4, 5; Дмитриев, 2003, табл. 91: 20–24). Как и в аланских комплексах Подонцовья, в нашем комплексе бляшки-решмы находились вместе с крупными бронзовыми литыми **бубенчиками** (рис. 7: 22–26). Они, как и бляшки-решмы, подвешивались к ремням конского снаряжения. Этот вид украшений довольно хорошо представлен в салтово-маяцких комплексах, связанных со снаряжением коня (Ак-

сенов, 2005, рис. 2: 4; 3: 18; 4: 10; 5: 14–16; Винников, Афанасьев, 1991, рис. 19: 11).

К предметам личного обихода мы относим сланцевый оселок (рис. 8: 7), пинцет (рис. 8: 4), элементы костюма (рис. 8: 1, 2, 5, 6), подвески-амулеты (рис. 8: 9, 10), перстень (рис. 8: 11).

Точильный сланцевый брусок имел в плане форму прямоугольника размером 7,5×2,0×0,5 см. Подобные бруски достаточно часто встречаются на поселенческих памятниках салтово-маяцкой культуры и у соседнего славянского населения. Известны они в салтовских кремациях (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 29: 37; 53: 22; 85: 9; 86: 2; Колода, 2012, илл. 10: 7, 8) и в катакомбах региона (Аксенов, 2011, рис. 2: 5; Плетнева, 1989, рис. 46).

Пинцет изготовлен из согнутой пополам железной пластины и снабжен железной обоймой-держателем (рис. 8: 4). Такие пинцеты достаточно часто встречаются в салтовских кремациях (Аксенов, Михеев, 2009, рис. 4: 11; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 9: 31; 33: 31; 37: 5; 65: 11; 77: 28; 81: 5; 84: 15; Свистун, 2012, илл. 8: 17–19; Дмитриев, 2003, табл. 87: 24–26). Вероятно, с пинцетом связана и железная **цепочка**, изготовленная из проволочных звеньев 8-видной формы, концы которых расположены перпендикулярно друг другу. С помощью цепочки пинцет мог крепиться к завитку на конце ножки фибулы или к поясу.

К деталям одежды относятся **две железные фибулы** (рис. 8: 1, 2). Их пластинчатые спинки с ребром посредине плавно изогнуты и увенчаны пружиной с нижней тетивой. Приемщик высокий, пластинчатый. Концы пятки загнут кверху, образуя завиток. Круг аналогий этим фибулам достаточно узкий. Они (тип 7 по классифи-

кации А.В. Дмитриева) встречены в кремационных могильниках Северо-Западного Кавказа (Дмитриев, 2003, табл. 88: 19, 20; Пьянков, Гавритухин, 2003, табл. 78: 6) и Подонцовья (Аксенов, Колода, 2019, рис. 8: 1; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 29: 41; 30: 16; 30: 33; 70: 7; Свистун, 2012, илл. 8: 25), где датируются второй половиной VIII – началом IX вв. В аланских памятниках Подонья находки подобных фибул (вид III-2 по С.А. Плетневой) немногочисленны: шесть захоронений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, рис. 59). Фрагмент подобной фибулы обнаружен в погр. № 58 могильника второй половины VIII – первой половины IX вв. возле станции Старокорсунской (Каминский, 1987, рис. 8: 47). А.В. Комар считает данные фибулы одним из маркеров принадлежности салтовских вещевых комплексов к хронологическому горизонту Столбище-Старокорсунская (740–790 гг.) (Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 27).

Железные **элементы поясной гарнитуры** представлены наконечником пояса и поясной пряжкой. **Поясная пряжка** имеет трапецевидную в плане рамку и щиток прямоугольной формы из согнутой пополам пластины (рис. 8: 5). Поясные пряжки данного типа представлены в ряде кремационных комплексов Подонцовья и Северо-Западного Кавказа (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 53: 16; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 78: 1, 3; Колода, 2012, илл. 10: 6; Кухаренко, 1951, рис. 33: 13; Дмитриев, 2003, табл. 89: 65). Они характерны для хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (Каминский, 1987, рис. 3: 33). **Наконечник пояса** имеет вид узкой прямоугольной пластины, нижний край которой закруглен, верх-

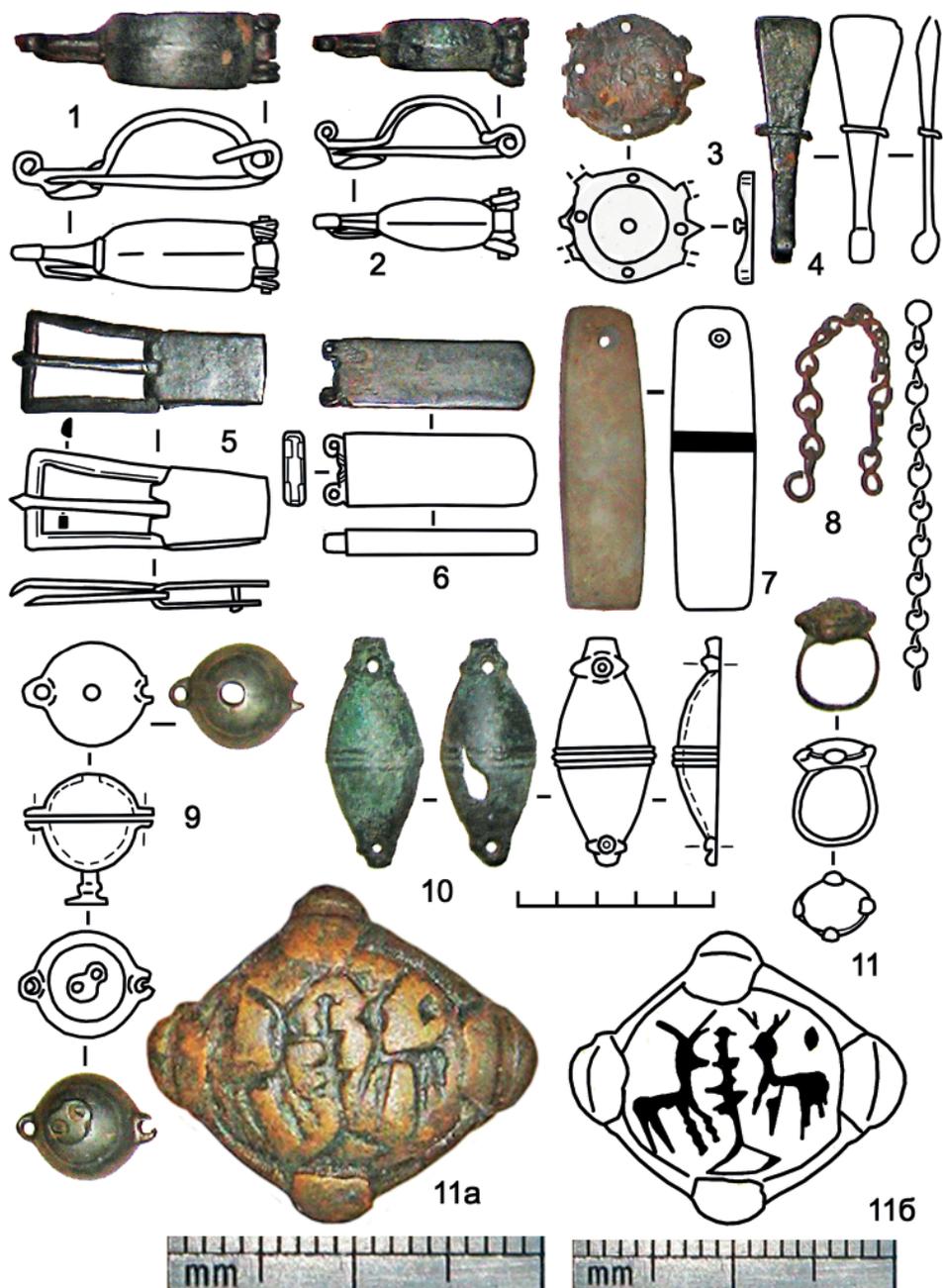

Рис. 8. Элементы костюма и предметы личного пользования:

1–6, 8 – железо; 7 – сланец, 9–11 – бронза.

Fig. 8. Costume elements and personal items: 1–6, 8 – iron; 7 – slate, 9–11 – bronze.

ний край снабжен двумя полукруглыми выступами с отверстиями, через которые наконечник соединялся с кожаной основой пояса (рис. 8: 6). Подобный наконечник найден в комплексе у

с. Тополи (Кухаренко, 1951, рис. 31: 2). Представлены они и в других салтовских кремациях бассейна Северского Донца и Кубано-Черноморского региона (Аксенов, Михеев, 2006, рис.

84: 13; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 78: 4; Дмитриев, 2003, табл. 88: 54 – 57; Колода, 2012, илл. 8: 4).

«Туалетные» коробочки» или «дарохранительницы» представлены двумя экземплярами. Это подвеска из двух половинок в виде «самоварчика» (рис. 8: 9) и изделие из двух овальных в плане выпуклых половинок с петлями на противоположных концах (рис. 8: 10). Если «дарохранительницы» в виде «самоварчика» хорошо представлены в погребальных комплексах донских алан (Плетнева, 1989, рис. 55), то «дарохранительницы» второго типа встречаются в салтовских комплексах, совершенных как по обряду ингумации (Аксенов, 2001, с. 66, рис. 1: 2; Плетнева, 1967, рис. 36; Плетнева, 1981, рис. 37: 64; Генинг, Халиков, 1964, табл. XV: 19), так и по обряду кремации (Аксенов, Михеев, 2006, рис. 15: 20; 24: 41; 37: 15; 38: 26, 31, 56; 70: 43; Дмитриев, 2003, табл. 88: 36–38).

Перстень бронзовый, литой, с имитацией вставки, закрепленной крестообразно расположенными лапками (рис. 8: 11). Подобные перстни, но со вставкой из разноцветного стекла или полудрагоценного камня (сердолик) широко представлены в материалах второй половины VIII – середины IX вв. Подонья, Поволжья, Прикамья и Северного Кавказа (Дмитриев, 2003, табл. 88: 16; Казаков, 1992, рис. 13: 53; 22: 15; 23: 12; 61: 15). На щитке перстня представлена композиция в виде двух оленей, стоящих по обе стороны от «мирового»

дерева (рис. 8: 11а, 11б). Перстень с аналогичной композицией на металлическом щитке происходит из погребения на могильнике Сухая Гомольша (Михеев, 1982, рис. 5: 19).

В рассматриваемом наборе присутствует еще один железный предмет неясного назначения (рис. 8: 3), аналогии которому нам не известны.

Набор инвентаря данного комплекса свидетельствует, что в нем присутствуют вещи из мужского и женского наборов. Так, большая часть вещей – предметы вооружения, детали конского снаряжения, элементы поясной гарнитуры, перстень, котел, «шашлычница», вилка для доставания мяса, оселок, одна из фибул и один из керамических сосудов – принадлежали воину-всаднику. Вторая фибула, пинцет, две дарохранительницы, фрагмент зеркала с надписью, второй керамический сосуд составляют женский набор. Вещи комплекса типичны для салтовских древностей второй половины VIII–IX вв. бассейна Северского Донца. Они находят самые широкие аналогии в кремационных памятниках хазарского историко-культурного периода Кубано-Черноморского региона (Борисово, Дюрсо, Казозово 2, Молдаванский и др.). Многочисленные аналогии рассматриваемым вещам в кремационных погребениях и поминальных комплексах бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа позволяют датировать данный вещевой комплекс второй половиной VIII – началом IX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.С. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // СЕЭС. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 245–260.
2. Аксенов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // СЕЭС. Т. 7. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 231–258.

3. Аксенов В.С. Об одном из вариантов погребального обряда аланского населения салтово-маяцкой культуры верхнего Подонцовья // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко / Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2011. С. 26–36.
4. Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 34–40.
5. Аксенов В.С., Колода В.В. Богатый вещевой комплекс близ Старой Покровки на Харьковщине // ХА. Т. 15 / Глав. ред. О.Б. Бубенок. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 37–57.
6. Аксенов В.С., Колода В.В. Поминальный комплекс представителей всаднического сословия из Северо-Западной Хазарии // ХА. Т. 16 / Глав. ред. О.Б. Бубенок. Москва: Индик, 2019. С. 29–50.
7. Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. "Сухогомольшанский могильник VIII–X вв." / ХА. Т. 5. / Глав. ред. В.К. Михеев. Киев–Харьков: Институт востоковедения АН Украины, 2006. 308 с.
8. Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // СЕЭС. Т. 7. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 387–406.
9. Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita antiqua. 2003. № 5–6. С. 179–191.
10. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.
11. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991. 192 с.
12. Вьжарова Ж.Н. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България). София: Българска академия на науките, 1976. 448 с.
13. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 113 с.
14. Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Древности и памятники VIII–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 195–200.
15. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
16. Голубев А.М. Звіт про археологічні розвідки у Балаклійському, Зміївському та Чугуївському районах Харківської області у 2018 р. Харків, 2019 / Архив ИА НАНУ.
17. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей VI–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М. Наука, 2003. С. 200–205.
18. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя болгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 107–121.
19. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
20. Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 1971. 355 с.
21. Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4. С. 187–205.
22. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е-1-36. 138 с.
23. Колода В.В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонечья // ХА. Т. 6. / Глав. ред. В.К. Михеев. Киев–Харьков: Институт востоковедения АН Украины, 2007. С. 120–127.
24. Колода В.В. Салтовская археологическая культура на Харьковщине: очередной юбилей (итоги и перспективы исследований) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячений проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції "Пятнадцять слобожанські читання". Вип. 1 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2011. С. 21–31.
25. Колода В.В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2012. С. 30–36.
26. Колода В.В. Тюркская руническая надпись из лесостепной Хазарии // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 180–193.

27. Колода В.В. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2013 году. Харьков, 2014 / Архив ИА НАНУ.

28. Комар А.В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры // *Finno-Ugrica*. 2000. № 1. С. 42–66.

29. Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // *СЕЭС*. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 7–244.

30. Комар А.В. К вопросу о развитии восточноевропейского седла в VII – 1-й половине VIII вв. // *Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина* / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ТАУС, 2008. С. 239–252.

31. Кочкаров В.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ТАУС, 2008. 176 с.

32. Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // *СА*. 1987. № 2. С. 63–69.

33. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // *Проблемы археологии Поднепровья* / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1989. С. 98–114.

34. Крыганов А.В. Военное дело кочевников Северного Причерноморья конца IV – начала XIII вв. Сумы: Видавель М.Д. Винніченко, 2012. 232 с.

35. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // *КСИИМК*. Вып. 41 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1951. С. 99–108.

36. Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // *СА*. 1982. № 2. С. 156–167.

37. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

38. Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // *Археологія*. Вип. 9 / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1973. С. 90–99.

39. Мудрак О.А. Основной корпус восточно-европейской руники // *ХА*. Т. 15 / Гл. ред. О.Б. Бубенок. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 296–416.

40. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / *МИА*. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

41. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья* / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

42. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

43. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // *МИАЭТ*. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1995. С. 271–396.

44. Свистун Е.Г. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження*. Вип. 2 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2012. С. 79–84.

45. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // *МИА*. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 135–199.

Информация об авторах:

Колода Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины. Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды (г. Харьков, Украина); koloda.v@gmail.com

Аксенов Виктор Степанович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии. Харьковский исторический музей имени Н.Ф. Сумцова (г. Харьков, Украина), aksyonovvictor@gmail.com

BURIAL COMPLEX OF EQUESTRIAN CLASS REPRESENTATIVES FROM THE NORTHWESTERN KHAZARIA

V.V. Koloda, V.S. Aksonov

The authors analyze the plentiful material complex that was discovered at the cremation burial ground in the vicinity of the Staraia Pokrovka village of Chuhuiv District in Kharkiv oblast. On account of the absence of any bone remains this complex doesn't belong to burial

sites. However, it is connected with the Saltovo people's burial ritualism in the forest-steppe zone of the Khazar Khaganate. On the basis of multiple analogies of considered artifacts from Saltovo-Mayaki sites, this material complex can be dated to the second half of 8th – early 9th centuries. The presence of military items, equestrian equipment and nomad living items allows to refer it to the burial complexes of the equestrian warrior class representatives. There are the second fibula, two cosmetic kits (“ostensories”), tweezers with chain and mirror with graffiti, which point to the fact that part of things refer to women's dressing. A bronze ring found in the complex probably belonged to a woman, as well. Two sets of things appertained to two heterosexual individuals. These findings show that complex under study apparently accompanied the pair burial.

Keywords: archaeology, Saltovo (Saltovo-Mayaki) culture, Kharkov oblast, burial complex, armor, harnessry, work tools, accessories, garment, household items.

REFERENCES

1. Aksonov, V. S. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 245–260 (in Russian).
2. Aksonov, V. S. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 231–258 (in Russian).
3. Aksonov, V. S. 2011. In Posokhov, S. I. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (Antiquities of Eastern Europe)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 26–36 (in Russian).
4. Aksonov, V. S., Volovik, S. I. 1999. In *Donskaia arkhologiiia (Archaeology of the Don Region)* 3–4, 34–40 (in Russian).
5. Aksonov, V. S., Koloda, V. V. 2017. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 15. Moscow: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 35–57 (in Russian).
6. Aksonov, V. S., Koloda, V. V. 2019. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 16. Moscow: “Indrik” Publ., 29–50 (in Russian).
7. Aksonov, V. S., Mikheev, V. K. 2006. In Mikheev, V. K. (ed.). *Naselenie Khazarskogo kaganata v pamyatnikakh istorii i kul'tury. "Sukhogomol'shanskii mogil'nik VIII–X vv." (Population of Khazar Kaganate in the Monuments of History and Culture. "Sukhogomol'shansky Burial Ground of the 8th – 10th Centuries")*. *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 5. Kiev-Kharkiv: Institute for Oriental Studies Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
8. Aksonov, V. S., Mikheev, V. K. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 387–406 (in Russian).
9. Aksonov, V. S., Mikheev, V. K. 2003. In *Vita Antiqua* (5–6). 179–191 (in Russian).
10. Bagautdinov, R. S., Bogachev A.V. et al. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia (The Pra-Bolgars in the Middle Volga Region. At the Origins of Tatar History)*. Samara: “SamVen” Publ. (in Russian).
11. Vinnikov, A. Z., Afanas'ev, G. E. 1991. *Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Cult Complexes of Mayatsky Settlement)*. Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).
12. V"zharova, Zh. N. 1976. *Slavyani i prab"lgari (po dannii na nekropolite ot VI–XI v. na teritoriyata na B"lgariya) (The Slavs and Proto-Bolgars (Based on the Information from 6th–11th Century Necropolises of Bulgaria))*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
13. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Mound as a Source on the History of the Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).
14. Gavritukhin, I. O., P'yankov, A. V. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu IV–XIII vv. (Crimea, North-Eastern Black Sea Region and Trans-Caucasus in the 4th–13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 195–200 (in Russian).
15. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bolgars on the Volga River (Bolshie Tarkhansky Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Golubev, A. M. 2019. *Zvit pro arkhelogichni rozvidki u Balakliis'komu, Zmiivs'komu ta Chuguivs'komu raionakh Kharkivs'koï oblasti u 2018 r. (Report on Archaeological Surveying in Balakley, Zmiivsky and Chuguevsky Districts of the Kharkiv Region in 2018)*. Kharkiv. Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

17. Dmitriev, A. V. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu IV–XIII vv. (Crimea, North-Eastern Black Sea Region and Trans-Caucasus in the 4th-13th Centuries.)*. Moscow: "Nauka" Publ., 200–205 (in Russian).
18. Izmailov, I. L. 1989. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (The Early Bulgars in Eastern Europe)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 107–121 (in Russian).
19. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Kaloev, B. A. 1971. *Osetiny (The Ossetians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Kaminskii, V. N. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 187–205 (in Russian).
22. Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th — 13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1—36 (in Russian).
23. Koloda, V. V. 2007. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 6. Kiev-Kharkiv: Institute for Oriental Studies Academy of Sciences of Ukraine, 69–78 (in Russian).
24. Koloda, V. V. 2011. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 1. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 21–31 (in Russian).
25. Koloda, V. V. 2012. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 2. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 30–36 (in Russian).
26. Koloda, V. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 1801–193 (in Russian).
27. Koloda, V. V. 2014. *Otchet o rabote Srednevekovoi ekspeditsii Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta v 2013 godu (Report on the Activities of the Medieval Expedition of Kharkiv National Pedagogical University in 2013)*. Kharkiv Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
28. Komar, A. V. 2000. In *Finno-Ugrica* 1, 42–66 (in Russian).
29. Komar, A. V. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 7–244 (in Russian).
30. Komar, A. V. 2008. In Afanas'ev, G. E. (ed.). *Drevnosti Yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina (Antiquities of the South of Russia: In Memory of A.G. Atavin)*. Moscow: "TAUS" Publ., 239–252 (in Russian).
31. Kochkarov, U. Yu. 2008. *Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) (Armament of the Norht-West Cis-Caucasia warriors in VIII-XIV (close-in fighting weapons))*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
32. Kryganov, A. V. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 63–69 (in Russian).
33. Kryganov, A. V. 1989. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 98–114 (in Russian).
34. Kryganov, A. V. 2012. *Voennoe delo kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya kontsa IV – nachala XIII veka (Warfare of the Nomads in the Northern Black Sea Region of the Late 4th – Early 13th Centuries)*. Sumy: "M.D. Vinnichenko" (in Russian).
35. 1951. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 99–108 (in Russian).
36. Mikheev, V. K. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 156–167 (in Russian).
37. Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv: "Vishcha shkola" Publ. (in Russian).
38. Mikheev, V. K., Stepan'ska, R. B., Fomin, L. D. 1973. In Baran, V. D. (ed.). *Arkheologiia (Archaeology)* 9. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 90–99 (in Ukrainian).
39. Mudrak, O. A. 2017. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 15. Moscow: Institut for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 296–416 (in Russian).
40. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

41. Pletneva, S. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 62–75 (in Russian).

42. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkhelogicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

43. Pletneva, S. A. 1995. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: "Tavriia" Publ., 271–396 (in Russian).

44. Svistun, G. E. 2012. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkhelogichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 2. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 79–84 (in Russian).

45. Sorokin, S. S. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 135–199 (in Russian).

About the Authors:

Koloda Volodymyr V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Archaeological Laboratory, Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda. Alchevskih St., 29, Kharkiv, 61002, Ukraine; koloda.v@gmail.com

Aksonov Viktor S. Candidate of Historical Sciences, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum. Kharkiv, Universytetska str. 5, Kharkiv, 61003, Ukraine; aksyonovvictor@gmail.com

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ И ВЛИЯНИИ ИСЛАМА В ГОРОДАХ ЮГО-ЗАПАДНОГО ЖЕТЫСУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII–XII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ)

© 2020 г. А.А. Нуржанов, Г.А. Терновая

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с изменениями, произошедшими в городской культуре Юго-Западного Жетысу на начальном этапе утверждения ислама. Авторами приводятся результаты археологических исследований, проводимых на архитектурно-археологическом комплексе Акыртас, памятниках, открытых на средневековых городищах Тараз, Костобе, Кулан, Орнек. К раннему периоду исламизации относится строительство столпных мечетей (Акыртас, Орнек), переделка храма под мечеть (Тараз), элементы мусульманского декора в культовых помещениях представителей других религий (Костобе, Луговое Г) и реликтовые проявления в оформлении баз колонн мечети Орнека. VIII–XII вв. – это было время, связанное с чередой исторических событий: массовым переселением согдийцев в связи с захватом арабами Средней Азии, завоеванием эмиром Исмаилом из династии Саманидов Тараза и Таласской долины и принятием ислама Караханидами.

Ключевые слова: археология, Казахстан, Жетысу (Семиречье), раннее средневековье, ислам, мечеть, городская культура, искусство.

Духовные ценности любой цивилизации обладают долговечностью существования и в несравненно большей степени запечатлевают особенности эпохи своего создания, и личности творцов сохраняют черты элитности при общих эстетических и художественных вкусах общества. С духовными ценностями связаны интеллектуальная жизнь, накопленные знания, мораль, право, наука, художественные произведения. При этом особо важный аспект для изучения духовной культуры составляют религиозные системы, которые напрямую связаны с этническими и культурными процессами.

Центральная Азия с древнейших времен до наших дней являлась и является ареной мирного пересечения несколько мировых религий. Каждая из них имела прочную базу, организацию и свои культовые сооружения, которые в определённом промежутке времени мирно сосуществовали. Путём диалога и созидательного сотрудничества они взаимообогащались и внесли достойный вклад в развитие

духовной культуры в раннесредневековой цивилизации. По существу, народы Центральной Азии были толерантны к вере и позитивно воспринимали созидательные стороны каждой религии. Именно поэтому центральноазиатский регион был областью развития и распространения разных религий, конфессий, а также и ретранслятором этих религий в Китай и на Дальний Восток (Нуржанов, 2015, с. 182).

Исследования, проводимые археологами на территории Казахстана, подтверждают сведения письменных источников, что в Средневековье в крупных историко-культурных регионах – Южном Казахстане и Семиречье (Жетысу) – развивается городская культура. Здесь были выявлены десятки городищ со слоями VI–IX вв., которые являются остатками городов. Значительное влияние на урбанизацию, развитие науки, ремесел, торговли оказал ислам. Неоценимый вклад в изучение мусульманских памятников внесен выдающимся археологом К.М. Байпаковым (1940–2018), по-

святившим изучению этой проблемы целый ряд трудов, среди которых выделяется монография «Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана» (Байпаков, 2012).

Распространение ислама в Казахстане было длительным историческим процессом. Ранний этап датируется (VIII) IX – началом XIII века. Причиной проникновения новой религии в Жетысу и район средней Сырдарьи послужили арабские завоевания Мавераннахра в VIII веке. Наибольшему влиянию мусульманской культуры подверглись карлуки, завоевавшие в 766 г. политическое господство в Семиречье (Жетысу) и на юге Казахстана. Предположительно они приняли ислам еще при халифе Махди (775–785 гг.). Видимо, это относится лишь к какой-то их части (Бартольд, 1963, с. 268). В.В Бартольд очертил в своих трудах хронологию вовлечения тюрков в орбиту новой религии. Согласно ей, знакомство тюрков с исламом начинается в VIII–IX вв., а в эпоху Саманидов и при новых правителях – Караханидах произошло по-настоящему успешное обращение тюрков в ислам (Нуржанов, 2015, с. 87). Следующая волна распространения исламского вероучения в Казахстане охватывает эпоху монгольского господства, то есть длительного нахождения тюркских племен Восточного Дашт-и Кыпчака в составе улусов Джучи и Чагатай (середина XIII – начало XV в.), а также последующие десятилетия обособления Ак-Орды, Моголистана, Ногайской орды и позже ханства Абул-хайра (конец 20-х – 60-е гг. XV в.). Третий этап распространения ислама относится к XVI–XVIII векам, то есть ко времени существования Казахского ханства, основанного в 1465 г. в Юго-

Западном Жетысу потомками правителя Ак-Орды Урус-хана ханами Кереем и Жанибеком (1465–1473/74). В последней четверти XVII – первых десятилетиях XVIII в. ислам окончательно упрочил свои доминирующие идеологические позиции в жизни кочевых и оседлого населения (Ерофеева, 2018, с. 336–348).

Все этапы исламизации Казахстана подтверждаются данными археологии. К кругу памятников исламского культурного наследия относятся культовая архитектура, декоративное оформление интерьеров, монеты, разнообразные предметы, украшенные арабскими надписями с благопожеланиями и назиданиями, в том числе религиозного характера: изделия из металла (поясная гарнитура, украшения конского снаряжения), многочисленная коллекция керамики – неполивные и поливные сосуды, найденные при раскопках городищ.

Ранний период исламизации тюрков, датируемый второй половиной VIII – началом XIII века, в исторической науке остается малоизученным из-за недостатка достоверных источников. Большинство доступных в наше время письменных памятников Средневековья представлено разновременными записями местных генеалогических преданий и легенд, содержащих наряду с древними слогами напластования более позднего времени. Поэтому реконструкция идейно-духовной картины в столь отдаленную эпоху предполагает привлечение не только фольклорных повествований, но и материалов археологических исследований. Данные археологии позволяют выявить некоторые особенности внедрения ислама в городах и ставках Юго-Западного Жетысу.

Акыртас. Архитектурно-археологический комплекс Акыртас, расположенный в Жамбылской области в 40 км восточнее г. Тараз, отождествляется со средневековым городом Касрибас (ставкой одного из властителей карлуков), который упомянут в рукописях Ибн Хордадбега (IX в.), Кудамы (X в.) (Волин, с. 74, 77). В комплексе недостроенного дворцового сооружения (205×180 м), сложенного из камня во второй половине VIII века, одна из четырех частей (северо-западная) имеет недостроенный участок размерами 27×27,75 м. Исследователи предположили, что это незавершенная мечеть. В западной стене сохранилась нижняя часть михраба, в южной стене были устроены три тамбурных прохода, а на «полу» обнаружены несколько обработанных каменных блоков, служивших базами для колонн, на которые должна была опираться крыша постройки. Мечеть планировалась как «столпная» или «многоколонная» (Байпаков, Нортхедж, 1997, с. 88–89; Байпаков, 2018а, с. 351–352).

Тараз. Город Тараз, располагавшийся на трассе Великого шелкового пути, является древнейшим городом в Жетысу. Первое упоминание о нем встречается в византийских источниках и относится концу VI века. О Таразе (Галасе) писали почти все средневековые географы, историки, путешественники. Наибольшего расцвета город достиг в XI–XII вв. при Караханидах. В 1220 г. он был разрушен монголами, о чем свидетельствуют остатки пожарищ, обнаруженные при раскопках. По-видимому, город был переименован монголами в Яны (Новый).

В разное время в Таразе были раскопаны культовые постройки IX–

X вв., не получившие однозначного толкования. Они определялись как культовая постройка (церковь) (Сенигова, 1972, с. 140–142) или христианская церковь (Илияс, 2009), перестроенные позднее в мечети. По мнению Т.И. Торгоева, памятники, исследованные Т.Н. Сениговой и С.Р. Ильясом, изначально являлись мечетями (Торгоев, 2013, с. 131).

В 2006–2008 гг. во время проведения археологических работ на территории рабада были вскрыты остатки древней мечети IX–XII в. и примыкающие к ней постройки (рис. 1) (Байпаков, 2007, с. 344–345; Дошанова, Егоркина, 2008; Илияс, 2009). При исследовании памятника выделены три строительных периода.

К первому периоду относятся следы от квадратных оснований колонн со сторонами 1,60 м (рис. 1, 2). Они располагались на равном расстоянии от стен – 2,60 м. Вероятно, это была квадратная в плане постройка со стенами, ориентированными на северо-восток и юго-запад. В углублениях под базы колонн раннего здания были найдены три детали ременной гарнитуры, украшенные растительным орнаментом. На обратной стороне наконечника изображен крест, концы которого соединены линиями, образующими ромб. Обратную сторону пряжки украшает равноконечный крест. На основании аналогий А.И. Торгоев датировал находки второй половиной IX–X в. С его точки зрения, к этому времени относится разрушение ранней постройки и строительство здания второго строительного периода (Торгоев, 2013, с. 129–130).

Во втором строительном периоде были возведены частично сохранившиеся до настоящего времени стены и

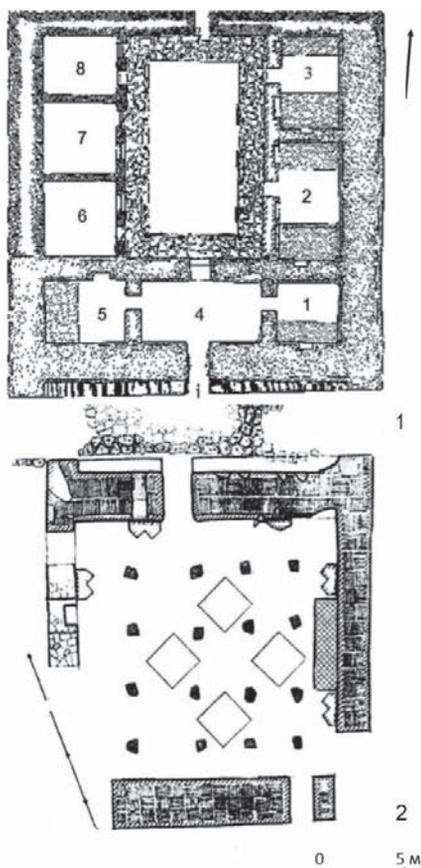

Рис. 1. Городище Тараз. Здания IX–X вв. со следами перестроек. Предполагаемые мечеть (2) и ханака (1).

(Прорисовка Т.С. Дошановой).

Fig. 1. Taraz settlement. Buildings of the 9th–10th centuries with traces of restructuring. Supposed mosque (2) and khanaka (1). (Drawing by T. Doschanova).

установлено 16 колонн. В плане остатки здания представляли собой квадрат с внешними размерами сторон 20×20 м. Размеры зала – 14,60×14,15 м. На полу выявлены каменные базы и деревянные части колонн диаметром около 17–18 см, а также фрагменты горелого дерева. Стены шириной от 2 до 3 м сложены из блоков пахсы и сырцовых кирпичей техникой комбинированной кладки. Толщина сохранившихся стен разная: северной (фасадной) – 3,1 м, восточной – 2,5 м,

западной – 1,8 м и южной стены – 2 м. Сырцовый кирпич двух видов: прямоугольный (45×22,5×9 см) и квадратный (26×26×10 см). Внутренние вертикальные поверхности стен обкладывались прямоугольными сырцовыми кирпичами. Такая конструкция была выявлена в северной, южной и восточной стенах. Что касается западной стены, то она была подвержена капитальной перестройке. Основание стены сохранилось на высоту до 0,5 м. Вход расположен в северной стене. Ширина входа 1,77 м. Он выделен двумя выступающими пилонами и расположен со стороны вымощенной каменными плитами улицы шириной 2 м. Во входном проеме выявлены следы конструкции в виде углублений для закладки деталей дверей.

В третий период были внесены некоторые изменения в возведенное здание. Большая часть западной стены была заложена плитняком. В этой стене была вырублена ниша (михраб), располагавшаяся не в центре, а со сдвигом к северной стене, почти вплотную к одному из пилонов. Кирпичные выступы в виде угловых двойных пилонов расположены на равном расстоянии от углов помещения и симметрично относительно противоположных сторон. Обожженный кирпич, из которого они сложены, имеет размеры 26×13×4,5 см. Вероятно, пилоны были возведены до или после устройства михраба, так как в его расположении нарушена симметрия. С точки зрения К.М. Байпакова, пилоны могли выполнять функцию дополнительной опоры для поддержания кровли (Байпаков, 2012, с. 15–16).

Конструкции стен и внесенные на третьем этапе преобразования привели исследователей к выводу, что здание было построено в раннем

Средневековье и впоследствии было переделано и обращено в мечеть. После того как михраб был заложен, мечеть перестала функционировать (Байпаков, 2012, с. 15–16; Дошанова, Егоркина, 2008).

Согласно М. Наршахи, когда эмир Исма'ил в 280/893–94 г. взял город Тараз, главная церковь была обращена в соборную мечеть; таласский эмир со многими дихканами принял ислам. Соборная мечеть города Мирки (Мерке) прежде также была церковью. В.В. Бартольд, комментируя эти сведения, уточнил, что перевод слова, обозначающего постройку, соответствует только церкви или синагоге (Бартольд, 1964, с. 286–287). Подобное толкование не дает однозначного определения храма. Возможно, речь шла о манихейской церкви (Терновая, 2017, 173–181; Байпаков, Терновая, 2018). Факт существования манихейства в стране Аргу-Талас подтверждают письменные источники (Зуев, 2004; Кляшторный, 2006; Лурье, 2013).

Закрепляясь в Центральной Азии, так же как и в Сирии, Иране, на Кавказе, арабы первоначально не столько строили новое, сколько приспособляли уже существовавшие культовые постройки к потребностям новой власти и новому формату веры. Помещения главных храмов становились мечетями. Следует обратить внимание, что главная церковь была не перестроена, а обращена в мечеть. Причиной этого, вероятно, была величина здания и колонны, поддерживающие перекрытие, – архитектурное решение, напоминающее мечеть. В одном варианте рукописи аль-Макдиси сообщается, что в Таразе много «зиммиев» (сабиев?). под этим термином понимались иноверцы – иудеи, хри-

стиане (Волин, 1960, с. 81) или, что следует из других письменных источников, манихеи. В Самарканде их называли сабиями (Бируни, 1957, с. 213; Терновая, 2017).

О том, что в Юго-Западном Жетысу в VIII–IX вв. были приверженцы учения Мани, свидетельствуют письменные источники. В колофоне рукописи манихейского сочинения «Книга двух основ», обнаруженной и изданной Ле Коком, содержится список манихейских обитателей в «стране Аргу». В нем упоминается «Страна десяти стрел» – Западно-Тюркский (Тюркешский каганат), прекративший существование в 766 г. С точки зрения С.Г. Кляшторного, «Книга двух основ» была переведена на тюркский язык не позднее середины VIII в., а в середине IX в. была переписана «старым писцом Агдуком (Ayduq)» по заказу манихейского пресвитера (манхистака) Мар Ишояза «для пробуждения веры в его стране». Центром манихейской митрополии, где правил делами махистак Мар Ишоязд, назван в колофоне Алтун Аргу Таласулуш, то есть древний Тараз, столица «Золотой Аргу» (Кляшторный, 2006; Лурье, 2013, с. 223–224).

Перестройки культового сооружения, открытого и исследованного археологами в Таразе, свидетельствуют о том, что в начальный период распространения ислама под мечети приспособлялись наиболее значимые культовые постройки других религий.

В XII веке вблизи мечети был возведен мавзолей Карахана, разрушенный в 1920 г. прошлого столетия. Специалисты высоко оценивают художественное и историческое значение этой постройки, в которой был воплощен синтез форм монументальной архитектуры и их региональное

осмысление. До настоящего времени сохранились только фотографии и графическая реконструкция, выполненная С.Г. Хмельницким (Хмельницкий, 1996, с. 184–185).

Костобе. На расстоянии 15 км к северу от современного города Тараз расположено городище Костобе, которое сопоставляется со средневековым городом Джамукат (VI–XII вв.) (Байпаков, 1998, с. 100–101). Город был основан выходцами из Бухары и назван по имени предводителя бухарцев Джамука. Сведения о городе бухарцев Джамукате имеются в письменных источниках. Упоминания оставлены арабским географом и путешественником X в. аль-Макдиси, который охарактеризовал Джамукат как «... Большой город. Вокруг него стена. Соборная мечеть в ней, а рынки в рабаде» (Волин, 1960, с. 82).

Исследование некрополя городища Костобе показало, что в раннем Средневековье здесь так же, как и в других городах Юго-Западного Жетысу, проживало полиэтничное и поликонфессиональное население. Это были тюрки и согдийцы – адепты маздеизма, христианства, буддизма, манихейства. Все эти группы населения участвовали в формировании своеобразной городской культуры. Время функционирования некрополя Костобе отнесено к VII–VIII вв., а мусульманские захоронения, обнаруженные в верхнем горизонте, датированы IX–X вв. (Байпаков, 1999; 2012а, с. 301–304).

Раскопки цитадели Костобе вскрыли разновременные постройки. Верхний строительный горизонт был разрушен, так как с XIII века на цитадели совершались погребения. В нижних слоях были вскрыты конструкции дворца, строительство которого проходило в два этапа. Первый этап от-

носится к VI–VIII вв. В этот период постройка представляла собой замок-крепость с обходным коридором, жилыми и хозяйственными помещениями. С VIII по начало IX в. в планировку помещений дворца были внесены изменения. Дворцовая постройка сооружена из пахсовых блоков размером 0,7×0,6 м и сырцовых кирпичей размером 0,45×0,25×0,8 м. Археологами было вскрыто 20 помещений. Особый интерес представляют помещения 6, 8, 10 и 11, расположенные в центральной части.

Помещение 6 (7,8×5,7 м) предположительно использовалось как внутриворцовой храм огня. Толщина стен 0,9 м, они сохранились на высоту до 1,5 м. Ближе к центру помещения располагался подиум размерами 3,9×1,22×0,54 м, на горизонтальной поверхности которого находился жертвенник – круглое прокаленное углубление диаметром 1,4 м, глубиной 5 см. В южной стене была устроена ниша, поднятая над уровнем пола на 38 см. Ширина ниши 1 м, глубина 35 см, сохранившаяся высота – 1,30 м.

Ниша была украшена резной глиной (Байпаков, Терновская, 2002; 2004; Вайраков, Ternovskaja, 2005). В верхней части ее рамы изображен узор, предположительно имитирующий эпиграфический орнамент (рис. 2), используемый в оформлении михрабов мусульман.

В VIII веке в связи с арабским завоеванием и внедрением ислама в Средней Азии в Юго-Западное Жетысу усиливается приток верующих, не принявших новую религию. Это время массового переселения из Согды, где слои запустения охватывают по два-три десятилетия. Согдийские мигранты оказали влияние на развитие городов – строительство, архитектуру

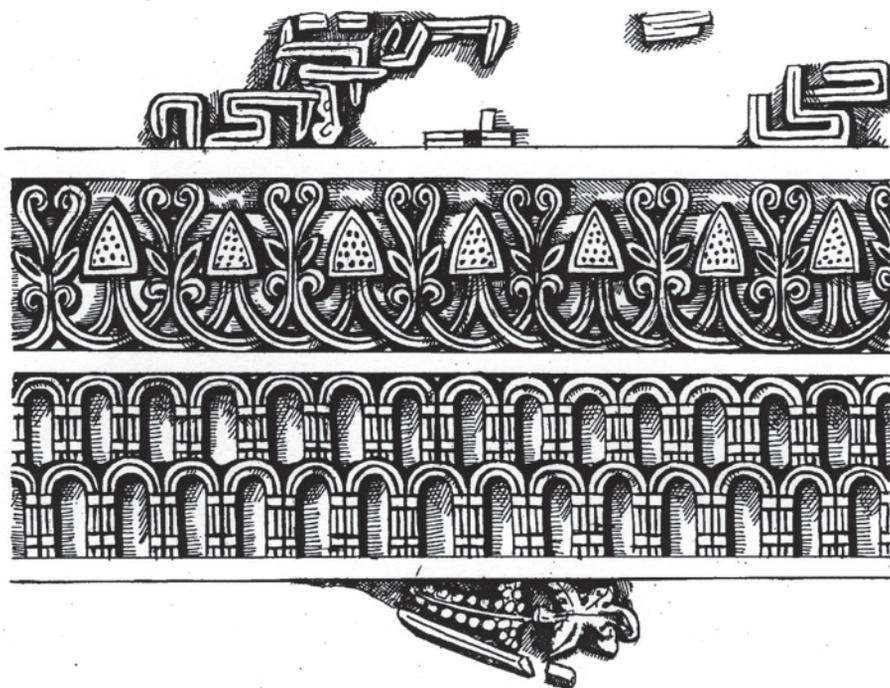

Рис. 2. Городище Костобе. Фрагмент резной глины из оформления культовой ниши в дворцовом комплексе VIII–IX вв. (помещение 6).

Fig. 2. Fortified Kostobe. Fragment of carved clay from the decoration of a cult niche in the palace complex of the 8th – 9th centuries. (room 6).

ру, искусство. Возможно, присутствие имитации эпиграфического орнамента в оформлении культовой ниши служит свидетельством знакомства иноверцев с мусульманским искусством или демонстрирует попытку найти компромисс.

Кулан. Одним из наиболее известных городов к востоку от Тараза был Кулан, который упоминали Ибн Хордадбех (IX в.), Кудама и аль-Макдиси (X в.), Ибн аль-Асир и Якут (XII–XIII вв.) (Ибн Хордадбех, 1986, с. 65, 180–181; Волин, 1960, с. 74, 76, 77, 82, 83). Ибн Хордадбех и Кудама называют расстояние между Таразом и Куланом. Оно равнялось 14 фарсахам. Это позволило отождествить город с археологическим памятником на окраине села Луговое, расположенного в 120 км к востоку от города Тараз (Байпаков, 1998, с. 114–115). О Кулане

было известно уже в первой половине VIII в. Во время правления халифа Мамуны (810 г.) до города доходили арабы (Бартольд, 1963, с. 249, 260). В X в. аль-Макдиси писал о Кулане как об укрепленном городе с мечетью, подчеркнув, что он находился на большой таразской дороге. В географическом словаре Якута, составленном в 1224 г. на основе сведений X и XII вв., написано: «Кулан – приятный городок на границах страны тюрок со стороны Мавераннахра» (Волин, 1960, с. 87). Городище включает комплекс разновременных построек, датируемых VII – началом XIII века.

В 2 км к юго-востоку от центральных развалин цитадели и шахристана городища Кулан был исследован памятник, обозначенный «Луговое Г». Он расположен в пределах территории, окруженной длинной стеной. В

Рис. 3. Луговое Г. Фрагмент резной глины с изображением эпиграфического орнамента из оформления культовой ниши в помещении 8. IX–X вв.

Fig. 3. Lugovoe G. Fragment of carved clay with the image of epigraphic ornament from the decoration of the cult niche in room 8. 9th – 10th centuries.

топографии «Лугового Г» различаются центральная часть в виде бугра подквадратной в плане формы размерами в основании 45×40 м и высотой 5 м и примыкающего к нему участка 50×70 м. Стена, окружавшая двор, сохранилась на высоту 1,5×2 м. Раскопками установлено существование трех разновременных построек: первоначальное здание VII–VIII вв., здание второго строительного горизонта IX–X вв. и верхний строительный горизонт X–XII вв.

Ядром комплекса, относящегося ко второму строительному горизонту IX–X вв., был двор размерами 14,6×12,4 м, в середине которого прослеживается понижение от двух хаузов (водоемов). Центральная часть размерами 7,2×6,8 м была вымощена каменными плитами бордового цвета. Из двора имелись проходы в ряд помещений. По периметру он был закрыт навесом шириной от 6 до 4 м, который опирался на колонны, образуя четырехсторонний айван. Под навесом находились суфы высотой до 20–25 см. Суфа в восточном углу была разрезана двумя проходами (Нуржанов, 2010, с. 234–235).

Внутренний двор соединялся анфиладой длинных узких помещений 8, 16 и 26 общей длиной 22,8 м с наружным двором, который имел выход в город. Наиболее яркие материалы получены при раскопках помещения 8, на полу которого был разобран завал из сырцовых конструкций перекрытия, глинистого раствора кладки, фрагментов резного глиняного декора и глиняной пластики. К оформлению верхней части рамы юго-восточной ниши относится эпиграфический узор, имитирующий арабскую надпись (рис. 3). Стены помещения украшены орнаментом, составленным из полос, которые, пересекаясь, образуют шестиконечные звезды (рис. 4), известные в мусульманском изобразительном искусстве (Байпаков, Терновская, 2002а; 2004; Вайраков, Терновская, 2005). В то же время в декоративном оформлении юго-восточной ниши использованы антропоморфные и зооморфные изображения, связанные с доисламскими религиозными представлениями.

Орнек. Следы «столпной» мечети X–XII вв. были исследованы на городище Орнек (VIII–XII вв.), расположенном в 6 км к югу от одноименного села на р. Шубунды в ущелье Сулутор (Байпаков, Нортхедж, 1997а, с. 54–55). Городище соответствует Кульшубу, упомянутому Ибн Хордадбехом (IX в.) и Кудамою (X в.) (Волин, с. 74, 77). Кульшуб был ставкой одного из карлукских правителей, которая возникла на месте постоянного оседлого поселения.

В центральной части городища Орнек были вскрыты остатки прямоугольной в плане постройки размером 40×20 м (рис. 5). Основания глинобитных стен шириной около 1 м выложены каменными булыжниками. Вход, расположенный с востока, был

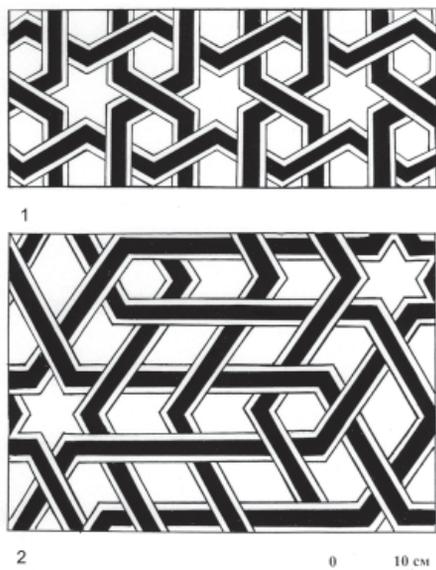

Рис. 4. Луговое Г. Фрагменты декоративного оформления стен из помещения 8. IX–X вв. (реконструкция).

Fig. 4. Lugovoe G. Fragments of wall decoration from room 8. 9th – 10th centuries (reconstruction).

оформлен тамбуром, образованным двумя выступами стены длиной 3,5 м. Мечеть предположительно имела плоское перекрытие. При расчистке пола были обнаружены 14 каменных баз колонн. Три базы вытесаны из каменных глыб, две украшены резным узором, остальные – необработанные валуны. Нижняя часть первой базы (0,5×0,5×1 м) слегка закруглена. На одной стороне вырезана фигура, напоминающая ножку вазы, на которой изображено растение в виде стебля и листа с завитками. Вторая база высотой 1,2 м имеет трапециевидную форму (размер основания 1,1×1,25 м, верхней части – 0,75×1 м). Вверху сделан уступ высотой 10 см, с двух ребер базы сняты фаски. На двух гранях вырезаны воспроизведения антропоморфных существ. Третья база имеет вид двухступенчатого блока с размерами нижней ступени 1,3×1,2×1 м,

верхней – 0,85×0,9×0,4 м. Остальные 11 баз – массивные каменные глыбы размером 0,8×0,8 м, уплощенные сверху. Согласно расчетам, колонны располагались на расстоянии 3–3,5 м друг от друга, выстраиваясь в ряды – 11 по длине и 5 или 6 по ширине (55 или 66 колонн). Еще одна каменная колонна, найденная в 1960-х годах на городище Орнек, хранится в областном историко-краеведческом музее в Таразе. В высоту она достигает почти 2 м, ее диаметр около 30 см. В верхней части колонны сделаны четыре рельефных медальона со стилизованными воспроизведениями человеческого лица. Ниже видны два орнаментальных пояса, составленные из полуovalов и фигур треугольной формы (Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011, с. 393).

Наличие антропоморфных изображений в декоративном оформлении колонн мечети Орнека демонстрирует признаки симбиоза мировоззрения мусульман с доисламскими верованиями. За пределами центрального укрепления городища Орнек, в юго-западной части, был раскопан мавзолеем XI–XII вв., используемый под коллективные захоронения, которые совершались в склепах из сырцового кирпича (Хмельницкий, 1996, с. 153–193).

Со второй половины X в. начался новый этап в истории средневекового Казахстана: города становятся центрами исламской науки, просвещения и культуры и здесь складывается элитарная культура.

Тюрки-мусульмане, оседлые горожане и кочевое население смогли понять друг друга и в конечном итоге создать самобытную культуру, которая вписалась в многообразие древних культур человечества.

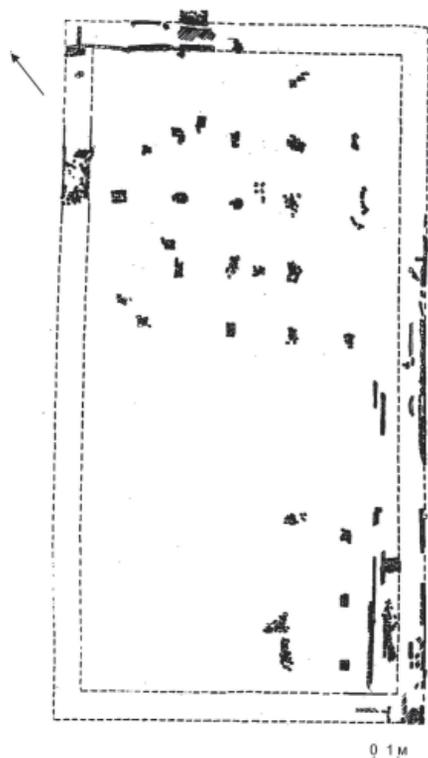

Рис. 5. Городище Орнек. План раскопанной мечети X–XII вв.

Fig. 5. Ornek fortified. Plan of the excavated mosque of the 10th – 12th centuries.

(XI–XII вв.), Бабаджи хатун (XI в.), расположенные в 18 км от Тараза, и мавзолей Карахана (XII в.) дают возможность оценить художественно-эстетический вкус и высокий уровень мастерства, привнесенные в культуру Жетысу с приходом ислама.

С X в. арабская письменность все активнее стала проникать в культуру и быт населения Жетысу. Тексты из Корана и мусульманские сентенции стали украшать монументальные постройки; на арабском языке велось богослужение в мечетях и обучение в медресе; арабским письмом исполнялись эпитафии на каменных и кирпичных надмогильниках мусульман; согдийскую легенду на монетах сменила арабская. Эпиграфический орнамент стал украшать посуду и интерьер жилища.

Материалы по исламизации Казахстана показывают, что распространение новой религии происходило военным и ненасильственным путем. Результаты археологических исследований памятников городской культуры второй половины VIII–XII вв. помогают разобраться в особенностях внедрения здесь мировоззрения ислама, а сохранившиеся в разрушенном виде и восстановленные архитектурные творения – мавзолеи Айша-биби

Ислам сыграл положительную роль в приобщении населения древнетюркских государств к духовным ценностям мировой культуры, она явилась той средой, благодаря которой сохранились достижения древних цивилизаций и на основе которой позднее возникли культура Возрождения, Ренессанса и новоевропейский стиль мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.
2. Байпаков К.М. Исследования некрополя Джамуката в Таласской долине // Вестник КазГУ. Серия историческая. 1999. № 12. С. 36–46.
3. Байпаков К.М. Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы: Адамар, 2007. 495 с.
4. Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга I. Алматы: Институт археологии, 2012а. 390 с.
5. Байпаков К.М. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы: Археологическая экспертиза, 2012. 284 с.

6. Байпаков К.М. Становление и развитие исламской архитектуры // Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновая Г.А. История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы: ServisPress, 2018а. С. 348–416.
7. Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз: Luxe Media Group, 2011. 618 с.
8. Байпаков К.М., Нортхедж А. Новые данные об Акыртасе // Известия Министерства науки Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1997. № 1. С. 88–89.
9. Байпаков К.М., Нортхедж А. От ставки к городу // Новости археологии / Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Яссави. Туркестан, 1997а. Вып. 1. С. 54–55.
10. Байпаков К.М., Терновая Г.А. «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владетелей средневекового Кулана. // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. Общ. наук. 2002а. № 1(236). С. 244–268.
11. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. наук. 2002, №1(236). С. 219–244.
12. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. Алматы: CREDO, 2004. 164 с.
13. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Манихейство // Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновая Г.А. История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы: ServisPress, 2018. С. 168–200.
14. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II, ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 169–433.
15. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Сочинения. Т. II, ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 265–302.
16. Бируни А. Памятники минувших поколений. Т. I: Избранные произведения // Перевод и прим. М.А. Салье Ташкент: АН Уз ССР, 1957. 487 с.
17. Волин С.Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды ИИАЭ АН Каз ССР. Т. VIII. Алма-Ата, 1960. С. 72–92.
18. Доцанова Т.С., Егоркина Н.Д. Раскопки мечети X–XI вв. в городе Таразе и ее реставрация // Известия НАН РК, серия общественных и гуманитарных наук. 2008. № 1(254). С. 147–152.
19. Ерофеева И.В. Основные этапы исламизации тюркских племен // Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновая Г.А. История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы: Service press, 2018. С. 336–348.
20. Зуев Ю.А. Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. Серия общественная. 2004. № 4. С. 26–28.
21. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с араб., комментарии Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
22. Кляшторный С.Г. Манихейские обители в стране Аргу // Известия НАН РК, серия обществ. наук, 2006. № 1 (252). С. 121–124.
23. Лурье П.Б. О следах манихеизма в Средней Азии // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б.И. Маршака (1933–2006) / Труды ГЭ. Т. 62 / Отв. ред. Лурье, П. Б. Торгоев, А. И. Спб.: ГЭ, 2013. С. 219–251.
24. Нуржанов А.А. «Приятный городок» на Великом Шелковом пути // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие / Отв. ред. Б.Е. Кумек. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. С. 230–238.
25. Нуржанов А.А. Генезис духовно-культурной доминанты раннего ислама в Жетысу // Современность: Мир мнений. Философский альманах. № 1 (61). Алматы: Казахский национальный педагогический университет имени Абая, 2015. С. 182–185.
26. Нуржанов А.А., Муратова С.Е. Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 79–93.
27. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз, Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.

28. Терновоя Г.А. Образный мир манихеев в Семиречье VIII–XIII вв. // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шелковом пути / Ред. К.М. Байпаков. Алматы: Экожан, 2017. С. 273–297.

29. Торгоев А.И. К датировке мечети в Таразе // Известия НАН РК, сер. общ. и гуманитар. наук, 2013. № 3 (289). С. 127–132.

30. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига: «GamaJun», 1996. 336 с.

31. Ваираков К.М., Терновоя Г.А. Tönerne Architekturoornamentik aus Žetysu // BAND 37–2005. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran. Berlin, 2005. 377–421.

32. Илияс С.Р. Ортағасырлық Тараз қаласындағы ғұрыптық ғимараттар кешені // Известия НАН РК, серия общественных и гуманитарных наук. 2009. № 1(268). С. 210–214.

Информация об авторах:

Нуржанов Арнабай Абишевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки, Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан); arnabai@mail.ru

Терновоя Галина Алексеевна, кандидат исторических наук, пенсионер (г. Москва, Россия); galina-ternovaya@yandex.ru

TO THE ISSUE OF THE DISTRIBUTION AND INFLUENCE OF ISLAM IN THE CITIES OF THE SOUTHWESTERN ZHETYSU REGION IN THE SECOND HALF OF THE 8TH – 12TH CENTURIES.

A.A. Nurzhanov, G.A. Ternovaya

The article examines some aspects related to the changes that have occurred in the urban culture of the South-West Zhetysu at the initial stage of the establishment of Islam. The results of archaeological research carried out at the architectural and archaeological complex Akyrtyas, monuments discovered at the medieval fortified of Taraz, Kostobe, Lugovoye, Ornek are presented by the authors. The early period of Islamization includes the construction of pillar mosques (Akyrtas, Ornek), alteration of the temple into a mosque (Taraz), elements of Muslim decor in religious premises of representatives of other religions (Kostobe, Lugovoye Г) and relic manifestations in the design of the columns of the Ornek mosque. 8th–12th centuries – this was a time associated with a series of historical events: the mass resettlement of the Sogdians in connection with the seizure of Central Asia by the Arabs, the conquest of Taraz and the Talas Valley by Emir Ismail from the Samanid dynasty and the adoption of Islam by the Karakhanids.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Zhetysu (Semirechye), early Middle Ages, Islam, mosque, urban culture, art.

REFERENCES

1. Baipakov, K. M. 1998. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti (Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road)*. Almaty: “Gylm” Publ. (in Russian).
2. Baipakov, K. M. 1999. In *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaya (Bulletin of Kazakh National University. Historical Series)* 12. 36–46 (in Russian).
3. Baipakov, K. M. 2007. *Velikii Shelkovyi put' na territorii Kazakhstana (The Great Silk Road in Kazakhstan)*. Almaty: “Adamar” Publ. (in Russian).
4. Baipakov, K. M. 2012. *Drevniata i srednevekovaya urbanizatsiia Kazakhstana (Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan)* I. Almaty: Institute of Archaeology (in Russian).
5. Baipakov, K. M. 2012. *Islamskaia arkheologicheskaiia arkhitektura i arkheologiiia Kazakhstana (Islamic Archaeological Architecture and Archaeology of Kazakhstan)*. Almaty (in Russian).
6. Baipakov, K. M. 2018. In Baipakov, K. M., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S., Ternovaya, G. A. *Istoriya religii v Kazakhstane. Drevnost' i srednevekov'e (History of religions in Kazakhstan. Antiquity and the Middle Ages)*. Almaty: “ServisPress” Publ., 348–416 (in Russian).
7. Baipakov, K. M., Kapkova, G. A., Voyakin, D. A., Mar'yashev, A. N. 2011. *Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoi oblasti (Treasures of ancient and medieval Taraz and Zhambyl Region)*. Taraz: “Luxe Media Group” Publ. (in Russian).

8. Baipakov, K. M., Nortkhedzh, A. 1997. In *Izvestiya Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Ministry of Science - Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series)* 1. 88–89 (in Russian).
9. Baipakov, K. M., Nortkhedzh, A. 1997. In *Novosti arkheologii Mezhdunarodnyi kazakhskoturetskii universitet im. X.A. Yassavi (News on Archaeology. International Kazakh-Turkish University. X.A. Yassawi)* 1. Turkestan. 54–55 (in Russian).
10. Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 236 (1), 244–268 (in Russian).
11. Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 236 (1), 216–244 (in Russian).
12. Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2004. *Reznaya glina Zhetysu (Carved clay of Zhetysu)*. Almaty: “CREDO” Publ. (in Russian).
13. Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2018. In Baipakov, K. M., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S., Ternovaya, G. A. *Istoriya religii v Kazakhstane. Drevnost' i srednevekov'e (History of religions in Kazakhstan. Antiquity and the Middle Ages)*. Almaty: “ServisPress” Publ., 168–200 (in Russian).
14. Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Compositions)* 2, part 1. Moscow: “Nauka” Publ., 169–433 (in Russian).
15. Bartol'd, V. V. 1964. In *Sochineniia (Works)* 2, part 2. Moscow: “Nauka” Publ., 265–302 (in Russian).
16. Biruni, A. 1957. *Izbrannye proizvedeniya. I: Pamyatniki minuvshikh pokolenii (Selected Works. I: Monuments of Past Generations)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 33–42 (in Russian).
17. Volin, S. L. 1960. *Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana (Actual materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan)*. Series: Works of the Institute of the History of Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 8. Alma-Ata. 72–92 (in Russian).
18. Doshchanova, T. S., Egorkina, N. D. 2008. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1(254), 147–152 (in Russian).
19. Erofeeva, I. V. 2018. In Baipakov, K. M., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S., Ternovaya, G. A. *Istoriya religii v Kazakhstane. Drevnost' i srednevekov'e (History of Religions in Kazakhstan. Antiquity and the Middle Ages)*. Almaty: “Service press” Publ., 336–348.
20. Zuev, Yu. A. 2004. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 4. 26–28 (in Russian).
21. Ibn Khordadbekh. 1986. *Kniga putei i stran (Book of paths and countries)*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).
22. Klyashtornyi, S. G. 2006. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1(254), 42–55 (in Russian).
23. Lurje, P. B. 2013. In Lurje, P.B., Torgoev, A. I. (eds.). *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. Na osnove materialov konferentsii «Sogdiitsy doma i na chuzhbine», posvyashchennoi pamyati B.I. Marshaka (1933– 2006) (Sogdians, Their Precursors, Contemporaries and Heirs Based on proceedings of conference “Sogdians at Home and Abroad” held in memory of Boris Il'ich Marshak(1933–2006))*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 62. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ., 219–251 (in Russian).
24. Nurzhanov, A. A. 2010. In Kumekov, B. E. (ed.). *Kazakhstan i Evraziia skvoz' veka: istoriia, arkheologiya, kul'turnoe nasledie (Kazakhstan and Eurasia through the centuries: history, archaeology cultural heritage)*. Almaty: "Archaeological expertise" Publ., 230–238 (in Russian).
25. Nurzhanov, A. A. 2015. In *Sovremennost': Mir mnenii. Filosofskii al'manakh (Contemporaneity: World of Opinions. Philosophical Almanac)* 1 (61), Almaty: Kazakh national pedagogical university named after Abai, 182–185 (in Russian).
26. Nurzhanov, A. A., Muratova, S. E. 2015. In Dashkovskiy, P. K. (ed). *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospective (Worldviews of the Population of South-*

ern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect) 8. Barnaul: Altay University Publ., 79–93 (in Russian).

27. Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovyi Taraz (Medieval Taraz)*. Alma-Ata: “Nauka”, Publ. (in Russian).

28. Ternovaya, G. A. 2017. In Baipakov, K.M. (ed.). *Religii Kazakhstana i Tsentral'noi Azii na Velikom shelkovom puti (Religions in Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk Road)*. Almaty: “Ekozhan” Publ., 273–297 (in Russian).

29. Torgoev, A. I. 2013. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 3 (289), 127–132 (in Russian).

30. Khmel'nitskii, S. 1996. *Mezhdru Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI – nachala XIII vv. (Between the Samanids and Mongols: Architecture of Central Asia in 11th – Early 13th Centuries)*. Part I. Berlin; Riga: “Gamajun” Publ. (in Russian).

31. Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2005. In *BAND 37–2005. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran (VOLUME 37-2005. Archaeological communications from Iran and Turan. German Archaeological Institute. Eurasia Department Tehran Branch)*. Berlin. 377–421 (in German).

32. Iliyas, C. R. 2009. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1 (268), 210–214 (in Kazakh).

About the Authors:

Nurzhanov Arnabay A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; arnabai@mail.ru

Ternovaya Galina A. Candidate of Historical Sciences, Moscow, Russian Federation; galina-ternovaya@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВПУСКНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА БЕСИНШИТОБЕ В ОТРАРСКОМ ОАЗИСЕ¹

© 2020 г. А.К. Авизова

Предлагаемая публикация посвящена введению в научный оборот, систематизации и анализу впускных погребений Бесиншитобе. К настоящему времени изучено 82 захоронения. Анализ материалов погребений позволяет автору выделить три основных типа погребальных комплексов. Хронологическая принадлежность захоронений осуществлена на основе аналогий инвентарю. Датировка их пока носит предварительный характер. Наиболее ранний погребальный комплекс характеризуется одиночными захоронениями с сопроводительным инвентарем. У пяти погребенных на черепе имелись следы искусственной деформации кольцевого типа. В двух погребениях совершен ритуал неполной кремации. Наиболее ранние погребения данного комплекса относятся к IV–V вв. н. э. Второй комплекс объединяет погребения в крупных глиняных сосудах, помещенных в ямы. Все они детские, одно из которых коллективное. На основании аналогий данную группу можно отнести к VII–VIII вв. н. э. Третий, средневековый погребальный комплекс характеризуется одиночными мусульманскими захоронениями. Общим признаком для него является отсутствие сопроводительного инвентаря, ориентация головы покойника на северо-запад и север-северо-запад. Известен случай использования в ритуале неполного трупосожжения. Комплекс керамики, полученный с уровня I яруса раскопов на Бесиншитобе, позволяет автору относить мусульманские погребения к IX–XI и XIII–XV вв.

Ключевые слова: археология, Центральная Азия, впускные погребения, керамика, монета, мусульманский обряд захоронений, наконечники стрел, погребения в сосудах, трупосожжение.

Бесиншитобе находится в центральной части Отрарского оазиса – в 3,5 км к югу от городища Отрар, в 500 м к северо-востоку от городища Пшакшитобе. Овальный в плане, двухъярусный в профиле бугор типа «тобе с площадкой» вытянут с юго-запада на северо-восток с незначительным отклонением (рис. 1). Размеры его 100×70 м, высота около 5 м. Уплотненная верхняя площадка холма имеет размеры 30×40 м.

Памятник обследован в 1970 г. Отрарской археологической экспедицией. Собран подъемный материал, относящийся к IV–VI вв. и снят топографический план объекта (Акишев, Байпаков, Ермакович, 1972, с. 147–148).

Систематические археологические исследования Бесиншитобе начаты

в 2015 г. археологическим отрядом ЮКГУ им. М. Ауэзова под руководством А.К. Авизовой и проводятся до сих пор. Стратиграфическая траншея позволила выявить здесь остатки крупного монументального сооружения начала I тыс. н. э., возведенного на глинобитной платформе (Байпаков, Авизова, 2015, с. 182–214). Оно состоит из двух частей: большого центрального сооружения и более мелких помещений периферии (рис. 2). В 2016–2019 гг. раскопочные работы велись на верхней площадке бугра (Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, с. 17–22; Авизова, Есжан, Акылбек, 2019, с. 86–98). Были вскрыты помещения северо-западного участка центрального сооружения. Высота стен сохранилась до 3 м от уровня пола.

¹ Работа выполнена в рамках проекта AP05132830 «Отрарский оазис на перекрестке культурных традиций древней Центральной Азии (эпоха Кангюй)» по грантовому финансированию Комитета науки МОН РК.

Рис. 1. Городище Бесиншитобе. Общий вид.

Fig. 1. The hillfort of Besinshitobe. General view.

Как показали раскопки, в результате длительного запустения сооружение постепенно разрушалось и когда оно превратилось в уплощенный обширный бугор, его использовали в качестве погребального холма.

Захоронения производились преимущественно в рыхлых оплывах верхнего горизонта на глубине 0,5–0,8 м от современной дневной поверхности. Но некоторые из них залегали на глубине от 0,9 до 1,3 м от поверхности бугра и частично про-

резали стены нижележащего монументального сооружения. Проследить форму могильной ямы не всегда удавалось, однако в большинстве случаев она имела узкую продолговатую форму с закругленными углами. Всего было расчищено 82 впускных погребения (рис. 3). В шести могилах обнаружены разрозненные части скелетов или их фрагменты, в двух случаях внутримогильные конструкции, сложенные из жженого кирпича, оказались пустыми.

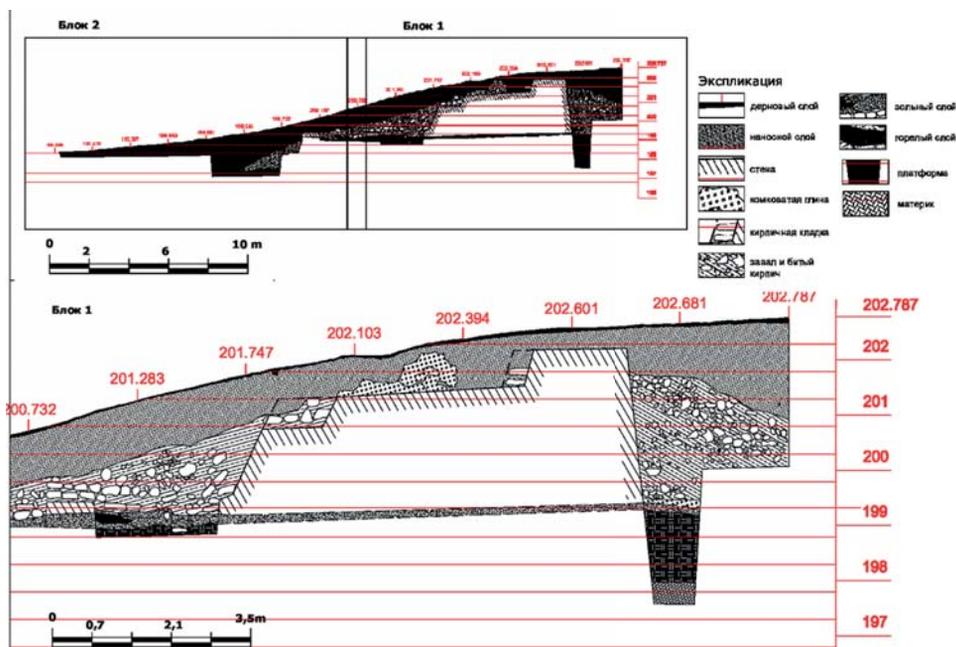

Рис. 2. Северо-восточный профиль траншеи.

Fig. 2. Northeast profile of a trench.

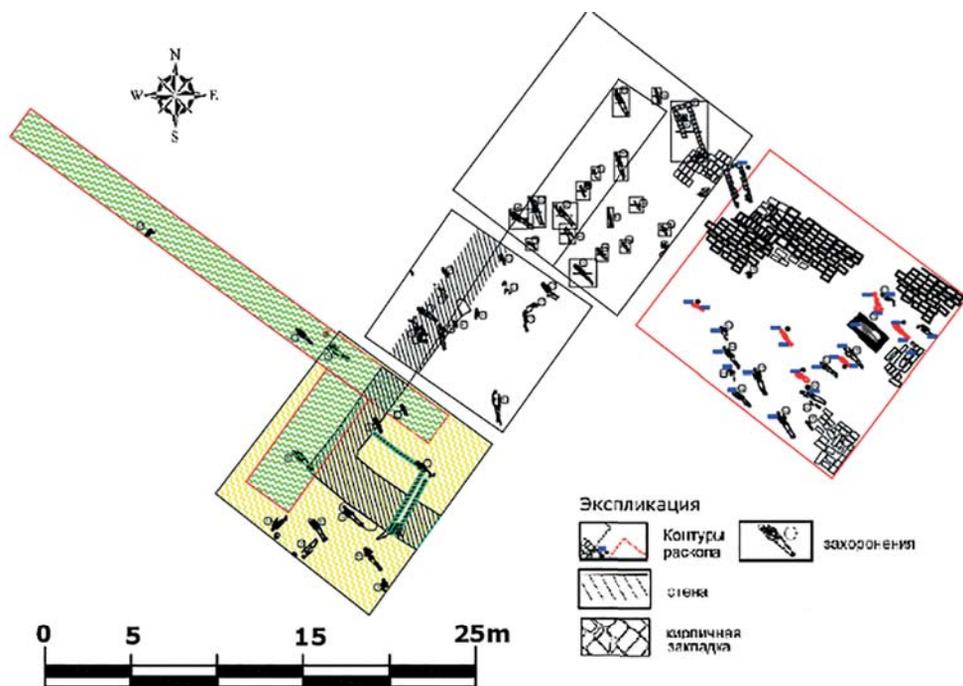

Рис. 3. Контурь раскопов 2015–2019 гг.

Fig. 3. Contours of excavations of 2015–2019.

По характеру обряда и культурно-хронологическим признакам весь погребальный комплекс, полученный к этому времени, подразделен нами на три группы. Датировка их пока носит предварительный характер.

В первую группу входят 13 захоронений с сопроводительным инвентарем. Два из них принадлежал детям, остальные – взрослым. Почти для всех характерно вытянутое положение на спине, руки вдоль туловища. Только в одном погребении (№ 20) костяк уложен на правом боку, руки и ноги полусогнуты, кисти рук уложены на тазовых костях. Наблюдаются различные вариации в ориентации головы: северная, северо-западная, северо-восточная, южная, юго-западная, юго-восточная. Есть погребенные, направленные головой на юг – юго-восток и северо-восток – восток. Ноги в

6 случаях параллельны друг другу, в двух случаях – скрещены (левая нога лежала на правой). Лишь один костяк уложен со слегка согнутой в коленях левой ногой. Кости ног остальных погребенных смещены или отсутствуют, что не позволяет определить их положение ног.

Следует отметить наличие серии погребений с искусственной деформацией черепа кольцевого типа (5) и ритуала неполного трупосожжения (2).

Для всех могил характерен довольно скудный сопроводительный инвентарь: один-два керамических сосуда, изредка железный нож, из предметов украшения – единичные бусы. Оружие имелось в двух погребениях, идол – в одном, железная пряжка – в одном.

Несколько отличается погребение № 46, сопроводительный инвентарь

которого состоял только из железных предметов. Среди них 13 наконечников стрел, 2 ножа средних и маленьких размеров, фрагменты удила, прямоугольная пластинка со скругленным концом, крючкообразные предметы, а также П-образной формы стержень.

Наконечники стрел черешковые трехперые с ромбовидной головкой. Общая длина наконечников составляет 7,5–8 см. Головка ромбической формы длиной 4 см, ширина пера около 1 см. Длина черешка 3,5–4 см. Железные наконечники стрел с ромбовидной головкой известны в материалах погребальных комплексов Средней Азии, Поволжья, Приуралья, Южной Сибири и других регионов первой половины 1 тыс. н. э. (Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81, рис. 3, 4; Литвинский, 1965, с. 75–91; Худяков, 1986, рис. 5, 3–6; Хазанов, 1971, табл. XIX; XXII, 10, 11). Аналогичные изделия встречаются в погребениях Коньртобе 1, Борижар, Сидак (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 18–19, рис. 1.16; фото 3.8), Актобе 2 (Максимова, Мерщиев, Вайнберг, Левина, 1968, с. 75–76, рис. 32), Кызыл-кайнар-тобе (Мерщиев, 1970, с. 79–92, рис. 32), которые датируются I–V вв. По мнению некоторых исследователей, наконечники этого типа впервые появляются в Средней Азии в IV–V вв. (Хазанов, 1971, с. 41).

Керамические сосуды из погребений представлены кувшинами, кружками и чашами. Они изготовлены тщательной ручной лепкой. Наружная поверхность сосудов покрыта красным или темно-красным ангобом, часто тщательно залощена. Сосуды обычно стояли у изголовья погребенного с правой или левой стороны. Лишь в двух детских погребениях посуда была расположена около головы сверху.

Все кувшины имеют прямое невысокое горло, слегка отогнутый венчик, раздутое тулово. Плоское дно всегда намного шире, чем венчик. Цилиндрический носик-слив расположен на стороне, противоположной к вертикальной ручке. Несколько отличается по форме кувшин с высокой горловиной, шаровидным туловом на высоком вогнутом поддоне. Вертикальная плоская ручка прикреплена верхним концом к краю устья. Высота кувшинов от 25 до 40 см.

Кружки имеют приземистое шаровидное тулово, вытянутую горловину, переходящую в прямую, слегка отогнутую наружу закраину и петлевидную ручку. Ручка одной из них оформлена в виде фигурки животного.

Аналогии сосудам Бесиншитобе достаточно широки: они известны в погребальных комплексах Кок-Мардан, Талтакай в Оттараском оазисе, могильнике Чоон-Капка 1 в долине реки Талас (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, с. 66–74, рис. 1.59; 1.60–11; 2, 4–5) и в материалах поселения Актобе 2 (Максимова, Мерщиев, Вайнберг, Левина, 1968, с. 52–61, рис. 23–25), которые датируются первой половиной I тыс. н. э.

Украшения из погребений представлены единичными бусинами из сердолика, коралла и стеклопасты, бронзовыми амулетами в виде конического колокольчика и наконечника стрелы. Отметим также алебастровую антропоморфную фигурку идола из могилы № 20. Высота ее 17,5 см, ширина около 7,0 см, толщина около 4,5 см. Это схематизированный бюст человека, уплощенный со стороны спинки, с крупной головой, выпуклым овальным лицом и большими миндалевидными глазами. Сросшиеся в переносице брови соединены с прямым

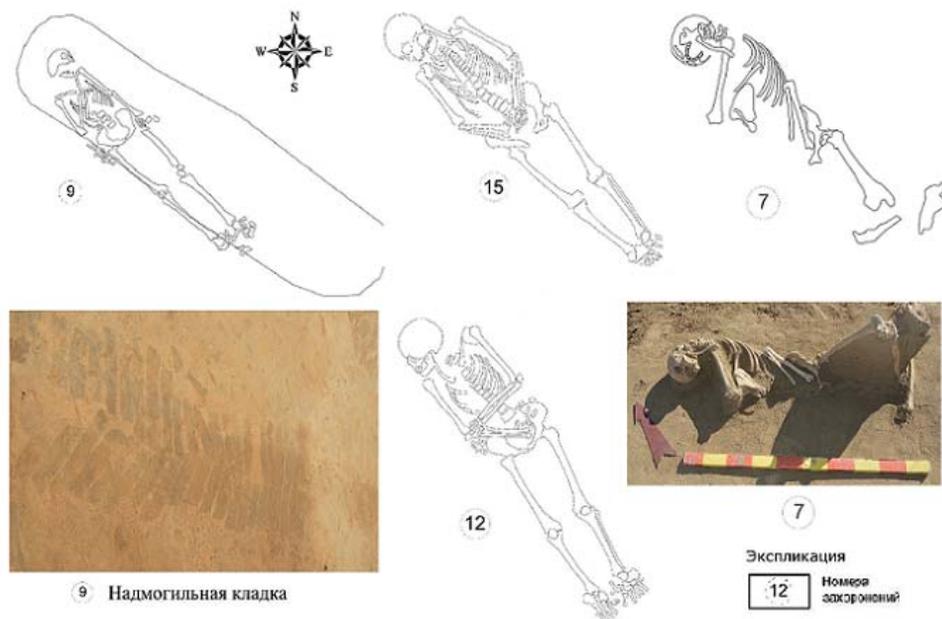

Рис. 4. Мусульманские погребения.

Fig. 4. Muslim burials.

носом. Подобные идолы характерны для эфталитского и тюркского времени. По стилю и манере изображения бесиншитобинская фигурка наиболее близка культобинским алебастровым идолам из Туркестанского оазиса III–IV вв. и ташраватским статуэткам из Ферганы IV–V вв. (Смагулов, 2013, с. 197–215; Брыкина, 1982, с. 88–114; Брыкина, 1987, с. 25).

Вторая небольшая группа включает погребения в крупных глиняных сосудах, помещенных в ямы. Всего обнаружено три захоронения. Все они детские, одно из которых коллективное.

Первый погребальный сосуд (захоронение № 20а) найден в области затылка костяка из погребения № 20. Лежал на боку горловиной на северо-восток. Высота хумчи 33 см, диаметр дна (17 см) чуть меньше диаметра венчика (19 см). Изготовлен ручной лепкой из красного теста, покрыт

светлым ангобом. Сосуд под венчиком имеет четыре отверстия, имевшие, скорее всего, ритуальное назначение. В нем были обнаружены отдельные костные останки ребенка. Других находок не было.

Второй красноглиняный сосуд (погребение № 29), в котором лежали костные останки, был раздавлен. Хумча обнаружена в лежащем положении на боку горловиной на северо-восток. Высота хумчи 44 см, диаметр венчика 19 см, диаметр донца 18 см. Кроме нескольких целых ребер и позвонков, остальные кости представлены частично и имеют плохую сохранность. Вместе с костяком была найдена небольшая бронзовая монета диаметром около 2,0 см. На лицевой стороне ее изображен лев с изогнутым хвостом в окружении ободка, на оборотной стороне имеется тамга в виде дуги и квадрата. Монеты этого типа известны по на-

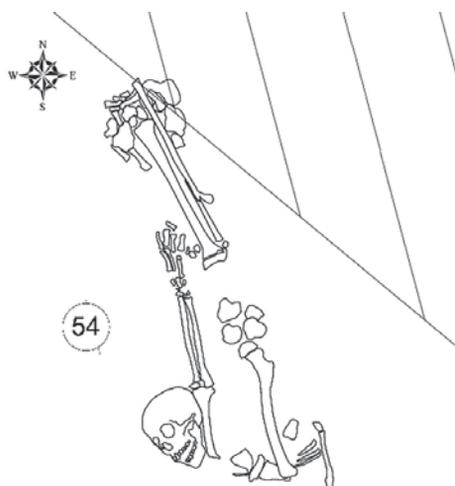

Рис. 5. Погребение № 54.

Fig. 5. Burial No. 54.

ходкам из городищ Отрарского оазиса, которые датируются исследователями VII–VIII вв. (Бурнашева, 2010, с. 327–333).

Третье погребение № 48, совершенное в сосуде, представляет собой коллективное захоронение. Сосуд находился на глубине 1–1,25 м от поверхности холма в лежащем положении на боку горловиной на северо-восток. У него вытянутое яйцевидное тулово, резко покатые плечики, диаметр небольшого плоского дна (30 см) чуть меньше диаметра венчика (32 см), высота хума около 80 см. Отогнутый наружу высокий венчик ($h - 4,5$ см), подпрямоугольный в сечении, с относительно плоским березком посажен в узкую горловину, снаружи орнаментирован двумя рядами наклонных пальцевых вдавлений. Сосуд изготовлен ручной лепкой, с наружной стороны покрыт целиком, а внутри – лишь по горлу светлым ангобом, тщательно заглажен. Поверх ангоба густой красно-коричневой краской нанесены потеки, идущие от горловины вниз до дна. Дно имеет

отпечатки ткани. Аналогичные хумы достаточно широко представлены в керамических комплексах Средней Сырдарьи VII–VIII вв., в частности на городище Отрар, Ботайтобе, Жамантобе (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 89–90, 145, 152, рис. 43, 1; 44, 1, 2; 110; 120), Куюк-Мардан (Авизова, 2014, с. 202–221), в верхнем строительном горизонте Сидака (Смагулов, Яценко, 2014, с. 275–281, рис. 4, 2–3). В погребальном хуме находились останки 9 младенцев примерно одинакового возраста. Кости предварительно очищены от мягких тканей. Анатомический порядок скелетов нарушен. Все кости в хорошей сохранности, включая черепные коробки. В заполнении при расчистке были найдены амулет из раковины с отверстием и небольшая бронзовая серьга.

Самая многочисленная группа включает безынвентарные погребения. Всего их 63, из них 28 принадлежало детям, 35 – взрослым индивидуумам. Почти все умершие положены непосредственно на дно могилы в вытянутом положении на спине, ноги расположены параллельно друг другу, череп на правом виске, повернут лицом к западу или юго-западу. Исключение составляют несколько погребений (рис. 4). Например, в могиле № 7 верхняя половина туловища погребенного лежала на правом боку, левая плечевая кость вытянута вперед, кости ног согнуты и колени направлены вверх. Череп костяка № 9 покоился на левом виске лицом к юго-востоку, а череп костяка № 45 находился на затылке, лицо обращено вверх. Костяк № 54 захоронен в неестественном, выгнутом положении головой на юго-запад. Костяк сложен вдвое, при этом голова оказалась ниже туловища (рис. 5).

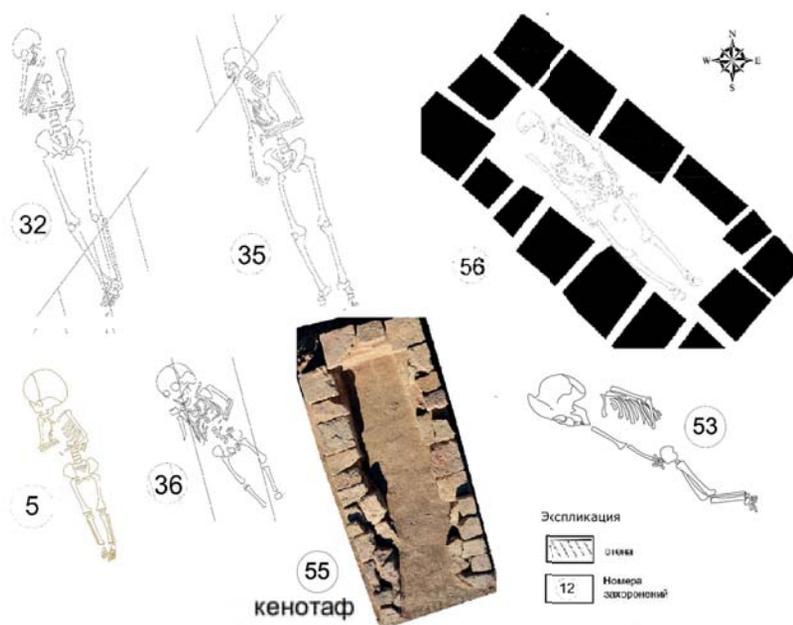

Рис. 6. Мусульманские погребения.
Fig. 6. Muslim burials.

Стены внутримогильного сооружения № 55 сложены из жженого кирпича, сохранились на высоту 10–20 см (рис. 6). Кирпичи квадратного формата размером 23×23×5 см, стены толщиной 20–25 см. «Склеп» вытянут с севера-запада на юго-восток, параметры выявленной части 2,3×1 м. Внутри «склепа» отсутствовал костяк. Такой же пустой «склеп»-кенотаф был обнаружен рядом с описываемым «склепом». Направление и уровень залегания обоих «склепов»-кенотафов идентичны, также одинаковы материал и степень сохранности сооружений. Данный тип сооружений появляется в раннем Средневековье и продолжает применяться в позднем Средневековье. «Склеп» индивидуальный и одноразовый, в отличие от классического склепа, предназначенного для посещения и многократного использования.

В группе безынвентарных погребений выделяются могильные ямы,

перекрытые кладкой из сырцового кирпича. Кирпичи выложены на ребро, «лесенкой» и без связки (рис. 4). Аналогичный тип захоронений имеется в куйруктобинском некрополе Отрарского оазиса, датируемый исследователями XIII–XV вв. Возможно, это самые поздние мусульманские захоронения на бугре Бесиншитобе.

Для преобладающего большинства взрослых погребений данной группы характерна северо-западная ориентировка погребенного (22). Встречаются погребения, для которых свойственна ориентировка головы на север (2) и север – северо-запад (7). В трех погребениях не представляется возможным определить ориентировку головы погребенного и установить позу по причине слишком плохой сохранности. Положение рук погребенного представлено в разнообразных вариантах. Например: одна или обе руки полусогнуты в локте; одна рука согнута в локте под прямым углом, другая – вы-

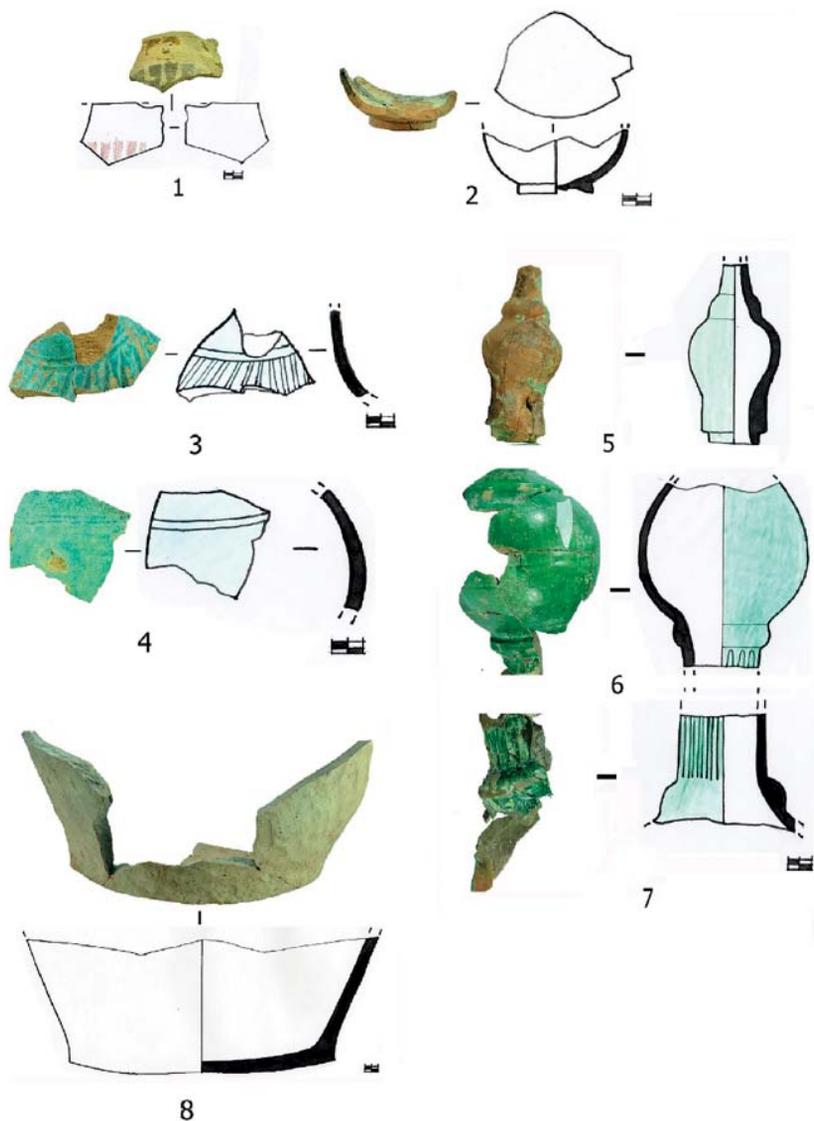

Рис. 7. Археологические находки из верхних слоев Бесиншитобе.

Fig. 7. Archaeological finds from the upper layers of Besinshitobe.

тянута вдоль тулова или сложена на груди и т. д. (рис. 6)

Известен случай использования в ритуале неполного трупосожжения. Область грудной клетки (кости лопаток, ребер, позвонков) погребенного № 35 подвергалась воздействию огня. Небольшое поверхностное обугливание костей свидетельствует о невы-

сокой температуре горения. Ритуал трупосожжения с покойником совершался, по-видимому, в другом месте, так как следы огня внутри могилы не встречаются.

Для подавляющего большинства детских погребений характерна ориентация головы на север – северо-запад. В семи случаях костяк ориенти-

рован головой на северо-запад, в двух случаях – на север. В одних погребениях череп погребенного ребенка покоился на правой височной кости, в других – череп лежал на затылке. Руки умерших лежали вдоль туловища, иногда руки согнуты в локте. Ноги в одних случаях расположены параллельно друг другу, в других случаях уложены со слегка согнутой в коленях правой ногой или обеих ног. В некоторых детских могилах отдельные кости смещены или вовсе отсутствуют.

В ходе вскрытия верхних слоев раскопов (I – начала II яруса) обнаружены многочисленные фрагменты крупной тарной посуды. Сосуды встречались отдельными фрагментами, иногда скоплениями крупных обломков. Возможно, они являются остатками разрушенных погребений в сосудах при устройстве более поздних мусульманских могил. Судя по количеству обломков хумов и хумч, этот участок холма в более раннем периоде могли занимать захоронения в сосудах.

По форме хумы нескольких разновидностей. У них раздутое шаровидное тулово с покатыми, иногда крутыми плечиками. Отличительным признаком большинства хумов являются украшение наружной поверхности потеками темной краски и отпечатки ткани на днищах. Широкие, плоские, не совсем ровные донца сосудов имеют диаметр от 30 до 42 см (рис. 6, 8). Есть экземпляры, формованные на песчаной подсыпке. Плечики одной из тонкостенных корчаг оформлены прочерченным волнистым орнаментом, другой – ромбовидным. Помимо описанных выше сосудов можно отметить несколько фрагментов неполивных кув-

шинов и глазурованной посуды, бронзовую монету плохой сохранности.

Вся посуда из верхних слоев Бесиншитобе, за исключением хумов и хумч, изготовлена на гончарном круге. Среди неглазурованной керамики выделяется типично караханидский светильник с небольшим отверстием в центре и длинным носиком, в котором укладывался горящий фитиль. На противоположной стороне сохранились следы отломанной петлевидной ручки (рис. 7, 9). Глазурованная посуда представлена в основном мелкими обломками стенок, придонных частей блюд и чаш (рис. 6: 1–4). Из-за повышенной засоленности поверхности холма Бесиншитобе у некоторых фрагментов сохранились лишь участки глазури. К этой же группе относятся куббы – детали от купола мечети, покрытые плотной непрозрачной зеленой глазурью снаружи (рис. 6: 5–7).

Керамика IX–XII вв. верхнего горизонта раскопов, безусловно, связана с погребениями караханидской эпохи. С распространением ислама в среде населения Южного Казахстана прежние религии постепенно были вытеснены. Однако многие обычаи древних религий и верований сохранялись здесь еще долгое время. Особенно заметны по археологическим материалам обычаи поклонения культурам огня, животных и духам предков. В этнографии среднеазиатских народов по сей день сохранились отдельные элементы доисламских религий, например, обычай ставить у могилы в дни поминовения предков чаши с водой, светильники или сосуды с подношениями. Поэтому находки эпохи караханидов встречались на верхнем горизонте недалеко от погребений IX–XII вв.

Таким образом, на Бесиншитобе к настоящему времени изучено около 82 захоронений. Все они являются впускными погребениями и наиболее ранние из них были совершены уже в то время, когда древняя постройка находилась в руинах. Как показывают исследования, со временем местное население неоднократно использовало этот бугор под кладбище. По характеру обряда захоронений можно выделить три группы погребений, которые отражают основные этапы функционирования могильника. Датировка их пока носит предварительный характер.

Первый, наиболее ранний погребальный комплекс характеризуется одиночными захоронениями с сопроводительным инвентарем. Для девяти из десяти погребений характерно вытянутое положение на спине, руки вдоль туловища. Лишь один покойник уложен на правом боку, руки и ноги полусогнуты, кисти рук уложены на тазовых костях. Ориентация головы представлена различными вариантами. В инвентарь погребений входили один или два сосуда, изредка железный нож и единичные бусы и амулеты. Предметы вооружения встречались в двух погребениях, идол – в одном. Керамические сосуды располагались слева или справа от головы, а в детских погребениях – сверху. В комплексе зафиксированы пять погребений с искусственной деформацией черепа и два случая использования

ритуала неполного трупосожжения. Наиболее ранние погребения из этого комплекса относятся к IV–V вв., более поздние – к VII–VIII вв.

Второй комплекс объединяет погребения в крупных глиняных сосудах, помещенных в ямы. Во всех случаях сосуд, в котором было уложено погребение, находился в лежащем положении на боку горловиной на северо-восток. Все они детские, одно из которых коллективное. В одном из сосудов вместе с погребенным находилась бронзовая монета, в другом – амулет-раковина и бронзовая серьга. На основании аналогий данную группу можно отнести к VII–VIII вв.

Третий, средневековый погребальный комплекс характеризуется одиночными мусульманскими захоронениями. Общим признаком для него является отсутствие сопроводительного инвентаря, ориентация головы покойника на северо-запад и север – северо-запад. Известен случай использования в ритуале неполного трупосожжения. Комплекс керамики, полученный с уровня I яруса раскопов на Бесиншитобе, позволяет отнести мусульманские погребения к IX–XI и XIII–XV вв.

В настоящее время погребения верхнего горизонта холма полностью не вскрыты, и дальнейшие раскопки дадут новую дополнительную информацию о погребальных ритуалах и культах обитателей оазиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авизова А.К.* Исследования городища Куюк-Мардан на юге Казахстана // Вопросы истории Кыргызстана. 2014. № 3–4 (31). С. 202–221.
2. *Авизова А.К., Есжан Е.А., Акылбек С.Ш.* Погребения из могильника Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Археология Казахстана. 2019, № 3 (5). С. 86–98.
3. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: «Наука», 1972. 213 с.
4. *Байпаков К.М., Авизова А.К.* Археологические раскопки Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Изв. НАН РК, сер. обществ. наук, 2015. № 6. С. 182–214.

5. Байпаков К.М., Авизова А.К., Акылбек С.Ш. Археологические исследования городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе. Алматы: Хикари, 2017. 160 с.
6. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур, 2005. 224 с.
7. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982. 195 с.
8. Брыкина Г.А. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // Прошлое Средней Азии / Отв. ред. В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1987. С. 52–58.
9. Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва на монетах Чача и Отрарского оазиса конца VII–нач. VIII в. // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие / Отв. ред. Кумекоев Б.Е. Алматы: Институт археологии, 2010. С. 327–333.
10. Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
11. Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.
12. Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чарда-ры. Алма-Ата: Наука, 1968. 263 с.
13. Мерциев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79–92.
14. Смагулов Е.А. Исследования древнего Туркестана: итоги раскопок 2011–2012 гг. // Поволжская археология. 2013, № 1 (3). С. 197–215.
15. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Новые находки серий доисламских знаков/тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Материалы научной конференции (Астана, 18–19 ноября 2014 г.). / Отв. ред. Ерофеева И.В. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 275–281.
16. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.
17. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Информация об авторе:

Авизова Айман Караидаровна, кандидат исторических наук, доцент, Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Казахстан); aimanavizova@mail.ru

PRELIMINARY RESULTS OF STUDY OF THE INLET BURIALS ON THE BESINSHITOBЕ IN OTRAR OASIS²

A.K. Avizova

The proposed publication aims to the introduction into scientific circulation, systematization and analysis of the burials of Besinshitobe. To date, about 50 graves have been studied. The analysis of burial materials allows the author to distinguish three main types of burial complexes. The chronological identity of the graves was made on the basis of analogies to the inventory. Their dating is still preliminary. The earliest burial complex is characterized by single burials with accompanying equipment. Five buried had the traces of artificial deformation of the ring type on their skulls. In two burials, an incomplete cremation ritual was performed. The earliest burials of this complex belong to the 4th–5th centuries A.D. The second complex combines burials in large earthen vessels placed in pits. All the burials were children's, one of which was collective. On the basis of analogies, this group can be attributed to the 7th – 8th centuries A.D. The third, medieval burial complex is characterized by single Muslim burial grounds. A common sign for him is the lack of accompanying

The work was carried out within the framework of the AR05132830 project "Otrar oasis on a crossroads of cultural traditions of ancient Central Asia (Kanguy epoch)" under grant funding from the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

inventory, orientation of the deceased's head to the north-west and north-north-west. The use of incomplete scorching in the burial ritual is a known case. The ceramic complex obtained from the level I of the tier of the excavations at Besinshitoba allows the author to attribute Muslim burials to the 9th–11th and 13th–15th centuries A.D.

Keywords: archaeology, Central Asia, inlet burials, ceramics, coin, muslim burial rite, arrowheads, burials in vessels, burnt-burning.

REFERENCES

1. Avizova, A. K. 2014. In *Voprosy istorii Kyrgyzstana (Issues of Kyrgyzstan History)* 3–4 (31). 202–221 (in Russian).
2. Avizova, A. K., Eszhan, E. A., Akylbek, S. Sh. 2019. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 3 (5). 86–98 (in Russian).
3. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., et al. 1972. *Drevnii Otrar (topografiya, stratigrafiya, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Baipakov, K. M., Avizova, A. K. 2015. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 6, 182–214 (in Russian).
5. Baipakov, K. M., Avizova, A. K., Akylbek, S. Sh. 2017. *Arkheologicheskie issledovaniya gorodishch Pshakshitobe i Besinshitobe v Otrarskom oazise (Archaeological studies of the ancient settlements of Pshakshitobe and Besinshitobe in the Otrar oasis)*. Almaty: "Hikari" Publ. (in Russian).
6. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekoveye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early Medieval Necropolis in South Kazakhstan)* Almaty: "Baur" Publ. (in Russian).
7. Brykina, G. A. 1982. *Yugo-Zapadnaya Fergana v pervoi polovine I tysyacheletiya nashey ery (South-Western Fergana in the 1st Half of the First Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Brykina, G. A. 1987. In Ranov, V. A. (ed.). *Proshloe Srednei Azii (The Past of Central Asia)*. Dushanbe: "Donish" Publ., 52–58 (in Russian).
9. Burnasheva, R. Z. 2010. In Kumekov, B. E. (ed.). *Kazakhstan i Evraziia skvoz' veka: istoriia, arkheologiya, kul'turnoe nasledie (Kazakhstan and Eurasia through Centuries: History, Archaeology and Cultural Heritage)*. Almaty: Institute of Archaeology, 327–333 (in Russian).
10. Kozhombardiev, I. K., Khudyakov, Yu. S. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. 75–106 (in Russian).
11. Litvinskii, B. A. 1987. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 75–91 (in Russian).
12. Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary. (Antiquities of Chardara)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Mershchiev, M. S. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Almaty: "Nauka" Publ., 79–92 (in Russian).
14. Smagulov, E. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 197–215 (in Russian).
15. Smagulov, E. A., Yatsenko, S. A. 2014. In Erofeeva, I.V. (ed.). *Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo (Challenges Related to the Study of the Intangible Cultural Heritage of Kazakhstan and Central Asian Peoples: Toponymy, Epigraphy and Art)*. Almaty: "EVO PRESS" Publ., 275–281 (in Russian).
16. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Armament of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Avizova Aiman K. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. M. Auezov South Kazakhstan University. Tauke-khan Ave., 5, Shymkent, 160012, the Republic of Kazakhstan; aimanavizova@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ XI–XIII ВВ. В РЕКОНСТРУКЦИЯХ

© 2020 г. Н.В. Жилина

На основании типовых гипотетических реконструкций по этапам развития убора на археологическом материале восстановлена сравнительная история развития уборов двух государств. В конце XI в. – начале XII в. и позже сохраняются черты обильно-металлического убора, в Волжской Булгарии – финно-угорского и кочевнического, в Древней Руси – славянского. В конце XI – первой половине XII в. формируются разные по конструкции шумящие убора. В первой половине – середине XII в. в болгарском ювелирном уборе совмещаются филигрань, чернь, ажурное плетение. Украшения дополняются подвесками с бусинами новых форм. На Руси провизантийский эмалевый убор сакрально-аскетического стиля создает новации, черневой убор отличается разнообразием орнамента (широкие браслеты), а филигранный – сохраняет традиции славянского. В конце XII – первой трети XIII в. были созданы лучшие ювелирные убора. В Булгарии – височные кольца были дополнены миниатюрной филигранной скульптурой, в нагрудном ярусе представлены ленточные ожерелья и цепи с подвесками. Оригинальны филигранные браслеты с овальными окончаниями. На Руси эмалевый и черневой убора оформляются в утрированном и пышном стилях, создаются роскошные оправы украшений в технике филигрании. Филигранный убор изменяется конструктивно, отходя от народных традиций. В уборе Булгарии совмещаются традиции местного и восточного ювелирного дела; в уборе Древней Руси – местного и византийского.

Ключевые слова: археология, убор, украшения, реконструкции, филигрань, чернь, эмаль, ажурное, плетение.

Цель статьи – сравнение наиболее развитых вариантов убора из украшений двух соседних государств. В основу реконструктивной работы положено сравнение украшений по категориям, сделанное ранее (Жилина, 2019а, б).

Методика. Реконструкции убора и костюма подразделяются на документальные и гипотетические. Документальные основаны на реальном расположении вещей в погребении, но гипотетичность остается, поскольку не все детали соединения украшений сохраняются. В связи с изменением языческого обряда погребения вещи перестают попадать в погребения. Возникает необходимость анализа кладов, культурного слоя поселений для гипотетических реконструкций (Жилина, 2001). Украшения объединяются на основании

типологических, конструктивных и стилистических связей и синхронного бытования, используются украшения разных, но одновременно существовавших археологических комплексов. Здесь представлены гипотетические реконструкции (обобщенные или типовые), каждая отражает этап или вариант убора.

Реконструкции древнерусского и болгарского уборов предлагались в научной литературе (Жилина, 2002; Рябцева, 2005; Руденко, 2011, с. 60–64; рис. 19, 30). Признается важность более точного хронологического подхода при воссоздании костюма и убора древнего населения (Измайлов, 2019, с. 200, 201). В дополнение к выделенным стадиям и вариантам в статье предлагаются новые, демонстрирующие более детальные различия во времени.

Во второй половине VIII – первой половине IX в. на территории складывания Волжской Булгарии варианты уборов подразделялись в соответствии с салтовской и прикамско-приуральской традициями, а в IX–X вв. обнаруживали тенденции к сближению (Жилина, 2019в). Использовались серьги кочевнического облика и гроздевидные наушницы, шумящие нагрудные украшения; наряду с дрововыми браслетами – витые и со вставками. Применялиськовка, литье и ранние ювелирные технологии с крупной филигранью. В целом убор соответствовал обильно-металлической стадии, но кочевническая традиция привносила ее облегчение (Zhilina, 2016; Жилина, 2017).

В славяно-русском уборе шли сходные процессы. В конце VIII–IX в. использовались проволочные и литые типы височных колец, в конце IX – первой половине X в. – филигранные гроздевидные наушницы из крупной филигрании, во второй половине X в. – тисненые с миниатюрной филигранью. В X в. на Руси сложился филигранный зерненный убор. Во второй половине XI в. развивались ювелирные технологии, связанные с воздействием византийской культуры: эмаль и чернь, совершенствовались филигрань и тиснение.

Предпосылками появления новых украшений и убора явилось развитие тонких ювелирных технологий в сочетании с тиснением корпуса из тонких пластин металла. Детальными височных подвесок, ожерелий, цепей стали тисненые бусины. Прототипами форм бусин и в Булгарии, и на Руси стали бусины гроздевидных наушниц.

Новый уровень ювелирного дела стал возможен в условиях сформировавшихся и крепнувших государств,

уборы с роскошными украшениями из серебра и золота отразили облик социальной элиты, культурные ориентиры которой были разными: для Волжской Булгарии – Восток (Иран, Арабский Халифат), для Руси – Византия (Жилина, 2019а, б).

Реконструкции. Конец XI – начало XII в. Булгария.

Для этих реконструкций использованы ювелирные изделия с крупной зернью финно-угорского происхождения, рассматриваемые как болгарский импорт или проявление влияния болгарского ювелирного дела (Савельева и др, с. 334, 335, рис. 14; Руденко, 2015, с. 194). На наш взгляд, они демонстрируют ранний пласт болгарского ювелирного дела с его финно-угорским компонентом (Жилина, 2019а, с. 85).

Общие стилистические черты убора: геометрический орнамент из крупной зерни, крупные подпрямоугольные и округлые вставки на лунницах и браслетах, оконтуренные крупными гранулами. Бусины шарообразно-цилиндрической формы (с широкой центральной зоной) украшены зернью не обильно. Сходные бусины используются в головных кольцах и в ожерельях. Стадиально этот убор раньше комплексов украшений с миниатюрной филигранью.

Для реконструкции I (нумерация сплошная отдельно по Булгарии и Руси) использованы материалы могильников перми вычегодской (Копкомьягского, Ыджыдъельского) и коми-пермяков. При объединении материалов разных погребальных комплексов за основу взято расположение вещей и их соединение в уборе погребения 74 Иджыдъельского могильника XII–XIII вв., для деталей очелья допустима дата от XI в. (Савельева,

2014, с. 9, 15, рис. 18: 5–9, 15–24). Реконструкция отражает сохранение финских традиций.

В составе головного убора ленточной конструкции: очелье из трех рядов шнура со спиралевидными пронизками; центральная, приспособленная к очелью овальная подвеска (возможно, первоначально нагрудная); две круглые бляхи. К шнурам присоединены трехбусинные кольца (рис. 1: 1а). В нагрудном ярусе – филигранные лунницы со вставками (рис. 1: 1б–г). Аналогичны по стилю оформления браслеты с овальными окончаниями и перстни со вставками (рис. 1: 1д–ж).

В реконструкции II объединены украшения из кладов, погребений, культурного слоя поселений. В составе ленточного головного убора – венки облегченного варианта с бусинными височными кольцами с подвесками из лунниц и, возможно, из однобусинных височных колец (рис. 1: 1а–в). Булгарское трехбусинное филигранное кольцо с крупной средней бусиной из Новгорода конца XI – начала XII в. ориентировочно дает верхнюю дату этапа (рис. 1: 1б). Могли использоваться и более ранние украшения.

В нагрудном ярусе – филигранные бусины и лунница, вероятно, нашивная (рис. 1: 1г, д).

Данный вариант отличается использованием проволочных браслетов плотного плетения и витья, вставки украшений рук оконтурены крупной зернью (рис. 1: 1е–з).

Несмотря на появление бусинных форм украшений и использование крупной филигранны, сохраняются признаки обильно-металлической стадии: величина, тяжесть, обилие, сложность конструкции украшений и состава убора. В этом очевидно сохранение финно-угорских традиций.

Ювелирно оформленные лунницы входили в убор населения салтовомаяцкой культуры, в чем видны черты раннего кочевнического убора (Жилина, 2017, рис. 6: 1).

Русь. Реконструкции проведены по хронологически и стилистически систематизированным материалам древнерусских кладов (Жилина, 2014).

Головной убор относится к ленточному типу, используются венки из металлических пластин, кожи, ткани (рис. 2: 1а).

Реконструкция I представляет убор из серебряных литых, кованых и проволочных украшений. В головном ярусе – браслетообразные и ромбоцитковые височные кольца (рис. 2: 1б, в), в шейно-нагрудном ярусе – гривны плотного витья (рис. 2: 1г). Украшения рук – витые проволочные браслеты и перстни (рис. 2: 1д–ж).

Реконструкция II представляет убор из филигранных украшений ювелирной стадии: в головном ярусе – бусинные кольца проволочно-каркасной и тисненой конструкции (рис. 2: 2а–ж). В шейно-нагрудном ярусе – ожерелья из филигранных бусин в геометрических стилях с крупной и тонкой зернью и бусин из других материалов; дисковидные подвески (рис. 2: 2з, и). Украшения рук: филигранные перстни, витые и плетеные браслеты плотного плетения и витья со вставками и крупной зернью (рис. 2: 2к–о). Этот вариант реконструкции является переходным к убору следующего периода. Убор с использованием височных колец продолжал существовать на демократическом уровне и в более позднее время – вплоть до XIII в.

Для реконструкции III использованы материалы подмосковных курганов вятичей XII – первой половины XIII в. близ Звенигорода (Жилина,

Рис. 1. Реконструкции убора из украшений Волжской Булгарии, XI – начало XII в.: I – пермь вычегодская – а, в – налобник и височные кольца, лунница, серебро, бронза, Бджыдыельский могильник; б, г – лунницы, серебро, Кокпомьягский могильник (Савельева и др., 1999, рис. 14: 18, 9–11); д – браслет, серебро, Пермское Предуралье; е, ж – перстни, серебро (Руденко, 2015, рис. 46: 3, № 76, 74); II – височные кольца, серебро – а – коми-пермяки, Пермская губ. (Оборин, 1999, рис. 7: 5); б – Новгород (Седова, 1981, рис. 3: 10); в – пермь вычегодская (Савельева и др., 1999, Рис. 14: 13); серебро – г – бусины, клад из Москвы, 1988 г., д – лунница (Жилина, 2014, № 197/6, 8); е, ж – браслеты, серебро, медь, Болгар или Биляр, Семеновское селище; з – перстень, серебро, случайная находка, Биляр, (Руденко, 2015, № 237, ил. 327, № 77) (в качестве основ-шаблонов здесь и далее использованы рисунки: для лиц – О.Б. Наумовой, для рук – Н.В. Жилиной).

Fig. 1. Reconstructions of the attire of adornments of Volga Bulgaria, 11th – the beginning of the 12th century: I – the Perm' Vychehodskaya – а, в – forehead and temporal rings, lunula pendant, silver, bronze, the Ydzhydyel' cemetery; б, г – lunula pendants, silver, the Kokpomyaг cemetery (Savelyeva et al., 1999, fig. 14: 18, 9–11); д – bracelet, silver, the Perm cis-Urals; е, ж – finger rings, silver (Rudenko, 2015, fig. 46: 3, No 76, 74); II – temporal rings, silver – а – the Komi-Permyaks, Perm region (Oborin, 1999, fig. 7: 5); б – Novgorod (Sedova, 1981, fig. 3: 10); в – the Perm' Vychehodskaya (Savelyeva et al., 1999, fig. 14: 13); silver – г – beads, hoard from Moscow, 1988; д – lunula pendants (Zhilina, 2014, No 197/6, 8); е, ж – bracelets, silver, copper, Bolgar or Bilyar, Semenovka settlement; з – finger ring, silver, accidental find, Bilyar (Rudenko, 2015, No 237, il. 327, No 77) (Here and below, the base drawings for faces – by O.B. Naumova, for hands – by N.V. Zhilina).

2001, рис. 1). Ленточный убор включал платок и очельную ленту-венок (рис. 2: IIIа). Лопастные височные кольца входили в состав боковой подвески из ленты и имитируемой косы (рис. 2: IIIб). Документально зафиксировано крепление лопастных височных колец друг под другом: одновременно и к мягким тканям уха, и с помощью шнуров, продетых сквозь боковые петли колец, к головному убору; внизу располагалась шерстяная кисть (Елкина, 2003, рис. 2, 3). В нагрудном ярусе – ожерелья из хрустальных и сердоликовых бусин, металлические подвески (рис. 2: IIIв). Сохраняются проволочные браслеты (рис. 2: IIIг, д). В убор входили отдельные филигранные изделия (рис. 2: IIIе).

Конец XI – первая половина XII в. И в Булгарии, и на Руси продолжается переход убора на ювелирную стадию, от раннего убора сохраняется шумящий характер украшений, но украшения выполняются в технологии филигрании.

Булгария. Судя по продолжающемуся использованию височных колец, сохраняется ленточная конструкция головного убора.

Реконструкция III составлена из отдельных украшений, дата которых включает XI в. (рис. 3: III).

В трехбусинных височных кольцах и на цепях используются тисненые бусины овально-конической формы, орнаментированные тонкой зернью (рис. 3: IIIа). Появились подвесные бусины на цепочках к височным кольцам и, вероятно, к нагрудным цепям (рис. 3: IIIг).

Во второй – третьей четвертях XI в. известно тонкое ажурное плетение гривен и браслетов (Руденко, 2018, с. 207) (рис. 3: IIIв, д, е). В данном се-

ребряном уборе можно представить пластинчатые перстни с зернью геометрического орнамента и со вставками с полусферическими и цилиндрическими щитками (рис. 3: IIIж–и).

Русь. На Руси представлен оригинальный вариант шумящего убора в технике филигрании: реконструкция IV (Жилина, 2002, рис. 4а, в). Украшения составлены из тисненых подвесок и бляшек на цепочках. Сетки-поднози прямоугольной формы в виде позатыльника позволяют предполагать кичкообразную конструкцию составного головного убора. Боковыми украшениями служили колоколовидные подвески (рис. 3: IVа, б). Технология филигрании свидетельствует о контактах с византийским ювелирным делом (ленточная филигрань плотного витья). Переходный вариант представляет реконструируемая подвеска из трехбусинных височных колец (рис. 3: IVк).

В составе нагрудного яруса – гривны плотного витья и плетения, цепи со звериноголовыми окончаниями (рис. 3: IVв, д); украшения рук – те же, что и ранее (реконструкции I–III) (рис. 3: IVе–и). Могли носить браслеты со звериноголовыми окончаниями, как у цепей. Убор сохранял народные традиции и языческую семантику. Но время меняло характер сакральных символов, в составе ожерелья из тисненых и филигранных бусин – крест в скано-зерненной оправе геометрического стиля (рис. 3: IVг). Украшения в основном серебряные, но есть примеры золотых.

В Булгарии и на Руси сформировались разные по конструкции, но стадияльно сходные шумящие убory. Сходство наблюдается в украшениях рук: полусферические перстни, витые и плетеные браслеты.

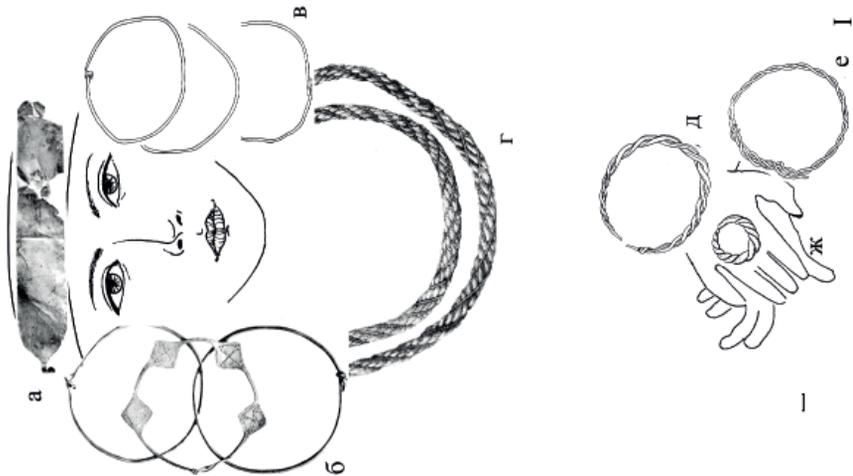
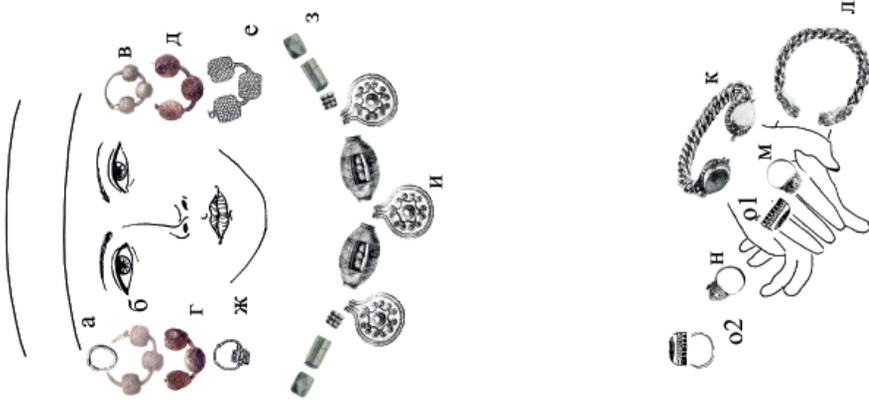

Рис. 2. Реконструкции убора из украшений Древней Руси в славянских традициях: XI – начало XII в.: клады, серебро – I – а, б – венки и височные кольца, Шалахова Витебской губ., 1892 г.; в, д, е – височные кольца и браслеты, Васьково Псковской губ., 1923 г.; г – шейные гривны, Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г.; ж – перстень, Жорнив Ровненской обл., 1970-е гг. (Жилина, 2014, № 49/9, 5, 6; № 50/3, 2; № 32/1; 243/2); II – а, з, и – височное кольцо, бусины, подвеска, Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г.; височные кольца – б, в – Киев, 1885 г.; г, д – Владимир, 2008 г.; е – Киев, 1936 г.; ж – Жорнив Ровненской обл., 1970-е гг.; к, л – браслеты, Старая Рязань, 1970 г.; перстни – м, н – Шалахова Витебской губ., 1892 г.; о – золото, Елецкий монастырь, Чернигов, 1848 г., (Жилина, 2014, № 32/4–9; 98/4о4, 4о2; 202/9а, б; 68/5б; 243/4; № 186/10, 11; 49/12а, б; 35/2); III – а–в – реконструкция Н.В. Жилиной по инвентарю кургана № 1, серебро, д. Клопово, рисунок О.В. Федорова, XII – первая половина XIII в.; г, д – браслеты, бронза, серебро, клад, Мужичево Тверской губ., 1927 г.; е – перстень, серебро, Суздальский некрополь (Жилина, 2002, рис. 2; 2014, № 171/1, 3; рис. 99: в).

Fig. 2. Reconstructions of the attire of adornments from Old Rus' in the Slavic traditions: 11th – the beginning of 12th century: hoards, silver – I – а, б – head band and temporal rings, Shalakhova, Vitebsk region, 1892; в, д, е – temporal rings and bracelets, Vas'kovo, Pskov region, 1923; г – torques, Mironovsky fol'vark, Kiev region, 1883; ж – finger ring, Zhorniv, Rovnensky region, 1970s. (Zhilina, 2014, No 49/9, 5, 6; 50/3, 2; 32/1; 243/2); II – а, з, и – temporal ring, beads, pendant, Mironovsky fol'vark, Kiev region, 1883); temporal rings – б, в – Kiev, 1885; г, д – Vladimir, 2008; е – Kiev, 1936; ж – Zhorniv, Rovnensky region, 1970s.; к, л – bracelets, Old Ryazan', 1970; finger rings – м, н – Shalakhova, Vitebsk region, 1892; о – gold, Yelets Monastery, Chernigov, 1848. (Zhilina, 2014, No 32/4–9; 98/4о4, 4о2; 202/9а, б; 68/5б; 243/4; 186/10, 11; 49/12а, б; 35/2); III – reconstruction by N.V. Zhilina according to the inventory of barrow No 1, silver, Klopovo village, drawing by O.V. Fedorov, 12th – the first half of the 13th century; г, д – bracelets, bronze, silver, hoard, Muzhishchevo, Tver region, 1927; е – finger ring, silver, Suzdal' cemetery (Zhilina, 2002, fig. 2; 2014, No 171/1, 3; fig. 99: в).

Булгарские ювелирные украшения XII–XIII вв. пока недостаточно подразделены хронологически, происходят из разных археологических комплексов, что создает трудности реконструкции стадий убора. Но можно условно выделить вариант первой половины – середины XII в., переходный к ювелирной от обильно-металлической стадии.

Реконструкция IV. В головном ярусе – трехбусинные височные кольца с бусинными подвесками на цепочках, орнаментированные миниатюрной зернью (рис. 4: IVа, б). В шейно-нагрудном ярусе – гривны и цепи с бусинными подвесками на цепочках и подвесками-бубенчиками (рис. 4: IVв, г). Часть бусин приобрела овально-цилиндрическую форму (рис. 4: IVа–в). На цепях сохранялись прежние, овально-конические в сечении, бусины (рис. 4: IVг). На кольцах надеты бусины полуажурной конструк-

ции, в орнаментации которых сочетается крупная и миниатюрная зернь. Они имеют широкую центральную зону и овально-конические окончания, что тяготеет к бусинам прежних форм, но в целом получают новый облик (рис. 4: IVа, б).

Широкие браслеты совмещают в оформлении гравированный завитково-растительный орнамент и филигрань крупных параметров (рис. 4: IVд); на черневых перстнях – геометризованный растительный и зооморфный орнамент (рис. 4: IVе, ж).

В реконструкции V использованы украшения с более поздними датами. Аналогично тому, как славянский убор с височными кольцами сохранялся вплоть до XIII в. (рис. 2: III), здесь также наблюдается пример длительного сохранения местных традиций. В головном ярусе – традиционные серьги кочевников, но собранные из бусин новых форм и технологий

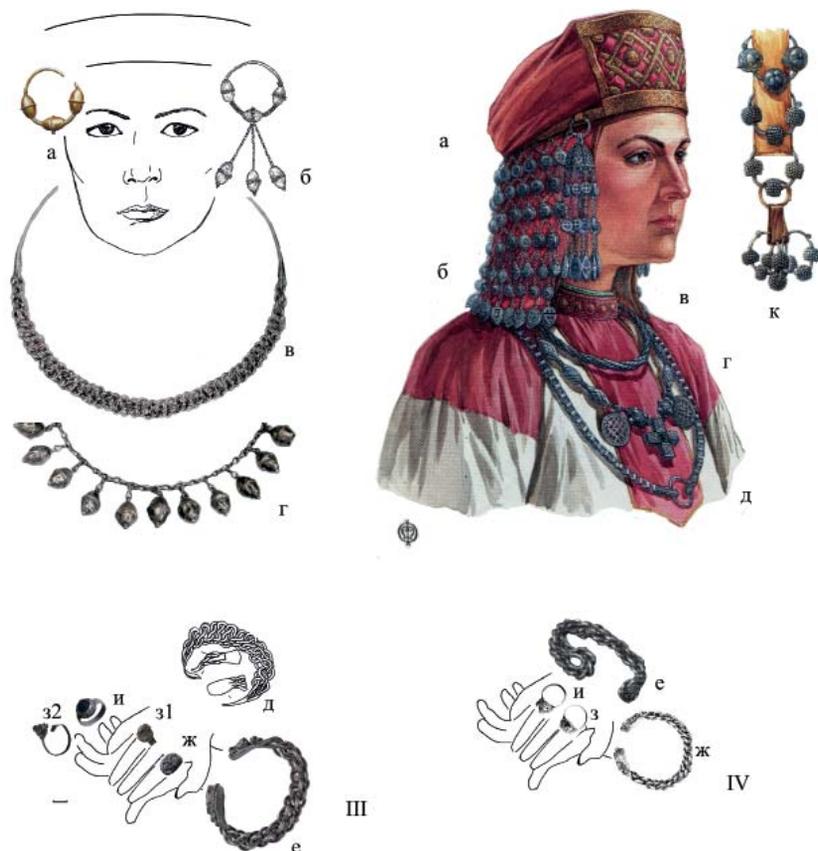

Рис. 3. Реконструкции шумящих уборов из украшений, конец XI – первая половина XII в.: *III* – Болгария, височные кольца – а – золото, *IV* Кожаяевское селище, Спасский район (Руденко, 2011, рис. 2: 2; № 2); б – серебро, Золотаревское поселение (Белорыбкин, 2001, рис. 26: 1); серебро – в – гривна, клад, Кожаяевка, Спасский район; г – цепь с подвесками, клад, Именьково, Лайшевский район; д, е – браслеты; ж–и – перстни (Руденко, 2015, № 251, 249, 238, 78, 79; рис. 53: 12; 35: 3); *IV* – Древняя Русь, реконструкция Н.В. Жилиной, рисунок О.В. Федорова, серебро, клады – а – колоколовидные рясна, Старая Рязань, 1967 г. № 2; б – сегки-подниси, Сельцы Новгородской губ., 1892 г.; в – гривна шейная, типичный вариант; г – ожерелье из тисненых и филигранных бусин с крестом в скано-зерненной оправе, Старая Рязань, 1970 г. и 1979 г. № 1, Владимир, 1865 г.; д – цепь, Тверь, 1906 г.; е, ж – браслеты, Старая Рязань, 1966 г. № 1 и 1970 г.; з, и – перстни, Шалахова Витебской губ., 1892 г.; к – вариант реконструкции рясна по материалам погребения из Старой Рязани в районе Спасского собора (Жилина, 2002, рис. 4; 2014, № 184/1; 174/4; 186/8, 9; 188/3; 167/5; 170/7; 183/1, 186/11; 49/12а, б).

Fig. 3. Reconstruction of noisy attires of adornments, end of the 11th– first half of the 12th century: *III* – Bulgaria, temporal rings – а – gold, *IV* Kozhaevka settlement, Spassky District (Rudenko, 2011, fig. 2: 2; No 2); б – silver, Zolotarevka settlement (Belorybkin, 2001, fig. 26: 1); silver – в – torque, hoard, Kozhaevka, Spassky District; г – chain with pendants, hoard, Imen'kovo, Laishevsky District; д, е – bracelets; ж–и – finger rings (Rudenko, 2015, No 251, 249, 238, 78, 79; fig. 53: 12; 35: 3); *IV* – Old Rus', reconstruction by N.V. Zhilina, drawing by O.V. Fedorov, silver, hoards – а – bell-shaped pendants, Old Ryazan', 1967 No 2; б – grids to head gear, Selsy, Novgorod region, 1892; в – torque, typical variant; г – necklace of embossed and filigree beads with a cross in a scan-grained frame, Old Ryazan', 1970 and 1979 No 1, Vladimir, 1865; д – chain, Tver, 1906; е, ж – bracelets, Old Ryazan', 1966, No 1 and 1970; з, и – finger rings, Shalakhova, Vitebsk region, 1892; к – variant of reconstruction of pendant based on the materials of the burial from Old Ryazan' at the Spassky Cathedral (Zhilina, 2002, fig. 4; 2014, No 184/1; 174/4; 186/8, 9; 188/3; 167/5; 170/7; 183/1, 186/11; 49/12a, б).

(рис. 4: Va). Возможно ношение ажурных однобусинных колец, подвесные цепочки которых разведены для бокового прилегания (рис. 4: Vб). Конструкция бусин находит аналогии среди иранских украшений (Жилина, 2019а). В нагрудном ярусе – гривны ажурного плетения с подвесками-лунницами, характерными для финского и кочевнического предшествующих уборов (рис. 4: Vв; 1: I). Украшения рук – овалноконечные широкие филигранные браслеты (рис. 4: Vг) и черневые перстни (рис. 5: Vд, е).

На Руси с конца XI – по середину XII в. складываются варианты ювелирного убора разных техник. В каждом участвует технология тиснения, создающая корпус украшений и соединительные части – рясна, бусины. Тисненные украшения (подвески ожерелий и нашивные бляшки) сформировали облегченный убор.

Вариант филигранного убора с височными кольцами отражен на реконструкции V. На основе конструирования из бусин и профильных тисненных частей сложились крупные подвески-колты лучевой формы на широкой дужке. В них виден ювелирно преобразованный облик лучевого кольца (рис. 5: Vб). В составе рясна – трехбусинные кольца (рис. 5: Va). В нагрудном ярусе – ожерелья из филигранных бусин, христианские кресты в оправе из зеренных наконечников (рис. 5: Vв).

Украшения рук – зерновые браслеты: широкий пластинчатый с геометрическим орнаментом (рис. 5: Vг), витой с орнаментацией из грубой зерни (рис. 5: Ve); витые браслеты с прямоугольными окончаниями, орнаментированными чернью (рис. 5: Vд); гравированные перстни с пластинчатыми щитками с

геометризованным завитковым орнаментом (рис. 5: Vж). Орнамент почти не выходит за рамки геометрического.

Под воздействием византийских технологических и художественных традиций создаются и первые варианты уборов в технике черни и эмали. Головной убор имеет ленточно-диадемную конструкцию с очельем и нашивными украшениями или диадемой из киотцевидных пластин. Боковыми подвесками-ряснами являются колты лунничной формы на цепях из бляшек (круглых, подпрямоугольных, квадрифолийных). В нагрудном ярусе – ожерелья из медальонов с христианскими сюжетами и орнаментикой на бусинных нитях.

Черневой убор выполняется из серебра, меньше золотых изделий. Эмалевый убор выполняется из золота, но в нем используются серебряные изделия с позолотой. В лучших уборах велика роль филиграни, создающей оправы к украшениям и вставкам, бусины для основы ожерелий.

Реконструкция VI: убор из черни включает головной убор с текстильным очельем и нашивными подпрямоугольными бляшками с жемчугом (рис. 6: VIа). Рясна составлены из прямоугольных бляшек, лунничные колты с обнизью из мелких металлических шариков имитируют жемчужную (рис. 6: VIб, в).

В нагрудном ярусе – вариант ожерелья с центральной подвеской с изображением Архангела, покровителя русских князей (рис. 6: VIг–е). Поначалу ожерелья состояли из набора медальонов и подвесок разных размеров и форм. Распространена композиция процветшего креста.

Широкие черневые браслеты на первом этапе просты композиционно

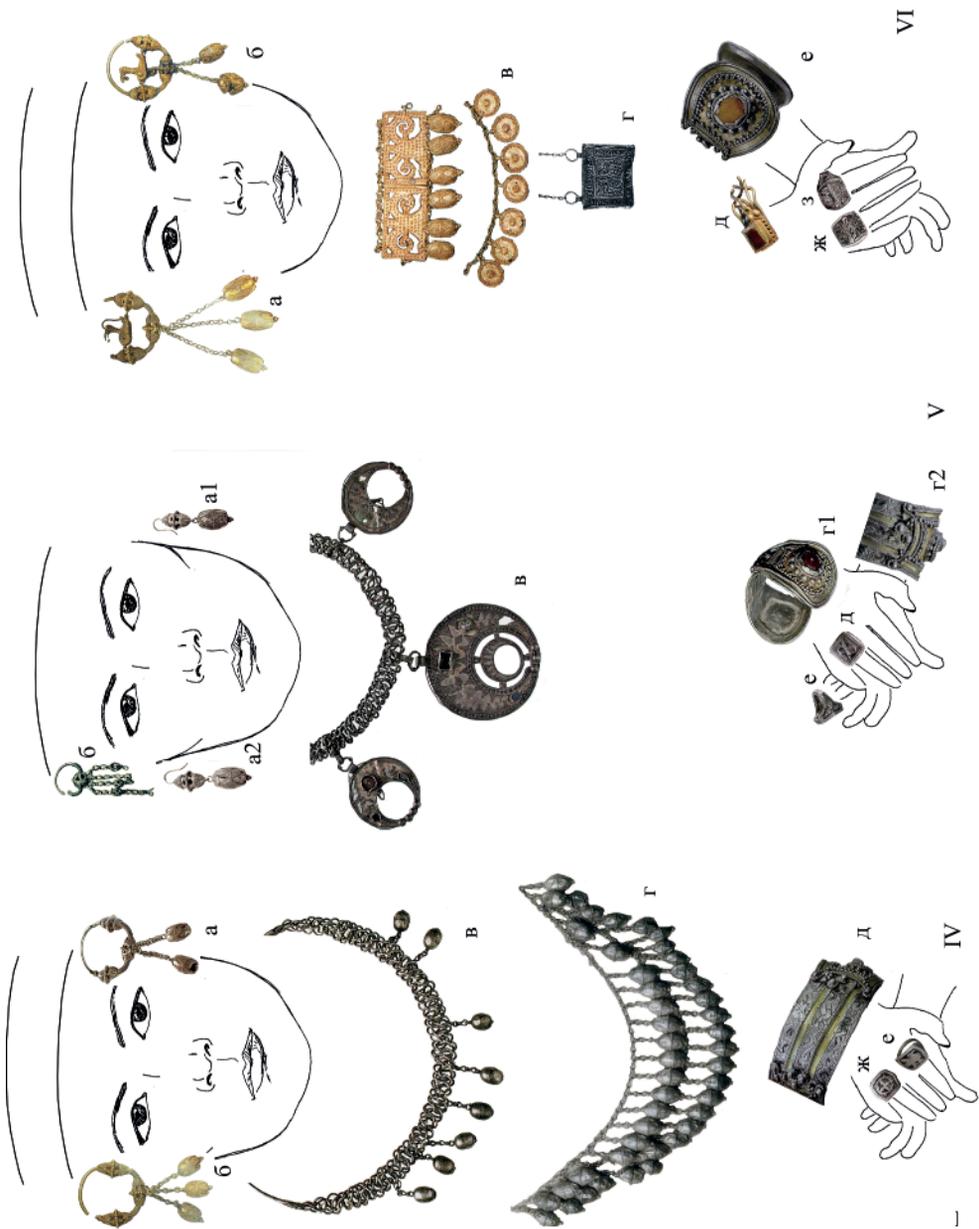

Рис. 4. Реконструкции ювелирного убора Волжской Булгарии: *IV* – первая половина XII в. – а, б – височные кольца с подвесками, серебро, Именьковский клад, золото, подъемный материал, Казанское Поволжье; серебро – в – гривна с подвесками, клад, Именьково, Лаишевский район; г – комплект цепей, Старое Альметьево; д – браслет, Кишертский могильник; е, ж – перстни (Руденко, 2015, ил. 220, 353, 306; № 143, 249, 40, 33; 2011, рис. 18, № 8); конец XII – XIII в., *V* – золото – а – серьги, Никитское Пермской губ.; б – височное кольцо, Спасско-болгарский клад, 1888 г. (Гушин, 1936, табл. XXXIV: 4, 5; XXXIII: 1); серебро – в – гривна с подвесками, случайная находка, г. Чистополь; г – браслет, Тибей-Сале; д, е – перстни, случайные находки, Билярское городище (Руденко, 2015, № 253, 5, 10; ил. 303, 304); *VI* – золото – а, б – височные кольца, клад у с. Мокрые Курналы Алексеевского района, XIX в.; в – нагрудные украшения, клад, Самара; д – браслет, НМРТ; серебро – г – футляр для текстов из Корана, Крещеноелтанский клад; е – браслет, клад, Москва, 1988 г.; ж, з – перстни, случайные находки, Билярское и Болгарское (?) городища (Руденко, 2011, рис. 12, 17: 1; № 19, 25; 2015, ил. 351, 280; рис. 8: 4; 46: 8; № 3, 36).

Fig. 4. Reconstructions of jewelry attire of adornments of the Volga Bulgaria: *IV* – the first half of the 12th century – а, б – temporal rings with pendants, silver, Imen'kovo hoard; gold, surface finds, Kazan' Volga region; silver – в – torque with pendants, hoard, Imen'kovo, Laishevsky District; г – a set of chains, Staroe Almetyevo; д – bracelet, Kishert' cemetery (Rudenko, 2015, il. 306); е, ж – finger rings (Rudenko, 2015, il. 220, 353, 306; No 143, 249, 40, 33; 2011, fig. 18, No 8); the end of the 12th – 13th century – *V* – gold – а – earrings, Nikitskoye, Perm region; б – temporal ring, Spassko-Bolgar hoard, 1888 (Gushchin, 1936, tab. XXXIV: 4, 5; XXXIII: 1); silver – в – torque with pendants, an accidental find, Chistopol; г – bracelet, Tibey-Sale; д, е – finger rings, accidental finds, Bilyarsk fortified settlement; (Rudenko, 2015, No 253, 5, 10; il. 303, 304); *VI* – gold – а, б – temporal rings, hoard at the Mokryye Kurnali, Alekseevsky District, 19th century; в – breast adornment, hoard, Samara; д – bracelet, National Muzeum of Tatarstan Republic; silver – г – case for texts from Koran, Kreshcheny Eltan hoard; е – bracelet, hoard, Moscow, 1988; ж, з – finger rings, accidental finds, Bilyarsk and Bolgar (?) fortified settlements (Rudenko, 2011, fig. 12, 17: 1; No 19, 25; 2015; il. 351, 280; fig. 8: 4; 46: 8; No 3, 36).

(одноярусные) (рис. 6: VIз). Широко распространены витые браслеты с черневыми окончаниями миндалевидной формы, перстни с гравировкой и чернью (рис. 6: VIж, и, к).

Используется растительно-завитковый и зооморфный геометризованный орнамент.

Реконструкция VII дает представление о раннем эмалевом уборе, выполненном в аскетически сакральном стиле. В головном ярусе – диадема из киотцев с композицией Деисуса: фронтальные статичные фигуры на золотом фоне. Под диадемой – ярус дужек, первоначально служивших для убора волос, но ставший декоративным (рис. 7: VIIа, б). Подвески – лунничные колты на рясах из круглых бляшек с жемчужной обнизью (рис. 7: VIIв, г).

Набор нагрудных медальонов в филигранных оправках близок строгой стилистике диадемы, на оправках – фи-

лигрань коврового и строгого стилей (рис. 7: VIIд).

К середине XII в. растительные и зооморфные мотивы приобретают естественность пропорций и криволинейных очертаний (рис. 7: VIIв, г).

По древнерусским материалам практически неизвестны эмалевые украшения рук, в реконструкции использованы ажурный браслет с завитковой орнаментацией и филигранный перстень со щитком в форме сионца (храма) со строгой арочной орнаментацией (рис. 7: VIIе, ж).

Вторая половина XII – первая треть XIII в. – время апогея ювелирного дела и убора из украшений обоих государств. И там и здесь не забыты более ранние традиции: на Руси – славянские, в Булгарии – финно-угорские и кочевнические. Русь продолжает развивать традиции византийского ювелирного дела, Булгария – восточного, сирийского и иранского (Жилина, 2018а).

Рис. 5. Реконструкции скано-зерненого древнерусского убора из украшений покладам (реконструкции Н.В. Жилиной, рисунки О.В. Федорова), серебро: *V* – конец XI – первая половина XII в., а – рясна из трехбусинных колец типичных вариантов; Старая Рязань, 1970 г. – б – лучевой колт; в – ожерелье с основой из бусин и крестом в оправе; браслеты – г – Киев, 1986 г.; д – происхождение неизвестно; е – Киев, 1909 г.; ж – перстень, Курская губ., 1878 г. (Жилина, 2002, рис. 5; 2014, № 186/4; 8к, е; 9; 204/9, 74/2б; 159/4а); *VIII* – конец XII – первая треть XIII в. – а – очелье из трехбусинных дужек типичных вариантов; б–г – рясно из бляшек и колт, ожерелье из бусин, кринообразных подвесок и креста, Киев, 1903 г.; д – браслет, Киев, 1909 г.; е – перстень, Старая Рязань, раскоп 13, погребение 49; ж – колт на рясне из бляшек, Старая Рязань, 1937/50 гг. и 1970 г. (Жилина, 2002, рис. 9; 2014, № 103/12, 4; 7в, г; 8а, г; 9а; 74/2а; 165/3; 186/5а; рис. 99: е).

Fig. 5. Reconstruction of filigree Russian attire of hoard adornments (reconstructions by N.V. Zhilina, drawings by O.V. Fedorov), silver: *V* – the end of the 11th – the first half of the 12th century – а – pendants made from three-bead rings of typical variants; Old Ryazan', 1970 – б – ray colt; в – necklace with a base of beads and a cross in a frame; bracelets – г – Kiev, 1986; д – the origin is unknown; е – Kiev, 1909; ж – finger ring, Kursk region, 1878 (Zhilina, 2002, fig. 5; 2014, No 186/4; 8к, е; 9; 204/9, 74/2б; 159/4а); *VIII* – the end of the 12th – the first third of the 13th century – а – head band made from three-bead half rings of typical variants; б–г – pendant made from plaques, colts, necklace of beads, lily-shaped pendants and a cross, Kiev, 1903; д – bracelet, Kiev, 1909; е – finger ring, Old Ryazan', excavation site 13, burial 49; ж – colt on a pendant made from plaques, Old Ryazan', 1937/50 and 1970 (Zhilina, 2002, fig. 9; 2014, No 103/12, 4; 7в, г; 8а, г; 9а; 74/2а; 165/3; 186/5а; fig. 99: е).

Булгария. Создается лучший ювелирный убор болгарской традиции: реконструкция VI. Преобладают золотые или позолоченные украшения, есть серебряные. Основные техники: филигрань и чернь.

В головном ярусе на основе диадемной конструкции закрепляются трехбусинные височные кольца с подвесками и миниатюрной филигранной скульптурой водоплавающей птицы с бусиной в клюве. Проволочная деталь служила для присоединения украшения к волосам (Руденко, 2011, с. 60–64, рис. 19, 30). Показателен синкретический облик скульптуры: высокая техника исполнения, аналогичная иранским филигранным подвескам; вхождение в состав конструкции трехбусинного кольца; финно-угорское мифологическое наполнение образа водоплавающей птицы (рис. 4: VIa, б).

В нагрудном ярусе – цепи с бусинными и дисковидными подвесками; ленточные ожерелья из пластинок и цепей с бусинными подвесками (возможно нашивание). Ощутим синтез традиций: местной – с обильным нагрудным ярусом из шумящих украшений; восточной – с ожерельями ленточной формы с подвесками из бусин на цепочках (рис. 4: VIв) (Jenkins, Keene, 1982, fig. 2, 3, p. 28, 29). В связи с утверждением ислама в убор вошла и культовая подвеска-футляр с текстами сур Корана (рис. 4: VIг). Доминирует новая форма бусин – овално-цилиндрическая.

Украшения рук: роскошные витые золотые браслеты со вставками (рис. 4: VIд); известные ранее браслеты с расширяющимися овальными концами с крупными вставками и крупной филигранью (рис. 4: VIе); черневые перстни с плотным плете-

ным орнаментом, зооморфными и растительными мотивами в более свободной стилистике, очерченные кривыми линиями (рис. 4: VIж, з).

Связь украшений с волосами – традиция народного убора, в своих вариантах она наблюдалась у славян и восточных народов. Булгарский вариант – это синтезированная традиция местного и восточного убора, где связь украшений с волосами известна с древности (Яценко, 2006, с. 222, 223).

Русь. Итоговые уборы созданы в трех основных ювелирных техниках. Развитие состояло и в изменении конструкции ряда украшений, и в стилистике орнаментации. Растительная и зооморфная орнаментация в эмали и черни передается утрированно-изгибающимися кривыми, создающими утонченный или пышный облик мотивов; в филигрании развивается спиральная орнаментация и пышный стиль (подъемом спиральных завитков над поверхностью изделия).

В скано-зерненном уборе – реконструкция VIII – меняется конструкция головного яруса и составляющих его украшений. Трехбусинные кольца трансформировались в дужки: набор очелья (рис. 5: VIIIa). Колты закрепляются на цепях из бляшек, крепятся с помощью узкой дужки и лунничной части (рис. 5: VIIIб, в, ж). Эти модификации произошли от конструкции эмалевого убора (рис. 7: VII).

В нагрудном ярусе – ожерелье из тисненых бусин и лилиевидных подвесок с крестом в центре (рис. 5: VIIIг). Такие ожерелья заменяли более тяжелые и официальные ожерелья из медальонов.

На руках носили филигранные и черневые украшения: витые браслеты со сканной перевитью и миндалевидными окончаниями дополнены

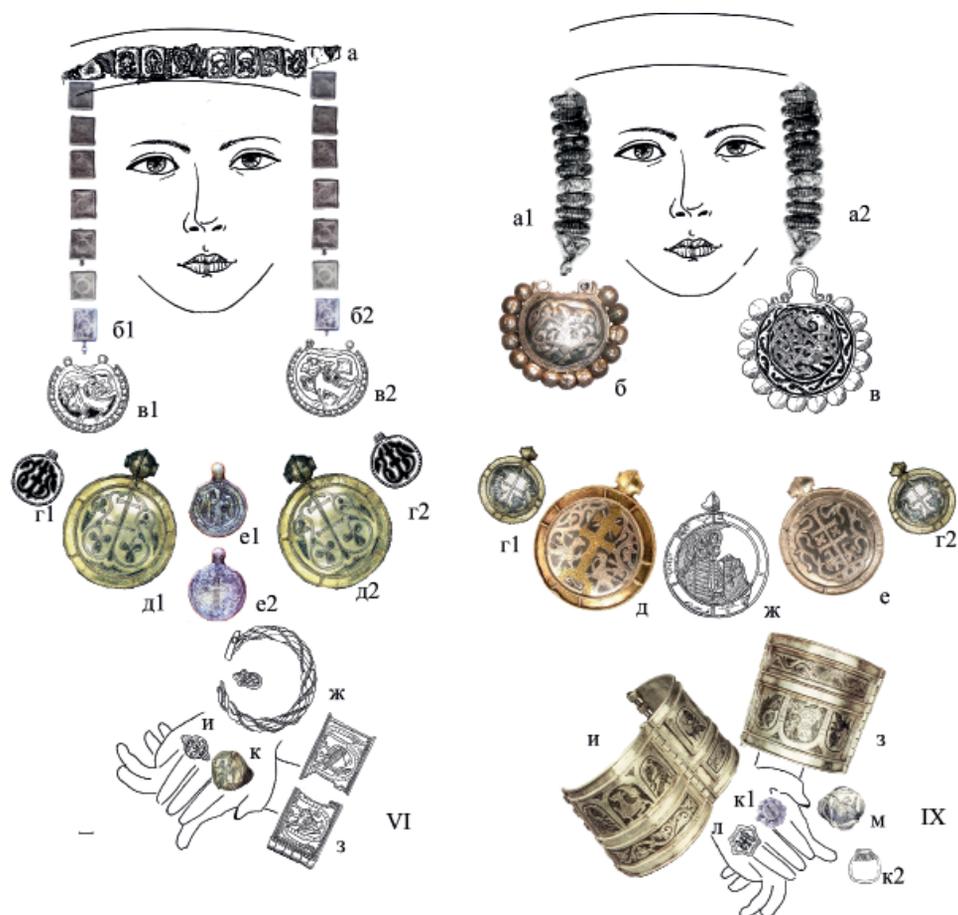

Рис. 6. Реконструкции древнерусского серебряного черневого убора по кладам и комплексам: VI – конец XI – первая половина XII в., а – очелье с нашитыми бляшками (золото), Киев, 1939 г.; б, в – рясна и колты, Киев, 1903 г.; подвески и медальоны ожерелья – г – Владимир, 1837 г., д – Москва, 1988 г.; е – Владимир, 1993 г.; ж – браслет, Святое озеро Черниговской губ., 1908 г.; з – широкий браслет, Романово Могилевской губ., 1892–1893 гг.; и, к – перстни Киев, 1906 г. и Москва, 1988 г. (Жилина, 2014, № 248/2а; 103/11, 3; 166/16; 197/56; 201/6; 152/6; 173/1; 108/12а; 197/15в); IX – конец XII – первая треть XIII в. – а – рясна, Старая Рязань, 1974 г.; б, в – колты, Старая Рязань, 2005 г., 1970 г.; медальоны ожерелья – г – Москва, 1988 г.; д, е – Старая Рязань, 2005 г.; ж – Владимир, 1865 г.; з, и – широкие браслеты, Москва, 1988 г.; перстни – к – (золото), Киев, 1889 г.; л – Святое озеро Черниговской губ., 1908 г.; м – Москва, 1988 г. (Жилина, 2014, № 187/2; 192/46; 186/1а; 197/5а, 1а, б; 10а, б; 15а; 167/3а; 99/10; 152/9).

Fig. 6. Reconstructions of Russian silver niello attire of adornments upon hoards and complexes: VI – the end of the 11th – the first half of the 12th century, а – head band with sewn-in plaques (gold), Kiev, 1939; б, в – pendants and colts, Kiev, 1903; pendants and medallions of necklaces – г – Vladimir, 1837, д – Moscow, 1988; е – Vladimir, 1993; ж – bracelet, Svyatoye Ozero, Chernigov region, 1908; з – wide bracelet, Romanovo, Mogil'ov region, 1892–1893; и, к – finger rings, Kiev, 1906 and Moscow, 1988 (Zhilina, 2014, No 248/2а; 103/11, 3; 166/16; 197/56; 201/6; 152/6; 173/1; 108/12а; 197/15в); IX – the end of the 12th – the first third of the 13th century – а – pendants, Old Ryazan', 1974; б, в – colts, Old Ryazan', 2005, 1970; necklace medallions – г – Moscow, 1988; д, е – Old Ryazan', 2005; ж – Vladimir, 1865; з, и – wide bracelets, Moscow, 1988; finger rings – к – (gold), Kiev, 1889; л – Svyatoye Ozero, Chernigov region, 1908; м – Moscow, 1988 (Zhilina, 2014, No 187/2; 192/46; 186/1а; 197/5а, 1а, б; 10а, б; 15а; 167/3а; 99/10; 152/9).

Рис. 7. Реконструкции древнерусского золотого эмалевого убора по кладам (реконструкции Н.В. Жилиной, рисунки О.В. Федорова): VII – конец XI – первая половина XII в.: а – диадема, Киев, 1889 г.; б – очельные дужки, типичные варианты; в, г – рясна и колты, Киев, 1840-е г.; д – ожерелье из бусин и медальонов в оправках и с жемчугом, Киев, 1880 г., Сахновка Киевской губ., 1900 г.; е – браслет, Старая Рязань, 1822 г.; ж – перстень, Новгород (Жилина, 2002, рис. 6; 2014, № 99/3; 65Г/2; 65 (?)/1; 90/2, 127/6а; 162/6; 2012, № 411); X – конец XII – первая треть XIII в. – «городчатый венец», корона накладная к иконе «Богоматерь Боголюбская» из Благовещенского собора Московского Кремля; б – очельные дужки, Киев, 1824 г.; в, г – рясна (серебро с позолотой) и колт, Старая Рязань, 1868 г. и 1992 г.; д, е, з – ожерелье из медальонов и бусин, браслет и перстень, Старая Рязань, 1822 г.; ж – браслет (серебро), Любеч, Черниговской обл., 1960 г. (Жилина, 2002, рис. 7; 2014, № 107/9; 163/2; 191/3; 162/1, 2, 6, 8; 203/2).

Fig. 7. Reconstruction of the old Russian gold enamel attire of adornments upon hoards (reconstructions by N.V. Zhilina, drawings by O.V. Fedorov): VII – the end of the 11th – first half of the 12th century: а – diadem, Kiev, 1889; б – head half rings, typical variants; в, г – pendants and colts, Kiev, 1840s; д – necklace made from beads and medallions in frames and with pearls, Kiev, 1880 and Sakhnovka, Kiev region, 1900; е – bracelet, Old Ryazan', 1822; ж – finger ring, Novgorod (Zhilina, 2002, fig. 9; 2014, No 99/3; 65Г/2; 65 (?)/1; 90/2, 127/6a; 162/6; 2012, No 411); X – the end of the 12th – the first third of the 13th century: а – toothed crown, an overhead crown to the icon "Our Lady of Bogolyubsky" from Annunciation Cathedral of Moscow Kremlin; б – head half rings, Kiev, 1824; в, г – pendants (silver with gilding) and colt, Old Ryazan', 1868 and 1992; д, е, з – necklace made from medallions and beads, bracelet and finger ring, Old Ryazan', 1822; ж – bracelet (silver), Lubech, Chernigov region, 1960 (Zhilina, 2002, fig. 7; 2014, No 107/9; 163/2; 191/3; 162/1, 2, 6, 8; 203/2).

трилистниками (рис. 5: VIIIд); филигранный перстень с объемной композицией из высоких кастов с зернью подражает золотым (рис. 5: VIIIе). Убор создается в основном из серебра, но используются золотые и позолоченные украшения.

Черневой и эмалевой уборы изменились не столько конструктивно, сколько стилистически, используются растительный и зооморфный орнаменты в утрированной и пышной стилистике, возросла плотность и сложность плетеного орнамента. Пышными становятся филигранные оправы украшений. Оба убора сохраняют устойчивое христианское звучание изображений и орнаментики.

В черневом уборе – реконструкция IX – для подвешивания колтов удобны рясна из тисненых колодочек, где сформировались нижние треугольные звенья (рис. 6: IXа); цепи из тисненых колец и круглых бляшек. Характерны колты с пышной обнизью из крупных тисненых шаров (рис. 6: IXб, в).

Нагрудные ожерелья из медальонов более стандартны и часто выполнялись как единый набор, в центре – крупные медальоны с важными по смыслу изображениями. Подвесное устройство в форме бусины находило гармонию с ожерельем. Набором медальонов с комплектом бусин является Суздальское оплечье (Жилина, 2014, № 169). Но не всегда заказывался полный комплект, ожерелья пополнялись с течением времени. В реконструкции использованы медальоны разных кладов, расположенные в регулярной композиции: в центре – с фигурой Архангела, по сторонам – с композицией процветшего креста и орнаментальными дополнениями (рис. 6: IXг–ж).

Черневые широкие браслеты наиболее разнообразны по орнаментальным сюжетам и композиционно сложны: двух- и трехъярусные (рис. 6: IXз, и). Сюжеты информативны для восстановления культуры Древней Руси: языческие обряды, костюм; воины, музыканты, жрецы. Черневые перстни обладают щитками сложных форм, многогранных и квадрифолийных. Известен перстень с изображением Архангела (рис. 6: IXк–м).

Итоговый эмалевый убор – реконструкция X – характеризует представительницу высшего социального слоя, возможно, великую княгиню. В составе головного яруса – «городчатый венец» или корона (использована форма накладной короны к иконе «Богоматерь Боголюбская»), филигранные пластины которой соединены шарнирами (рис. 7: Ха). Корона опирается на ярус дужек с драгоценными камнями (рис. 7: Хб). В подвесном ярусе – золотые колты на рясне из филигранных бляшек квадрифолийной формы (рис. 7: Хв, г).

В нагрудном ярусе – эмалевые медальоны с «женским» вариантом охранительной христианской композиции – образами Богоматери в центре и святых мучениц Ирины и Варвары по сторонам. Другие медальоны ожерелья обильно украшены драгоценными камнями. Пышные филигранные оправы – лучшая ювелирная работа из Древней Руси (рис. 7: Хд).

В реконструкцию включены ажурные браслеты: золотой в строгом стиле, серебряный с развитым спиральным орнаментом (рис. 7: Хе, ж); филигранный перстень с объемной орнаментацией из кастов с зернью (рис. 7: Хз).

Заключение

В конце XI в. – начале XII в. существует узор в народных традициях с чертами обильно-металлической, но переходный к ювелирной стадии: с использованием филигрانی крупных параметров, в Волжской Булгарии – финно-угорского и кочевнического облика, на Руси – в основном, славянского. Традиции народных узоров сохраняются до XIII в.

В конце XI – первой пол. XII в. в Булгарии и на Руси продолжается переход на ювелирную стадию, формируются разные по конструкции шумящие узоры, украшения рук сходны.

В первой половине – середине XII в. возникли ранние узоры из украшений ювелирной стадии. В болгарском узоре совмещаются различные ювелирные техники: филигрань, чернь, ажурное плетение. Височными украшениями остались трехбусинные кольца с бусинными подвесками. Аналогичные подвески характерны для украшений нагрудного яруса, гривен и цепей. Используются новые формы бусин: овально-цилиндрические и полуажурные. Среди украшений рук появляются широкие браслеты. Ювелирная технология совмещает традиции местного и восточного ювелирного дела.

На Руси используются филигранный, черневой и эмалевый узоры из украшений на основе головного узора диадемного строения с ярусом очельных дужек и колтами в качестве подвесок; реконструируется облегченный тисненый узор. Провизантийский христианский эмалевый узор создает основные новации. Для конца XI – первой половины XII в. характерен геометризованный аскетически-сакральный стиль оформления, к середине XII в. растительная и зо-

оморфная орнаментация более естественна и гармонична. Скано-зерненный (филигранный) узор хранит традиции геометрической орнаментации, использует трехбусинные кольца, создает лучевые колты на широкой дужке, близкие славянским височным кольцам. Широкие браслеты черневого узора характеризуются разнообразием орнаментики.

В конце XII – первой трети XIII в. создаются лучшие ювелирные узоры. В Булгарии – височные кольца дополняются миниатюрной филигранной скульптурой, в нагрудном ярусе развиваются ленточные ожерелья и цепи с подвесками. Среди украшений рук оригинальны филигранные браслеты с овальными окончаниями в технике филигрانی и со вставками. Продолжается совмещение местной и восточной (иранской) ювелирных традиций.

На Руси эмалевый и черневой узоры оформляются зооморфно-растительной орнаментикой в утрированном и пышном стилях, создаются пышные оправы украшений в технике филигрانی. Возможна реконструкция эмалевого узора с городчатым венцом. Скано-зерненный узор изменяется конструктивно под воздействием провизантийского эмалевого узора: сформировались трехбусинные очельные дужки и колты на луннице с узкой подвесной дужкой. Сходно развитие болгарских и древнерусских черневых перстней.

При стадийном сходстве развития узора наблюдаются разные конкретные формы его конструкции и украшений. В обоих государствах узоры до позднего времени сохраняли народные традиции X–XI вв., несмотря на внедрение иностранных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
2. *Гуцин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.-Л.: Гос. социально-экономическое издательство, 1936. 90 с. Табл.
3. *Елкина И.И.* Текстиль из древнерусских погребальных памятников округа Звенигорода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X региональной конференции / Отв. ред. В.А. Бессонов. (Калуга, 25–27 марта 2003 г.). Калуга: Гриф, 2003. С. 34–41.
4. *Жилина Н.В.* О различии убора, воссоздаваемого по древнерусским кладам и погребениям // Звенигородская земля. История, археология, краеведение / Отв. ред. А.К. Станюкович. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2001. С. 29–38.
5. *Жилина Н.В.* Русский ювелирный убор // Родина. 2002. № 11–12. С. 160–165.
6. *Жилина Н.В.* Зернь и скань древней Руси. Приложения (Электронный ресурс, CD-ROM). М.: ИА РАН, 2012. «Информрегистр» № 28188. 388 с.
7. *Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. 400 с.
8. *Жилина Н.В.* Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 127–156.
9. *Жилина Н.В.* Волжская Булгария / Восток; Древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: костюм, головные украшения // Археология Евразийских степей. 2019а. № 1. С. 83–98.
10. *Жилина Н.В.* Волжская Булгария / Восток; Древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: шейно-нагрудный ярус, украшения рук // Археология Евразийских степей. 2019б. № 1. С. 99–117.
11. *Жилина Н.В.* Реконструкции убора из украшений для периода ранней истории Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2019в. № 6. С. 223–239.
12. *Измайлов И.Л.* Традиционная одежда и археологический костюм: соотношение этнических и сословно-статусных элементов // Археология Евразийских степей. 2019. № 1. С. 199–216.
13. *Оборин В.А.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред.: М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298.
14. *Руденко К.А.* Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
15. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
16. *Руденко К.А.* Плетеные гривны с подвесками-лунницами из Волжской Булгарии: дизайн, атрибуция // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2018. С. 205–219.
17. *Рябцева С.С.* Древнерусский ювелирный убор: Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История, 2005. 384 с.
18. *Савельева С.А.* Ыджыдьельский могильник. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. 2014. 120 с.
19. *Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С.* Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 299–349.
20. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
21. *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т; Восточная Литература, 2006. 664 с.
22. Jenkins M., Keene M. Islamic Jewelry in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art, 1982. 160 p.
23. Zhilina N. 2016. Attire of adornments: the main historical stages: natural, heavy-metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016. Vilnius.: Saulius Jokuzys Publishing Printing House. Ed. A. Zilinskaite. P. 87.

Информация об авторе:

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nvzhilina@yandex.ru

VOLGA BULGARIA AND OLD RUS'. COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF ATTIRE OF ADORNMENTS IN RECONSTRUCTIONS OF THE 11TH – 13TH CENTURIES

N.V. Zhilina

On the base of typical hypothetical reconstructions according to the stages of the development of the attire upon archaeological material the comparative history of attires of two states is restored. At the end of the 11th – in the beginning of the 12th century and later, the features of heavy metal attire were preserved, in Volga Bulgaria – of Finno-Ugric and nomadic, in Old Rus' – mainly of Slavic one. At the end of the 11th – the first half of the 12th century noisy attires of different designs were formed. In the first half – the middle of the 12th century filigree, niello, openwork weaving were combined in Bulgarian jewelry. Adornments were complemented with bead pendants of new shapes. In Rus', enamel attire of the sacred-ascetic style created innovations, the niello one was distinguished with a variety of ornamentation (wide bracelets), the filigree retained Slavic traditions. At the end of the 12th – the first third of the 13th century the best jewelry was created. In Bulgaria the temporal rings were complemented by a miniature filigree sculpture, necklaces and chains with pendants presented. Original filigree bracelets with oval endings were famous. In Rus', enamel and black attires were made in exaggerated and lush styles; luxurious frames of jewelry with filigree technique were used. Filigree attire changed constructively, moving away from folk traditions. In Bulgarian attire the traditions of local and eastern jewelry combined; in Russian attire – of local and Byzantine jewelry.

Keywords: archaeology, attire, adornments, reconstructions, filigree, niello, enamel, openwork, weaving.

REFERENCES

1. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevka Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
2. Gushchin, A. S. 1936. *Pamyatniki khudozhestvennogo remesla Drevnei Rusi X–XIII vv. (Monuments of the Artistic Craft of Ancient Rus of the 10th–13th Centuries.)* Moscow; Leningrad: “Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo” (in Russian).
3. Elkina, I. I. 2003. In Bessonov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii, istorii, kul'tury i prirody Verkhnego Pooch'ia. (Issues of Archaeology, History, Culture and Nature of the Upper Oka Region)*. Kaluga: “Grif” Publ., 34–41 (in Russian).
4. Zhilina, N. V. 2001. In Stanyukovich, A. K. (ed.). *Zvenigorodskaya zemlia. Istoriia, arkheologiya, kraevedenie (Zvenigorod Land. History, Archaeology, Local Lore)*. Zvenigorod: Zvenigorod Historical, Architectural and Art Museum, 29–38 (in Russian).
5. Zhilina, N. V. 2002. In *Rodina (Rodina)* 11–12. 160–165 (in Russian).
6. Zhilina, N. V. 2012. *Zern' i skan' Drevnei Rusi (Granulation and filigree in Ancient Rus) (Electronic Resource, CD-ROM)*. Moscow: Institute of Archeology of RAS, “Informregistr”, no. 28188 (in Russian).
7. Zhilina, N. V. 2014. *Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiya ukrashenii (Old Russian Hoards of 9th–13th Centuries. Classification, Stylistics and Chronology of Adornments)*. Moscow: “URSS” Publ. (in Russian).
8. Zhilina, N. V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 127–156 (in Russian).
9. Zhilina, N. V. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 83–98 (in Russian).
10. Zhilina, N. V. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 99–117 (in Russian).
11. Zhilina, N. V. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6. 223–239 (in Russian).
12. Izmailov, I. L. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 199–216 (in Russian).
13. Oborin, V. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions during Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 255–298 (in Russian).

14. Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biliar) I. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
15. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biliar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
16. Rudenko, K. A. 2018. Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 14 Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 205–219 (in Russian).
17. Riabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor: Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
18. Savel'eva, S. A. 2014. *Ydzhid'el'skii mogil'nik (Ydzhidyel' cemetery)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
19. Savel'eva, E. A., Istomina, T. V., Korolev, K. S. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions during the Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 299–349 (in Russian).
20. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelimye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Yatsenko, S. A. 2006. *Kostium Drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume in Early Eurasia (Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Russian State University for the Humanities; "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
22. Jenkins, M., Keene, M. 1982. *Islamic Jewelry in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Metropolitan Museum of Art.
23. Zhilina, N. 2016. In Zilinskaite, A. (ed.). *22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016*. Vilnius: Saulius Jokuzy's Publishing Printing House, 87.

About the Author:

Zhilina Natalya V. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; nvzhilina@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ БИЛЯРА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД. ЗДАНИЯ С ПОДПОЛЬНЫМ ОТОПЛЕНИЕМ

© 2020 г. Э.Д. Зиливинская

В статье рассматриваются монументальные постройки Биляра, расположенные в цитадели городища. Джума мечеть Биляра и другие общественные постройки были исследованы в 70-х гг. XX в. Тогда же были сделаны их реконструкции, ставшие каноническими. Рассмотрение билярских построек в контексте архитектуры всего мусульманского мира, позволяет внести некоторые коррективы как в интерпретацию зданий, так и в элементы их реконструкции. Здание с подпольным отоплением возле Джума мечети считалось домом феодала и реконструировалось как двухэтажная купольная постройка. Еще одна многокомнатная постройка с обогреваемыми полами интерпретировалась как караван-сарай. Подпольное отопление, обмазка полов и стен водостойким раствором, наличие системы стока воды свидетельствует о том, что эти постройки были общественными банями. Как и все восточные бани, они имели один этаж и были многокупольными зданиями.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, Биляр, монументальные здания, каменные здания, подпольное отопление, бани, реконструкции.

В «комплекс мечети» Биляра входило здание, расположенное примерно в 29 м от СВ угла каменной мечети (Халиков, 1979). Все комнаты его имели систему подпольного отопления (рис. 1.1). От него частично сохранились остатки фундамента и цокольной части. Фундамент опущен в котлован глубиной 120 см. Стены толщиной 95–100 см сложены из стандартных кирпичей на глинистом растворе с примесью извести. На кладку перемычек между дымоходными каналами употреблялся сырцовый кирпич. Здание можно разделить на две части. Внутреннее пространство большей части представляло собой квадрат 11×11 м, разделенный внутренней крестообразной перегородкой на 4 равные комнаты площадью по 16 м. Стены внутренней перегородки имели толщину до 110 см. Такая мощность стен свидетельствует, по мнению А.Х. Халикова, о том, что здание было двухэтажным (Халиков, 1979, с. 12). Во внутренних перегородках находились проходы, которые соединяли все комнаты между собой. Полы и стены комнат местами сохранили

покрытие из водонепроницаемого известкового раствора.

К СЗ части здания примыкали два помещения полукруглой формы. Их наружные стены имели толщину 50 см, а фундамент заглублен до 150 см. Между собой помещения были разделены стенкой с небольшим проемом. Западный угол здания оформлен выступом прямоугольной формы, в котором, как считает автор раскопок, находилась башня с винтовой лестницей, ведущей на второй этаж (Халиков, 1979, с. 16). Вход, по мнению исследователя, располагался с ЮВ стороны, был двухпроемным и вел в цокольный этаж и на второй этаж. Последнее утверждение является голословным, так как никаких следов лестничной клетки не найдено. По бокам входного проема снаружи, на расстоянии 1,2 и 2,1 м от углов здания, в связи со стеной, но без фундамента располагались прямоугольные основания полуколонн-пилястров. На них, покоилась П-образная арка, обрамляющая вход. Порог входа покрыт известковой вымосткой, на которой сохранился древесный

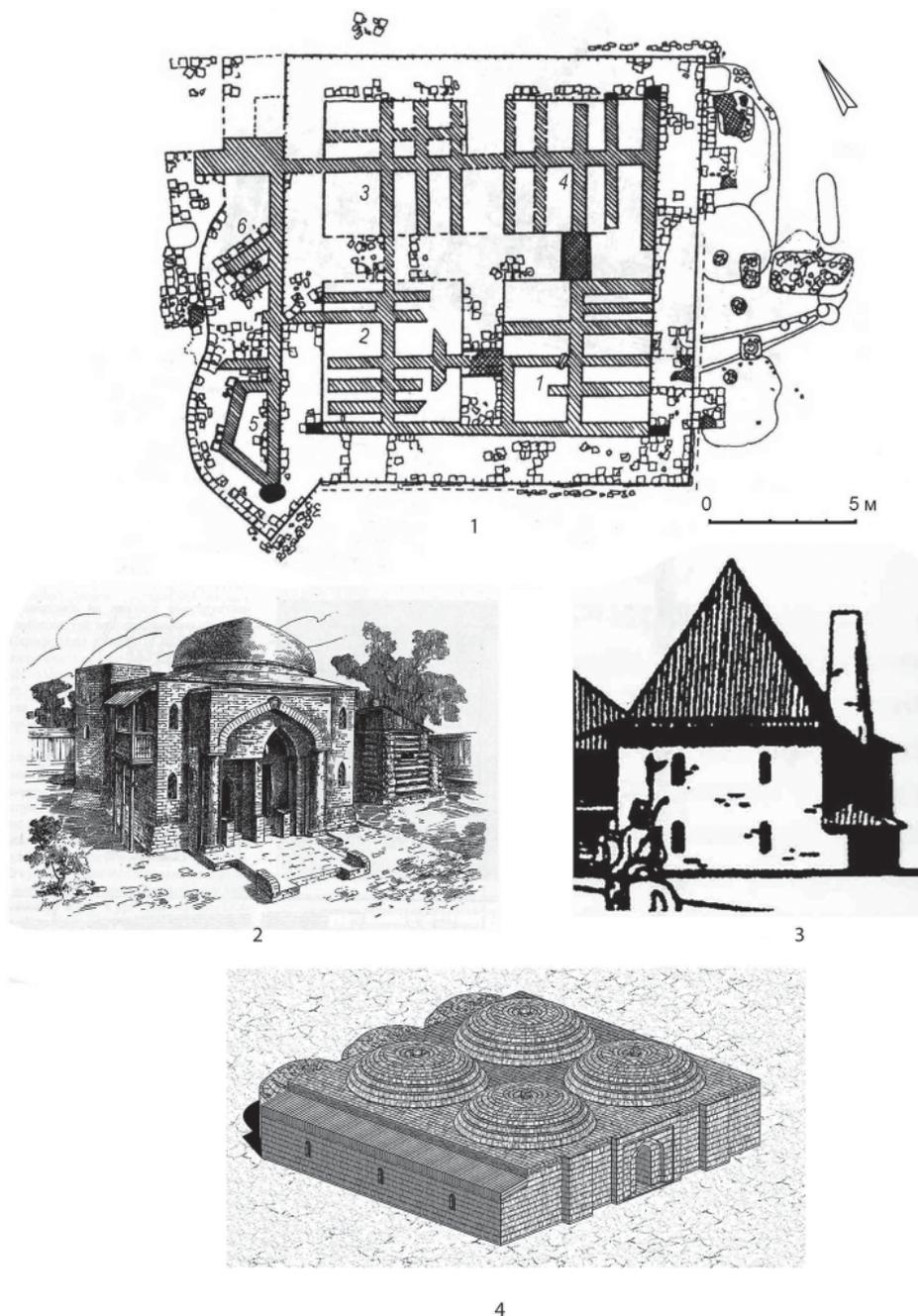

Рис. 1. Здание комплекса мечети (баня № 1): 1 – план (по А.Х. Халиков, 1979); 2 – реконструкция А.Х. Халикова (Худ. А.А. Мазанов) (по История татар, 2006); 3 – реконструкция С.С. Айдарова (по С.С. Айдаров, 1979); 4 – вариант реконструкции автора.
 Fig. 1. Building of the mosque complex (bathhouse No. 1): 1 – layout (after A.Kh. Khalikov, 1979); 2 – reconstruction by A.Kh. Khalikov (Artist A.A. Mazanov) (after the History of the Tatars, 2006); 3 – reconstruction by S.S. Aydarov (after S.S. Aydarov, 1979); 4 – author's reconstruction option.

тлен, возможно, от деревянных частей двери.

Перед входной дверью обнаружены остатки фундамента шести столбов, на которые, по мнению автора раскопок, опиралось крыльцо. От крыльца вела мостовая шириной 4,0 м. Кроме того, в ЮЗ стене, на расстоянии 150 см от углового выступа, находился сквозной проем шириной 90 см. Вдоль всей ЮЗ стены, на расстоянии 150 см от нее, тянулась серия ям размерами 30–40 см, которые располагались вдоль узкой канавки (на чертеже не обозначены). По мнению А.Х. Халикова, эти ямы могли остаться от столбов, поддерживавших балконную террасу второго этажа, канавка же служила основанием легкой деревянной галереи (Халиков, 1979, с. 16). С.С. Айдаров и Ф.М. Забирова высказали предположение, что это следы крытой галереи, ведущей от углового выступа к зданию деревянной мечети (Айдаров, Забирова, 1979, с. 57). В СЗ стене здания, на расстоянии 2,0 м от восточного угла, намечался дверной проем, направленный в сторону колодца.

На дне котлована постройки поставлены массивные устои, поддерживавшие пол, между которыми проходили дымоходные каналы. Здание отапливалось находившейся в СЗ углу печью, прямоугольной в плане, двухкамерной конструкции. Под печи заглублен относительно уровня пола на 120 см. От топки отходили два магистральные канала, которые вели в подпольное пространство. Один из них проходил под комнатами 5 и 6 и завершался в СЗ углу постройки вертикальным дымоходом, который, по мнению автора раскопок, предназначался для обогрева второго этажа (Халиков, 1979, с. 14). Другой маги-

стральный канал с примыкающими к нему ответвлениями служил для обогрева основной части здания. Часть каналов заканчивалась вертикальными дымоходами, расположенными в толще стен. Сверху каналы были перекрыты кладкой в два-три слоя кирпича, покрытой известковой обмазкой.

Анализ технического устройства позволяет считать эту постройку баней (№ 1). Достаточно заметить, что обзор зданий с системой обогрева типа римских гипocaustов в широком временном промежутке (от античности до наших дней) на огромной территории (все страны мусульманского Востока и некоторые страны Европы) показывает, что обогрев всей площади пола таким образом осуществлялся только в банях (Зиливинская, 2001; 2011, с. 59–91). Это обстоятельство позволяет считать, что в Волжской Болгарии все дома с подпольным отоплением также являлись банями. Подробный разбор планировки, технического устройства и оформления зданий в Биляре указывает на множество деталей, подтверждающих данную гипотезу (Зиливинская, 1989). Мощные стены также характерны для банных сооружений. Они необходимы для лучшего удержания тепла, а вовсе не свидетельствуют о наличии второго этажа. Кроме того, бани перекрывались куполами, для опоры которых необходимы толстые стены. Вообще даже в развитых странах Среднего и Ближнего Востока городская застройка в это время была одноэтажной. Вертикальные дымоходы в толще стен также служили не для отопления второго этажа, а для вывода дыма из подпольного пространства.

Основная часть бани состояла из четырех теплых мылен (помещения

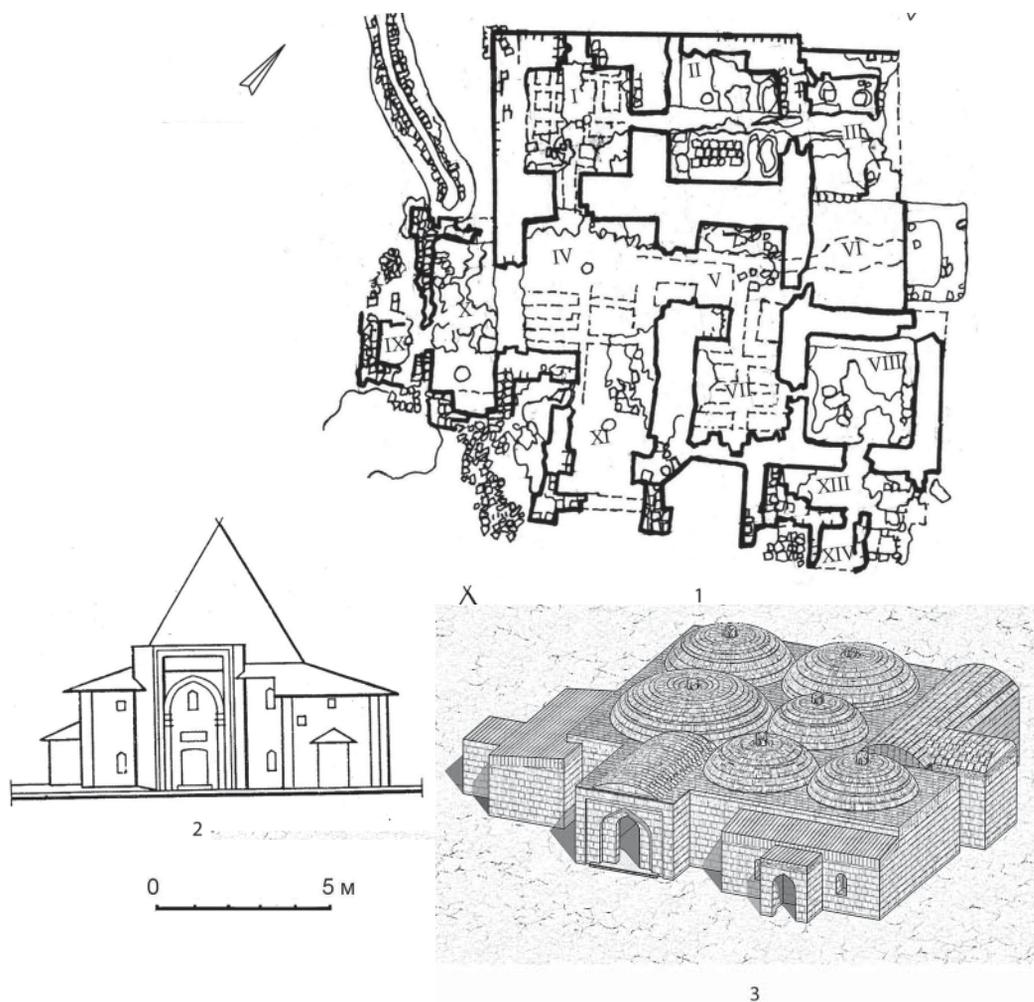

Рис. 2. Здание «караван-сарая» (баня № 2): 1 – план; 2 – реконструкция С.С. Айдарова (по С.С. Айдаров, 1976); 3 – вариант реконструкции автора.

Fig. 2. The 'caravanserai' building (bathhouse No. 2): 1 – layout; 2 – reconstruction by S.S. Aydarov (after S. S. Aydarov, 1976); 3 – author's reconstruction option.

1–4). Вход в баню, скорее всего, действительно находился в восточной стене, однако трактовка его оформления исследователями кажется спорной. Если считать полуколонны восточной стены пилястрами арки входного проема, то не совсем понятно их несимметричное расположение относительно фасада. Маловероятно также, что вход упирался во внутреннюю стену здания. Двухпроемный вход вряд ли был нужен в столь небольшом доме, тем более что никакого второго этажа,

а соответственно и лестничной клетки здесь не зафиксировано. Дверь, вероятно, вела только в ЮВ комнату здания (пом. 1). В этом случае дверной проем располагался по центру между пилястрами. Кстати, на плане реконструкции, выполненном С.С. Айдаровым, показан именно однопроемный вход, симметрично обрамленный пилястрами (Айдаров, Забирова, 1979, с. 51). Столбы перед входом могли быть остатками деревянной пристройки, представлявшей собой тамбур,

необходимый при выходе из теплового помещения на улицу. Остатками каркасного предбанника, возможно, являются и столбики, идущие вдоль южной стены здания. В этом случае из предбанника через проем в южной стене можно было попасть непосредственно в помещение 2.

Что же касается полукруглых помещений 5 и 6, то они, вероятно всего, являлись цистернами для воды. На это указывает меньшая толщина их стен и более глубокий фундамент в этой части. Можно предположить, что над печью находилась третья цистерна, которая, как и большая часть самой печи, не сохранилась. Вода в цистерны наливалась из колодца, расположенного вблизи СВ угла дома.

Интересен тот факт, что баня построена рядом с мечетью. Такой же комплекс обнаружен на Селитренном городище (Зиливинская, Васильев, 2011). Вполне естественно, что два основных центра общественной жизни Средневековья располагались в непосредственной близости. Более того, хорошо известно, что бани как доходные заведения часто являлись вакуфными владениями при мечетях (Воронина, 1983, с. 144) и выполняли одновременно функции тахорат-хона – заведений для ритуальных омовений перед молитвой. В анатолийском зодчестве сельджукского и османского периодов часто встречается объединение мечети и связанных с ней учреждений, одним из которых является хаммам, в единый комплекс (так называемое куллие). Ярким примером этому является куллие Хунат Хатун, в котором объединены мечеть, медресе, баня и мавзолей (Hillenbrand, 1994, р. 33–94, 482).

Учитывая эти данные, реконструкция «дома богатого феода-

ла», выполненная А.Х. Халиковым (История татар, 2006, с. 217), представляется совершенно фантастической. На ней изображено двухэтажное здание, перекрытое большим куполом (рис. 1: 2). Следует заметить, что здание, разделенное внутренними стенами на четыре равные комнаты, никак не могло перекрываться одним куполом, так как подкупольное пространство всегда едино. Нельзя признать удачной и реконструкцию С.С. Айдарова и Ф.М. Забировой (рис. 2: 3), на которой здание размерами 13×13 м также имеет два этажа и перекрыто высоким (около 7 м высотой) шатром. Общая высота его при этом составляет 15 м (Айдаров, Забирова, 1979, с. 57–58, рис. 18, 19). Описываемая постройка, скорее всего, была одноэтажной и перекрывалась четырьмя небольшими куполами (рис. 1: 4).

Еще одна постройка с подземным отоплением, первоначально интерпретированная как караван-сарай, раскопана А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным в 1969–1972 гг. (Халиков, Шарифуллин, 1976). Здание состояло из 13 помещений (рис. 2: 1), пять из которых (I, IV, V, VII, VIII) имели систему подземного отопления, соединенную с топочной камерой (VI), расположенной в СВ его части. Контур здания по форме приближается к прямоугольнику (размеры 16,8×14,8 м). Постройка возведена из квадратного кирпича, обожженного и сырцового на глиняном растворе с значительной примесью извести. Все здание, за исключением пристройки в ЮЗ части, опущено в котлован глубиной 115–120 см от уровня пола. Наружные стены имели толщину 100 см, внутренние – 125 см. На основании этого исследователи пришли к выводу, что постройка была двухэ-

тажной (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 82).

Здание состояло из трех рядов помещений. Входной узел с ЮВ стороны представлял собой тамбур (XII) с неотапливаемыми сенями (XI), в которых, судя по плану, вдоль ЮЗ стены шла суфа. В полу сеней обнаружены остатки водосливного лотка в виде неглубокой канавки, обмазанной известковым раствором. Проем в СЗ стене вел в отапливаемое помещение IV, которое соединялось с теплыми помещениями V и I. Из комнаты V проход вел в теплое помещение VI. Комната I имела, по мнению А.Х. Халикова и Р.Ф. Шарифуллина, дверной проем в ЮЗ стене, ведущей наружу. Проем в СЗ стенке комнаты соединял ее с помещением II.

Комната II разделена на две почти равные половины канавой шириной 60 см, углубленной на 70–75 см от уровня пола. Дно ее покрыто известковым раствором, а кирпичные стенки оштукатурены. Эта канава интерпретируется исследователями как проход, разделяющий помещение на две части (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 89). Вдоль СВ стены, по обе стороны этого прохода, наблюдались небольшие камеры (100×55 и 80×55 см). Они углублены от уровня пола на 125 см и облицованы известковыми плитами и штукатуркой. По мнению авторов, здесь располагались погребки (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 91). Канава, проходящая через помещение II, продолжается, несколько понижаясь, и в помещении III вплоть до СВ внешней стены. В СЗ части помещения III, ближе к краю канавы, располагались два квадратных углубления (40×40 и 45×45 см), заполненные золой и пережженными кирпичами. Авторы раскопок считают их основа-

ниями жаровен (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 92). По другую сторону прохода находилась сводчатая печь с трубой, выведенной наружу. Помещение III трактуется А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным как кухня, а помещение II – как подсобка при ней (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 95).

Особый блок представляют собой теплая комната VIII с холодными сенями XIII и входным тамбуром XIV. Помещение VIII, примыкавшее к топке с ЮВ, не соединялось с другими комнатами. Каналы отопления были перекрыты кирпичами, пол обмазан водостойким раствором. Вдоль СВ и СЗ стен сложены кирпичные скамьи, покрытые штукатуркой. В ЮВ стене имелся проем, соединявший комнату с сенями. В ЮЗ части сеней, по мнению исследователей, наблюдались остатки винтовой лестницы, ведущей на второй этаж (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 91). Кладка ступени лестницы лежала на известковом полу и не имела перевязки со стенами помещения. Справа от входа здесь также обнаружены остатки водосливного лотка в виде открытой канавки, обмазанной известковым раствором. Согласно трактовке авторов публикации, помещение VIII является складом (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 95).

За ЮЗ стеной основного здания сделана более поздняя пристройка, возведенная без фундамента. Большая часть ее (пом. X) примыкала к стене основного здания и соединялась широким проходом с комнатой IV. Стены этой части имели толщину 60 см. Кирпичный пол обмазан толстым слоем влагонепроницаемого известкового раствора. Меньшая часть пристройки (пом. IX) примыкала к ЮЗ стене комнаты X. Пол комнаты также покрыт известковой обмазкой. А.Х. Халиков

и Р.Ф. Шарифуллин высказали предположение, что эти помещения использовались в качестве придомной мечети, в которой большая часть пристройки (X) и комната IV образовывали двухзальную молельню, а меньшая часть (IX) служила михрабом (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 91).

Однако скорее можно согласиться с мнением С.С. Айдарова, который считает эту пристройку входным узлом, состоящим из тамбура и сеней, аналогичным ЮЗ входу в здание и входу в помещение VIII (Айдаров, 1976, с. 104). Это мнение подтверждается и наличием водостока, идущего от западного угла пристройки. Наличие его в мечети выглядит довольно странно.

С СВ стороны здания находилось топочное помещение (VI), сложенное из обожженного кирпича и перекрытое сводом. Над топочной камерой размещалась ровная площадка, покрытая слоем известкового раствора толщиной 10 см. В центре топочного помещения сооружена печь, состоявшая из двух частей. Пол ее углублен на 145–150 см от уровня пола здания. Перед устьем печи находилась предтопочная яма, по краям которой стояли столбы, поддерживающие, вероятно, перекрытие навеса. Из топочной камеры в сторону основных помещений отходил магистральный дымоход шириной 50 см. Под полом комнат IV и V он разветвлялся на сеть боковых каналов, идущих попарно в противоположные стороны. Отопительные системы отдельных помещений соединялись между собой дымоходами, проходящими под дверными проемами. Перекрытие всех каналов выполнено по системе ложного свода. В стенах здания обнаружено несколько вертикальных дымоходов, которые,

по мнению исследователей, служили для обогрева верхнего этажа (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 94).

Стены основных помещений здания в нижней части были облицованы тонко расколотыми известняковыми плитами. Выше они были оштукатурены и в некоторых местах по сухой штукатурке расписаны различными узорами коричневато-красной краской.

Эту постройку явно общественного характера А.Х. Халиков считал караван-сараем и датировал второй половиной X–XII вв. Следует заметить, что после арабских завоеваний на Востоке складывается достаточно стандартный и хорошо узнаваемый тип постоянного двора. Караван-сарай имели вид хорошо укрепленных крепостей с мощными стенами, башнями по углам и единственными воротами. Внутри прямоугольника стен находится двор, по периметру которого расположены помещения различного назначения: стойла для вьючных животных, склады для товаров, комнаты для гостей. Складские помещения и стойла не отапливались, а в комнатах для гостей были сделаны очаги типа тандыров или сандалов (Хмельницкий, 1992, с. 179–201; 1996, с. 288–334; Hillenbrand, 1994, p. 331–377).

Здание в Биляре не имеет такой планировки, и размеры его слишком малы для того, чтобы вместить большое количество купцов с товарами. Подробный анализ его конструктивных особенностей указывает на то, что описанное здание было баней (№ 2). Об этом свидетельствует прежде всего обычная для таких сооружений система подпольного отопления. Глубокий котлован, в который опущено здание, толстые полы, мощные стены со встроенными вертикаль-

ными дымоходами также характерны для средневековых бань. Все это необходимо для лучшей аккумуляции тепла, прогрева стен, скорейшего достижения и дальнейшего поддержания необходимой температуры внутри помещений и вовсе не указывает на наличие второго этажа. То, что исследователи считали ступенями винтовых лестниц, является остатками пристенных суф, на которых посетители оставляли свою одежду. Они сооружались уже после возведения стен здания, и поэтому кладка их сделана не в перевязку.

Полы всех комнат здания покрыты толстым слоем известкового раствора, а стены оштукатурены. Во всех трех входных узлах находились водосливные лотки. Все эти особенности говорят о том, что в здании часто и помногу текла вода, что вполне объяснимо в бане и нехарактерно для жилого комплекса. Облицованные известковым раствором углубления в полах помещений, скорее всего, служили емкостями для воды или каких-то растворов.

Если рассматривать здание в Биляре как баню, совершенно иным представляется и назначение отдельных помещений. В ЮВ части здания находился входной тамбур (XII), вслед за которым шла неотапливаемая раздевальня с суфой (XI). Отсюда проход вел в теплую мыльню (IV), в ЮЗ стене которой впоследствии была сделана дверь, ведущая в аналогичный предбанник с суфой и входным тамбуром (X, IX). Из помещения IV можно было попасть в горячие мыльни (V и VII) или же в следующее теплое помещение I. В СЗ стене комнаты I, по мнению исследователей, находился сквозной проход на улицу (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 89). Это пред-

положение кажется маловероятным, так как в условиях холодного климата совершенно нелогично соединять теплое помещение непосредственно с улицей. О том, что болгарские мастера понимали это, говорит устройство всех входных узлов описываемого здания. Окна в стенах банных построек не делались, поэтому можно предположить, что здесь в стене находилась ниша, аналогичная нише помещения II. Разнообразные ниши являются распространенной деталью интерьера бань. Они служили шкафчиками или полочками для одежды, предметов для мытья.

Следующие за комнатой I помещения II и III разделены надвое канавой глубиной 70–75 и шириной 60 см. В публикации говорится, что первоначально на месте помещения III располагалась отопительная печь, главный дымоходный канал которой шел под комнату II. При последующей перестройке печь была смещена к юго-востоку, а дымоходный канал использовали в качестве коридора (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 91). По мнению С.С. Айдарова, канал помещений II и III соединялся с подпольной системой помещения I. Он также придерживается мнения о существовании здесь топки более раннего периода (Айдаров, 1976, с. 103). Обе эти гипотезы неверны. Прежде всего, канал никак не мог соединяться с подпольным отоплением комнаты I, так как его стенки и дно обмазаны известковым раствором и на них не обнаружено ни малейших следов копоти. Маловероятно и предположение о наличии здесь первоначальной топки. Использовать этот канал в качестве топки совершенно невозможно, так как вся система подпольного отопления не только планируется, но и стро-

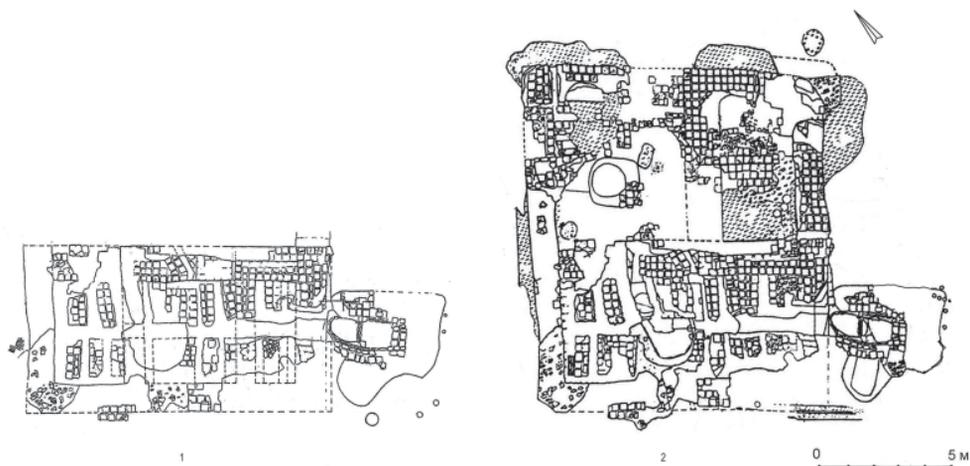

Рис. 3. Баня в центральной части Биляра (№ 3): 1 – I период;
2 – II период (по Р.Ф. Шарифуллин, 1999).

Fig. 3. Bathhouse in the centre of Bilyar (No. 3): 1 – period I;
2 – period II (after R.F. Sharifullin, 1999).

го нивелируется заранее таким образом, чтобы дно каналов повышалось от топки к вертикальным дымоходам. Этот строительный прием был разработан в античное время и описывается у Витрувия (Витрувий, 1936, с. 145). Использование канала в качестве коридора представляется крайне неудобным. Конструкция канала свидетельствует о том, что он имел отношение к системе водостока, поэтому и облицован водостойким раствором. Понижаясь в сторону помещения III, он выводил сточные воды за СВ стену. Где и чем заканчивался канал неизвестно, так как на северо-востоке его и часть стены здания перерезает поздняя яма. В помещениях канал, вероятнее всего, был перекрыт сверху досками, так как на дне его обнаружен древесный тлен.

Комнаты II и III могли быть прохладными мыльнями или помещениями для процедур. Углубления в полу помещения II, облицованные штукатуркой, являлись, вероятно, небольшими резервуарами для лечебных или мыльных растворов. В помещении III

действительно могли находиться жаровни, так как подпольное отопление здесь отсутствует. Для дополнительного обогрева могла служить и небольшая печка.

В ЮВ части здания находилась сильно обогреваемая комната VIII, не соединенная с другими. С юго-востока к ней примыкают холодные сени с суфой и входной тамбур. Предположение о том, что здесь находился склад, представляется нелогичным. Непонятно, почему под складское помещение была отведена одна из самых теплых комнат дома, почему в него вел столь сложно устроенный входной узел и для чего проложен желоб для стока воды. Вероятнее всего, весь ЮВ блок помещений был особым отделением бани, состоящим из тамбура, раздевальни и горячей мыльни. Возможно, это отделение было женским. Женские отделения значительно меньших размеров, нежели мужские, часто встречаются в банях, например, в Средней Азии (Воронина, 1983, с. 137).

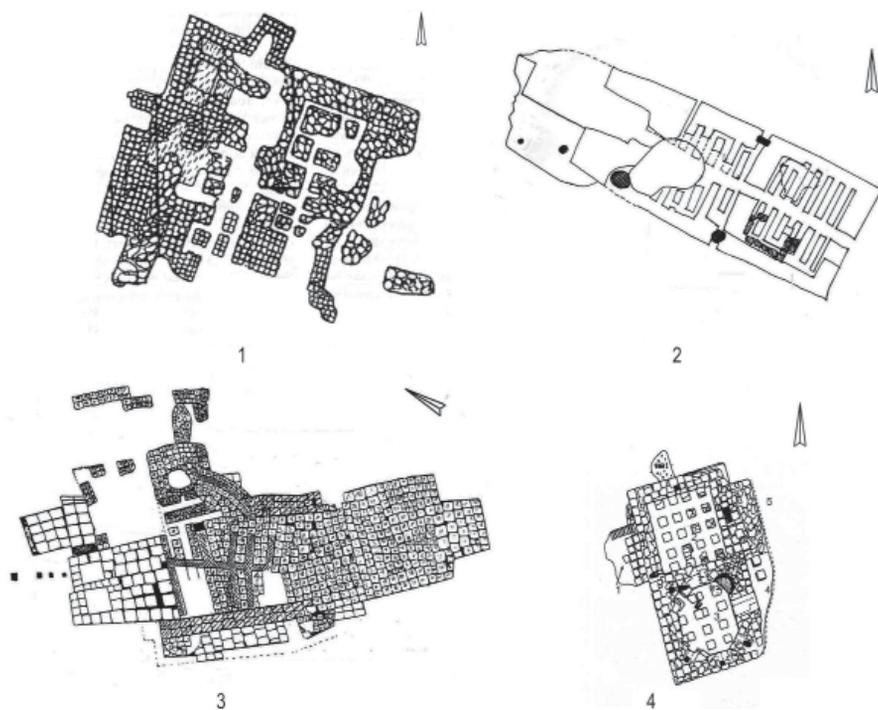

Рис. 4. Бани Волжской Болгарии домонгольского периода: 1 – в Муромском городке (по И.Б. Васильев и Г.И. Матвеева, 1986); 2 – в Хулаше (по А.П. Смирнов, В.Ф. Каховский, 1972); 3 – дом с подпольным отоплением в Суваре (по А.П. Смирнов, 1941); 4 – на Красносундюковском городище (по Ю.А. Семькин, 1993).

Fig. 4. Bathhouses of Volga Bulgaria of the Pre-Mongol period: 1 – Muromsky town (after I.B. Vasiliev and G.I. Matveeva, 1986); 2 – Khulash (after A.P. Smirnov, V.F. Kakhovsky, 1972); 3 – house with underfloor heating in Suvar (after A.P. Smirnov, 1941); 4 – Krasnoe Syundyukovo fortified settlement (after Yu.A. Semykin, 1993).

Остается ответить на вопрос, как поступала в баню вода. Скорее всего, ее набирали в колодце, который и был обнаружен недалеко от ЮВ фасада здания (Халиков и Шарифуллин, 1976, с. 81–82). Воду заливали в цистерну, находившуюся прямо над печью. О наличии цистерны свидетельствует ровная площадка, покрытая толстым слоем водостойкого раствора. Водопроводной системы в здании не было, поэтому, вероятно, воду черпали через окошечки в цистерне и разносили по комнатам. Кстати говоря, кувшины и кринки, т. е. сосуды, употреблявшиеся для разноса воды, составляют 27% всей керамики из раскопа (Григорьева и др., 1976, с. 211). Использованная

вода удалялась по водосточной системе, описанной выше.

Что касается предложенной С.С. Айдаровым реконструкции внешнего вида здания (рис. 2: 2), основанной на неверном определении его назначения, то ее нельзя считать соответствующей действительности. На рисунке изображена двухэтажная постройка с высоким в два этажа порталом, перекрытая очень высокой шатровой крышей. Как уже отмечалось, значительная толщина стен и наличие возвышений (суф) в тамбурах отнюдь не доказывают наличие второго этажа. Проблематичным представляется и перекрытие одним шатром здания размерами 17×15 м. Кстати говоря,

постоялые дворы с шатровым перекрытием в мусульманской архитектуре неизвестны. Если исходить из того, что здание «караван-сарая» являлось баней, то реконструировать его внешний облик несложно. Большая часть его помещений квадратные или близкие к квадрату в плане. Они были перекрыты куполами (рис. 2: 3). Как и все восточные бани, здание было одноэтажным, невысоким.

В центре Биляра раскопана еще одна баня домонгольского периода (Шарифуллин, 1999, с. 81–86; История татар, 2006, с. 217–219). Здание было построено из обожженного кирпича и имело развитую систему подпольного отопления (рис. 3). В I периоде оно состояло из трех отапливаемых помещений, расположенных в один ряд. Впоследствии с СВ стороны были пристроены дополнительные комнаты.

Бани были распространены и в других городах Волжской Болгарии. В Муромском городке исследованы четыре бани с подпольным отоплением. Планы двух бань, раскопанных В.В. Гольмстен, не сохранились (Васильев, Матвеева, 1986, с. 180). Баня у СЗ ворот (рис. 4: 1) состояла из помещений, расположенных в два ряда, баня в ЮЗ части города исследована частично, поэтому о ее планировке судить невозможно (Васильев, Матвеева, 1986, с. 174–180).

Баней простой линейной планировки являлось небольшое здание XII в. на городище Хулаш (Смирнов, Каховский, 1972). Оно состояло из двух отапливаемых помещений и топки (рис. 4: 2).

Раскопки в Суваре обнаружили здание, подвергавшееся многочисленным перестройкам на протяжении X–XIV вв. (Смирнов, 1941, с. 149–159).

Планировка его не совсем понятна (рис. 4: 3), но под полом одного из помещений имелась система жаропроводящих каналов, соединенная с овальной топкой. Также были обнаружены остатки облицовки стен и полов известковым раствором и обломки водопроводных труб. Вероятнее всего, это здание или его часть является баней простейшей планировки.

На I Красносундюковском городище в Ульяновской области также исследовано здание бани с подпольным отоплением типа гипокаустов (Семькин, 1993). Постройка частично разрушена, но в целом ее планировку можно определить как состоящую из нескольких рядов помещений (рис. 4: 4).

Таким образом, общественные бани с подпольным отоплением появились в Волжской Болгарии еще до монгольского завоевания. Скорее всего, это было связано с принятием мусульманства. Все здания домонгольского периода состоят из прямоугольных в плане помещений, расположенных в один или несколько рядов. Такая структура банных построек появилась еще в римское время и продолжала существовать в различных странах до современности. В Биляре баня № 3 в первом периоде относится к I типу (линейная планировка). Бани №№ 1, 2 и № 3 во втором периоде можно отнести к типу II (Зиливинская, 2001, с. 202–204; 2011, с. 79–209). Они состоят из прямоугольных и квадратных в плане помещений, расположенных в несколько рядов. Их планировка более всего напоминает баню XI–XII вв. в Таразе (Бернштам, 1940, с. 177–183; Сенигова, 1972, с. 129), баню на окраине Дманиси (Воронина, 1983, с. 148), дворцовую баню в Ани (Халпахчян, 1960, с. 216).

В заключение хотелось бы сказать, что высказанные замечания никоим образом не умаляют заслуг основоположников и классиков болгарской археологии. Относясь к ним с глубочайшим уважением и пиететом, тем не менее, нельзя считать все их идеи раз и навсегда сложившейся догмой. Наука должна развиваться, и многое в ней должно быть пересмотрено, подвергнуто аргументированной критике, на

основании которой могут возникнуть новые научные гипотезы. Волжская Болгария была действительно значительным государством для своего времени, но Великий город не станет менее великим, если мечети в нем были не размером в современные пятиэтажные здания, а имели высоту 5–7 м (как в большинстве стран Востока), а рядом с мечетью стоял не дворец, а другое общественное здание – баня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров С.С.* Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 101–112.
2. *Бернштам А.Н.* Баня древнего Тараза и ее датировка // Труды отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л. 1940. С. 177–183.
3. *Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1986. 232 с.
4. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. Т. I / Пер. Ф.А. Петровского. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1936. 331 с.
5. *Воронина В.Л.* Об узбекских банях // СЭ. 1951. № 1. С. 115–137.
6. *Воронина В.Л.* Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследие. № 31 / О.Х. Халпахчян. М.: Стройиздат, 1983. Вып. 31. С. 133–167.
7. *Григорьева Г.В., Терехина Л.С., Терехина Н.А., Халиков А.Х.* Гончарная керамика Билярского городища (по материалам раскопок 1967–1972 гг.) // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 186–212.
8. *Зиливинская Э.Д.* Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // СА. 1989. № 4. С. 223–234.
9. *Зиливинская Э.Д.* Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований / Отв. ред. А.С. Смирнов. М.: ИА РАН, 2001. С. 174–226.
10. *Зиливинская Э.Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2011. 252 с.
11. *Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.* Раскопки общественного центра в аристократическом районе Сарая // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2011. № 1. С. 204–213.
12. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во РухИЛ, 2005. 1056 с.
13. *Семыкин Ю.А.* Исследование бани на I Красносундюковском городище // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1993. С. 219–230.
14. *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз, Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.
15. *Смирнов А.П.* Сувар // Работы археологических экспедиций / Труды ГИМ. Вып. 16 / Под ред. Д.Н. Эдингга. М.: ГИМ, 1941. С. 135–170.
16. *Смирнов А.П.* Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.
17. *Смирнов А.П., Каховский В.Ф.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1972. С. 3–73 с.
18. *Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф.* Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.
19. *Халиков А.Х.* Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья / Под ред. А.Х. Халикова. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 11–20.
20. *Халпахчян О.Х.* Средневековые бани Армении // СА. 1960. № 1. С. 215–230.

21. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига: «GamaJun», 1996. 336 с.

22. Шарифуллин Р.Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 77–89.

23. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia university press, 1994. 645 p.

Информация об авторе:

Эмма Давидовна Зиливинская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); eziliv@mail.ru

MONUMENTAL STRUCTURES OF BILYAR: NEW APPROACH. BUILDINGS WITH UNDERFLOOR HEATING

E.D. Zilivinskaya

The article discusses the monumental buildings of Bilyar, located in the citadel of the fortified settlement. Great mosque of Bilyar and other public buildings were investigated in the 70s of XX century. At the same time their reconstruction, which became canonical were made. Consideration of Bilyar buildings in the context of the architecture of the entire Muslim world makes it possible to make some adjustments both in the interpretation of buildings and in the elements of their reconstruction. The building with underfloor heating near the Juma mosque was considered the house of a feudal lord and was reconstructed as a two-story domed building. Another multi-room building with heated floors was interpreted as a caravanserai. Underfloor heating, plastering floors and walls with a water-resistant mortar, and a water drainage system indicate that these buildings were public baths. Like all eastern baths, they had one floor and were multi-domed buildings.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Bilyar, monumental buildings, stone buildings, underfloor heating, baths, reconstruction.

REFERENCES

1. Aidarov, S. S. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 101–112 (in Russian).

2. Bernshtam, A. N. 1940. In *Trudy otdela kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of Oriental Culture and Art of the State Hermitage)* 2. Leningrad, 177–183 (in Russian).

3. Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1986. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya (At the Origins of the History of the Samara Volga Region)*. Kuybyshev: "Kuybyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

4. Vitruvii 1936. *Desyat' knig ob arkhitekture. T. I (Ten Books on Architecture)*. Moscow: "Vsesoyuznaya Akademiya arkhitektury" Publ. (in Russian).

5. Voronina, V. L. 1951. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 115–137 (in Russian).

6. Voronina, V. L. 1974. In Khalpakhch'ian, O. Kh. (ed.). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 31. Moscow: "Stroiizdat" Publ., 133–167 (in Russian).

7. Grigor'eva, G. V., Terekhina, L. S., Terekhina, N. A., Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 186–212 (in Russian).

8. Zilivinskaya, E. D. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 223–234 (in Russian).

9. Zilivinskaya, E. D. 2001. In Smirnov, A. S. (ed.). *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy (Practice and Theory of Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 174–226 (in Russian).

10. Zilivinskaya, E. D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture)*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House (in Russian).

11. Zilivinskaya, E. D., Vasil'ev, D. V. 2011. In *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura (The Caspian Region: politics, economics, culture)* (1), 204–213 (in Russian).

12. In F. Sh. Khuzin (ed.). 2005. *Istoriia tatar (History of the Tatars) 2*. Kazan: "RukhIL" Publ. (in Russian).
13. Semykin, Yu. A. 1993. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Studies in the Volga Region)*. Samara: Samara State University, 219–230 (in Russian).
14. Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovyi Taraz (Medieval Taraz)*. Alma-Ata: "Nauka", Publ. (in Russian).
15. Smirnov, A. P. 1941. In Eding D. N. (ed.). *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii (Activities of Archaeological Expeditions)* Series: Proceedings of the State Historical Museum 16. Moscow: State Historical Museum, 135–170 (in Russian).
16. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
17. Smirnov, A. P., Kakhovskii, V. F. 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamyatniki srednevekov'ya Chuvashskogo Povolzh'ya (Khulash Fortified Settlement and the Medieval Sites in the Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–73 (in Russian).
18. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Investigations of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 75–100 (in Russian).
19. Khalikov, A. Kh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Biliar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 11–20 (in Russian).
20. Khalpakhch'ian, O. Kh. 1960. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 215–230 (in Russian).
21. Khmel'nitskii, S. 1996. *Mezhdru Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI – nachala XIII vv. (Between Samanids and Mongols: Architecture of Central Asia in 11th – Early 13th Centuries)*. Part I. Berlin; Riga: "Gamajun" Publ. (in Russian).
22. Sharifullin, R. F. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Cities)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 77–89 (in Russian).
23. Hillenbrand, R. 1994. *Islamic Architecture*. New-York: Columbia university press.

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

ПЛАНИГРАФИЯ СООРУЖЕНИЙ ЗОЛОТАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2020 г. Г.Н. Белорыбкин, Т.В. Осипова, А.С. Соболев

В статье рассматриваются сооружения Золотаревского городища (средневековая крепость в верховьях р. Сура, Пензенская область) как с точки зрения строительных технологий, так и со стороны их планиграфии. Были выявлены зоны жилой застройки и зоны хозяйственных и производственных сооружений. Сами постройки расположены по территории городища хаотично, но привязаны к внутренним дорогам. Средние размеры жилых сооружений составляют 4×3 м, хозяйственных – 2×2 м. Очаги для приготовления пищи расположены, как правило, в стороне и огорожены плетнем. Среди особенностей можно выделить два длинных сооружения (казармы) с утрамбованной площадкой между ними. Изучение этих материалов позволило выявить также традиции Древней Руси и Волжской Болгарии. Авторами особое внимание уделено защитным сооружениям, которые формировались на протяжении многих лет с X по XIII век и сохранили ряд уникальных элементов. В первую очередь – это ловчие ямы, расположенные в шахматном порядке с напольной стороны городища, а также обмазка рва глиной и внутренние дорожки вдоль вала. Все это делает Золотаревское поселение опорным памятником средневековой истории Восточной Европы.

Ключевые слова: археологический комплекс, средневековье, Восточная Европа, Золотаревское городище, сооружения: жилые, хозяйственные, оборонительные, планиграфия.

Рассматриваемые объекты сконцентрированы на городище и отображают различные эпохи и способы постройки. Рядом с постоянными сооружениями встречено большое количество временных и вследствие этого слабо фиксируемых конструкций, ям и очагов.

В верхнем слое памятника (рис. 1) найдено большое количество различных сооружений. Это в первую очередь очаги, от которых остались углистые пятна. Помимо очагов на городище исследовано тринадцать жилых построек, две казармы и тренировочный плац, караульное помещение, деревянная мостовая, дорога, амбары и иные сооружения хозяйственного и производственного назначения. Все они находятся по отдельности и не перекрываются. Жилые постройки №№ 1 и 4, амбар (жилище 3 – по М.Р. Полесских), зерновые ямы были обнаружены на глубине 20 см от по-

верхности, жилище № 2 – на глубине 40 см. Все объекты сгорели, о чем говорит большое количество угля и обгоревшее зерно. Внутри сооружений находок нет, за исключением жилища № 4.

Жилые постройки №№ 1 и 2 имеют каркасно-столбовую конструкцию (Полесских, 1960, 1966). От них остались ямы небольшой глубины (40 см) размером 1–4×3,5 м, 2–3×2 м с закругленными углами (рис. 3: I, II). Вдоль края ям идут пятна от жердей и столбиков от стен. По мнению М.Р. Полесских, это следы от шалашей (Полесских, 1960). На наш взгляд, это жилые постройки с плетеными стенами, стоящими отвесно, о чем говорят и ямки глубиной 5 см от жердей, некоторые из них имеют наклон в различные стороны, а часть стоят вертикально.

Внутри жилых построек зафиксировано несколько очажных пятен без дополнительных конструкций. Рядом

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 18-49-580009/19.

Рис. 1. План Золотаревского городища.

Fig. 1. Plan of the Zolotarevka fortified settlement

встречаются небольшие камни, но их мало. В домах 1 и 2 очаги размещались по центру.

По типу жилые постройки Золотаревского городища близки к юртообразным жилищам кочевников периода их оседания, когда стали появляться гибридные юрто-полуземляночные жилища (VIII–IX вв.) (Плетнева, 1967). В центре этих сооружений размещался очаг. Если взять во внимание то обстоятельство, что они имели вытянутую квадратную форму, а очаги не имели конструкций, то становится возможным отнести их к более позднему времени (X–XI вв.). Об этом же свидетельствует и наличие в домах фрагментов гончарной посуды.

Жилая постройка № 4 представляет собой срубное сооружение (Полесских, 1966) (рис. 3: III). От нее

осталась яма глубиной 40 см размером 5,2×2,8 м. В углу найдено пятно от очага. Столбовые ямы не зафиксированы, собственно это и позволяет отнести постройку № 4 к срубному жилищу. Тут были найдены: железный замок, ключ, два наконечника стрел, металлическая бусина, браслет, три рыболовных крючка, перекрестье сабли, сердоликовая бусина. Железный замок (XII–XIII вв.), наконечники стрел (XIII–XIV вв.), перекрестье сабли (XI–XIII вв.) датируют это сооружение XII–XIII вв. Около постройки № 4 зафиксирована яма № 1, где было обнаружено кресало с волнообразным вырезом, датирующееся первой половиной XIII в.

К подобному же типу отнесены два сооружения прямоугольной формы возле валов на первом секторе поселения, которые М.Р. Полесских связы-

Рис. 2. Реконструкция Золотаревского городища.

Fig. 2. Reconstruction of Zolotarevka fortified settlement.

вал с останками погребения. Скорее всего, это все же остатки жилых сооружений (рис. 3: V; 4: 1–2). Комплект предметов (молоточек, пуансон) в сооружении у поперечного вала позволяет связать его с мастерской ювелира (рис. 3: VI; 4: А). Этот вариант полуземлянок был очень распространен как в болгарских (Хузин, 1979, с. 68), так и в славянских (Древняя Русь, 1985, с. 139), салтовских (Плетнева, 1967, с. 59) и иных памятниках, и бытовал довольно широко.

В целом можно отметить, что для планиграфии Золотаревского городища характерна хаотичная застройка с выделением жилых и хозяйственных зон (рис. 4–5).

Хозяйственные постройки (рис. 3) представлены большим количеством наземных сооружений, хозяйственных ям, очагов. В первую очередь, это следы от амбара (жилище № 3 в 1 секторе – по М.Р. Полесских), стены которого были изготовлены из переплетенных веток и жердей, пятна от них сохранились вокруг котлована глубиной 40 см и размером 4×2,5 м (рис. 3: IV). В центре амбара сохра-

нились следы от ямы (1×0,4 м) с корытообразным дном глубиной 70 см. В амбаре было найдено большое количество сожженного зерна, как россыпью, так и в комках. Другой амбар в 3 секторе был построен из бревен в виде сруба и был забит обугленным зерном (рис. 5: А).

К амбару в 1 секторе, скорее всего, примыкала наземная конструкция, где пряли пряжу (рис. 4: Б). Вывод сделан на основании большого количества пряслиц, найденных на этом месте (15 шт.). Тут же был найден ювелирный молоточек, что связывает это сооружение с домом ювелира.

Хозяйственные ямы, в основном зерновые, имеются возле каждого жилого сооружения. Над ними сооружались навесы, от которых сохранились столбовые ямки. Ямы имеют, как правило, округлую и овально-вытянутую форму в плане и округлую и цилиндрическую – в профиле.

Возле хозяйственных построек, вблизи с домами, размещались открытые **очаги** (рис. 4–5), над которыми были сделаны навесы, о чем свидетельствуют следы от столбовых

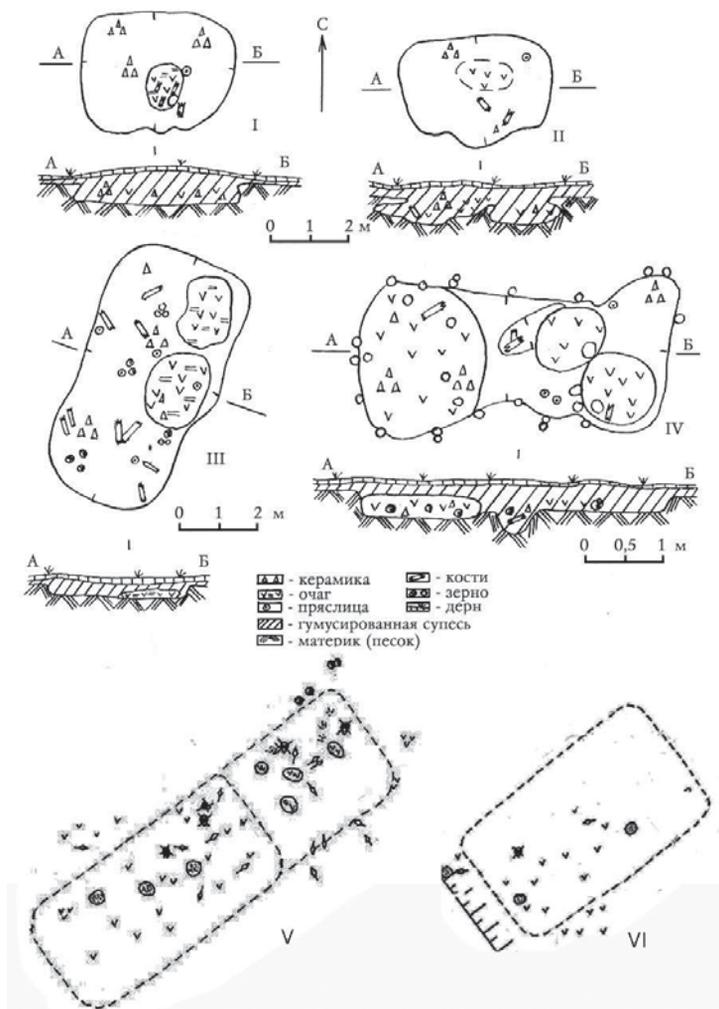

Рис. 3. Планы жилых (I–III, V) и хозяйственных (IV, VI) сооружений Золотаревского городища (по М.Р. Полесских).

Fig. 3. Plan of residence (I–III, V) and (IV, VI) housekeeping constructions of Zolotarevka fortified settlement (according to M.R. Polesskikh)

ям. Очаги размером приблизительно 50×50 см и глубиной 15–20 см, линзовидного или же овального сечения сооружались из камней и обмазывались глиной. Очаги, которые находились на глубине 40 см от поверхности, сохранились хорошо и четко фиксируются на фоне серой супеси, другие, найденные в верхнем слое, смешаны с углистыми пятнами от пожарищ. Скорее всего, эти очаги применялись

для приготовления еды. Для этого же применялись и открытые очаги, которые встречаются как на самом Золотаревском городище, так и на селищах, где рядом с очагами найдены еще и фрагменты медных котлов.

Фортификации. На первом от оконечности мыса поперечном валу городища был сделан разрез, позволивший изучить приемы строительства оборонительных сооружений.

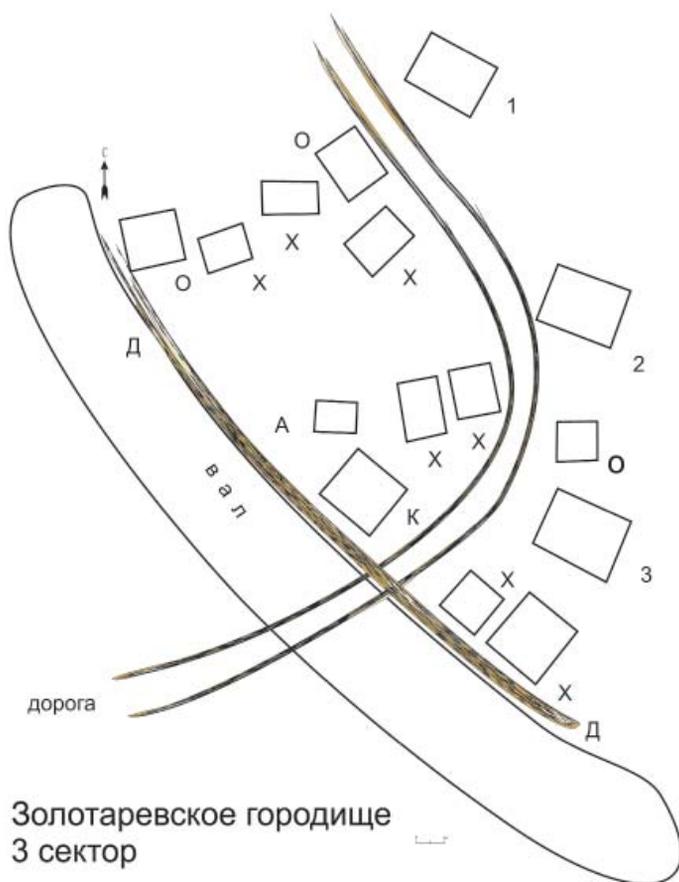

Рис. 4. Планиграфия 1 сектора Золотаревского городища.
 Fig. 4. Planigraphy of Zolotarevka fortified settlement's 1st sector

Наибольшая высота вала составила 2 метра, ширина – 14 метров. Ров перед валом был обмазан глиной и обожжен. А у третьего поперечного вала с внутренней стороны располагалась деревянная мостовая.

Стратиграфия вала (рис. 7–8) представляет собой чередующиеся тонкие прослойки, идущие у основания вала параллельно друг другу. В верхней части насыпи слои гораздо шире и расположены неравномерно. Сверху в данный момент находится слой отвала от раскопок 1965 года М.Р. Полесских (Полесских, 1966). Под ним остался слой гумуса (модер-гумус) толщиной 5–10 см, идущий по всей поверхности укрепления. В центре насыпи под гумусом залегает слой буровато-охристого светлого песка толщиной около 80 см, который неравномерно располагается по поверхности вала. Такой цвет песок мог получить под воздействием огня. Под песком за-

фиксирован слой мульт-гумуса толщиной около 60 см, переходящий с внутренней стороны укрепления в культурный слой. Границы слоя и сверху и снизу неравномерные. В центре и с внутренней стороны оборонительного сооружения данный слой достаточно рыхлый с большим количеством угля. В настоящее время здесь растут деревья. Тут же зафиксирована и самая большая толщина слоя, который заканчивается внутри вала узкой полосой толщиной всего 8 см, поднимающейся на поверхность. В данном слое фиксируются фрагменты гончарной посуды и кости животных. Скорее всего, это остатки культурного слоя. С наружной стороны вала непосредственно под дерном находится насыпь, состоящая из смеси охристо-желтого суглинка, светлого и зеленовато-желтого песка, органических остатков. Толщина слоя в центре – 55 см. Внутри насыпи фиксируют-

Золотаревское городище 3 сектор

- 1-3 - Жилища
- X- Хозяйственные сооружения
- o - очаг
- A - амбар
- K - караулка
- D - деревянная дорожка

Рис. 5. Планиграфия 3 сектора Золотаревского городища.

Fig. 5. Planigraphy of Zolotarevka fortified settlement's 3rd sector

ся линзы сероватых и буровато-серых морфонов: одна в центре толщиной 20 см и одна сбоку. Слой серых морфонов толщиной 10 см есть и в основании этой насыпи. Под ним найден слой муль-гумуса толщиной 15 см с четкой границей наверху и размытой снизу. Это остатки культурного слоя, верхняя часть которого счищена, а на нее насыпана прослойка, состоящая из серых морфонов, залегающая непосредственно под гумусом. С наружной

стороны данной насыпи обнаружена яма, заполненная переотложенным серым гумусом с фрагментами угля и сгнившей древесиной. Скорее всего, эта яма является вывалом свалившегося дерева, как и еще два, найденных ниже по склону вала. На дне второй ямы образовались полосы перемыва, что, бесспорно, связано с длительностью наполнения ямы. Сегодня на данном месте растет молодое дерево. Между ямами под дерном находится

Рис. 6. Реконструкция сооружений 3 сектора Золотаревского городища (Вид с запада).

Fig. 6. Reconstruction of constructions of sector 3 of Zolotarevka fortified settlement (West View).

полоса бурой смеси, схожей со смесью из насыпи.

Структура нижних слоев отличается от верхних и похожа на слоеный пирог с тонкими чередующимися прослойками, вытянутыми практически по всей длине вала. В центре остался маленький слой желтого песка, а под ним идет слой смеси охристо-желтого суглинка толщиной до 5 см, светлого желтого песка и органических остатков. Данный слой остался только во внешней половине вала. Ниже идет слой желтого песка толщиной до 30 см, свойственного для материкового грунта, на глубине 1,4 м от погребенной почвы. Как раз отсюда он и попал в насыпь вала. Под песком зафиксирована насыпь смеси охристо-желтого суглинка, светлого и зеленовато-желтого песка, органических остатков толщиной до 0,5 м, края которой несколько опущены книзу, особенно с

внешней стороны. Внутри данной насыпи находятся две большие линзы, находящиеся друг над другом. Сверху линза толщиной до 30 см из охристо-желтого суглинка, серой пятнистой смеси желто-палевого суглинка, розовато-серого песка и органических остатков, снизу линза толщиной до 30 см из сероватых и буровато-серых морфонов. Между ними сохранилась прослойка бурой смеси. В центре вала от нижней линзы из морфонов идет углубление в материк в виде клина длиной 30 см. Он прорезает слой погребенной почвы толщиной до 7 см, слой желто-палевого суглинка и белого песка. Сама погребенная почва, скорее всего, не трогалась, а была завалена сверху насыпью.

С наружной стороны вала были выявлены остатки небольшого рва, наполненного белым песком. Сверху его перекрывает слой желтоватого

Рис. 7. Стратиграфия вала Золотаревского городища.

Fig. 7. The stratigraphy of the shaft of the Zolotarevka fortified settlement.

песка и бурой смеси. Слоистая структура говорит о постепенном заплывании вала, пока не сгорела крепостная стена. Об этом свидетельствует наличие двух угольных полос в середине засыпки рва, повторяющих его контуры. Потом вал был засыпан песком желтого цвета, взятым, скорее всего, из нового рва.

Материк представляет собой поочередно расположенные слои желто-палевого суглинка вперемежку с белым песком и слоистой структурой возле рва. Сверху это прослойки толщиной до 15 см, внизу их толщина доходит до 0,5–0,7 м. Ещё ниже залегает желтый песок.

Из представленной стратиграфии можно проследить этапы землепользования и технологию постройки вала.

Непосредственно на материке фиксируется погребенная почва, в которой были выявлены фрагменты глиняной посуды, относящейся к городищской культуре III–IV вв. Жившие на данной

территории племени активно обрабатывали землю. Плодородный слой был не очень толстым, вследствие чего при распашке захватывались и материковые слои суглинка и песка. Все это привело к образованию четких границ между слоями. Охристый цвет в почве, как правило, бывает при применении подсеčno-огневой системы земледелия, при которой сжигали растительность и перепаживали золу с прокаленной землей.

Последующее использование почвы непросто определить, потому что позднее, вероятно в VIII в., поверхность была зачищена и на данном месте построили вал. В ходе строительных работ в центре были забиты толстые колья, чуть выступавшие над поверхностью, и вдоль них была сооружена подушка из морфонов серого цвета или настил. Потом все это было засыпано землей, снятой по краям вала, и вновь уложен слой суглинка, скрепивший основание вала. Данный слой, как и все последующие,

Рис. 8. Реконструкция крепостной стены и проездной башни Золотаревского городища.

Fig. 8. Reconstruction of the fortress wall and the passage tower of Zolotarevka fortified settlement.

укладывался со сдвигом к внешней стороне. Сверху снова засыпалась земля, таким образом получилась насыпь в виде бугра. Для выравнивания поверхности была сооружена песчаная подушка из песка желтого цвета, взятого из рва. Все это вновь засыпалось почвой. Далее подсыпали ещё слой песка и слой из серых морфонов.

Это первая оборонительная конструкция городища, на которой была построена крепостная деревянная стена. Перед ней был выкопан ров глубиной до 2,5 м, куда, вероятно, в X веке и рухнула сгоревшая стена. В дальнейшем вал не использовался и на его поверхности образовался толстый слой мульт-гумуса, который был изрыт кротовинами, поэтому нижняя граница этого слоя стала размывтой. Как выглядела крепостная стена представить сложно, потому что в начале XIII в. верхняя часть вала была снесена и перестроена. На внешнем краю вала построили стену, основание которой

было засыпано. Внутренняя часть вала была досыпана песком. Вполне вероятно, что это заполнение упавшей стены, если учитывать, что охристый цвет песка мог появиться в результате сильного обжига. Вероятнее всего, однако, что стена сохранялась долгое время и постепенно разрушилась, а ее остатки осыпались, о чем говорит мощный слой бурой смеси с органикой.

Исследование вала показало, что при строительстве оборонительных фортификаций применялись особые технологии, а строительство велось строго в соответствии с планом. Вначале был сооружен невысокий вал со слоистой структурой, а вслед за ним, через какое-то время, построен еще один вал со стеной. Впоследствии, после гибели памятника, деревянная стена постепенно разрушилась.

По технологическим способам строительства и конструктивным особенностям вал Золотаревского го-

родища во многом похож на валы Неключовского, где тоже выравнивались слои насыпи без деревянных конструкций (Пономаренко Е.В., 1995). Есть сходства и с валами иных памят-

ников Верхнего Посурья, что позволяет сделать предположение о местных особенностях строительства оборонительных сооружений и наличии специалистов-фортификаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с.
2. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.
3. Полесский М.Р. Отчеты об археологических исследованиях в Пензенской области за 1960, 1966 гг. // Архив ИА РАН.
4. Пономаренко Е.В., Офман Г.Ю., Пономаренко С.В. Анализ природной среды и природопользования в лесостепной зоне в средние века на примере городищ Пензенской области // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 3–32.
5. Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. 1979. С. 62–99.

Информация об авторах:

Белорыбкин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор. Институт непрерывного образования, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); belorybkin@gmail.com

Осипова Татьяна Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); to212@mail.ru

Соболь Ариэль Станиславович. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); arielwww@mail.ru

SPATIAL ANALYSIS OF THE ZOLOTAREVKA FORTIFIED SETTLEMENT STRUCTURES²

G.N. Belorybkin, T.V. Osipova, A.S. Sobol

The article examines the structures of the Zolotarevka fortified settlement (a medieval fortress in the upper reaches of the Sura River, Penza region), both from the points of view of building technologies and of spatial analysis. The zones of residential buildings and zones of economic and industrial structures were identified. The buildings themselves were located chaotically along the territory of the fortified settlement but were tied to internal roads. The average size of residential buildings was 4×3 m, and the economic – 2×2 m. Usually the pockets for cooking were located next to the side and fenced with wattle. Among the features two long structures (barracks) with a rammed platform between them may be singled out. The study of these materials also made it possible to identify the traditions of Ancient Russia and Volga Bulgaria. Particular attention is paid by the authors to the defensive structures that were formed over the years from 10th to 13th centuries and retain a number of unique elements. First of all, these were trapping pits located in a checkerboard pattern on the floor side of the settlement as well as coating the ditch with clay and internal paths along the rampart. To summarize, these facts make the Zolotarevka fortified settlement a reference monument of the medieval history of Eastern Europe.

Keyword: archaeological complex, Middle Ages, Eastern Europe, Zolotarevka fortified settlement, residential, economic and defensive constructions, spatial analysis.

The work was supported by the RFBR, grant no. 18-49-580009/19.

REFERENCES

1. In Kolchin, B. A. (ed.). 1985. *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village)*. Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 6(20). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo -Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Poleskikh, M. R. *Otchety ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoi oblasti za 1960, 1966 gg. (Reports on Archaeological Studies in the Penza Region in 1960 and 1966)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. (in Russian).
4. Ponomarenko, E. V., Ofman, G. Yu., Ponomarenko, S. V. 1995. In Kasimov, A. S.(ed.). *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya (Pages of the History of the Volga-Don Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 3–32 (in Russian).
5. Khuzin, F. Sh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkhologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Region (Archaeological Study of the Center of Biliar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 62–99 (in Russian).

About the Authors:

Belorybkin Gennadiy N. Doctor of Historical Sciences. Professor. Penza State University, Krasnaya St. 40, Penza, 440026, Russian Federation; belorybkingn@gmail.com

Osipova Tatiana V. Candidate of Historical Sciences. Penza State University, Krasnaya St. 40, Penza, 440026, Russian Federation; to212@mail.ru

Sobol Ariel S. Penza State University, Krasnaya St. 40, Penza, 440026, Russian Federation; arielwww@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

УДК 902.01 904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.170.184>

ПОГРЕБЕНИЕ С СЕВЕРНОЙ ОРИЕНТИРОВКОЙ НА МУСУЛЬМАНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ В БОЛГАРЕ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖЕЛЕЗНЫХ КОНУСОВ

© 2020 г. И.Р. Газимзянов, И.И. Дремов

При раскопках мусульманского могильника в Болгаре второй половины XIV – начала XV вв. было встречено женское кочевническое захоронение с северной ориентировкой (погребение 4, раскоп СXXXIV (134)). В статье анализируются находки из этого погребения. В нем находились четыре разноцветные пастовые бусины, нож, бронзовое зеркало и восемь железных полых конусов. Учтено 37 погребений с конусами, принадлежавшие населению Золотой Орды. Большинство из них совершены по монгольской погребальной традиции с северной ориентировкой. Эти предметы встречались в погребениях с ориентировками северного направления в 65% случаев, западного – 22%, восточного – 13% случаев. Обычно конусы находятся в сосудах, плошках или рядом с ними. Отсутствуют крепежные отверстия и крепежные детали. Конусы связаны с буддийской религией и используются в ритуале в качестве формы для изготовления цаца. Цаца изготавливались в ритуалах при исполнении погребальных обрядов. Сосуды могли содержать священные ингредиенты для добавления к глине. Плошки и обломки металлических сосудов использовались для ароматических воскурений или в качестве подставок при изготовлении цаца. По мнению авторов, появление железных конусов в погребальных комплексах Золотой Орды связано с распространением буддизма у монголов.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Болгарское городище, мусульманский могильник, погребение кочевника, монгольские традиции, железные конусы, буддийские цаца.

В 1998 г. экспедицией под руководством И.Р. Газимзянова был раскопан участок могильника у восточного въезда на Болгарское городище, разрушающийся грунтовой дорогой (раскоп № СXXXIV (134)). На данном участке были выявлены 12 погребений, 8 из которых исследованы полностью (рис. 1) (Газимзянов, 1999 (Отчет); Газимзянов, 1999, с. 47–48). Семь из восьми погребений (5 детских и 2 взрослых) были совершены в простых ямах от 20 до 70 см глубиной, расположенных рядами по оси ЗСЗ – ЮЮВ, встречался тлен от гробов (рис. 2). Скелеты плохой сохранности лежали, как правило, вытянуто на спине или с разворотом на правый бок, ориентированы головой в ЮЗ и З направлении, а лицевой частью – вверх или к югу, что в совокупности с отсутствием вещевого инвентаря позволяет отнести данные погребения

к мусульманским (Халикова, 1986). Небольшая глубина захоронений и использование деревянных «гробов» при погребении умершего характерны как для средневековых мусульманских некрополей Среднего Поволжья, так и для городских кладбищ Болгара (Ефимова, 1974; Халикова, 1986; Яблонский, 1987). Время начала использования данного некрополя, скорее всего, относится ко второй половине XIV в., так как погребения прорезают культурный слой золотоордынского времени с находками первой половины XIV в. При этом погребение 8 было впущено в постройку, засыпанную, вероятно, в конце первой четверти XIV в. при строительстве вала, когда все сооружения у вала были разрушены и засыпаны (Краснов, 1987, с. 109). Время окончания функционирования кладбища у восточного проезда можно отнести к

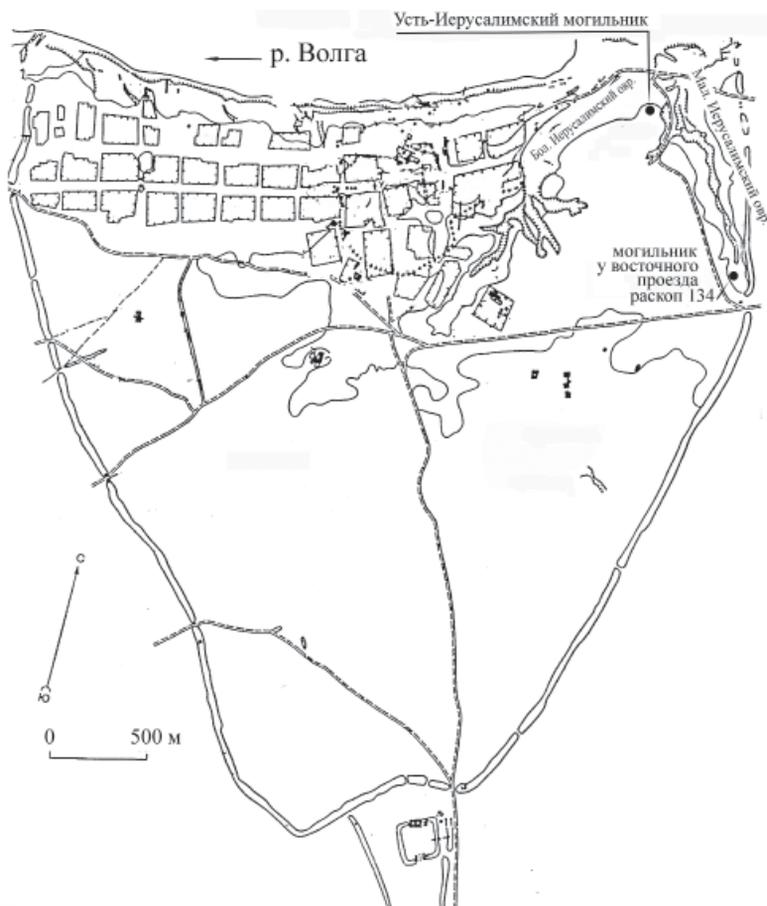

Рис. 1. План расположения могильника у Восточного проезда на Болгарском городище (раскоп № СXXXIV (134)).

Fig. 1. Location of the burial ground at the Eastern Passage on the Bulgar fortified settlement (excavation № СXXXIV (134)).

первой половине XV в. и связать с общим упадком Золотой Орды и прекращением активной жизни на Болгарском городище после похода Федора Пестрого в 1431 году (Смирнов, 1951; Хлебникова, 1987).

Среди погребений, совершенных по мусульманскому обряду на могильнике у «Восточного проезда» (раскоп № СXXXIV (134)), исследовано одно (погребение 4) им синхронное немусульманское захоронение, которое по инвентарю и деталям погребального обряда относится к кочевническим. Ранее на территории Болгарского го-

родища было известно два захоронения, по наличию инвентаря в могиле отнесенных к языческим погребениям кочевников. Это погребение 40, исследованное А.М. Ефимовой при раскопках могильника на Бабьем Бугре, и случайное (одиночное) захоронение, изученное Н.Д. Аксеновой в раскопе XLIV к северо-западу от Белой палаты (Смирнов, 1951; Ефимова, 1960; 1974, с. 28; Аксенова, 1974, с. 130). Время совершения этих захоронений относится к эпохе Золотой Орды (Аксенова, 1974, с. 130; Полякова, 2000).

Рис. 2. Общий план раскопа № СХХІV(134).

Fig. 2. General excavation plan № СХХІV (134).

Болгарское городище, раскоп СХХІV, погребение 4.

На глубине 30 см от поверхности земли было выявлено пятно могильной ямы размером: 180×100, 90 см, ориентированное длинной стороной по линии: север – юг с небольшим отклонением (рис. 2, 3). На глубине 50 см могильная яма с восточной стороны сузилась и приобрела окончательные размеры: 180×55 см, образуя при этом пологий приступ шириной от 35 до 45 см и высотой до 15 см в северной и 5 см – в южной части могилы (рис. 3). Дно могилы ровное, на глубине 60 см от поверхности; стенки котлована практически отвесные. В заполнении могилы в изголовье примерно на уровне уступа найден обломок ребра лошади (определение Г.Ш. Асылгараевой). В погребении расчищен костяк плохой сохранности,

принадлежавший женщине зрелого возраста (35–45 лет – определение И.Р. Газимзянова). Судя по расположению (*in situ*) сохранившихся костей, умершая была уложена на спину с вытянутыми руками и ногами, головой на север с небольшим отклонением к востоку (азимут 10°), лицом вверх (рис. 3).

В области грудной клетки с левой стороны находилось круглое бронзовое зеркало диаметром 6,5 см лицевой стороной вверх, с выступающим бортиком треугольного сечения. На его обратной стороне имеется стилизованное изображение двух изогнутых, как бы плывущих по кругу рыб. В центре обратной стороны изделия, между рыбами, имеются неровности, которые могут быть следами от удаленной петельки (рис. 3: 2). Такого типа зеркала (по Г.Ф. Поляковой – тип

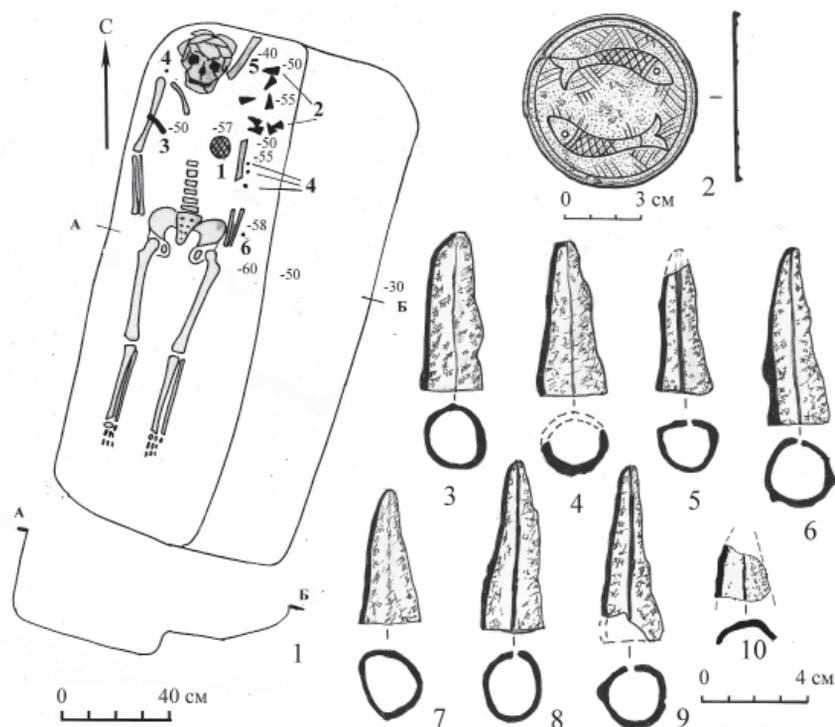

Рис. 3. Погребение 4 (р. СXXXIV(134): 1 – план погребения; 2 – бронзовое зеркало; 3–9 – железные конусы. На плане погребения: 1 – бронзовое зеркало; 2 – железные конусы; 3 – железный нож (?); 4 – бусины; 5 – ребро лошади.

Fig. 3. Burial 4 (excavation CXXXIV (134): 1 – burial plan; 2 – bronze mirror; 3–9 – iron cones. On the burial plan: 1 – bronze mirror; 2 – iron cones; 3 – iron knife (?); 4 – beads; 5 – horse's rib.

В-I-29; по Л.Ф. Недашковскому – тип Г20) известны с территории Болгарского городища (12 экземпляров) и были широко распространены в золотоордынское время на территории Евразии от Поволжья и Северного Кавказа до Приморья (Полякова, 1996, с. 228; Недашковский, 1998, с. 93). Над правой плечевой костью найден сильно коррозированный железный предмет (6×1,5 см) – возможно, обломок ножа. Возле правой ключицы находилась синяя пастовая бусина бипирамидальной формы. Еще три бусины белого, желтого и черного цветов встречены у локтевого сгиба левой руки, а у кисти левой руки – пастовая пронизка (рис. 3). Особой категорией инвентаря в погребении являются во-

семь железных предметов конусовидной формы, свернутых из листового железа. Они лежали россыпью между черепом и краем могилы. Их размеры: 61×22 мм, 59×25 мм, 49×19 мм, 67×25 мм, 53×23 мм, 65×26 мм, 65×23 мм, один в обломках (рис. 3: 3–9).

Конусы представляют собой полые предметы из листов железа с разомкнутыми, сомкнутыми или свернутыми внахлест краями, с острым (рис. 4: 5, 6, 9–11), со скругленным (рис. 4: 2–4, 7–8), или со срезанным верхом (рис. 4: 1). Диаметр основания конусов колеблется от 2 до 6 см; в могилах они встречены в количестве 1, 2, 3, 5, 8, 9 экземпляров. Наибольшее количество комплексов с конуса-

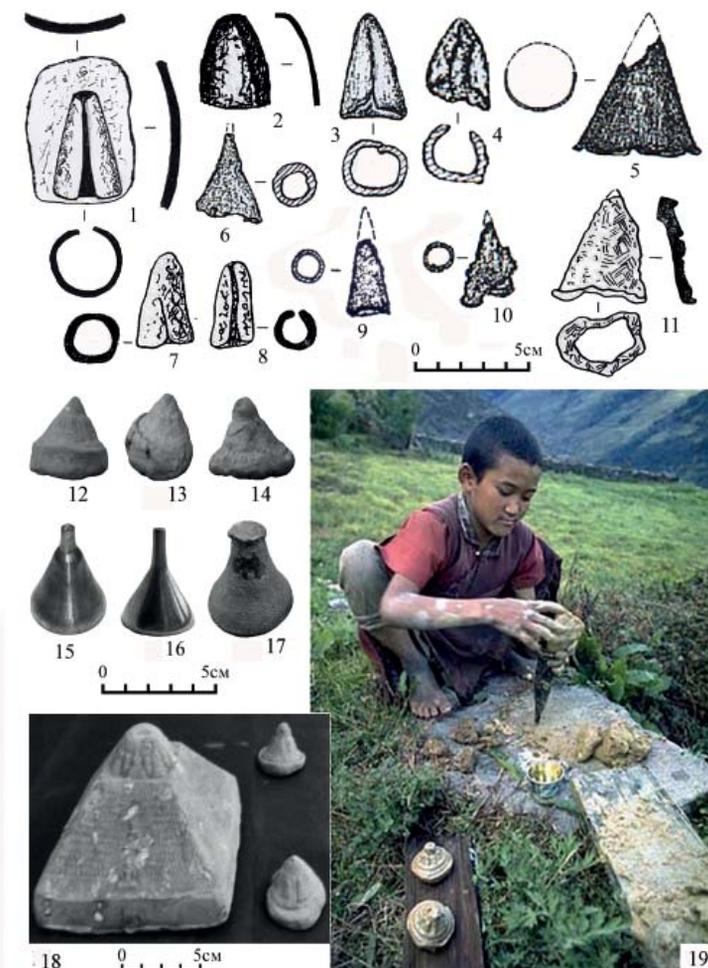

Рис. 4. Конусы (1–11), цаца (12–14), формы для изготовления цаца (15–18) и процесс изготовления цаца (19). 1–10 – конусы из золотоордынских погребений: 1 – на железной пластине (обломке сосуда, ?) из погребения на Вишнево́й горе (г. Саратов); 2 – Карасуыр, погребение из кургана № 2; 3 – Малияевка, грунтово́е погребение 1 (Мыськов, 2015, с. 344, 438, рис. 70, 3); 4 – Веселый V, к. 1, п. 1 (Мыськов, 2015, с. 291, 375, рис. 7, 4); 5 – Нагавский I, к. 2, п. 1 (Мыськов, 2015, с. 371, рис. 3: 7); 6 – Шебалино, курган № 2, погребение 1 (Мыськов, 2015, с. 284, 369, рис. 1: 3); 7, 8 – Новый Кумак II (Иванов, Кригер, 1988, с. 32, рис. 8: 6–7); 9, 10 – Веселый II, к. 2, п. 1 (Мыськов, 2015, с. 290, 374, рис. 6: 12–13). 11 – Маметбай, к. 3 (Иванов, 1988, с. 34, рис. 10: 13); 12–14, 18 – цаца из необо́жженной глины калмыков конца XIX в. из фондов СОМК; 15–17 – современные бронзовые формы для изготовления цаца из Тибета (Китай); 19 – процесс изготовления цаца в Тибете (Китай) (Хуан Ли, 1995).

Fig. 4. Cones (1–11), tsatsa (12–14), tsatsa (15–18) and the process of making tsatsa (19). 1–10 – cones from the Golden Horde burials: 1 – on an iron plate (on a piece of the vessel?) from the burial on the Vishnevaia mountain (Saratov); 2 – Karasuyr, burial from mound № 2; 3 – Maliaevka, ground burial 1 (Myskov, 2015, p. 344, 438, fig. 70, 3); 4 – Vesiolyi V, mound 1, burial 2 (Myskov, 2015, p. 291, 375, fig. 7, 4); 5 – Nagavsky I, mound 2, burial 1 (Myskov, 2015, p. 371, fig. 3: 7); 6 – Shebalino, mound № 2, burial 1 (Myskov, 2015, p. 284, 369, fig. 1: 3); 7, 8 – Novy Kumak II (Ivanov, 1988, p. 32, fig. 8: 6–7); 9, 10 – Vesiolyi II, mound 2, burial 1 (Myskov, 2015, p. 290, 374, fig. 6: 12–13); 11 – Mametbay, mound 3 (Ivanov, 1988, p. 34, fig. 10: 13); 12–14, 18 – tsatsa from the clay without roasting of the Kalmyks of the late 19th century from the Saratov Regional Museum foundations; 15–17 – modern bronze cones for the manufacture of tsatsa from Tibet (China); 19 – the process of making tsatsa in Tibet (China) (Huang Li, 1995).

ми (27 погребений) учтено в работе Е.П. Мыськова в Волго-Донских степях (Мыськов, 2015, с. 227–228). Могилы с конусами имеют простые ямы, ямы с подбоями и с заплечиками (83%). Остальные – в 4-х погребениях с подбойными могилами. По наблюдениям Е.П. Мыськова, они происходят из двадцати двух мужских комплексов, одного женского, одного подросткового и трех неопределенных. Монеты, найденные в них, датируются от 1310–11 гг. до 1363–64 гг. (Мыськов, 2015, с. 227–228):

– мужских – 22: Абганерово IV, 10/1; Аксай III, 2/1; Бережновский I, 50/1; Веселый II, 2/1; Веселый V, 1/1; Давыдовка III, 11/1; Красный IV, 8/1; Маляевка, 1; Нагавский I, 2/1; Никольское I, 8/1; Первомайский VII, 45/1, 52/1, 57/1; Песковка, одиночный курган/1; Потемкино, 7/1; Рыбинка, 1/1; Саратов (Вишневая гора); Семенкин, 25/1; Сенной, 5/1; Тормосин, 1/1; Хмелевой I, 7/1; Шебалино, 2/1;

– женское – 1: Нагавский I, 1/1;

– подростковое – 1; Власовский, 15/3;

– неустановленные и разрушенные – 3: Горно-Пролейский 2, 1/1; Красная Котлубань, 1/1; Ютаевка, 7/1 (Мыськов, 2015, с. 227–228) и Новосережкинское разрушенное погребение в Республике Татарстан (Руденко, 2019, с. 346).

Кроме того, известны мужские захоронения с конусами в могильниках Абашево, к. 1 (Васильева, 1979, с. 211–213); Новый Кумак II, к. 3; Маметбай, к. 3 на Южном Урале (Иванов, 1988, с. 32, 34, рис. 8: 6, 7; 10: 13); Карасуыр, к. 2, в Центральном Казахстане (Усманова, 2018, с. 106–113; Дремов, 2019, с. 254); в грунтовом погребении в могильнике Мамай-Гора в Запорожье (Ельников, 2004, с. 88, 97, 103, рис. 4,

1), Высочино II в Северном Приазовье (Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 44); Мухин I, 6/1, и одно женское в Болгаре, погр. 4 (раск. СXXXIV) (Газимзянов, 1999, с. 47–48). Еще несколько комплексов с конусами приведены в работе Т.М. Потемкиной. Она включает их в категорию посудовидных изделий, которые изготавливались специально для погребального обряда и имеют в погребениях семантическое значение сосудов (Потемкина, 2012).

И.В. Васильева определила конус из Абашево, к. 1, как вток, хотя копье отсутствовало. Основное и единственное погребение в кургане было разрушено. Яма в плане овальная, яйцевидная, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Стенки и дно с прокалом. В заполнении слой золы, угля, встречались фрагменты яичной скорлупы, кости человека, кусочки кожи, железные гвоздики с круглыми шляпками, железное кольцо с гвоздиком, рукоятка, железный конус высотой 5 см, диаметром 2,8 см, и серебряная бляшка со схематичным изображением двух животных, тянущих морды вверх (поза двух верхних лежащих животных без рогов с поднятыми вверх мордами вызывает ассоциации с буддийской иконографией, изображающей двух лежащих газелей – первых слушателей проповедей Будды). По краям бляшки четыре розетки, внизу еще одно более схематично изображенное лежащее животное. На дне могилы кости двух ног крупного животного (Васильева, 1979, с. 211–213).

С.А. Плетнева определяла железные конусы как втки для копий, которые можно было использовать в бою с обоих концов (Плетнева, 1981, с. 218). Ее мнение было поддержано и другими авторами (Дремов, 1985, с. 243; Иванов, Кригер, 1988, с. 13;

Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 44). Однако анализ широкого круга материалов Нижнего Поволжья, проведенный Е.П. Мыськовым, показал, что находки конусов без копий и копий без конусов встречаются несопоставимо чаще, чем совместно, что противоречит мнению о предназначении конусов в качестве втоков. Кроме того, они не имеют деталей крепления к древкам, встречаются по несколько экземпляров в одной могиле, имеют размеры, несопоставимые с размерами древков копий, и встречены в женских погребениях, где вооружение отсутствует (Мыськов, 2015, с. 227–228).

Другая точка зрения определяет эти предметы как наконечники деревянных стрел для понукания тягловых животных (Мамонтов, 2000, с. 133; Мамонтов, Скворцов, 2006, с. 33). Подтверждений этому в составе инвентаря нет, остатки древесины отсутствуют (кроме Шебалино, к. 2), и невозможно объяснить наличие комплексов с несколькими предметами.

По тем же причинам необоснованной представляется версия ряда авторов о принадлежности железных конусов к мужским головным уборам в качестве их наверший – шишаков (Шалобудов, 1980, с. 91; Кравец, 2005, с. 37; Горелик, 2011, с. 44–45). В захоронении с углями у с. Новый Подкряж, 6/1, на древнем горизонте и в заполнении встречены бронзовый и железный конусы рядом с остатками головного убора из кожи и каракуля в ногах погребенного. Рядом находились железные предметы, возможно, от конской упряжи. Лицо погребенного было закрыто кожаной маской и шелковой тканью (Шалобудов, 1980, с. 90–91). В комплексе у с. Миновка, 3/2, датированном по монетам 1360-ми годами, в материковой могиле с

обожженной бревенчатой конструкцией на уровне горизонта встречен железный конус в ногах погребенного. Он находился рядом с бронзовой плоской с рыболовным крючком внутри и железными пластинами с отпечатками шелковой ткани, которые интерпретированы как остатки головного убора (Шалобудов, 1980, с. 92–93). Не поддается объяснению встречаемость в комплексах нескольких конусов, наличие их в женских погребениях и расположение их в стороне от головы и в ногах. Как правило, они находятся у плечевых костей, у бедер или у ног, иногда внутри или рядом с бронзовыми, серебряными чашами, медными и железными плоскими, кресалами.

В одних комплексах с кресалами они находятся в 57% случаев (Мыськов, 2015, с. 227). Высказывались мнения, что конусы в совокупности с плоскими и пластинами использовались как светильники (Захаров, Лопан, 2006, с. 21–23); бунчуки (Ларенок, 1992, с. 158–189), колокольчики и предметы для раздувания огня (Супруненко, 2006, с. 25, 45). Ни для одной из этих функций конусы не пригодны. Как светильники они не могли держать жидкое топливо, как колокольчики – издавать звон, не имея цельного тулова, язычка, рукояти и крепления для язычка.

Существует предположение о назначении конусов в качестве украшений конской сбруи (Руденко, 2019, с. 346). Следует отметить, что детали конской сбруи в погребениях с конусами имеются далеко не всегда. Нет узды в Шебалино, к. 2; Тормосин, к. 2; Карасуыр, к. 2; Маметбай, к. 3, и др. В погребении в Саратове на Вишневой горе удила и стремяна находились в ногах, а конус лежал на железной пла-

стине у головы. В погребениях Веселый V, к. 1, удила и стремя лежали в ногах, а конус у плеча. В Маляевке, п. 1, конус находился у плеча, а удила найдены у ног в заполнении, упавшем с перекрытия могилы. Нет деталей конской узды и в публикуемом женском погребении 4 (г. Болгар, раскоп СХХIV). Конструктивное назначение конусов в узде не понятно, а в качестве украшений сомнительно в силу их грубого изготовления. Связь конусов со сбруей, а также с вооружением, стрелами и головными уборами не подтверждается.

Все попытки объяснения утилитарного назначения железных конусов в золотоордынских погребениях наталкиваются на непреодолимые препятствия и противоречия. Напрашивается вывод об их культовом назначении. Ценность этих изделий может заключаться в использовании их в ритуалах. Конусы могли использоваться в качестве форм для изготовления цаца в буддийских обрядах (Дремов, 2019, с. 250–259). Здесь они могли заменять цаца, которые принято класть не в могилы, а в буддийские ступы или иные укромные места. Вероятно, поэтому в погребениях они могут встречаться по несколько штук. В данном случае конусы могут быть не только инструментом для изготовления, но и символизировать цаца, количество которых связано с индивидуальными данными покойного и конкретными проявлениями погребального ритуала.

Буддийские цаца и конические формы для их изготовления

Буддизм распространялся у монголов из Тибета. Самым массовым атрибутом и священнодействием в тибетском буддизме является изготовление цаца. Это название применяется как к специальным надмогильным со-

оружиям – ступам, так и к небольшим глиняным изделиям, оттиснутым в формах в виде рельефных плиток с изображением бурханов или в виде конусов, символизирующих субурган и мировую гору Меру (Козлов, 1947, с. 86). В тибетских погребальных обрядах изготовление цаца является одним из важнейших обрядовых действий и одним из самых обычных способов размещения праха умерших – в цаца. Прах умершего или золу из погребального костра с раздробленными в порошок костями смешивают с глиной и в металлической пресс-форме изготавливают несколько цаца, которые со специальными ритуалами могут потом отнести в субурган, поместить в пещеру, в дупло дерева и другие «чистые» места (Gouin, 2012, р. 72–75). У степных народов, практикующих буддизм, трупосожжение редкость и применялось лишь при похоронах верховной знати (например, у калмыков и бурят). При изготовлении цаца в глину добавляли зерна, травы, землю со священных мест, благовоения, тексты молитв и т. д. Цаца в виде глиняных конусов имеют величину от 2 до 7 см. Они обычно высушиваются на солнце, изредка обжигаются. Изготовление цаца – важный буддийский ритуал, сопровождаемый молитвами. Верующий должен изготовить за жизнь 100000 цаца для достижения просветления, за один раз не менее пяти. В культовых местах встречаются тысячи этих предметов (Хуан Ли, 1995; Gouin, 2012, р. 72–75). Для их изготовления используют пресс-формы в виде конусов (рис. 4: 15–17). В фондах СОМК хранятся несколько образцов цаца XIX в. из необожженной глины, происходящих из Калмыкии (рис. 4: 12–14, 18). Так как они обычно не подвергаются обжигу, а

иногда сделаны из теста, в земле цаца́ не сохраняются и в археологических раскопках не известны. Величина и форма конусов с разомкнутыми и сомкнутыми краями соответствует металлическим формам для изготовления цаца́ (рис. 4). Их простая конструкция позволяла уплотнять глину, сдавливая форму как пружину. Оттиски конусов заметны на стыке верхней и нижней части калмыцких цаца́. Верхняя часть цаца́ оттискивалась формой, нижняя подрабатывалась вручную.

Чаще всего конусы встречаются в престижных захоронениях, выделяющихся воинским инвентарем. Как правило, именно воинский инвентарь маркирует престижные золотоордынские погребения (конская упряжь, колчаные наборы, панцирные пластины и т. д.), поэтому может сложиться впечатление, что и конусы связаны с ними, но по расположению в могилах конусы обычно находятся в стороне. По подсчетам Е.П. Мыськова, 36% конусов из 28 погребений находились вместе с плошками, в одном случае в серебряном сосуде, в одном случае в бронзовом. К этому надо добавить вогнутые пластины, которые условно можно отнести к плошкам в грунтовом погребении в Саратове, Карасуыр, п. 2, Новый Кумак II и др. Вероятно, сосуды, плошки или вогнутые пластины использовались в ритуалах при изготовлении цаца в качестве емкостей для ингредиентов, добавляемых в глину, подставок для замешивания и т. д. (рис. 4: 19) (Дремов, 2019, с. 251–259).

Монгольская организация пространства и северная ориентировка погребенных

В ориентировках погребенных с полыми железными конусами значительно преобладают захоро-

нения, ориентированные головой в северном направлении – 65%, в восточном – 7%, в западном – 22% (Мыськов, 2015, с. 227). Система организации пространства и общества по сторонам света у тюрков и монголов настолько универсальна, что она отмечается практически в каждом этнографическом исследовании по любой проблематике, связанной с этими народами. Сошлемся на труд казахского ученого М. Семби, который, используя пространственно-семантические оппозиции, определил систему тюрко-монгольских культуроопределяющих ориентиров. Для монголов передняя сторона – юг, задняя – север, левая – запад, правая – восток. Для тюрков главная, передняя сторона – восток, задняя – запад, левая – север, правая – юг (Семби, 2013, с. 15–59, 89–99). Древние тюрки и монголы считали главной стороной восток, но с X в. в Монголии в эпоху могущества киданей стал распространяться культ юга. «При Чингисхане этот культ сделался официальным для всей степи, подчинявшейся монголам» (Бартольд, 1966, с. 392–393). В соответствии с этими направлениями расположены культовые сооружения, на них ориентированы ритуалы, быт, военная и административная организация общества. У монголов загробный мир на севере, у тюрков – на западе. Ярким этнографическим примером может служить обычай у калмыков XIX в. ставить юрты входом на юг, а покойников выносить головой вперед через специально разобранное для этого отверстие в противоположной северной стене. То есть покойник должен быть ориентирован к загробному миру головой, а не ногами (Очир-Горяева, 2010, с. 192).

При всей очевидности связи меридиональных ориентировок с монголами, а широтных с тюрками, абсолютизация этого критерия невозможна, так как погребальные обряды обусловлены не только народными традициями, но и религиозными факторами, индивидуальными проявлениями и этническим окружением. Характерно, что современные калмыки хоронят преимущественно головой на запад, что считается трансформацией традиционных обрядов (Шараева, 2011, с. 176–178). У бурят распространен обряд погребения с западной ориентировкой, что также связано с христианизацией населения (Суворова, 2012, с. 160–163).

Ориентировки погребений, как и другие элементы погребального обряда, хотя и являются для тюрков и монголов этническими, религиозными и социальными индикаторами, но не во всех случаях четко выдерживаются. Известно, что в XIII в. у монголов имела место волна распространения буддизма, которая не миновала и Золотую Орду, а в XIV в. в Золотой Орде уже шло активное распространение ислама. Типичные мусульманские погребения безынвентарны и имеют западную ориентировку. Проблема выделения буддийских погребений в массе кочевнических комплексов пока остается на стадии разработки, но этнографически буддийские погребальные обряды чрезвычайно вариативны и включают западную ориентировку (Костюков, 2009; Костюков, 2010, с. 56). У буддистов возможны все виды способов погребений – кремация, расположение покойников на поверхности земли, на деревьях, в воде, на специальных помостах, захоронения в земле и т. д. Могильные ямы возможны с прямыми стенками,

с уступами и с подбоями. Способ погребения, место и ориентировки у буддистов могут быть индивидуальными, они зависят от даты рождения, астрологических наблюдений, обстоятельств жизни и смерти (Позднеев, 1993, с. 456–474).

Конусы встречаются в погребениях не только с монгольской, но и с тюркской культурной традицией. Кроме северной ориентировки для монголов характерно помещение в могилу конской упряжи без жертвоприношения коня. В тюркских погребениях с западной ориентировкой встречаются скелеты лошадей, чучела или их части. Как показал Е.П. Мыськов при анализе более 1000 кочевнических золотоордынских погребений, в комплексах с монгольской северной ориентировкой остатки жертвоприношения коней бывают лишь в редких случаях (3,2%). Почти все они в захоронениях с тюркской широтной ориентировкой (Мыськов, 2015, с. 272). В этнографии отмечается, что конь может использоваться при похоронах калмыков, но следовать за хозяином в загробный мир он не должен и оставался в живых (Шараева, 2011, с. 176–178). Обломок ребра лошади в п. 4 (Болгар, раскоп СХХIV) находился в заполнении. Он мог попасть туда из культурного слоя или из тризны, то есть не противоречит общему правилу. В погребениях с конусами, по подсчетам Е.П. Мыськова, только в двух были кости лошади – в Красном IV целый скелет, в Ютаевке, 7/1 – конское чучело (Мыськов, 2015, с. 227). Наличие в погребениях с конусами отклонений от монгольского погребального обряда согласуется со свидетельствами письменных источников, что буддизм был распространен не только у монголов, но и среди дру-

гих народов Золотой Орды, включая кыпчаков (Бартольд, 1966, с. 392–393; Костюков, 2009).

Выводы

В итоге мы приходим к выводу, что в могильнике на Болгарском городище у восточного проезда (раскоп СХХIV, погр. 4), датированном второй половиной XIV – началом XV вв., среди мусульманских погребений местного населения встречено захоронение кочевника с монгольской культурной традицией. Находившиеся в могиле полые железные конусы могут быть связаны с буддистским ритуалом из-

готовления цаца. Этот комплекс соответствует десяткам аналогичных погребений с конусами в степной и лесостепной зонах от Запорожья до Центрального Казахстана и материалам Болгарского улуса. Монгольские культурные традиции и буддийская религия на протяжении XIV в. не растворились в местной разноэтничной и мусульманской среде. Есть основания считать, что монголы-завоеватели в кочевой среде сохраняли этнокультурную самоидентификацию не только в первой половине XIV в., но и значительно дольше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А. Исследования городища Великие Болгары // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 130.
2. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах у турков и монголов // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 377–396.
3. Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1 Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2008. 224 с.
4. Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. КГПИ, 1979. С. 202–240.
5. Газимзянов И.Р. Исследования Усть-Иерусалимского могильника и могильника у «Восточного проезда» в 1998 г. Казань, 1999 / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 103.
6. Газимзянов И.Р. Кочевническое захоронение на территории Болгарского городища // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Тезисы науч. конф., посвященной 100-летию А.П. Смирнова / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар: БГИАЗ, 1999. С. 47–48.
7. Горелик М.В., Яворская Л.В. Погребение знатного золотоордынца у хутора Тормосин в Волгоградской области // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. № 2 (3). С. 39–47.
8. Дрёмов И.И. Погребение воина с джучидскими монетами // СА. 1985. № 4. С. 243–245.
9. Дрёмов И.И. О назначении конусов из листа железа в золотоордынских погребениях // Археология как жизнь – памяти Евгения Павловича Мыськова / Отв. ред. Е.В. Круглов, А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина. Волгоград: Сфера, 2019. С. 250–259.
10. Ельников М.В. Грунтовый кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Поднепровья // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 86–110.
11. Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / МИА. № 80 / Отв. ред. А. П. Смирнов. М. АН СССР, 1960. С. 169–194.
12. Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 24–29.
13. Захаров П.Е., Лопан О.В. Средневековый курган Песковка-II // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып 3 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 21–30.
14. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

15. Козлов П.К. Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.). М.: Географгиз, 1947. 438 с.
16. Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркоязычных народов России и сопредельных стран / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит.-ра. 2009. С. 189–236.
17. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.
18. Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 208 с.
19. Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 99–123.
20. Ларенок В.А. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семенкин // Донские древности. Вып. 1. / Ред. В.Я. Кияшко, В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992. С. 158–189.
21. Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 149 с.
22. Мамонтов В.И., Скворцов Н.Б. Охранные раскопки одиночных курганов в Котовском и Жирновском районах Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып 3 / Отв. ред. И.В. Сергачков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 31–36.
23. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.
24. Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Бронзовые зеркала второй половины X–XIV вв. из музеев Саратовской области // Татарская археология. 1998. № 2 (3). С. 87–108.
25. Очир-Горяева М.А. Ориентация по сторонам света по данным археологии и этнографии (постановка проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2010. С. 191–198.
26. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука. 1981. С. 213–223.
27. Позднеев А.М. Очерки быта буддистских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1993. 512 с.
28. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
29. Полякова Г.Ф. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 232–236.
30. Потемкина Т.М. Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДНУ, 2012а. С. 279–306.
31. Руденко К.А. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 325–378.
32. Семби М.К. Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (Тюркский меридиан) // Труды КазНИИК. Т. 1. Алматы: КазНИИК, 2013. 296 с.
33. Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.
34. Суворова А.С. Формы погребения бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, Социология, Политология, Культурология. 2012. Вып. 14. С. 160–163.
35. Супруненко О.Б., Маевська С.В., Артемьев А.В., Горбенко С.О. Курганы з похованнями золотоордынского часу поблизу Волошинського у пониззі Пела. Старожитності околиць Комсомольська. Ч. III. Київ – Полтава: ПП «Гротеск» - ВЦ «Археологія», 2006. 140 с.

36. Усманова Э.Р., Дрёмов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. № 2 (46). С. 106–113.

37. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

38. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // *Город Болгар. Очерки истории и культуры* / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

39. Хуан Ли. Традиция изготовления цаца в Тибете [1995 г.]. 2012. URL: <https://stupaman.livejournal.com/43272.html> (дата обращения 29.09.2019).

40. Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // *Курганы Степного Поднепровья: сборник научных трудов* / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. С. 90–97.

41. Шараева Т.И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XX в. Элиста: Джангар, 2011. 223 с.

42. Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // *Город Болгар: Очерки истории и культуры* / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

43. Gouin M. *Tibetan Rituals of Death. Buddhist funerary practices*. London and New York, 2012. 182 p.

Информация об авторах:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); g-ilgizar@yandex.ru

Дремов Игорь Иванович, кандидат исторических наук, ГБУ СОДО «Областной центр экологии, краеведения и туризма», педагог дополнительного образования; ООО «Георесурс-КБ», археолог (г. Саратов, Россия); iid57@yandex.ru.

NORD-ORIENTED BURIAL ON THE MUSLIM BURIAL GROUND IN BULGAR AND THE ISSUE OF INTERPRETATION OF IRON CONES

I.R. Gazimzyanov, I.I. Dremov

The burial of a nomad woman with the northern orientation on a Moslem burial ground of the second half of the 14th and early 15th centuries was found in Bulgar (burial 4, excavation CXXXIV). The findings from this burial are analyzed in the paper. Four beads of multi-colored pasta, a knife, a bronze mirror and eight iron hollow cones were found in the grave. 37 burials with cones are taken into account as belonged to the Golden Horde population. Most of them were buried according to the Mongolian burial tradition with the northern orientation. These objects were found in burials with orientations of the northern direction (65%), as well as western (22%) and eastern ones (13%). Usually, the cones have been revealed within the vessels, flats or near them. The cones are associated with Buddhist religion and are used for making tsatsa. Tsatsa was made in rituals during funeral rites. The vessels might contain sacred ingredients in order to add them into the clay. The flats and fragments of metal vessels were used for aromatic smoking scars or as stands in the manufacture of tsatsa. On the author's opinion, appearance of the iron cones in the Golden Horde burial complexes may be associated with the spread of Buddhism among the Mongols.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Bulgar fortified settlement, Moslem burial ground, burial of nomad, Mongolian traditions, iron cones, Buddhist tsatsa.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D., Khlebnikova, T. A. 1974. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 goda (Archaeological Discoveries in 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 130 (in Russian).

2. Bartol'd, V. V. 1966. In *Sochineniia (Works)* 4. Moscow: "Nauka" Publ., 377–396 (in Russian).

3. Bespalyi, E. I., Luk'yashko, S. I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagalnika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino. T. 1 (Ancient population of the Don and Kagalnik interfluve. Burial mound at village Vysochino. Vol. 1)* Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).

4. Vasil'eva, I. N. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 202–240 (in Russian).

5. Gazimzyanov, I. R. 1999. *Issledovaniya Ust'-Ierusalimskogo mogil'nika i mogil'nika u «Vostochnogo proezda» v 1998 g. (Studies of Ust-Jerusalem Burial Ground and the Burial Ground at "Vostochny Proezd" in 1998)* Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 103 (in Russian).
6. Gazimzyanov, I. R. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Bolgar i problemy izucheniia drevnostei Uralo-Povolzh'ia (Bolgar and Issues of Study of the Ural-Volga Antiquities)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 47–48 (in Russian).
7. Gorelik, M. V., Yavorskaya, L. V. 2011. In: *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)*. 2 (3). 39–47 (in Russian).
8. Dremov, I. I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 243–245 (in Russian).
9. Dremov, I. I. 2019. In Kruglov, E. V., Lapshin, A. S., Lapshina, I. Yu. (eds.). *Arkheologiya kak zhizn' – pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova (Archaeology as Life - In Memory of Evgeny Pavlovich Myskov)* Volgograd: "Sfera" Publ., 250–259 (in Russian).
10. El'nikov, M. V. 2004. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (12–13), 86–110 (in Russian).
11. Efimova, A. M. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 169–194 (in Russian).
12. Efimova, A. M. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities in the Volga Region during the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24–29 (in Russian).
13. Zakharov, P. E., Lopan, O. V. 2006. In Sergatskov, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 21–30 (in Russian).
14. Ivanov, V. A., Kriger, V. A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) (Kypchak Barrows in the Southern Urals (12th–14th cc.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Kozlov, P. K. 1947. *Mongoliya i Kam. Trekhetnee puteshestvie po Mongolii i Tibetu (1899–1901 gg.) (Mongolia and Kam. Three-Year Journey to Mongolia and Tibet (1899–1901))*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).
16. Kostyukov, V. P. 2009. In Kliashornyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2007–2008: Istoriia i kul'tura tiurkoiazychnykh narodov Rossii i sopredel'nykh stran (Collected Papers on Turkic Studies 2007–2008: History and Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Russia and Adjacent Countries)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 189–236 (in Russian).
17. Kostiukov, V. P. 2010. *Ulus Shibana Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Shibana Ulus of the Golden Horde in 13th–14th centuries)*. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).
18. Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
19. Krasnov, Yu. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99–123 (in Russian).
20. Larenok, V. A. 1992. In Kiiashko, V. Ya., Maksimenko, V. E. (eds.). *Donskie drevnosti (Antiquities of the Don)* 1. Azov: Azov Museum of Local Lore, 158–189 (in Russian).
21. Mamontov, V. I. 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII) (Ancient Population of the Left Bank of the Don River (Based on Materials from Pervomayskiy VII Burial Mound))*. Volgograd: Volgograd State University Publ. (in Russian).
22. Mamontov, V. I., Skvortsov, N. B. 2006. In Sergatskov, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 31–36 (in Russian).
23. Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).
24. Nedashkovskii, L. F., Rakushin, A. I. 1998. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 2 (3), 87–108 (in Russian).
25. Ochir-Goryaeva, M. A. 2010. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11. Volgograd: Volgograd State University, 191–198 (in Russian).
26. Pletneva, S. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes during the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 213–222 (in Russian).
27. Pozdneev, A. M. 1993. *Ocherki byta buddistskikh monastyrej i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu (Essays on the Life of Buddhist in Mongolia in svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu)*

Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection to the Relationship of the Latter with the People). Elista: “Kalmyk Book Publishing House” (in Russian).

28. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

29. Poliakova, G. F. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Current Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 232–236 (in Russian).

30. Potemkina, T. M. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe during the Middle Ages)*. 11. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 279–306 (in Russian).

31. Rudenko, K. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaya Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 325–378 (in Russian).

32. Sembi M.K. 2013. *Pamyat' zemli tyurko-mongol'skoi: istoki i simbolika toponimov (Tyurkiskii meridian) (Memory of the Turkic-Mongol Land: Origins and Symbolism of the Toponyms (Turkic Meridian))*. Series: Proceedings of the Kazakh research institute of culture 1. Almaty: “KazNIK” Publ. (in Russian).

33. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

34. Suvorova, A. S. 2012. In *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya, Sotsiologiya, Politologiya, Kul'turologiya (Bulletin of Buryat State University. Philosophy, Sociology, Political Science, Cultural Studies)* 14. 160–163 (in Russian).

35. Suprunenko, O. B., Maev'ska, S. V., Artem'ev, A. V., Gorbenko, S. O. 2006. *Kurgani z pokhovannyami zolotoordin'skogo chasu poblizu Voloshinskogo u ponizzi Psla. (Barrows with Burials of the Golden Horde Period Near Voloshino at the Mouth of the Psel). Starozhitnosti okolits' Komsomol'ska (The Antiquities of the Komsomolsk Environs)*. Kiiv – Poltava: “Grotesk”-“Arkheologiya” (in Ukrainian).

36. Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P., Kolbina, A. V. 2018. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2 (46), 106–113 (in Russian).

37. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria during 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

38. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 32–88 (in Russian).

39. Khuan, Li. 2012. *Traditsiya izgotovleniya tsatsá v Tibete [1995 g.]. (Tzatsa Crafting Tradition in Tibet [1995].)* URL: <https://stupaman.livejournal.com/43272.html> (accessed: 29.09.2019).

40. Shalobudov, V. N., Kudryavtseva, I. V. 1980. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgany Stepnogo Podneprov'ya (Barrows of the Steppe Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University Publ., 90–97 (in Russian).

41. Sharaeva, T. I. 2011. *Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov XIX – nachala XX v. (Rituals of the Lifecycle of the Kalmyks in the 19th – early 20th Centuries)*. Elista: “Dzhangar” Publ. (in Russian).

42. Yablonskii, L. T. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 124–142 (in Russian).

43. Gouin, M. 2012. *Tibetan Rituals of Death. Buddhist funerary practices*. London and New York.

About the Authors:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; g-ilgizar@yandex.ru

Dryemov Igor I. Candidate of Historical Sciences, Regional Center for Ecology, Local Studies and Tourism, teacher of additional education; «Georesource-KB» LLC, archaeologist, Saratov, Russian Federation; iid57@yandex.ru.

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА¹

© 2020 г. Л.Ф. Недашковский, М.Б. Шигапов

Авторами рассматривается комплекс металлических предметов с Багаевского селища, сельского поселения Золотой Орды второй половины XIII–XIV в., располагающегося в округе золотоордынского города Укека в Саратовском р-не Саратовской обл. Селище изучалось в 1995, 2002–2003, 2006–2012 и 2014–2016 гг. экспедицией Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского. Монетные находки с памятника, имеющего площадь 5,1 га и мощность культурных напластований местами более 90 см, относятся к золотоордынской чеканке конца XIII – начала 60-х гг. XIV в. В статье характеризуется металлическая посуда – фрагменты медных кованых сосудов, заклепка, чашечка, обломки чугунных котлов. Прочие предметы представлены зеркалами, бронзовыми муфтами ножей, изделием с фигурой льва, слитком, всплесками свинца и бронзы, свинцовым грузиком-пломбой, бронзовым и железными замками, железными ключами. Морфологические особенности изделий рассматриваются на основе типологии с привлечением сравнительного фона материалов синхронных памятников. Изученный комплекс характеризует материальную культуру золотоордынского села Нижнего Поволжья, которая, судя по публикуемым материалам, отличалась от материальной культуры крупного и малого городов, расположенных неподалеку.

Ключевые слова: археология, сельские поселения, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, материальная культура, зеркала.

Багаевское селище расположено у с. Багаевка на левом берегу р. Петровки в Саратовском р-не Саратовской обл., в округе золотоордынского города Укека.

Ранее авторы уже обращались к анализу экономики и хозяйства населения Золотой Орды, в том числе ремесла (Недашковский, 2016; 2018; Недашковский, Шигапов, 2019; Nedashkovskii, 2009; Nedashkovsky, 2012, р. 229; 2014; 2015; Nedashkovsky, Nurkhamitov, 2019). В данной статье мы сосредоточим внимание на предметах быта из металла, обнаруженных на Багаевском селище и хранящихся в Саратовском областном музее краеведения.

Зеркала. С селища происходят фрагменты 11 бронзовых зеркал. Отделы выделены по форме бортика, типы – по изображению, которое иногда позволяет выделить вариан-

ты внутри типа. Нумерация типов дается по опубликованным работам авторов (Недашковский, 2000, с. 48–67; Недашковский, Шигапов, 2015, с. 40–42).

Отдел А. С узким высоким бортиком.

Тип 3 (1 экз.). Фрагмент зеркала диаметром 7,7 см с изображениями по окружности четырех сидящих человеческих фигур, разделенных четырьмя драконами (рис. 1: 2). Зеркало было отлито из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 180). Широкий круг аналогий известен на памятниках золотоордынского времени от Средней Вятки до Северного Кавказа и от Поднепровья до Западного Казахстана (Недашковский, 2000, с. 49, 51, рис. 9: 4; Недашковский, Шигапов, 2015, с. 36, 40–41, рис. 1: 28).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00004.

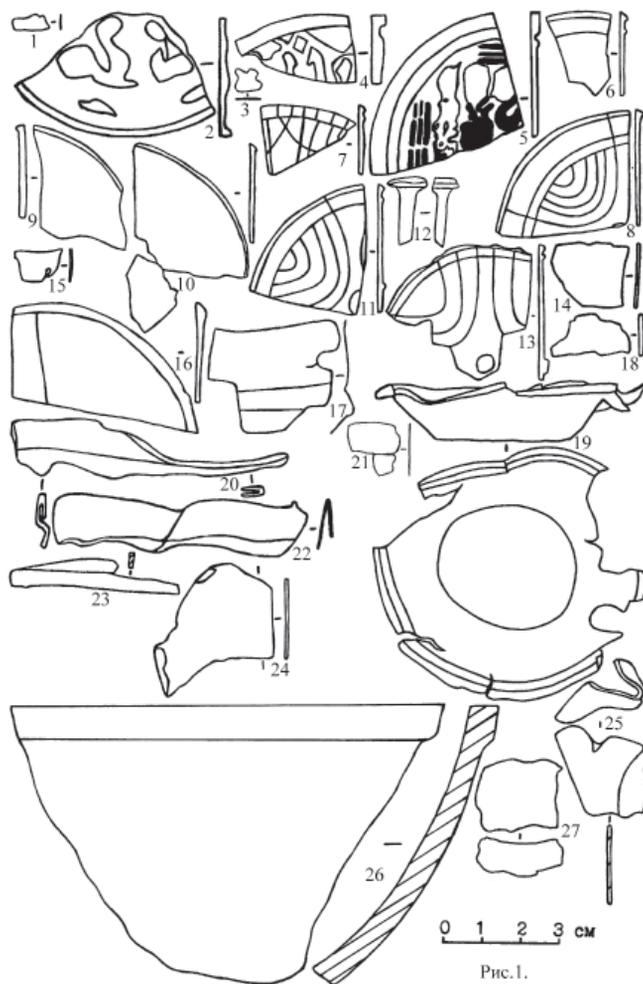

Рис. 1.

Рис. 1. Бронзовые обломки листов (1, 3, 15, 18, 21, 23–25), зеркала (2, 4–11, 13, 16), заклепка (12), чашечка (19), фрагменты кованых сосудов (14, 17, 20, 22) и литых чугунных котлов (26–27) с Багаевского селища. 1, 5, 19, 22 – раскоп I-2009: 1, 27 – культурный слой (№ 8, -50 см; № 28, -56 см), 5, 19, 22 – яма 9 (№ 20, -63 см; № 17, -74 см; № 43, -66 см). 2, 14 – р. I-2007: 2 – слой (№ 13, -18 см), 14 – я. 4 (№ 28, -55 см). 3, 12 – р. I-2012: 3 – я. 12 (№ 33, -89 см), 12 – я. 32 (№ 34, -20 см). 4, 6–8, 10–11, 13, 15–18, 20, 23–26 – р. I-2008: 4, 7–8, 10, 15, 17, 23, 25–26 – слой (№ 33, -21 см; № 65, -11 см; № 4, -17 см; № 27, -34 см; № 61, -18 см; № 141, -48 см; № 63, -29 см; № 38, -9 см; № 1, -18 см), 6, 16, 18, 20 – я. 9 (№ 91, -36 см; № 128, -113 см; № 82, -29 см; № 84, -29 см), 11, 13, 24 – я. 8 (№ 76, -53 см; № 75, -55 см; № 109, -103 см). 9 – р. I-2016, слой (№ 1, +3 см). 21 – р. I-2010, я. 9 (№ 24, -70 см).

Fig. 1. Bronze fragments of sheets (1, 3, 15, 18, 21, 23–25), mirrors (2, 4–11, 13, 16), rivet (12), cup (19), fragments of forged vessels (14, 17, 20, 22) and cast-iron cauldrons (26–27) from Bagaevka settlement. 1, 5, 19, 22 – pit 9 (N 20, -63 cm; N 17, -74 cm; N 43, -66 cm). 2, 14 – t. I-2007: 2 – layer (N 13, -18 cm), 14 – p. 4 (N 28, -55 cm). 3, 12 – t. I-2012: 3 – p. 12 (N 33, -89 cm), 12 – p. 32 (N 34, -20 cm). 4, 6–8, 10–11, 13, 15–18, 20, 23–26 – t. I-2008: 4, 7–8, 10, 15, 17, 23, 25–26 – layer (N 33, -21 cm; N 65, -11 cm; N 4, -17 cm; N 27, -34 cm; N 61, -18 cm; N 141, -48 cm; N 63, -29 cm; N 38, -9 cm; N 1, -18 cm); 6, 16, 18, 20 – p. 9 (N 91, -36 cm; N 128, -113 cm; N 82, -29 cm; N 84, -29 cm), 11, 13, 24 – p. 8 (N 76, -53 cm; N 75, -55 cm; N 109, -103 cm). 9 – t. I-2016, layer (N 1, +3 cm). 21 – t. I-2010, p. 9 (N 24, -70 cm).

Отдел Б. С широким массивным бортиком.

Тип 3 (1 экз.). Фрагмент зеркала диаметром около 12 см (рис. 1: 4) с орнаментом из распустившихся бутонов, вырастающих поочередно от края и от центра. Изделие отлито из оловянистой бронзы, чем отличается от типологически идентичного зеркала с Болгарского городища; данные о составе сплава позволяют предположить производство аналогичных изделий в Нижнем и Среднем Поволжье одновременно (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 188). Данные зеркала были распространены в Поволжье, на Селитренном городище была найдена даже литейная форма для их изготовления; подобные изделия происходят из Калмыкии и Ирана или Турции (Недашковский, 2000, с. 55, 57, рис. 10: 6; Руденко, 2004, с. 121–122, 139, 147, рис. 4: 5; 12: 2–4, 6, 8, 11).

Тип 4 (1 экз.). Фрагмент зеркала диаметром 7,5 см с изображением китайских иероглифов (рис. 1: 5). Изделие происходит из ямы 9, в которой найдены фрагмент дорформенного дирхема Токты и пулы 726–762 г. х.; оно было отлито из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 210). Такие зеркала найдены при раскопках курганных групп Бахтияровка II и III (Кригер, 1983, рис. 64; 77: 3; 1985, рис. 31; Недашковский, 2000, с. 55, 57, рис. 10: 7), причем в последней группе аналогичное изделие датировано монетами Хызра (Гюлистан, 761 г. х.) и Мюрида (Гюлистан, 762 г. х.).

Отдел Г. С низким валикообразным бортиком.

Тип 11 (1 экз.). Фрагмент изделия диаметром около 6,1 см с орнаментом в виде концентрической окружности

(рис. 1: 6), отлит из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 202). Аналогии известны в низовьях Дона и в золотоордынском Поволжье (Васильева, 1979, с. 235, рис. 17; Недашковский, Шигапов, 2015, с. 41).

Тип 12 (2 экз.). Фрагменты без орнаментации (помимо невысокого бортика); не исключается наличие у этих зеркал (рис. 1: 9–10) боковой ручки-петельки. Диаметры зеркал 6,7 и

6,6 см, они отлиты из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 185; 2018, с. 244–247, 249, № 220). Известны многочисленные аналогии из Среднего и Нижнего Поволжья, из бассейна Средней Вятки (Недашковский, Шигапов, 2015, с. 36–37, 41–42, рис. 1: 24–25, 30).

Тип 14 (4 экз.). С орнаментацией в виде нескольких расположенных одна в другой арок (рис. 1: 7–8, 11, 13). Можно выделить три варианта зеркал такого типа: 1 – диаметром 6,8 см с двумя концентрическими окружностями (рис. 1: 8); 2 – с орнаментацией в виде лесенки по краю изделия (рис. 1: 7), диаметр 8,2 см; 3 – орнамент является несколько упрощенной копией варианта 1 (рис. 1: 11, 13), диаметры 6,6 и 5,8 см. Зеркала отлиты из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, №№ 182, 194–196). Аналогии известны с городищ и селищ Среднего и Нижнего Поволжья, из Подонья и из Кировской области (Недашковский, Шигапов, 2015, с. 36–37, 42, рис. 1: 32–34).

Отдел Д. Без выраженного бортика.

Тип 1 (1 экз.). Изделие диаметром 7,8 см; обратная поверхность орнаментирована двумя перекрещивающимися валиками, составлявшими

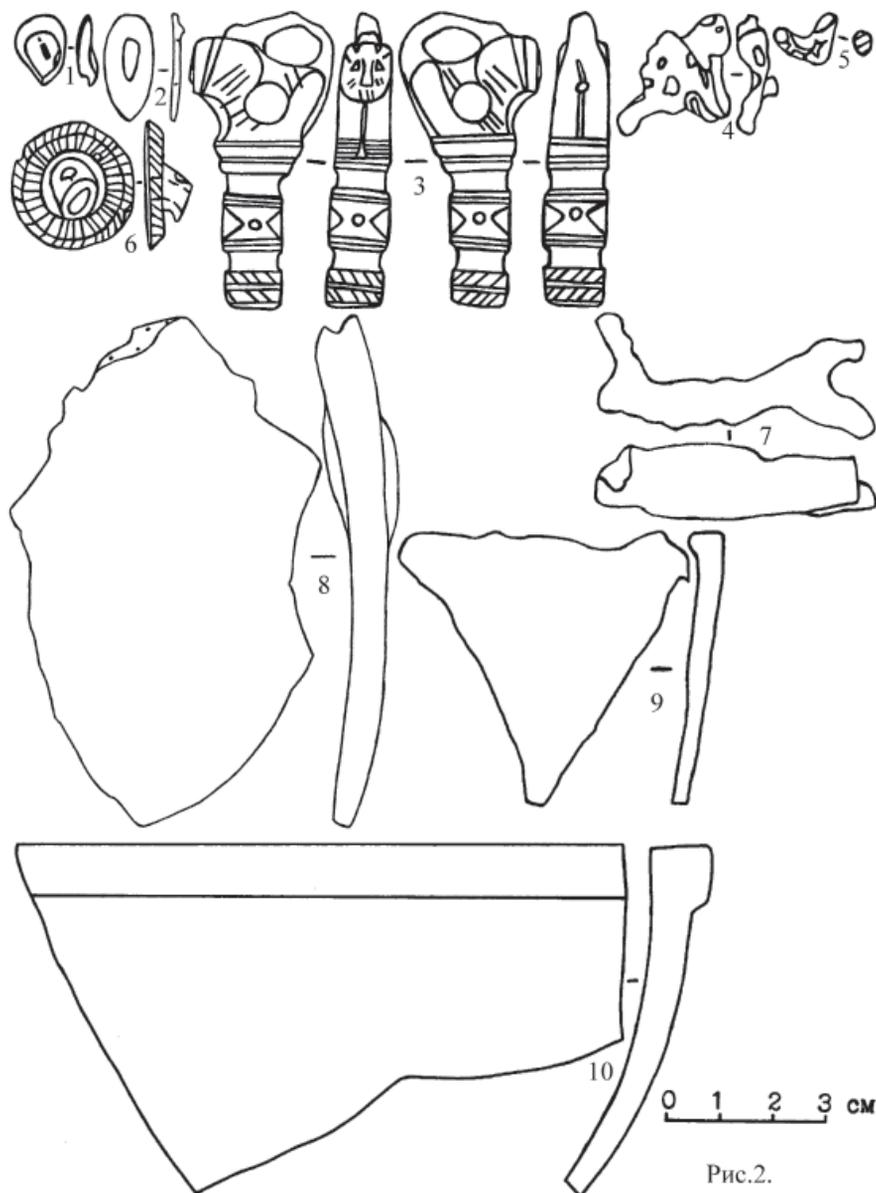

Рис.2.

Рис. 2. Бронзовые муфты ножей (1–2), изделие с фигурой льва (3), слиток (7), всплески бронзы (4) и свинца (5), свинцовый грузик-пломба (6), фрагменты чугуных котлов (8–10) с Багаевского селища. 1, 3–5, 7 – раскоп I-2008: 1, 3–4, 7 – культурный слой (№ 26, -32 см; № 32, -23 см; № 37, +2 см; № 35, -25 см), 5 – яма 9 (№ 105, -39 см). 2, 6 – р. I-2016: 2 – я. 9 (№ 31, -29 см), 6 – слой (№ 14, -15 см). 8 – р. I-2012, слой (№ 5, -18 см). 9 – р. I-2009, слой (№ 16, -33 см). 10 – р. I-2007, слой (№ 5, +7 см).

Fig. 2. Bronze couplings of knives (1–2), ware with lion figure (3), ingot (7), splashes of bronze (4) and lead (5), lead weight-seal (6), fragments of cast-iron cauldrons (8–10) from Bagaevka settlement. 1, 3–5, 7 – trench I-2008: 1, 3–4, 7 – cultural layer (N 26, -32 cm; N 32, -23 cm; N 37, +2 cm; N 35, -25 cm), 5 – pit 9 (N 105, -39 cm). 2, 6 – t. I-2016: 2 – p. 9 (N 31, -29 cm), 6 – layer (N 14, -15 cm). 8 – t. I-2012, layer (N 5, -18 cm). 9 – t. I-2009, layer (N 16, -33 cm). 10 – t. I-2007, layer (N 5, +7 cm).

крест (рис. 1: 16). Зеркало изготовлено из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 205). Сходные изделия с крестовидным орнаментом были распространены в половецких степях в XII–XIV вв., однако наиболее широко – лишь в золотоордынский период (Алихова, 1954, с. 275, рис. 17: 11; Бойко, 1990, с. 6, рис. 1: 5; Васильева, 1985, с. 227, рис. 15: 27; Гарустович и др., 1998, табл. XVIII: 4; Добролюбовский, 1986, с. 112, табл. VI: 14, 18; Ильюков, Казакова, 1988, с. 123, рис. 26: 11–12; Касанкин, 1994, с. 99, рис. 1: 3; Каталог, 1979, с. 155, табл. 30: 10; Косиков, Гриб, 1985, с. 261, рис. 4: 23; Кузнецов, 1963а, с. 87–88, рис. 26: 7; 1963б, с. 42, табл. IV: 5; Ларенок, 1991, рис. 35: 1–2; Недашковский, 2000, с. 58, 61–62, рис. 11: 12; Плетнева, 1956, с. 160; 1973, с. 54, табл. 6: 3; 1981, с. 261, рис. 84: 21; 1990, с. 125; Полякова, 1996, с. 216, 223–224, 237–238, рис. 69: 15–16; Руденко, 2004, с. 115, 136, 144, рис. 1: 19; 9: 1; Федоров-Давыдов, 1966, с. 81); в одном из кочевнических захоронений Причерноморья такое зеркало было найдено вместе с дирхемом Узбека 725 г. х. Зеркала данного типа были найдены на IV и V Старокуйбышевских селищах (Казаков, 1991, с. 90, рис. 33: 36), датируемых XII–XIV и второй половиной X–XIII вв. соответственно, на селище «Песчаный остров» в Алексеевском районе Татарстана, датируемом концом XIII – первой половиной XIV в. (Руденко, 1998, с. 62–64, 67, рис. 11: 25), у д. Улус в Советском р-не Кировской обл., на Болгарском городище, в том числе в слое XIV в. Очевидно, одной из наиболее поздних аналогий является изделие из кургана 70 могильника Бахтияровка II (Кригер, 1984, рис. 105, 108: 10), где погребенная

захоронена в подбое, с соблюдением кыблы, с мусульманской амулетницей и с дирхемами Джанибека (Сарай ал-Джедид 747 г. х. – 1) и Бирдибека (Гюлистан 759 г. х. – 2). Вероятно, тип формировался еще во второй половине VIII – IX вв. (Флеров, 1984, с. 179, рис. 20: 17).

Предметы быта.

Заклепка металлического сосуда (рис. 1: 12) изготовлена путем сворачивания в конус листа «чистой» меди (Недашковский, 2018, с. 244–245, 247, 249, № 216). Заклепки таких форм, применявшиеся для крепления ушек тазов, хорошо известны с золотоордынских памятников Поволжья (Недашковский, 2000, с. 81–82, рис. 19: 1–9).

Фрагменты кованых сосудов (рис. 1: 14, 17, 20, 22) происходят, в том числе, из ям 4 и 9, датированных монетами конца XIII – начала 60-х гг. XIV в. Обломки листов (рис. 1: 1, 3, 15, 18, 21, 23–25), вероятно, также принадлежат к числу фрагментов сосудов. Из 12 фрагментов кованых сосудов и листов 7 были изготовлены из «чистой» меди, 2 – из свинцово-оловянистых бронз, а 3 – из оловянистых бронз (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, №№ 181, 191–193, 197–198, 204, 207–208, 211; 2013, с. 78–79, № 213; 2018, с. 244–245, 247, 249, № 215).

Чашечка (рис. 1: 19) с плоским дном диаметром 7 и высотой 1,5 мм выкована из цельного листа «чистой» меди (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 209). Подобные изделия известны у кочевников Восточной Европы золотоордынского времени (Потемкина, 2012, с. 282, 284, рис. 2: 9–13).

Фрагменты чугунных котлов (рис. 1: 26–27; 2: 8–10) аналогичны изделиям с памятников Золотой

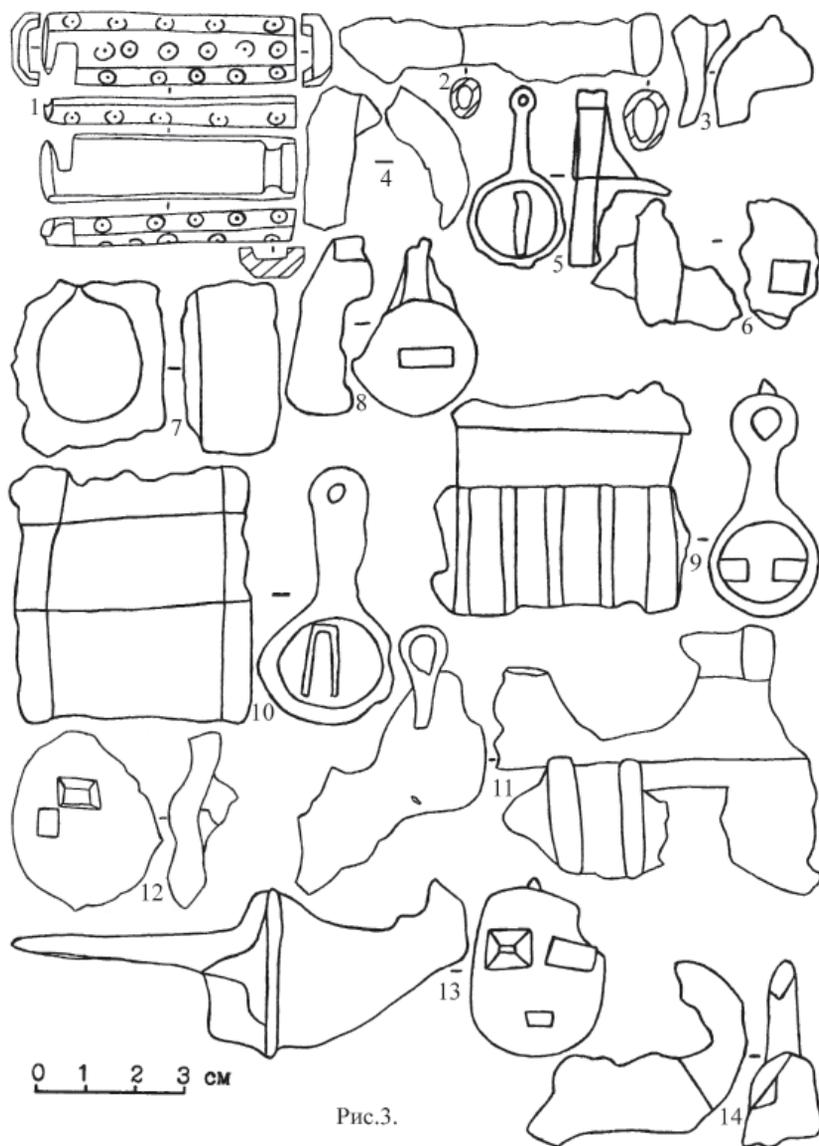

Рис.3.

Рис. 3. Бронзовая половинка замочка (1), железные замки (2–5, 7–11) и их пружины (6, 12–14) с Багаевского селища. 1–2, 11 – раскоп I-2012: 1 – яма 30 (№ 12, -18 см), 2 – культурный слой (№№ 9–10, -8 и -13 см), 11 – я. 31 (№ 21, -61 см). 3, 8, 13–14 – р. I-2008: 3, 8, 14 – слой (№ 52, -9 см; № 5, -19 см; № 30, +4 см), 13 – я. 9 (№ 39, -25 см). 4 – р. I-2014, слой (№ 4, -14 см). 5 – р. I-2007, слой (№ 10, +9 см). 6 – р. I-2009, я. 9 (№ 30, -62 см). 7, 9–10 – р. I-2016: 7, 10 – слой (№ 9, -10 см; № 15, -17 см), 9 – я. 42 (№ 71, -126 см). 12 – р. I-2011, я. 9 (№ 4, -68 см).

Fig. 3. Bronze half of lock (1), iron locks (2–5, 7–11) and their springs (6, 12–14) from Bagaevka settlement. 1–2, 11 – trench I-2012: 1 – pit 30 (N 12, -18 cm), 2 – cultural layer (NN 9–10, -8 and -13 cm), 11 – p. 31 (N 21, -61 cm). 3, 8, 13–14 – t. I-2008: 3, 8, 14 – layer (N 52, -9 cm; N 5, -19 cm; N 30, +4 cm), 13 – p. 9 (N 39, -25 cm). 4 – t. I-2014, layer (N 4, -14 cm). 5 – t. I-2007, layer (N 10, +9 cm). 6 – t. I-2009, p. 9 (N 30, -62 cm). 7, 9–10 – t. I-2016: 7, 10 – layer (N 9, -10 cm; N 15, -17 cm), 9 – p. 42 (N 71, -126 cm). 12 – t. I-2011, p. 9 (N 4, -68 cm).

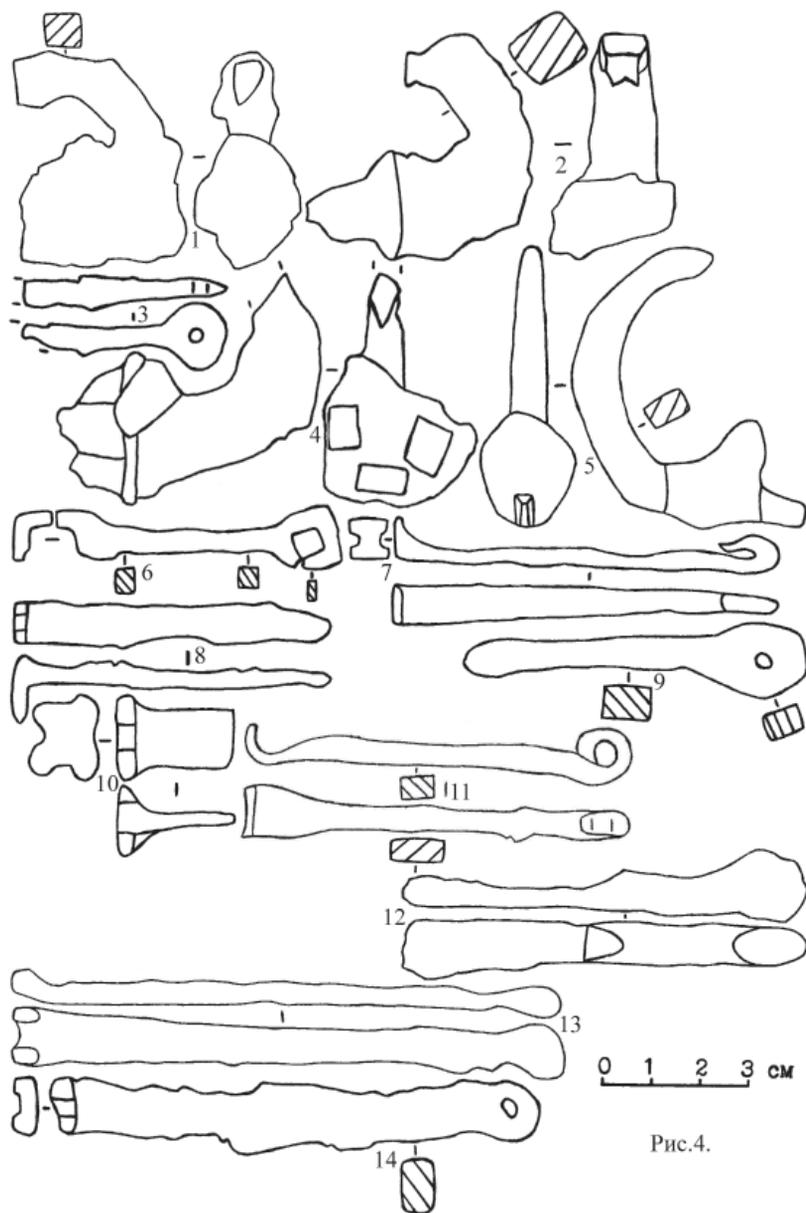

Рис.4.

Рис. 4. Железные пружины замков (1–2, 4–5) и ключи (3, 6–14) с Багаевского селища.

1, 12 – раскоп I-2012: 1 – яма 31 (№ 16, -52 см), 12 – я. 9 (№ 50, -40 см).
 2, 6, 9–10, 14 – р. I-2008: 2, 9 – культурный слой (№ 10, +7 см; № 71, -53 см),
 6, 10 – я. 9 (№ 70, -37 см; № 72, -43 см), 14 – я. 8 (№ 108, -105 см). 3–4, 8 – раскоп
 I-2009: 3, 8 – слой (№ 12, -51 см; № 13, -51 см), 4 – я. 9 (№ 32, -54 см). 5, 7 – р. I-2016:
 5 – слой (№ 6, -12 см), 7 – я. 42 (№ 60, -41 см). 11 – р. I-2010, слой (№ 10, -37 см).
 13 – р. I-2011, я. 9 (№ 3, -77 см).

Fig. 4. Iron springs of locks (1–2, 4–5) and keys (3, 6–14) from Bagaevka settlement.
 1, 12 – trench I-2012: 1 – pit 31 (N 16, -52 cm), 12 – p. 9 (N 50, -40 cm). 2, 6, 9–10, 14 – t. I-2008:
 2, 9 – cultural layer (N 10, +7 cm; N 71, -53 cm), 6, 10 – p. 9 (N 70, -37 cm; N 72, -43 cm),
 14 – p. 8 (N 108, -105 cm). 3–4, 8 – t. I-2009: 3, 8 – layer (N 12, -51 cm; N 13, -51 cm), 4 – p. 9
 (N 32, -54 cm). 5, 7 – t. I-2016: 5 – layer (N 6, -12 cm), 7 – p. 42 (N 60, -41 cm). 11 – t. I-2010,
 layer (N 10, -37 cm). 13 – t. I-2011, p. 9 (N 3, -77 cm).

Орды и близлежащих территорий (Недашковский, 2000, с. 84–86, рис. 20: 2–5).

Железные замки относятся к типу В (по классификации Б.А. Колчина). Найдено 9 корпусов замков и их фрагментов (рис. 3: 2–5, 7–11), а также 8 пружин (рис. 3: 6, 12–14; 4: 1–2, 4–5). В одном случае отверстие для ключа было защищено не сохранившимся выступом П-образной формы (рис. 3: 10). Замки типа В на памятниках Восточной Европы использовались с середины XII до начала XV в. (Егоров, Полуобяринова, 1974, с. 76, табл. I: 10; Колчин, 1959, с. 82; Недашковский, 2000, с. 87–89, рис. 21: 1–10; Руденко, 2011, с. 132, рис. 13: 1–2, 7; Савченкова, 1996, с. 40–43, рис. 14: 1–8, 10; 15; 17; Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 116–117, табл. III: 8–10; IV: 5).

Бронзовый замочек из свинцово-оловянистой бронзы (Недашковский, 2018, с. 244–245, 248–249, № 214) имел многогранную бочонкообразную форму и был украшен циркулярным орнаментом (рис. 3: 1).

Ключи представлены двумя типами.

Тип 1 (6 экз.). Ключи к замкам типа В с Н-образной рабочей частью (рис. 4: 7–8, 10), полностью сохранившиеся экземпляры имеют длину 6,5 и 7,9 см, а также фрагменты ключей, вероятно, этого же типа (рис. 4: 3, 9, 12). Проанализированное изделие отковано из цельностаальной заготовки. Близкие ключи бытовали в Древней Руси, Среднем и Нижнем Поволжье, Старом Орхее (Казаков, 1991, с. 72, 74, рис. 29: 13–14; Колчин, 1959, с. 87, рис. 70; Недашковский, 2000, с. 91, 93, рис. 23: 6; Руденко, 1998, с. 64–65, рис. 9: 17; 2011, с. 133, рис. 14: 8, 10, 12; Савченкова, 1996, с. 47, рис. 19: 7, 10).

Тип 3 (4 экз.). Ключи с отогнутой рабочей частью в виде скобы (рис. 4:

6, 11, 13–14); длина изделий от 5,8 до 11,3 см. Металлографически исследованный ключ изготовлен из сырцово-неравномерно науглероженной стали. Подобные изделия найдены в Биляре (Руденко, 2006, с. 132, рис. 21: 20–22).

Муфты ножей (рис. 2: 1–2) вырезаны из металлического листа; проанализированное изделие изготовлено из «чистой» меди (Недашковский, 2018, с. 244–245, 248–249, № 224). Аналогии известны с поселений Среднего и Нижнего Поволжья золотоордынского времени, Хорезма, из курганов кочевников Золотой Орды и Белоозера (Захаров, 2004, с. 194, табл. 192, рис. 119: 1–7; Руденко, Шайхутдинов, 1994, с. 68, рис. XXIV: 14–15).

Предмет с фигурой льва с круглым и подовальным отверстиями (рис. 2: 3) представляет собой рукоять какого-то изделия, возможно ключа, изготовленного из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, № 187). Иконография хищника близка браслетам второй половины XIII – начала XV в. с изображением львиных личин (Крамаровский, 2001, с. 186–194, рис. 99–102; Недашковский, 2000, с. 41, 45, рис. 7: 22).

Всплески оловянистой бронзы (рис. 2: 4) и сплава свинца с оловом (рис. 2: 5), а также слиток оловянистой бронзы (рис. 2: 7) свидетельствуют о существовании на селище металлообработки (Недашковский, 2010, с. 148–149, 151, №№ 189–190, 203).

Свинцовый грузик-пломба (рис. 2: 6) усечено-конический, с основанием, в центре которого расположена втулка, с вертикальными насечками на боковой поверхности и со штриховкой в виде расходящихся лучей на верхнем основании, отлит из «чистого» свинца (Недашковский, 2018, с. 244–245, 249,

№ 223). Аналогии известны на Увекском, Царевском, Болгарском и Биллярском городищах, а также Лаишевском селище (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970, с. 157, рис. 7: 2; Полякова, 1996, с. 240, 247–248, рис. 76: 12; Руденко, Шайхутдинов, 1994, с. 68, рис. XXIV: 29–30).

Из найденных на селище зеркал 3 обнаружены в яме 9, связанной с жилищем, 3 – в слое над ней, 2 – в хозяйственной яме 8, а 3 происходят из культурного слоя. Медные сосуды и их фрагменты найдены в яме 9 (3), яме 4 (1), представлявшей собой погреб, зерновой яме 32 (1) и в культурном слое (1). Фрагменты чугунных котлов обнаружены только в слое.

Восемь железных замков и их пружин выявлены в яме 9, ассоциируемой с жилищем, а также в культурном слое над ней. По одному замку найдено в слое над ямами 4 (погреб, соединенный с зерновой ямой) и 39 (зерновая), в ямах 31, в которой найдена также пружина замка, и 42 (погреб); всего 4 предмета найдено в культурном слое. Эти данные позволяют заключить, что замки в золотоордынском селе использовались не только для запираания дома, но и имевшихся погребов и даже зерновых ям. Половинка бронзового замочка от ларца или шкатулки найдена в хозяйственной яме 30. Вызывает интерес и топография находок ключей: 7 обнаружены в яме 9 и в слое над ней, по одному – в яме 42 (погреб), яме 8 (хозяйственная) и культурном слое. Одна бронзовая муфта ножа и всплеск свинца найдены в яме 9.

Сравним распространение различных групп зеркал на Багаевском селище с материалами близлежащих поселений и кочевнических курганов. По количеству экземпляров зеркал с узким высоким бортиком, в процентах от всей коллекции, данные по Багаевскому селищу (9,1%) ближе к сельскому поселению Широкий Буерак (25%) и курганам кочевников (25,6%), чем к близлежащим городам (Увекское городище и Хмелевское I селище). Зеркал с широким массивным бортиком на Багаевском селище 18,2%, что занимает промежуточное положение между Укеком (25,8%) и комплексами номадов (10,3%). Количество изделий с низким валикообразным бортиком и без выраженного бортика, найденных на Багаевском селище (72,7%), ближе к аналогичным данным по Широкому Буераку (74,4%) и подкурганым захоронениям (64,1%), чем к городским памятникам. В целом по распространенности зеркал разных типов, отражающей вкусы населения, Багаевское селище ближе к комплексам сельских жителей поселения Широкий Буерак и номадов, чем горожан.

На Багаевском селище, как и на Хмелевском I, найден лишь один бронзовый замочек, хотя такие изделия многочисленны на Увекском городище. Железных же замков и ключей, напротив, найдено больше, чем на соседних памятниках. Менее, чем в городах, были распространены на Багаевском селище медные муфты ножей и свинцовые грузики-пломбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 259–301.

2. *Бойко А.Л.* Спасательные раскопки в г. Азове в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1990. С. 3–5.
3. *Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 202–240.
4. *Васильева И.Н.* Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 173–178.
5. *Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
6. *Добролюбовский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова думка, 1986. 140 с.
7. *Егоров В.Л., Полубояринова М.Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.
8. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
9. *Ильюков Л.С., Казакова Л.М.* Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1988. 166 с.
10. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовой Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
11. *Касанкин Г.И.* Золотоордынское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия / Отв. ред. В.А. Соснин. Саратов: Орион, 1994. С. 94–101.
12. Каталог археологических коллекций / Сост. Б.А. Раев. Новочеркасск: Ленуприздат, 1979. 161 с.
13. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.
14. *Косиков В.А., Гриб В.К.* Парное кочевническое погребение из кургана у с. Каменка в Донецкой области // СА. 1985. № 2. С. 257–262.
15. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
16. *Кригер В.А.* Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 году / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 10342.
17. *Кригер В.А.* Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 10555.
18. *Кригер В.А.* Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 10773.
19. *Кузнецов В.А.* Археологические исследования в верховьях Кубани (1960–1961 гг.) // КСИА. Вып. 96 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. С. 86–93.
20. *Кузнецов В.А.* Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. № 114. М.: Изд-во АН СССР, 1963б. С. 8–47.
21. *Ларенок В.А.* Позднекочевнический могильник на р. Сал // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10 / Ред. В.Е. Максименко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1991. С. 118–126.
22. *Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сае // СА. 1970. № 3. С. 149–161.
23. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
24. *Недашковский Л.Ф.* Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских селищ округа Укека // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 147–151.
25. *Недашковский Л.Ф.* Химический состав изделий из цветных металлов и стекла с Багаевского селища // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 77–81.

26. Недашковский Л.Ф. Интенсивность экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округа крупнейших городов) // *Stratum Plus*. 2016. № 6. С. 151–162.
27. Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // *Stratum Plus*. 2018. № 6. С. 243–254.
28. Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Украшения и зеркала с Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 3. Казань: Изд-во КФУ, 2015. С. 34–45.
29. Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // *Stratum Plus*. 2019. № 5. С. 167–177.
30. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226.
31. Плетнева С.А. Древности черных клобуков. М.: Наука, 1973. 96 с.
32. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 213–222.
33. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 204 с.
34. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
35. Потемкина Т.М. Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДНУ, 2012. С. 279–306.
36. Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–1994 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1998. С. 60–71.
37. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. № 1–2(12–13). С. 111–156.
38. Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // ТА. 2006. № 1–2 (16–17). С. 89–196.
39. Руденко К.А. Города и села Булгарского улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2011. № 1–2 (20–21). С. 32–151.
40. Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1994. С. 66–71.
41. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
42. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
43. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–131.
44. Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 142–199.
45. Nedashkovskii L.F. Economy of the Golden Horde population // *Anthropology & Archaeology of Eurasia*. 2009. V. 48, no. 2. P. 35–50.
46. Nedashkovsky L.F. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas // *Acta Archaeologica*. 2012. V. 83, no. 1. P. 225–255.
47. Nedashkovsky L.F. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources // *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. 2014. Special Issue. Russian Studies. From the early Middle Ages to the present day. P. 291–303.
48. Nedashkovsky L.F. Trade in the Golden Horde Volga Region // *Journal of Sustainable Development*. 2015. Vol. 8, no. 7. P. 199–206.
49. Nedashkovsky L.F., Nurkhamitov M.R. Historical characteristics of the Golden Horde city // *Opcon*. 2019. Ano 35, especial no. 23. P. 288–302.

Информация об авторах:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Шигапов Марат Баязитович, археолог-исследователь, ООО «Поволжская археология» (г. Казань, Россия); maratshigapov@gmail.com

METALLIC WARES FROM BAGAEVKA SETTLEMENT**L.F. Nedashkovsky, M.B. Shigapov**

Complex of metallic objects from Bagaevka settlement, rural settlement of the Golden Horde of the second half of 13th – 14th century, situated in periphery of the Golden Horde city Ukek in Saratov area of Saratov region is analysed by the authors. The settlement was studied by expedition of Kazan University under supervision of L.F. Nedashkovsky in 1995, 2002–2003, 2006–2012 and 2014–2016. Numismatic finds from the site, which covered area 5.1 ha and has the cultural layer in some places with more than 90 cm width, belong to the Golden Horde mintage of the end of 13th – beginning of 60s of 14th century. Metallic vessels (fragments of copper forged vessels, rivet, cup, fragments of cast-iron cauldrons) were characterized in the article. Other objects are represented by mirrors, bronze couplings of knives, ware with lion figure, ingot, splashes of lead and bronze, lead weight-seal, bronze and iron locks, iron keys. Morphological features of wares are examined on the basis of typology with involvement of the comparative background of materials of synchronous monuments. Complex under study characterizes material culture of the Golden Horde village of the Low Volga region, which, judging by the published materials, differed from material culture of city and town, situated nearby.

Keywords: archaeology, rural settlements, Golden Horde, Lower Volga region, material culture, mirrors.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Kuibyshev Archaeological Expedition)* I Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR) 42. Moscow: "Nauka" Publ., 259–301 (in Russian).
2. Boiko, A. L. 1990. In Maksimenko, V. E. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region in 1989)* 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 3–5 (in Russian).
3. Vasil'eva, I. N. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 202–240 (in Russian).
4. Vasil'eva, I. N. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 173–178 (in Russian).
5. Garustovich G.N., Rakushin A.I., Iaminov A.F. 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ia (kontsa IX – nachala XV veka) (Medieval Nomads of the Volga Region (Late 9th – Early 15th Centuries))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
6. Dobrolyubskii, A. O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya (Nomads of the North-Western Black Sea Region in the Middle Ages)*. Kiev: "Naukova dumka" (in Russian).
7. Egorov, V. L., Poluboiarinova, M. D. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities in the Volga Region during the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 39–79 (in Russian).
8. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
9. Il'yukov, L. S., Kazakova, L. M. 1988. *Kurgany Miussskogo poluostrova (Barrows of the Mius Peninsula)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University Publ. (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00004.

11. Kasankin, G. I. 1994. In Sosnin, V. A. (ed.). *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam sokhraneniya arkhelogicheskogo naslediya (Proceedings of the Scientific and Practical Conference on the Issues of Archaeological Heritage Preservation)*. Saratov: "Orion" Publ., 94–101 (in Russian).
12. Raev, B. A. (comp.) 1979. *Katalog arkhelogicheskikh kollektzii (Catalogue of Archaeological Collections)*. Novocherkassk: "Lenuprizdat" Publ. (in Russian).
13. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkhelogii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).
14. Kosikov, V. A., Grib, V. K. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 257–262 (in Russian).
15. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of the Genghisids: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).
16. Kriger, V. A. 1983. *Otchet o raskopkakh Bakhtiyarovskogo mogil'nika v Leninskom raione Volgogradskoi oblasti v 1983 godu (Report on the Excavations of Bakhtiyar Burial Ground in the Leninsky District of the Volgograd Region in 1983)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. dossier 10342 (in Russian).
17. Kriger, V. A. 1984. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh Bakhtiyarovskogo mogil'nika v Leninskom raione Volgogradskoi oblasti v 1984 g. (Report on Archaeological Studies of Bakhtiyar Burial Ground in the Leninsky District of the Volgograd Region in 1984)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 10555 (in Russian).
18. Kriger, V. A. 1985. *Otchet o raskopkakh v 1985 godu v Sredneakhtubinskom (p. Rakhinka) i Leninskom (Bakhtiyarovka III) raionakh Volgogradskoi oblasti (Report on Excavations in Sredneakhtubinsky (Rakhinka Village) and Leninsky (Bakhtiyarovka III) Districts of the Volgograd Region in 1985)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 10773 (in Russian).
19. Kuznetsov, V. A. 1963. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhelogii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 96. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 86–93 (in Russian).
20. Kuznetsov, V. A. 1963. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhelogii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 114. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 8–47 (in Russian).
21. Larenok, V. A. 1991. In Maksimenko, V. E. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1990 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region)* 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 118–126 (in Russian).
22. Mukhamadiev, A. G., Fedorov-Davydov, G. A. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 149–161 (in Russian).
23. Nedashkovsky, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
24. Nedashkovsky, L. F. 2010. In Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S., Tomilov, N. A. (eds.). *Integratsiia arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 147–151 (in Russian).
25. Nedashkovsky, L. F. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkhelogii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altai State University, 77–81 (in Russian).
26. Nedashkovsky, L. F. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 151–162 (in Russian).
27. Nedashkovsky, L. F. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 243–254 (in Russian).
28. Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157. Book 3. Kazan: Kazan State University, 34–45 (in Russian).
29. Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 167–177 (in Russian).

30. Pletneva, S. A. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 151–226 (in Russian).
31. Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chornye Klobuks)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Pletneva, S. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 213–222 (in Russian).
33. Pletneva, S. A. 1990. *Polovtsy (The Cumans.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
35. Potemkina, T. M. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. 11. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 279–306 (in Russian).
36. Rudenko, K. A. 1998. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Studies on the Archaeology of the Volga Region)* (1). Yoshkar-Ola: Mari State University, 60–71 (in Russian).
37. Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (12–13). 111–156 (in Russian).
38. Rudenko, K. A. 2006. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (16–17). 89–196 (in Russian).
39. Rudenko, K. A. 2011. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (20–21). 32–151 (in Russian).
40. Rudenko, K. A., Shaikhutdinov, R. R. 1994. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and Archaeological Study of the Volga Region.)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 66–71 (in Russian).
41. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).
42. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
43. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 89–131 (in Russian).
44. Flyorov, V. S. 1984. In Pletneva, S. A. (ed.). *Mayatskoe gorodishche (Mayatskoye fortified settlement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142–199 (in Russian).
45. Nedashkovskii, L. F. 2009. In *Anthropology & Archaeology of Eurasia*. V. 48, no. 2. 35–50.
46. Nedashkovsky, L. F. 2012. In *Acta Archaeologica*. V. 83, no. 1. 225–255.
47. Nedashkovsky L.F. 2014. In *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. Special Issue. Russian Studies. From the early Middle Ages to the present day. 291–303.
48. Nedashkovsky, L. F. 2015. In *Journal of Sustainable Development*. Vol. 8, no. 7. 199–206.
49. Nedashkovsky, L. F., Nurkhamitov, M. R. 2019. In *Opcion*. Ano 35, especial no. 23. 288–302.

About the Authors:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Professor. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Shigapov Marat B. Povolzhskaya arkhaeologiya LLC. Nekrasova St., 28, Kazan, 420012, Russian Federation; maratshigapov@gmail.com

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

ЯРКОВСКОЕ 1 ГОРОДИЩЕ – ПАМЯТНИК XII–XIV ВЕКОВ ИЗ ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

© 2020 г. А.А. Адамов, И.В. Балюнов

Известные археологические источники свидетельствуют о миграции в XII–XIV вв. группы приуральского населения в Западную Сибирь. Однако этот процесс продолжает оставаться малоизученным, что частично можно исправить, обратившись к археологическим материалам Яркового 1 городища. Этот памятник Тобольского Прииртышья был известен ещё дореволюционным исследователям, но его раскопки начали производиться сравнительно недавно. В раскопе 2015 г. выявлено значительное количество индивидуальных находок из меди, бронзы, серебра, железа. Достаточно часто встречаются обломки керамической посуды, изделия из кости и камня. Ближайшие аналоги вещевому комплексу Яркового городища обнаруживаются на предуральских памятниках родановской археологической культуры. Предположение авторов подтверждается находками орнаментированной керамики, льячек, бронзовых подвесок, серебряного перстня, навесных замков, игольника и пр. Однако не все черты материальной культуры местного населения имеют прямые аналогии в родановских древностях, что свидетельствует о том, что в Тобольском Прииртышье происходил синтез ряда культур. Среди находок можно выделить как вещи явно сибирского происхождения, так и привезенные с территории Поволжья и Средней Азии. Авторами установлено, что главной составной частью населения Яркового 1 городища являлись пришедшие из-за Урала родановцы. Родановцы по мере продвижения к низовьям Тобола могли включать в себя инокультурные группы, в том числе юдинские, а также местные коллективы южных кинтусовцев.

Ключевые слова: археология, средневековье, Предуралье, Яркового городище, угры, переселение, керамика, украшения, юдинская культура, кинтусовская культура.

Одной и слабоизученных тем в средневековой сибирской археологии остается проблема переселения групп предуральского населения на территорию Западной Сибири. Впервые предположения о таких переселениях было обосновано В.А. Обориным (1976), а аргументированное подтверждение появилось после выхода ряда работ В.М. Морозова и С.Г. Пархимовича (1985; 1997; Пархимович, 1991). Последние на основании материалов трех городищ XII–XIII вв. Перегребное 1 и Шеркалы 1/1 и 1/2 отметили черты сходства в материальной культуре памятников Нижнего Приобья с предуральскими культурами – вымской и родановской, что позволило исследователям соотнести эти памятники с культурой древних коми (1997, с. 23). При этом было отмечено, что культура переселенцев достаточно быстро подверглась ассимиляции

преобладающим местным населением (1997, с. 34). Несколько другую точку зрения на эти же памятники высказал А.М. Белавин, отметивший, что облик керамики с этих памятников ближе все же родановской посуде. А учитывая, что родановские памятники оставлены угорскими племенами или преимущественно угорскими, то, скорее всего, родановская посуда на этих городищах – показатель миграции в родственную среду угров Предуралья в период их активного вытеснения коми-пришельцами (2000, с. 172).

В XXI веке в Тобольском Прииртышье была выявлена целая группа памятников, датирующихся в пределах XII–XIV вв. Это городища, поселения, грунтовые могильники и одно культовое место (всего более 30 памятников), расположенные в Тобольском и Вагайском районах Тюменской области по берегам рек Иртыш и Тобол

вверх от устья последнего (Адамов, 2017). Черты материальной культуры этих памятников имеют заметное сходство с памятниками Предуралья. В данной статье мы хотели бы остановиться на материалах исследований 2015 г. Яркового 1 городища и сборов «черных» копателей с него, с которыми нам удалось познакомиться.

Памятник известен достаточно давно, на его территории побывали и оставили описание такие известные сибирских краеведы, как Г.И. Спасский, И.С. Поляков, М.С. Знаменский, В.Н. Пигнатти. Дореволюционные исследователи из-за территориальной близости к городищу Искер (напрямую 8,2 км) считали, что Ярковокое городище является укрепленным пунктом, созданным ханом Кучумом после того, как он оставил столицу Сибирского ханства. Допустив неточности в атрибуции памятника, названные авторы тем не менее оставили ценнейшие сведения о его основных характеристиках. Сохранившиеся описания позволяют надежно реконструировать внешний облик городища, в частности систему оборонительных сооружений, которая была настолько мощной, что долгие годы памятник именовался «Укреплениями Кучума» (Балюнов, 2018).

Заметно позднее (именно как Ярковокое) городище было упомянуто в обобщающем труде И.А. Талицкой, где автор со ссылкой на работы тюменского краеведа XIX в. И.Я. Слоцова сообщает, что в окрестностях деревни Яркова Тобольского округа «... близ оз. Архиерейского, приблизительно в 10 км от б. Абалакского монастыря, по сведениям М.С. Знаменского, расположено городище, называемое Кучумово укрепление» (Талицкая, 1953, с. 269, 270).

Памятник расположен на мысовидном выступе надпойменной террасы р. Иртыш в 1,1 км к ЮЗЗ от с. Белкино. Мыс в плане напоминает равносторонний треугольник. Западная граница городища определяется оврагом, по которому протекает р. Козловка, восточная граница – поймой р. Исток, которые сливаются близ острия мыса. Высота надпойменной террасы на данном участке достигает 16 метров. Наземные признаки городища в настоящее время не выражены в рельефе. Площадь памятника около 25000 кв.м. О былых укреплениях городища можно судить по плану, составленному В. Филимоновым в начале XIX в. Копия плана была сделана М.С. Знаменским и вошла в его альбом иллюстраций, посвященный столице Сибирского ханства – Искеру. На плане В. Филимонова отмечены два ряда оборонительных линий, состоящих из рвов и валов с напольной стороны городища. Внешние укрепления состояли из вала и внутреннего рва. Ближе к стрелке мыса располагался еще один пояс укреплений, насчитывающий три линии рвов и находящихся с внутренней стороны валов (Зыков и др., 2017, рис. 10). Раскоп 2010–2011 гг., располагавшийся на стрелке мыса, выявил мощный культурный слой (Адамов, Балюнов, 2011).

Летом 2015 г. на северо-западной окраине площади Яркового городища, вдоль оврага р. Козловки, почти параллельно западному склону мыса, между двух линий укреплений, был заложен раскоп площадью 100 кв.м, размером 10×10 м. Мощность культурных напластований раскопа (до уровня материкового суглинки) достигает местами 0,5 м, а в ямах – до 1,5 м. Сразу под дерновым покрытием был выявлен темно-серый суглинок (па-

Рис. 1. Предметный комплекс с городища Ярковокое 1. 1, 6, 7 – подвески, 2, 3 – перстни, 4, 8 – детали крепления подвесок, 5 – зеркало, 9 – бляха, 10 – браслет, 11 – накладка, 12, 14 – фрагменты посуды, 13 – дужка, 15 – петля.
1–3 – серебро, 4, 8, 13–15 – медь, 5–7, 9–12 – бронза.

Fig. 1. The implement complex from the hillfort Yarkovskoe 1. 1, 6, 7 – pendants, 2, 3 – rings, 4, 8 – mounting parts for suspensions, 5 – mirror, 9 – plaque, 10 – bracelet, 11 – pad, 12, 14 – fragments of dishes, 13 – bracket, 15 – loop.
1–3 – silver, 4, 8, 13–15 – copper, 5–7, 9–12 – bronze

хотный слой). Ниже, в материке, исследовались ямы различных размеров и назначения, свидетельствующие об интенсивной хозяйственной деятельности населения Ярковокого городища. Были зафиксированы контуры десяти ям, границы которых выходили за пределы исследованной раскопками площади. Еще одиннадцать ям исследованы полностью. Судя по всему, часть из исследованных объектов представляет собой погребов жилых помещений. Как показали исследования, внутренние конструкции погребов были как каркасно-столбовые, так и срубные. Достаточно скученное рас-

положение погребов дает основание предполагать, что для проживания использовались наземные постройки, имеющие деревянные полы, под которыми и располагались погребов.

В раскопе выявлено значительное количество индивидуальных находок из меди, бронзы, серебра, железа. Достаточно часто встречаются обломки керамической посуды, изделия из кости и камня. Массовые находки представлены костями животных, рыб (кухонные остатки), фрагментами кусков обожженной глины (обломки чувалов), шлаками, отходами бронзолитейного производства.

Рис. 2. Предметный комплекс с городища Ярковокое 1. 1 – кочедык, 2 – наконечник стрелы, 3 – астрагал, 4 – игольник, 5 – налобная пластина, 6, 7 – пряслица, 8 – льячка.
1, 2, 4, 5 – кость, 3 – кость, свинец, 6–8 – глина.

Fig. 2. The implement complex from the hillfort Yarkovskoe 1. 1 – hook for knitting nets (kochedyk), 2 – arrowhead, 3 – astragalus, 4 – needle bar, 5 – frontal plate, 6, 7 – spindle, 8 – crucible.
1, 2, 4, 5 – bone, 3 – bone, lead, 6–8 – clay.

Пожалуй, наиболее многочисленными находками являются изделия из обожженной глины. Всего на площади раскопа было обнаружено 187 фрагментов керамических сосудов. Основная часть керамической коллекции – это фрагменты лепных сосудов, которые достаточно тонкостенные, хорошо обожжены, в тесте посуды прослеживается применение толченых раковин. Посуда, судя по всему, представлена горшками и чашами (рис. 3: 1–3). При этом из-за отсутствия полных форм отделить один тип от другого достаточно сложно, так как их верхние профили практически не отличаются друг от друга, а наличие

уплощенных дниц не позволяет судить об их действительной высоте. Сосуды с широким горлом (чуть уже плечиков), округлой шейкой и отогнутым венчиком. Край венчика не орнаментировался.

Элементы орнамента составляют в основном гребенчатый штамп, оттиск гладкой палочки. Нередко сосуды украшались налепами как круглой, так и овальной формы, с насечками – гладкой палочкой, гребенчатым штампом, ямочными вдавлениями. На ряде сосудов прослеживается и горизонтальный валик, иногда налепной. Мотивы орнаментации представлены сеткой из гребенчатого штампа, гори-

зонтальной елочкой или горизонтальными рядами оттисков наклонного гребенчатого штампа. В целом надо отметить, что керамика слабо орнаментирована.

Керамический комплекс городища Ярково 1 по ряду признаков схож с предуральской керамикой. С выемскими коллекциями их сближает форма сосудов, такие мотивы, как горизонтальная елочка и сетка из гребенчатого штампа, налесты. В то же время в Тобольском Прииртышье для украшения посуды применялся достаточно небольшой ряд элементов орнаментации по сравнению с Предуральской, кроме того, присутствие в последней в значительном количестве талька (Савельева, 1987, с. 83, 84) не позволяют говорить об идентичности двух коллекций. Значительные черты сходства нашей лепной керамики прослеживаются с основными формами, рядом элементов и мотивов орнаментации, которые присущи родановской керамике (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 91, 92, 106). Это сходство усиливается и наличием в тесте последних толченой раковины (Белавин, Крыласова, 2008, с. 175). Но отсутствие в материалах Ярково 1 городища шнурового орнамента, фигурных штампов не позволяет говорить о полном соответствии двух керамических комплексов. Достаточно близок нашим материалам, если судить по опубликованным данным, и керамический комплекс с городища, расположенного в Нижнем Приобье – Шеркалы 1/2 (Морозов, Пархимович, 1997, рис. 1; 3). Идентичные формы сосудов, гребенчатый штамп, оттиски палочки, горизонтальная елочка, округлые налесты, горизонтальный валик свидетельствуют о близкой культурной составляющей двух памятни-

ков, столь отдаленно расположенных. Правда, в керамическом комплексе Шеркалы 1/2 в тесте только трех (из 83) сосудов присутствует толченая раковина (Морозов, Пархимович, 1997, с. 27).

Кроме лепной керамики встречены три фрагмента красной, хорошо обожженной гончарной посуды; на одном из фрагментов прослеживаются полосы вертикального лощения. Эти фрагменты вполне могут быть как от болгарской, так и от золотоордынской посуды из Поволжья.

Из обожженной глины изготовлены и пряслица овально-подпрямоугольного или эллипсоидного сечения (рис. 2: 6, 7). Подобные изделия являются одной из характерных черт материальной культуры населения Тобольского Прииртышья в XII–XIV вв. Аналогичные пряслица широко представлены в Предуралье (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 161; 162). Большая серия близких по форме пряслиц известна в материалах городища Искер (Зыков и др., 2017, рис. 67; 68). Опираясь на материалы Ярково 1 городища, мы можем констатировать, что подобные пряслица с Искера могут быть датированы в пределах XII–XIV вв. и нет оснований относить их ко времени существования Сибирского ханства, тем более что на Искере имеются и другие находки первой пол. II тыс. н. э. (Адамов, 2016б).

Еще одна группа изделий из керамики представлена фрагментом тигля и льячкой с длинным носиком (сливом) и обломанной втулкой для крепления рукоятки (рис. 2: 8). В отличие от тигля, льячка не несет на себе следов воздействия на нее высокой температуры, а значит, не могла применяться при литье бронзовых предметов, как это априори принято счи-

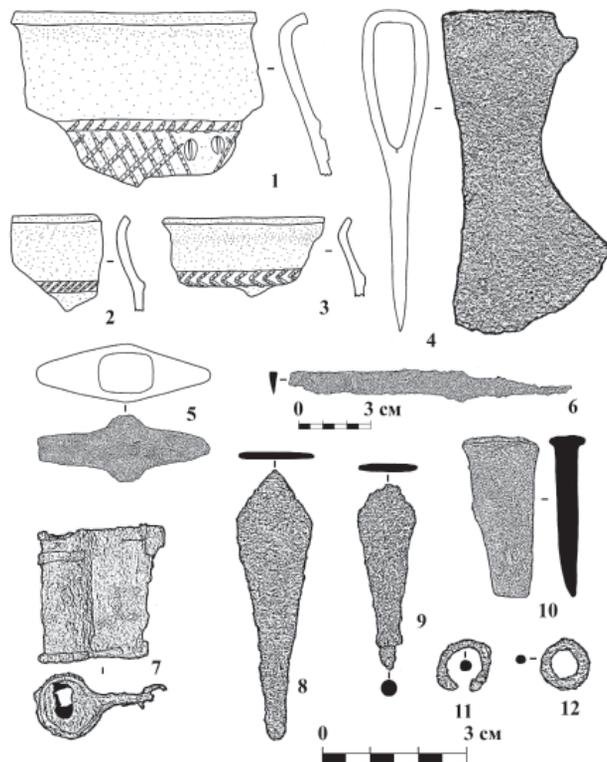

Рис. 3. Предметный комплекс с городища Ярковокое 1. 1–3 – фрагменты сосудов, 4 – топор, 5 – перекрестие, 6 – нож, 7 – замок, 8, 9 – наконечники стрел, 10 – клин, 11, 12 – кольчужные кольца. 1–3 – глина, 4–9, 11, 12 – железо, 10 – медь.

Fig. 3. The implement complex from the hillfort Yarkovskoe 1. 1–3 – fragments of vessels, 4 – ax, 5 – crosshair, 6 – knife, 7 – lock, 8, 9 – arrowheads, 10 – wedge, 11, 12 – chain mail rings. 1–3 – clay, 4–9, 11, 12 – iron, 10 – copper.

тать. Исследователи Н.В. Ениосова и Р.А. Митоян, проанализировав близкие по форме изделия из Гнездовского поселения, на которых также отсутствовали следы высокотемпературного воздействия на них, получили данные, что в таких льячках плавил свинец, температура плавления которого всего 327 градусов (1999, с. 60). Аналогичные формы льячки известны в памятниках родановской культуры (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 142, 3), в материалах городища Шеркалы 1/2 (Морозов, Пархимович, 1997, рис. 2, 2), в средневековых памятниках Сибири (Коников, 2007, рис. 176, 1, 2, 4; Сургутский..., 2011, № 128–130).

В культурном слое Ярковокого городища обнаружено значительное количество небольших обломков медной посуды (более крупные куски меди достаточно регулярно изымаются «копателями»), что свидетельствует о том, что медная посуда широко использовалась местным населением. Прежде всего, это были котлы, которые представлены в раскопе медными обломками петли (рис. 1: 15) и дужки (рис. 1: 13), а также фрагментами стенок с соединительными заклепками. Жители городища использовали и орнаментированную медную посуду (рис. 1: 14), и литые бронзовые чаши (рис. 1: 12).

Изделия из бронзы представлены серией находок, которые подразделяются на две группы. К первой относятся обломки двоякоревидной и арочной подвески (рис. 1: 6, 7), имеющие аналогии в Предуралье (Савельева, 1987, рис. 30, 18, 21; 31, 5–7; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 190, 32; 188, 1–5). Вторая группа – круглые бляхи-пуговицы с петлей на обороте (рис. 1: 9), крестовидная накладка (рис. 1: 11), обломок широкого браслета с головами медведей на концах (рис. 1: 10). Эта группа изделий неразрывно связана со средневековыми древностями Сибири. Аналогии им известны как в устьишимской культуре (Конигов, 1993, рис. 44, 5, 6; Конигов, 2007, рис. 213, 14–17), так и в кинтусовских древностях (Могильников, 1987, табл. ХСІ, 26–28). Интересен обломок бронзового зеркала (рис. 1: 5) с изображением грифона (сохранилась лишь часть крыла). Подобное зеркало обнаружено в Биляре (Хлебникова, 1969, рис. 1), в памятниках XIII–XIV вв. Томского (Плетнева, 1997, рис. 119, 1) и Новосибирского Приобья (Троицкая, Черноскутов, 1984, рис. 2). В последние годы значительно расширилась география таких находок. В сети интернет появились сведения о находках не менее 8 подобных зеркал из Тюменской области, Красноярского края, Киргизии, Казахстана, Приаралья и даже Пакистана (<http://domongol.org/viewtopic.php?f=83&t=5348&st=0&sk=t&sd=a> (дата обращения 23.11.2019 г.)). Можно согласиться с мнением новосибирских исследователей, указавших на Среднюю Азию как на центр производства подобных зеркал (Троицкая, Черноскутов, 1984, с. 33, 34), тем более что в домонгольский период в Болгарии налаженного производства

металлических зеркал не было (Руденко, 2013, с. 158). Отливались подобные зеркала, скорее всего, в XII–XIII вв.

Представлены на городище и изделия из серебра. В раскопе найдены три фрагмента от одного пластинчатого широкосрединного перстня с шириной подпрямоугольного щитка 22,65 мм и толщиной 1,22–1,47 мм (рис. 1: 2). Орнамент представлен косым крестом из сдвоенных гравированных линий. По четырем сторонам креста схематическое изображение крина, вписанного в треугольник. На боковой грани перстня гравировка в виде треугольника, разбитого на два треугольника и ромб, по центру которых точечный и линейный орнамент. Следов черни на перстне не прослеживается. Близкие аналогии данному перстню имеются в Предуралье в Плотниковском могильнике XIII–XIV вв. (Брюхова, Подосёнова, 2015, рис. 2; Брюхова и др., 2015, рис. 2, 4).

Целый перстень размером 21,04×19,93 мм представлен экземпляром с выпуклым прямоугольным щитком и с замкнутыми внаклад концами (рис. 1: 3), орнаментирован по щитку сеткой из прочерченных линий, а по боковым граням линейными насечками. Чернь наносилась как на орнаментальное поле площадки, так и боковые грани перстня. Аналогии подобным изделиям широко представлены в материалах золотоордынского времени в Поволжье, где перстни подобной формы и с линейными насечками на боковых гранях были широко распространены (Руденко, 2015, рис. 43, 1–4, 8).

Жители городища широко использовали и серебряные подвески с отдельно напаянными медными и серебряными держателями, которых в

раскопе обнаружено 4 экз. Держатели были двух видов: с ушком в средней части (рис. 1: 4), с петлей на конце (рис. 1: 8). Остатки подобного держателя сохранились и на происходящем с городища круглом медальоне с гравированным изображением всадника, держащего в поднятой руке рог (рис. 1: 1). Несмотря на то, что рисунок на этом медальоне схож с изображениями так называемых «сокольничьих», распространенных в Предуралье (Белавин, 2000, рис. 40), анализ значительного числа подобных медальонов, происходящих из Тобольского Прииртышья, позволил нам выделить здесь один из центров по производству подвесок с изображением всадника (Адамов, 2016а, с. 146). Круглые медальоны с изображением Мир-Сусне-Хума входили в стандартный набор украшений населения Тобольского Прииртышья, являясь амулетами (Адамов, 2016а, с. 147).

Железные предметы представлены наконечниками стрел, среди которых выделяются как формы без упора (рис. 3: 8), характерные для таежных районов Западной Сибири, так и с упорами (рис. 3: 9), характерные для степной и лесостепной зон Евразии. Ножи (обнаружено 8 экз.) по наиболее хорошо сохранившимся фрагментам можно отнести к универсально-хозяйственным (рис. 3: 6). Проушной топор (рис. 3: 4), для крепления рукоятей к которым использовались как медные (рис. 3: 10), так и железные клинья, точных аналогий в средневековых древностях Восточной Европы не имеет.

Из других находок выделяются почти целый железный навесной замок (рис. 3: 7). Замок относится к типу В и датируется сер. XII–XIV вв.

(Колчин, 1959, с. 82). Железные навесные замки известны среди древностей Предуралья (Савельева, 1987, рис. 17, 10–12; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 178). Из других предметов нужно отметить перекрестие сабли – простое (стержневое), имеющее сужающиеся окончания и продолговатые симметричными отростки в срединной части (рис. 3: 5). Встречено несколько кольчужных колец из круглой проволоки (рис. 3: 11, 12). Есть как сварные, так и склепанные, их диаметр около 1,25–1,4 см, толщина проволоки – 0,2–0,25 см.

Находки из кости представлены большой серией наконечников стрел (рис. 2: 2), причем численно они преобладают над железными. Обнаружены астрагалы бобра и мелкого рогатого скота (?): орнаментированные, с отверстиями, залитые свинцом (рис. 2: 3). Для жителей городища альчики являлись неременным атрибутом разнообразных игр в кости. Костяные кочедыки (рис. 2: 1) использовались как орудия для плетения из бересты и лыка. Большая серия близких форм известна среди древностей Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 154; 155). Редкой находкой для Тобольского Прииртышья является игольник для костяной иглы, сделанный из трубчатой косточки мелкого животного (рис. 2: 4). Подобные игольники – частая находка на памятниках родановской культуры (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 159, 20–24). Очень интересен обломок изогнутой пластины в два отверстия (рис. 2: 5), представляющей из себя часть оленьей упряжки (налобная пластина). Подобная находка – яркое свидетельство использования северных оленей как упряжных животных населением городища. В материалах

городищ Нижнего Приобья – Перегребном и Шеркалах также встречены костяные детали оленьей упряжи (Морозов, Пархимович, 1997, с. 32). Находки в раскопе обломков каменных жерновов лишней раз подчеркивают значение пашенного земледелия для хозяйственной жизни населения Тобольского Прииртышья (Адамов и др., 2016).

Материалы городища Ярково 1 можно датировать в пределах XII–XIV вв. Жители достаточно крупного (по сибирским меркам) городища использовали для бытовых нужд широкий набор медной и бронзовой посуды, привозную гончарную и изготавливали лепную керамическую посуду. Было налажено производство тканей, которые, как показывают находки глиняных пряслиц, изготавливали из растительного сырья. Для пошива одежды использовали костяные иголки. В качестве украшений отливали разнообразные бронзовые подвески и нашивки. Широкое распространение имели и украшения из серебра, в том числе перстни и подвески. Их изготовление было налажено из привозного сырья на месте. Важное место занимала и обработка железа, из которого изготавливали широкий набор орудий труда и вооружения, в том числе такие сложные изделия, как проушные топоры. Хозяйственные занятия включали пашенное земледелие и скотоводство. Природные условия позволяли успешно заниматься охотой и рыбной ловлей, было знакомо жителям городища и транспортное оленеводство. Торговые отношения поддерживались с разными культур-

ными центрами. В Среднюю Азию пролегла удобная дорога вдоль р. Вагай и Ишим. Надо думать, что поддерживались связи и с городами Поволжья и даже с Русью, так как недалеко от Ярково 1 городища расположено однокультурное городище Старый Погост, где был обнаружен обломок древнерусского сосуда XIII–XIV вв. (Могильников, 2000, рис. 3, 2).

Ближайшие аналогии вещевому комплексу Ярково 1 городища обнаруживаются на предуральских памятниках родановской археологической культуры. Однако не все черты материальной культуры местного населения имеют прямые аналогии в родановских древностях, что свидетельствует о том, в Тобольском Прииртышье происходил синтез ряда этнокультурных коллективов. Без сомнения, основой сформировавшегося населения являлись пришедшие из-за Урала родановцы. Причем, если на Нижнюю Обь проникали отдельные коллективы, то к устью Тобола пришла значительная группа переселенцев. Пришедшие родановцы по мере продвижения к низовьям Тобола включали в себя инокультурные группы. Это могли быть юдинцы, а также местные группы южных кинтусовцев. Скорее всего, объединяющим началом для этих групп являлись их общие угорские корни, что было верно подмечено А.М. Белавиным по материалам Нижней Оби (Белавин, 2000, с. 172). Именно на этой основе и сформировалось столь яркое культурное образование в междуречье Тобола и Иртыша.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамов А.А. Медальоны с изображением всадника из Тобольского Прииртышья // Тобольск научный – 2016: Материалы XIII Всероссийской научно-практической кон-

ференции (с международным участием) / Отв. ред. Н.И. Загороднюк. Тобольск: Принт-Экспресс, 2016а. С. 145–147.

2. *Адамов А.А.* Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016б. № 12–3 (74). С. 16–20.

3. *Адамов А.А.* Этнокультурная ситуация в Тобольском Прииртышье в XII–XIV вв. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 43–44.

4. *Адамов А.А., Балюнов И.В.* Археологические исследования на Яровском городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 124–126.

5. *Адамов А.А., Корона О.М., Рябогина Н.Е.* Палеоэтноботанические и археологические данные о пашенном земледелии на памятниках XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 1 / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Тюменский гос. ун-т. 2016. С. 15–19.

6. *Балюнов И.В.* Дореволюционные источники о Яровском городище // Тобольск научный – 2018: Материалы XV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / Глав. ред. И.А. Ломакин. Тобольск: Экспресс, 2018. С. 237–241.

7. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

8. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.

9. *Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А.* Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 304–311.

10. *Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б.* Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Пермского ун-та. Серия: История. 2015. № 1 (28). С. 114–131.

11. *Ениосова Н.В., Митоян Р.А.* Тигли Гнездовского поселения // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер / Труды ГИМ. Вып. 111 / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1999. С. 54–63.

12. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

13. *Конилов Б.А.* Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск: Омский гос. пед. ин-т, 1993. 224 с.

14. *Мозильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235.

15. *Мозильников В.А.* К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI–XV веках // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск-Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2000. С. 77–85.

16. *Морозов В.М., Пархимович С.Г.* Городище Перегребное 1 (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 1985. С. 89–99.

17. *Морозов В.М., Пархимович С.Г.* Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 1997, № 7. Вып. 1. С. 17–34.

18. *Оборин В.А.* Географические названия на КАР, -ГОРТ, -ЫБ древних памятников // Лингвистическое краеведение Прикамья. Вып. 3 / Науч. ред. А.С. Гантман. Пермь: ПГПУ, 1976. С. 22–29.

19. *Пархимович С.Г.* О контактах населения Нижнего Приобья и северного Приуралья в начале II тыс. н. э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 20 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1991. С. 145–153.

20. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1990. 134 с.

21. Руденко К.А. Металлические зеркала из Волжской Булгарии и их сибирские параллели // Древности Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5 (17). С. 150–160.

22. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

23. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.

24. Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог / Сост. А.Б. Агаркова, А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.

25. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. Вып. 35. / Под ред. А.В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. С. 242–357.

26. Троицкая Т.Н., Черноскутов Е.М. К вопросу о связях Новосибирского Приобья со средней Азией в конце I тыс. н.э. // Западная Сибирь в эпоху средневековья / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: Томский гос. ун-т, 1984. С. 129–134.

27. Хлебникова Т.А. Билярское зеркало с изображением грифона // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 281–284.

Информация об авторах:

Адамов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск, Россия); adamowaa@yandex.ru

Балюнов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник ГАУК ТО «ТМПО» (г. Тобольск, Россия); balyunoff@mail.ru

YARKOVSKOE 1 HILLFORT – MONUMENT OF THE XII–XIV CENTURIES IN THE TOBOLSK IRTYSH RIVER REGION

A.A. Adamov, I.V. Balyunov

Known archaeological sources indicate migration the groups of the Urals population into Western Siberia during the XII–XIV centuries. However, this process continues to be poorly studied, which can be partially corrected by referring to the archaeological materials of the Yarkovskoe 1 hillfort. Pre-revolutionary researchers knew this monument of Tobolsk Irtysh River region, but its excavations began relatively recently. The 2015 excavation revealed a significant number of individual finds from copper, bronze, silver and iron. Quite often fragments of ceramic dishes, bone and stone products were found. The closest analogies to the implement complex of the Yarkovskoe hillfort were found in the cis-Urals sites of the Rodanovo archaeological culture. The authors' assumption is confirmed by the findings of ornamented ceramics, crucible, bronze pendants, a silver ring, padlocks and a needle bar and other items. However, not all features of the material culture of the local population have direct analogies among the Rodanovo antiquities, which indicate that a synthesis of a number of cultures took place in the Tobolsk Irtysh region. Among the finds, one can distinguish both things of clearly Siberian origin and those brought from the territory of the Volga and Central Asia. The authors distinguish that the main component of the population of the Yarkovskoe 1 hillfort were the Rodanovo culture population who came from beyond the Urals. The Rodanovo people who arrived from the trans-Urals, as they moved to the lower reaches of the Tobol could include foreign cultures, including the Yudino culture, as well as the local Kintusovskoye culture components.

Keywords: archaeology, Middle Ages, cis-Urals, Yarkovskoe hillfort, the Ugric peoples, relocation, ceramics, adornments, Yudino culture, Kintusovskoye culture.

REFERENCES

1. Adamov, A. A. 2016. In Zagorodnyuk, N. I. (ed.). *Tobol'sk nauchnyi – 2016* (*Scientific Tobolsk – 2016*). Tobol'sk: "Print-Ekspres" Publ., 145–147 (in Russian).

2. Adamov, A. A. 2016. In *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* (*Historical, philosophical and law sciences and study of art. Theory and practice issues*) 74 (12-3), 16–20 (in Russian).

3. Adamov, A. A. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkhеologicheskoy s"ezd. (V XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource]*. Barnaul: Altai State University, 43–44 (in Russian).

4. Adamov, A. A., Balyunov, I. V. 2011. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 17. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 124–126 (in Russian).
5. Adamov, A. A., Korona, O. M., Ryabogina, N. E. 2016. In Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv (Ecology of Ancient and Traditional Societies)* 5, part 1. Tyumen: Tyumen State University, 15–19 (in Russian).
6. Balyunov, I. V. 2018. In Lomakin, I. A. (ed.). *Tobol'sk nauchnyi – 2018 (Scientific Tobolsk - 2018)*. Tobol'sk: "Ekspress" Publ., 237–241 (in Russian).
7. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
8. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
9. Bryukhova, N. G., Podosenova, Yu. A. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3, 304–311 (in Russian).
10. Bryukhova, N. G., Podosenova, Yu. A., Krylasova, N. B. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 28 (1), 114–131 (in Russian).
11. Eniosova, N. V., Mitoyan, R. A. 1999. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pamyati Marii Vasil'evny Fekhner (Archaeological Collection of Papers. Materials and Studies on Eurasian Archaeology. In Memory of M. B. Fekhner)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum, 111. Moscow: State Historical Museum, 54–63 (in Russian).
12. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).
13. Konikov, B. A. 1993. *Taizhnoe Priirtysh'e v X–XIII vv. n. e. (Taiga Irtysh Region in the 10th–13th Centuries AD.)*. Omsk: Omsk State Pedagogical University (in Russian).
14. Mogil'nikov, V. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts during the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: "Nauka" Publ., 163–235 (in Russian).
15. Mogil'nikov, V. A. 2000. In Golovnev, A. V. (ed.). *Russkie starozhily (Russian old-timers)*. Tobol'sk-Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 77–85 (in Russian).
16. Morozov, V. M., Parkhimovich, S. G. 1985. In Vasil'evskii, R. S. (ed.). *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e (Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages)*. Tyumen: Tyumen State University, 89–99 (in Russian).
17. Morozov, V. M., Parkhimovich, S. G. 1997. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Izvestia Ural Federal University Journal Humanities Series)* 7(1). 17–34 (in Russian).
18. Oborin, V. A. 1976. In Gantman, A. S. (ed.). *Lingvisticheskoe kraevedenie Prikam'ya (Linguistic Local Studies of the Kama Region)* 3. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 22–29 (in Russian).
19. Parkhimovich, S. G. 1991. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 20. Ekaterinburg: Ural State University, 145–153 (in Russian).
20. Pletneva, L. M. 1990. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Ob Region in the Late Middle Ages (Based on Archaeological Sources))*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
21. Rudenko, K. A. 2013. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 17 (5). 150–160 (in Russian).
22. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biliar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
23. Savel'eva, E. A. 1987. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. (The Vym' Burial Grounds of 11th – 14th Centuries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

24. 2011. In Agarkova, A. B., Trufanov, A. Ya. (comp.). Surgutskii kraevedcheskii muzei. Arkheologicheskoe sobranie: katalog (Surgut Museum of Local History. Archaeological Collection: Catalog). Ekaterinburg-Surgut: "Magellan" Publ. (in Russian).

25. Talitskaya, I. A. 1953. In Zbrueva, A. V. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 242–357 (in Russian).

26. Troitskaya, T. N., Chernoskutov, E. M. 1984. In Chindina, L. A. (ed.). *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya (Western Siberia during the Middle Ages)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

27. Khlebnikova, T. A. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Moscow: "Nauka" Publ., 281–284 (in Russian).

About the Authors:

Adamov Aleksander A. Candidate of Historical Sciences. Tobol'sk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the RAS. Academician Osipov Str., 15, Tobol'sk, 626152, Russian Federation; adamowaa@yandex.ru

Balyunov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Tobol'sk Historical and Architectural Museum Reserve, 1 Krasnaya ploshchad, build. 4, Tobol'sk, 626152, Russian Federation; balyunoff@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

УДК 904, 902.669

<https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.212.222>

THE FRAGMENT OF ENAMELED GLASS VESSEL FROM THE BOLGAR EXCAVATION (RUSSIA)

© 2020 R.Kh. Khrumchenkova, A.M. Gubaidullin, P. Degryse,
I.R. Biktagirova, A.D. Ogorodnikov, P.S. Danilov

This paper is devoted to the interdisciplinary study of an enameled glass fragment found in the excavation of the Bolgar fortified settlement (Russia). The artifact comes from excavation site CLXXII of the so-called aristocratic district of the city. A comparison to a collection of Islamic drinking glasses from the Nasser Khalili collection shows the identity of the enamel pattern decor. The artifact was investigated by a series of analytical methods: scanning optical and electron microscopy (OSEM) and optical emission spectral analysis (OES). The results of the OES studies revealed that the basis is soda-lime glass. OSEM determined that different enamel colors were obtained from lapis lazuli, nepheline, diopside, bone ash, hematite, and lead-tin additive. Comparison of element's concentrations with data of the Brill catalog of archaeological glass made it possible to identify the Bulgarian fragment as Egyptian glass produced in the late 13th – early 14th centuries.

Keywords: archaeological glass, enamel, 13–14th centuries, scanning electron microscopy, colorants, Egyptian import.

Introduction

Enameled glassware is one of the great achievements of Islamic culture and technology. Richly enamel and gold decorated vessels, as well as luxury objects such as fabrics or weapons, were popular import objects in Europe (Piotrovsky, 2008). Enameled glass accounts for a substantial part of the glass finds in excavations in the European part of Russia, especially in fortified settlements, such as in Novgorod, Moscow, Yaroslavl, Vladimir or Suzdal (Schapova, 1963; Stoliarova, 2004; Stoliarova & Engovatova, 2013; Plokhov, 2007; Zelentsova & Kuzina, 2008; Kuzina, 2007). Research has focused on the manner by which these expensive Islamic imports came into these cities (Busiatskaya, 1972; Darkevich, 1974; Rodina, 2003; Limonov, 1961). The city of Bolgar, located in the center of Eastern Europe along the Volga River (Zakharov & Kuzina, 2010; Koval', 2010), is the most probable agent for this trade. The archaeological excavations of the fortified settlement (inhabited between the 7th and the 15th c.

ACE) have revealed a large number of fragments of enameled glassware.

This paper is devoted to the study of an enameled glass fragment with tricolor ornaments and gilding, found in 2012, dating by stratigraphic association to the end of the 13th – beginning of the 14th century ACE, during the heyday of enameled glass (Carboni, 2001). By that time, the masters of the "Golden Age" of Islamic glass (Israeli, 2003) from Egypt and Syria have brought their wares to perfection, and the artifacts of this time can be defined as works of high art. Thanks to the study of rich museum and private collections, a large database on the history, morphology (Lamm, 1929–1930, 1941; Gudenrath, 2006; Ward, 1998), manufacturing techniques and chemical composition of enameled artifacts (Carboni, 2001; Freestone & Stapleton, 1998; Brill, 2001; Henderson, 2003; Colomban, 2013; Verita, 1995; Greiff & Hartman, 2008) is known for comparative purposes.

The use of two independent analytical methods – scanning optical and electron microscopy (OSEM) and optical emission spectral analysis (OES) – has shown high

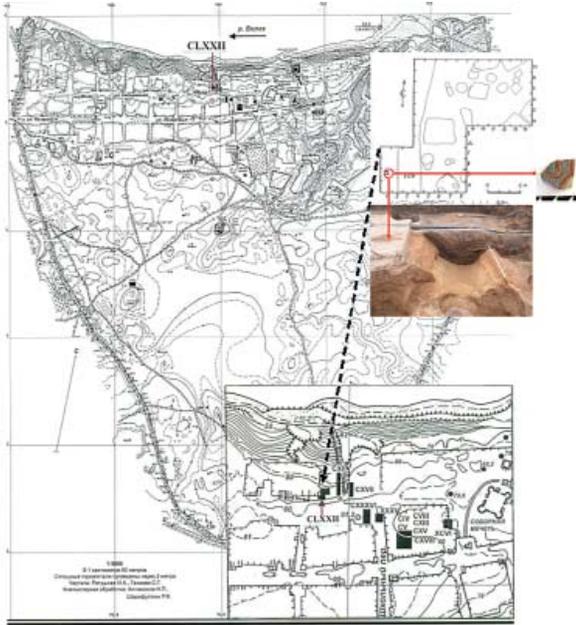

Fig. 1. Excavation CLXXII of the Bulgarian fortified settlement with the finding point of glass fragment.

Рис. 1. Раскоп CLXXII Болгарского городища с местом обнаружения стеклянного фрагмента.

research efficiency. As the experience of the authors has shown, emission analysis provides important insights into the macro and micro components of the glass base (Khramchenkova et al., 2016; Khramchenkova et al., 2017; Khramchenkova et al., 2017b).

Stratigraphy

The northern part of the Bolgar fortified settlement belonged to the so-called "aristocratic" territory of the city. The most significant and monumental architectural structures are concentrated there. In this area, archeologists have also identified a number of residential buildings, belonging to the rich households of aristocrats, craftsmen-jewelers, merchants, etc. An example is the "Craftsman's House", in the remains of which fragments of glass vessels were found, almost undamaged items of expensive imported glazed earthenware and celadon ware, and many other things (Gubaidullin, 2013).

Excavation CLXXII with a total area of 264 sq.m. was performed in 2012. A fragment of enameled glass (no. 12 /

CLXXII-23) was found at a depth of 188 cm in B/1 square (fig. 1). It originates from layer IV, the early Golden Horde layer. Four copper Golden Horde coins were also found (fig. 2: a) in the same layer, minted in the name of Nasir Lid Dina (minted ~1240 ACE, Bolgar), Mengu Kaana (minted the end of the 13th century ACE, Bolgar), Saray al-Jadid (minted –in the first half of the 14th century ACE) or identified as a possible Bolgar coin (likely from the first half of the 14th century ACE). (Khlebnikova, 1987). Additionally, a significant number of fragments of glazed red clay wares and crockery, as well as fragments of celadon, dating to the second half of the 13th to the 14th centuries ACE, were found in the same layer (Figure 2b), next to rare fragments of imported amphorae, most likely produced in the Syro-Palestinian region (Volkov & Gubajdullin, 2012).

Material

The investigated find is a transparent colorless glass with an ornament applied in the enamel technique (fig. 3: a). A

Fig. 2. Finds from the excavation CLXXII of the Bulgarian ancient settlement:
a – copper coins, b – glazed ceramics.

Рис. 2. Находки из раскопа CLXXII Болгарского городища: а – медные монеты, б – глазурованная керамика.

fragment of $24 \times 20 \text{ mm}^2$ in size and 17 mm in thickness has a convex shape, the outer part of which is patterned. The pattern has three colors – red, blue and white, with a gold bordering. The ornament is formed by arched interleaved lines of red and white colour, the red color on both sides contoured with gold. One red line adjoins a gold line. There is a blue field with a floral pattern above the arches, marked down with red and gold lines. The central red-gold part of the lines is applied to white enamel and is contoured with a red strip applied to the blue enamel. The pattern has a thin structure of alternation of a dark red

outside, blue, white and gold inside, and a bright red in the center of the line. The thickness of each colored line is not more than 0.4 mm and the total width of the lines does not exceed 3 mm.

Microscopic examination of the artifact revealed an application sequence of the enamel in four stages:

- application of the primary colors – white, red and blue, after which the vessel was subjected to high-temperature heat treatment in the furnace;
- application of a red border;
- application of gold paint over the gold border;
- application of thin red lines.

Examples from the collection of Professor Nasser Khalili (Khalili collections 2016) (shown in fig. 3: a) are very close analogue to the Bolgar find. They form a unique set of three equally designed undamaged glasses, measuring 18 by 12.7 cm (rim diameter), 15.8 by 11.4 cm (rim diameter) and 12.5 by 8.4 cm (rim diameter), dating to the 13th century ACE. It is assumed that similar glasses were used as liturgical vessels in Europe (Khalili collections, 2016).

A glass with similar decoration is located in the National Museum of Kuwait (Gibson, 2005). It has been postulated that this vessel was originally part of a full set, together with the three glasses of the Khalili collection. The reconstruction of the Bolgar archaeological fragment's diameter using the curvature radius, has shown that the vessel had a diameter of 6 cm at the point to which the fragment belongs. The glasses of the Khalili collection have the following diameters in those corresponding areas (decoration ring): 8 cm, 7 cm and 5 cm. The size reconstruction of Bolgar glass give the value near of 6 cm (fig. 3: b) and finding likely corresponded in size to the artifact from the museum of Kuwait.

Fig. 3. a – the fragment of enameled glass from the Bolgar excavation CLXXII with glasses from the collection of N. Khalili, b – the reconstruction of enamel decoration.

Рис. 3. а – фрагмент эмалевого стекла из болгарского раскопа CLXXII со стаканами из коллекции Н. Халили, б – реконструкция эмалевого рисунка.

Chemical composition

Studies of the chemical composition (base and trace elements) (tab. 1) of the Bolgar sample were made using optical emission spectral analysis (OES) (Khramchenkova & Sitdikov, 2014). Micro-samples of the base glass, with inclusions of red and blue colors, were selected for this analysis. The study of the enamel pattern composition was carried out by scanning electron microscopy (SEM), using an EVO LS 10 SEM with an INCA X-MAX energy-dispersive spectrometer. The sample was fixed on a current-conducting carbon tape, on an aluminum holder, placed in the electron microscope. VPSE mode (secondary electron detection mode, in low vacuum) was used during the electron microscopic analysis to visualize the total morphology of the coating in a panoramic survey, as well as to perform microprobe quantitative and qualitative analysis (at 20 kV and 800 pA). The microprobe X-ray spectral analysis of the samples based on the energy dispersive

spectrometer INCA X-Max (sensitivity at 127 eV) included the determination of the sample's composition and mapping of element distributions. Photographs were taken using an Axio Observer Z1 optical microscope. A snapshot of the analyzed area is given in fig. 3: c. Results are given in Table 1. The analytical results of the optical emission spectral (OES) and energy dispersive (ED SEM) analyses are very close for the base glass composition.

Colorless transparent base glass

The investigated sample is a soda-lime glass. The average Na_2O and CaO content is around 14% and 8% respectively. Significant concentrations of potash and magnesia, around 2% and 3.5% respectively, prove the use of plant ash as a flux. The presence of 2% alumina and 0.8% iron oxide is likely representative of the silica sand source used (Freestone 1998), though this can also be part of the ash used in the manufacture of this glass. Manganese contents between 1.0 to 1.8% are standard for Islamic glass.

The tables with our analysis also show data for other (Islamic) enameled glass. Most samples of enameled glass analyzed by Freestone (Freestone & Stapleton, 1998) have a composition close to the Bolgar sample, with the exception of the alumina content. The authors conducted a comparative analysis of the chemical composition of the Bolgar base glass fragment with data provided in the R. Brill catalogue, in order to identify possible analogies (Brill, 1999). Two samples (# 965 and # 963) were found to be almost identical in chemical composition to the Bolgar material for all elements measured. These glass fragments were found in the north-western tower of St. Catherine's Cathedral, located on Mount Sinai. It is

Table 1.

The chemical composition of the colorless base glass, the results of emission (OES) and spectral (SEM) analysis respectively. Comparative data by Brill 1999, Freestone 1998 – A, Eremin 2003 – B, Catalog mineralov, 2005 – C.

	colourless	CuO	MnO	PbO	SnO	TiO ₂	P ₂ O ₅	CaO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	K ₂ O	MgO	Na ₂ O	SiO ₂	SO ₃			
SEM	base		1,88			0,26		6,76	0,77	1,28	2,18	2,58	12,73	70,78				
SEM	base		0,94			0,22		6,08	0,6	3,92	2,05	3,03	14,38	66,63				
SEM	base		1,17			0,3		8,15	1,17	2,55	1,88	4,69	12,34	66,38				
ESA	base with blue incl.	0,003	1,81	0,006	0	0,22	0,3	8,82	0,84	2,84	1,94	3,15	15,21	65,12				
BRILL/965	Sinai	0,01	1,23	0,005		0,13	0,4	8,52	0,53	2,17	2,32	3,09	13,2	68,25				
BRILL/963	Sinai	0,005	1,38	0,005		0,17	0,42	8,68	0,69	2,58	2,6	3,05	14,2	66,09				
A	1900.6-21.20		1,1			0,2	0,3	9,2	0,6	1,5	2,1	3,1	13,2	67,7				
A	1900.6-21.54		1,6			0,3	0,3	8,4	0,6	1,3	2,6	3,2	13,7	67,1				
B	153 colourless		0,81			0,05	0,38	7,9	0,38	1,27	3,39	3,37	13,14	68,71	0,18			
Eremin	154 colourless	0,05	0,76			0,06	0,32	7,73	0,37	1,24	2,42	3,14	14,83	67,26	0,23			
Eremin	349 colourless		0,78			0,08	0,31	7,39	0,42	1,24	2,73	3,11	14,64	67,42				
	blue	CuO	MnO	PbO	SnO	TiO ₂	P ₂ O ₅	CaO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	K ₂ O	MgO	Na ₂ O	SiO ₂	SO ₃			
Chirvinskij	nefelin							0,43		32,89	5,45		15,73	43,97				
SEM	blue, inclusion 1							0,59		31,79	5,52	0,18	16,88	44,95				
C	diopsid							25,9				18,5		55,6				
SEM	blue, inclusion 2							20,73	0,34	2,94	0,08	16,95	1,93	57,04				
A	lazurite							6,3		29	0,5		16,9	34,4	13,7			
SEM	blue, inclusion 3		0,68					5,71	0,36	11,36	1,81	1,92	15,71	56,57	4,74			
SEM	blue, inclusion 4		0,94					6,07	0,44	7	2	2,27	14,63	62,9	2,93			
SEM	blue		0,87					6,42	0,89	4,47	1,85	3,04	13,91	65,65	n.d.			
A	1900.6-21.48		1,5			0,2	0,4	9,2	0,5	4,4	2,4	3,7	8,7	66,7	1,3			
A	1900.6-21.30		0,9	0,5		0,2	0,2	11	0,6	4,2	2,1	3,9	11,2	62,4	1,2			
B	153 blue	0,06	0,78	0,1			0,3	7,82	0,41	1,7	3,07	3,4	14,05	66,81	0,51			
B	154 blue	0,06	0,84	0,09			0,36	8,74	0,42	2,03	2,92	3,27	13,99	65,29	0,53			
B	349 blue	0,16	0,39	5,8	0,03			3,33	0,3	2,05	0,78	0,28	17,28	64,65	0,22			
B	153 blue lazurite							3,16	0,04	25,52	1,83	0,34	14,33	36,4	13,07			
B	154 blue lazurite							3,15		28,97	0,61		18,22	35,39	15,52			
	red	CuO	MnO	PbO	SnO	TiO ₂	P ₂ O ₅	CaO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	K ₂ O	MgO	Na ₂ O	SiO ₂	SO ₃	Au	As	Zn
SEM	red enamel		1,21					1,02	5,01	1,2	4,34	2,18	2,78	12,62	65,17	0,24		
SEM	red enamel		0,88			0,31	0,77	6,13	0,87	6,42	2,35	2,71	12,28	62,31	1,07			
A	1900.6-21.32		1,1	1,7		0,3	0,2	7,4	3,9	1,3	2,2	2,4	11,2	66,8	0,4			
B	349 red	0,04	0,02	0,4				1,78	0,22	0,41	7,63	0,04	12,9	61,39	0,29			10,46
SEM	red, inclusion		0,43					1,37	50,54	1,6	0,58	1,29	11,88	28,4			2,12	
SEM	red, inclusion		0,44			0,15		2,16	37,56	1,27	0,88	1,85	12,45	40,83	0,94		0,78	
ESA	c/less with red incl.	0,007	1,42	0,78	0,77	0,32	0,48	7,56	0,52	2,28	2,18	3,62	15,76	64,5		0,048	0,09	0,001
SEM	red line			10,81		0,2	12,39	8,27	37,12	4,97	1,85	0,93	0,94	17,19		4,4		
A	1900.6-21.30			34,5		na	bd	1,7	19,8	0,9	1	0,9	1,7	36,7	bd			
A	1900.6-21.32			45,6		na	bd	1,6	12,9	0,8	0,7	1	1,6	32,3	bd			
B	154 red, hematite	0,29	0,53	11,92	6,55			4,42	23,3	0,65	1,31	2,32	6,41	39,32	0,31			
B	349 red hematite	0,25	0,02	0,35				0,39	34,38	0,19	1,49	0,02	3,18	52,4	0,1			
	white	CuO	MnO	PbO	SnO	TiO ₂	P ₂ O ₅	CaO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	K ₂ O	MgO	Na ₂ O	SiO ₂	SO ₃	Au	Ag	As
SEM			0,68	9,45	4,36			4,3	0,51	2,03	1,65	2,94	14,13	59,96				
A	1900.6-21.20		0,5	7,7	9,9	0,1	0,2	8,1	0,4	1,2	2,3	3,8	11,8	53,2				
A	1900.6-21.62		0,3	13,8	20		1,1	7,9	0,3	0,7	1,6	2,7	11,7	48,5	0,5			
B	154 white		0,69	17,61	10,3			6,04	0,31	0,79	1,41	2,73	9,34	52,51	0,23			
SEM	gold																	
				0,84				2,27	1,58	8,81	2,07	0,91		8,94		73,19	1,09	0,11

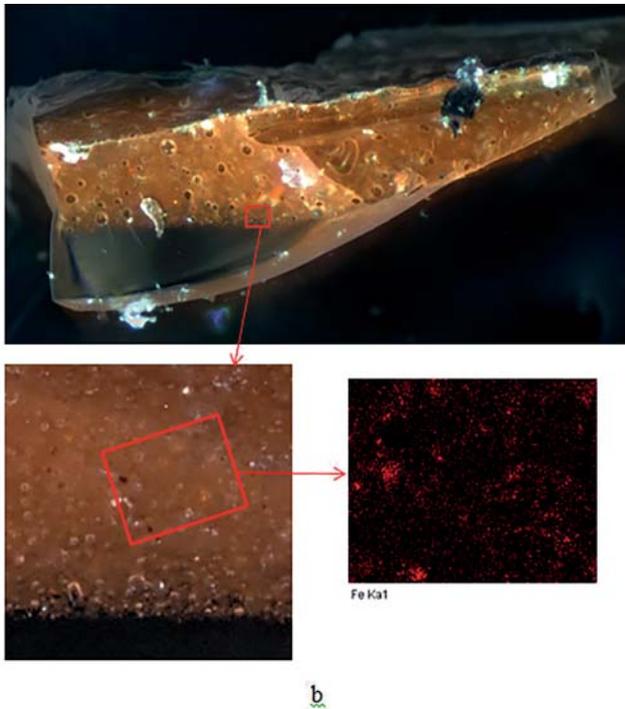
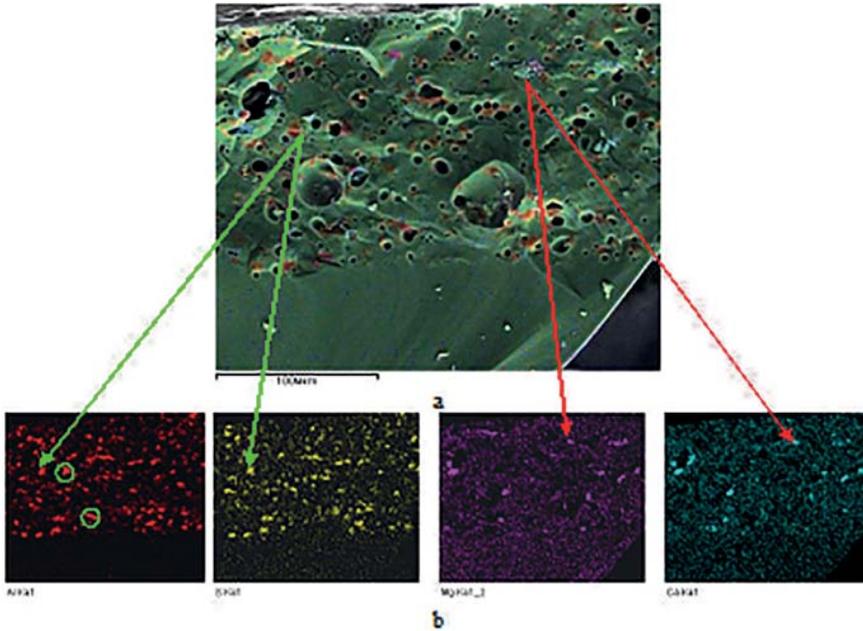

Fig. 4. a – enamel with the blue area: OM-SEM image, SEM image with color differentiation of sections of different compositions (green area without color inclusions – base glass) and map of sulfur, aluminum, calcium and magnesium; b – picture of OM-SEM image of red area and a cartogram of iron distribution in enamel.

Рис. 4. а – эмаль с синей областью: изображение OM-SEM, изображение SEM с цветовой дифференциацией участков разного состава (зеленая область без цветных включений – базовое стекло) и карта серы, алюминия, кальция и магния; б – снимок OM-СЭМ изображения красной области и картограмма распределения железа в эмали.

indicated in the catalogue that the tower was built in the 6th century, but the glass is identified as being from a window. It is noted in the catalogue that these windows have a younger origin, but the exact date of manufacture is unknown. Data by K. Eremin (Eremin & Al-Khamis, 2003) for two mosque lamps, dating to the middle of the 14th century (# 153 and # 154) and a perfume bottle from Syria of the same date (# 349), were used as further comparative materials. These Mamluk vessels with enamel painting are in the National Museum of Scotland. This Islamic Mamluk glass can be distinguished from the Bolgar sample through its lower manganese, titanium and alumina contents.

Blue enamel

The blue enamel, compared to the base glass, has a clearly increased alumina and phosphorus content of 15.2% and 1.64% respectively. This blue enamel composition was compared to other enameled glass (Freestone & Stapleton, 1998; Eremin & Al-Khamis, 2003). The use of lazurite $\text{Na}_6\text{Ca}_2[\text{AlSiO}_4]_6(\text{SO})_4$, known as "lapis lazuli", as a blue coloring agent is suggested by the high alumina content. However, the sulfur content in our glass is quite low, not exceeding 1.4%, and must have been reduced by the heating process (Tauson & Sapozhnikov, 2003). Fig. 4: a shows an SEM image with color differentiation of areas of different compositions and elemental maps. These elemental maps show that the blue color is obtained by adding compounds including Al-S and Mg-Ca complexes to the base glass (fig. 4: a, the lower portion without inclusions). In addition, there are points on the alumina map that do not contain sulfur. These were characterized by spot analysis (Tab.1, blue inclusion). The chemical composition of inclusion

1 (Table 1, blue inclusion 1) shows nepheline – a kind of feldspar. The second inclusion with the Si-Ca-Mg complex is a diopside (<http://www.catalogmineralov.ru/mineral/diopside.html>, 2005). The third inclusion, which includes alumina and sulfur, corresponds to lapis lazuli mixed with the base glass.

Red enamel

Like with the data by Freestone (Freestone & Stapleton, 1998), there are two types of red pigment used on the enameled glass from the Bolgar excavation. Thin lines are drawn with hematite red enamel (Fe_2O_3 -37.12%), mixed in with a Si-Pb-Ca-P basis (17.19%-10.81%-8.27%-12.41%). This composition differs from data of (Freestone & Stapleton, 1998; Eremin & Al-Khamis, 2001). The same compound is moreover applied as a base surface for the gold dye. The main red ornament is painted with a different type of enamel. Red and orange particles are visible in the red glass body (fig. 4: b) and are similar to enamel as described by Freestone (Freestone & Stapleton, 1998). The map of iron distribution over the glass chip surface shows the correspondence of the red inclusions to Fe-rich points, the composition of which is given in Table 1 (red inclusion). It can be concluded that the "basic" red enamel is made by adding the ground pigment, by which thin red lines were applied, to the base glass.

White enamel and gold plating

The composition of the white enamel (Table 1) does not differ from other, well-known examples (Freestone & Stapleton, 1998; Eremin & Al-Khamis, 2003). A lead-tin compound causes the white color. A presence of 1% silver and 0.1% arsenic can be noted in the composition of the gold paint applied to the red hematite line.

Discussion and Conclusions

Interdisciplinary research involving the historical analysis and study of the structure of the glass artifact makes it possible to answer questions about the origin of the finds (Sitdikov et al., 2016, Khramchenkova et al., 2017a).

Analysis showed that the base glass of the enameled fragment from the Bolgar excavation site CLXXII was made on the basis of the traditional soda-silica-lime Islamic formula (Brill, 2001; Salvant et al., 2016; Henderson & Allan, 1990; Henderson, 2003a). Plant ash was used as a flux (Freestone & Stapleton, 1998; Henderson, 2003a; Whitehouse, 2002). Enamel of three colors is close in composition to the main colors used by medieval masters when painting Islamic vessels (Freestone & Stapleton, 1998; Eremin & Al-Khamis, 2003; Colomban et al., 2012; Stapleton, 1998).

The ornament on the Bulgarian archaeological fragment is similar to the one depicted on the drinking glasses from a set in the Nasser Khalili collection. According to the catalogue, this set dates to the 13th century ACE, which is consistent with the stratigraphic dating of the fragment from the Bolgar excavation but does not have exact information on the place of production.

Comparative analysis of the chemical composition of the Bolgar glass fragment revealed two very similar analogies. An enameled glass window found in St. Catherine's Cathedral, located in the center of the Sinai Peninsula (Brill, 1999) (Table 1), and has no exact date.

Acknowledgement

The work is supported by Fund of Revival of History and Culture Monuments of the Republic of Tatarstan.

These samples are almost identical in composition to the Bolgar glass. It could be hypothesized that the enamel vessel imported to Bolgar was made in Egypt. The presence of Egyptian imports in Bolgar, silk fabrics found in the graves of young women (Fedotova et al., 2015), can support such hypothesis.

Also the decoration pattern of the glass could indirectly point to an Egyptian origin. With the ascension to power of Sultan An-Nasir Addin Muhammad, who ruled and lived in Egypt in 1293–1341, the tradition of decorating enamelware changed. Genre scenes gave way to ornamental decoration with the use of three colors – red, white and blue with gilding (Nofal', 1992).

The enamel pattern on our investigated fragment is obtained by applying three colors with gilding. Blue enamel is made by adding a mixture of lapis lazuli, nepheline and diopside to the colorless base. Such a composition indicates that the ancient masters used raw lapis lazuli material, consistent with e.g. the Sare-Sang blue pigment sources of northern Afghanistan (Efimov & Suderkin, 1967; Blaise & Cesbron, 1966; Bariand, 1981). The red lines of the pattern are applied with a hematite dye the red enamel of the ornamentations is made of the base glass with the addition of ground hematite. The white enamel has a lead-tin compound.

To summarize, it can be assumed that the enamel vessel brought to Bolgar, as well as the set from the collection of N. Khalili, are of Egyptian origin and were made in the late 13th – early 14th centuries.

REFERENCES

1. Bariant, P. 1981. In *Gems and Geology* 17, no 4, 184–190. сборник
2. Blaise, J. and Cesbron, F. 1966. In *Bulletin de la Société Française de Mineralogie et de Crystallographie* 89, 333–43.
3. Brill, R. 1999. *Chemical Analyses of Early Glass (Химический анализ раннего стекла)*, 1, 2. New York: The Corning Museum of Glass. 198, 97/ <http://www.cmog.org/publication/chemical-analyses-early-glasses-volumes-1-2>.
4. Brill, R. H. 2001. In Carboni, S. and Whitehouse, D. (eds.). *Glass of Sultans (Стекло султанов)*. New York: The Metropolitan museum of Art, 25–45.
5. Busyatskaya N. N. 1972. In *Vestnik Moskovskogo universiteta (Moscow State University Vestnik)* IX, 2, 83–91 (in Russian).
6. Carboni, S. 2001. *Glass from Islamic Lands: The al-Sabah Collection*. In *Glass of Sultans (Стекло из исламских земель: коллекция Аль-Сабаха)*. New York: Thames & Hudson, 323–69.
7. Carboni, S. and Whitehouse, D. (eds.). 2001. *Glass of Sultans (Стекло султанов)*. New York: The Metropolitan museum of Art.
8. Colomban, P., Toutnie, A., Caggiani, M. C. and Paris, C. 2012. In *Journal of Raman Spectroscopy* 43, 1975–1984.
9. Colomban, Ph., 2013. In *Arts* 2, 77–110.
10. Darkevich, V. P., 1974. In *Kratkie Soobshchenia Instituta Arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 138, 193–103 (in Russian).
11. Efimov, I. A. and Suderkin, A. I. 1967. In *Vestnik Akademii Nauk Kazakhskoi SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 8, 268 (in Russian).
12. Eremin, K. and Al-Khamis, U. 2003. In *Annales du 15e Congress de l'Assosiation Internationale pour l'Histore du Verre (Corning, New York, 2001) (Анналы 15-го Конгресса Международной ассоциации истории стекла (Корнинг, Нью-Йорк, 2001 г.))*. Nottingham: AIHV, 193–198.
13. Fedotova, Yu. V., Sinicina, N. P. and Orfinskaya, O. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3(13), 74–91 (in Russian).
14. Freestone, I. C. and Stapleton, C. P. 1998. In Ward, R. (ed.). *Gilded and enameled glass from the Middle East (Позолоченное и эмалированное стекло с Ближнего Востока)*. London: British Museum Press, 122–130.
15. Gibson, M. 2005. In Goldstein, S. M. (ed.). *Glass from Sasanian antecedents to European imitations (Стекло от сасанидских предков до европейских имитаций)*. London, 262–292.
16. Greiff, S. and Hartman, S. 2008. In *Journal of Cultural Heritage* 9, 27–32.
17. Gubaidullin, A. M. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3, 191–199 (in Russian).
18. Gudenrath, W. 2006. In *Journal of Glass Studies* 48, 23–70.
19. Henderson, J. and Allan, J. (1990). In *Archeomaterials* 4, 167–83.
20. Henderson, J. 2003. *Glass trade and chemical analysis: a possible model for Islamic glass production*. http://artefact.mom.fr/Publis/Henderson_2003.pdf
21. Henderson, J. 2003a. In Carboni, S. (ed). *Mamluk enameled and gilded glass in the museum of Islamic Art. Qatar (Мамлюкское эмалированное и позолоченное стекло в музее исламского искусства. Катар)*. London: The Islamic Art Society, 193–198.
22. Israeli, Y. 2003. *Ancient Glass in the Israel Museum: The Eliahu Dobkin Collection and Other Gifts (Старинное стекло в Музее Израиля: коллекция Элиягу Добкин и другие подарки)*. Jerusalem: The Israel Museum.
23. Khalili collections 2016. <http://www.khalilicollections.org/collections/islamic-art/khalili-collection-islamic-art-set-of-stacking-beakers-gls578/>
24. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov–Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on history and culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 32–88 (in Russian).
25. Khramchenkova, R. and Sitdikov, A. 2014. In *SGEM 2014 Conference Proceedings* 3, 1, 371–380, ISBN 978-619-7105-29-2/ ISSN 2367-5659.
26. Khramchenkova R., Sitdikov, A., Kaisin, A. 2016. In *SGEM 2016 Conference Proceedings*, 277–286.
27. Khramchenkova, R. Degryse, P., Sitdikov, A., Kaisin, A. 2017. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 12C, 25–27 / DOI 10.1016/j.jasrep.2017.01.005/
28. Khramchenkova, R. Kh., Degryse, P., Sitdikov, A. G., Kaplan, P. Yu. 2017a. In *Glass and Ceramics* 74, 180–184. <https://doi.org/10.1007/s10717-017-9957-5>

29. Khramchenova, R. Kh., Degryse, P., Sitdikov, A G Kaplan, P. Yu. 2017b. In *Steklo i keramika* 5, 38–42 (in Russian).

30. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII v. (Ceramics of the East in Rus' IX–XVII centuries)*. Moscow: Nauka" Publ. (in Russian).

31. Kuzina, I. N. 2011. In *Trudy II (XVIII) Vserossijskogo Arheologicheskogo S"ezda v Suzdale (Proceedings of II (XVIII) all-Russia Congress at Suzdal') IV* (additional vol.). Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 91–93 (in Russian).

32. Lamm, C. J. 1929–30. In *Forschungen zur islamischen Kunst (Research in Islamic art)*, 5. Berlin

33. Lamm, C. J. 1941. *Oriental glass of medieval date found in Sweden and the Early History of Lustre-Painting (Восточное стекло средневекового возраста, найденное в Швеции, и ранняя история люстровой живописи)*. Stockholm: Wahlstrom and Widstrand Publ.

34. Limonov, Yu. A. 1961. In *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v. (International relations of Russia before the 17th century)*. Moscow: Nauka" Publ., 55–63 (in Russian).

35. Nofal', I. 1992. *Dekorirovanie arabskogo stekla perioda islama (tradicii i sovremennye tendencii)* Dissertacia na soiskanie kandidata iskusstvovedeniya. Moscow (in Russian).

36. Piotrovsky, M. B. 2008. *Musul'manskoe iskusstvo. Mezhdru Kitaem i Evropoi (Мусульманское искусство. Между Китаем и Европой)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

37. Plokhov, A. V. 2007. In *U istokov russkoj gosudarstvennosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii (At the origins of Russian statehood. Proceedings of international scientific conference)*. Saint Petersburg, 148–165 (in Russian).

38. Rodina, M. E. 2003. *Mezhdunarodnye svyazi Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv. (po materialam Rostova, Suzdalya, Vladimira i ih okrugii) (International relations of North-Eastern Russia in the 10th–14th centuries based on materials from Rostov, Suzdal', Vladimir and their surrounding areas)*. Vladimir (in Russian).

39. Salvant, J. Schussler, V., McKenna, C., Bruno, L., Ganio, M., Walton, M. 2016. In *Heritage Science* 4:5. DOI: 10.1186/s40494-016-0073-6

40. Schapova, Yu. L. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 117. Moscow: Nauka" Publ., 104–163 (in Russian).

41. Sitdikov, A. G., Abdullin, Kh. M., Khramchenkova, R. Kh., Kaplan, P.Y. 2016. In *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication* 6, November Special Edition, 2869–2875.

42. Stapleton, C. 1998. In Ward, R. (ed.) *Gilded and enameled glass from the Middle East (Позолоченное и эмалированное стекло с Ближнего Востока)*. London: British Museum Press, 122–128.

43. Stoliarova, E. K. 2004. In *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region. Proceedings of the scientific seminar)* 1, 343–349 (in Russian).

44. Stoliarova, E. K. and Engovatova, A. V. 2013. In *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region. Proceedings of the scientific seminar)* 9, 91–100 (in Russian).

45. Tauson, V. L. and Sapozhnikov, A. N. 2003. In *Zapiski Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva (Notes of the all-Union mineralogical society)* 5, 102–107 (in Russian).

46. http://rruff.info/rruff_1.0/uploads/ZVMO132N5_102.pdf

47. Verita, M. 1995. In *Journal of Glass Studies* 37, 83–98.

48. Volkov, I. V. and Gubajdullin, A. M. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1, 190–203 (in Russian).

49. Ward, R. (ed.). 1998. *Gilded and Enamelled glass from the Middle East (Позолоченное и эмалированное стекло с Ближнего Востока)*. London: British Museum Press.

50. Whitehouse, D. 2002. In *Journal of Glass Studies* 44, 193–196.

51. Zakharov, S. D. and Kuzina I. N. 2010. In *Rus' i Vostok v IX–XVI vv. Novye arheologicheskie issledovaniya (Rus' and the East in the 10th and 16th centuries: new archaeological studies)*. Moscow: Nauka" Publ., 28–35.

52. Zelentsova, O. V. and Kuzina, I. N. 2008. In Makarov N. A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoj zemli: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar)* 2. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences Publ., 127–136 (in Russian).

53. <http://www.catalogmineralov.ru/mineral/diopsid.html>

About the Authors:

Khramchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics-Mathematics Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; RezidaHram@mail.ru

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Patrick Degryse, Professor, Department of Earth and Environmental Science, KU Leuven (Belgium), Oude Markt 13, 3000 Leuven; patrick.degryse@kuleuven.be

Biktagirova Ilvina R. Head of Laboratory, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev - KAI. K.Marx St., 10, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; irsafina92@yandex.ru

Ogorodnikov Aleksey D. Mari State University. Lenin Square St., 1, Yoshkar-Ola 424000, the Mari El Republic, Russian Federation; skif125@mail.ru

Danilov Pavel S. Mari State University. Lenin Square St., 1, Yoshkar-Ola 424000, Mari El Republic, Russian Federation; paszulya@mail.ru

**ФРАГМЕНТ ЭМАЛЕВОГО СОСУДА ИЗ РАСКОПА
БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (РОССИЯ)**

**Р.Х. Храмченкова, А.М. Губайдуллин, П. Дегри,
И.Р. Биктагирова, А.Д. Огородников, П.С. Данилов**

Статья посвящена междисциплинарному исследованию фрагмента эмалевого стекла, найденного при раскопках Болгарского городища (Россия). Артефакт происходит из раскопа CLXXII так называемого аристократического района города. Сравнение декора исламских стаканов из коллекции исламского стекла Насера Халили (Лондон) показывает полную идентичность эмалевого узора болгарской стеклянной находки. Объект был исследован с помощью ряда аналитических методов, таких как сканирующая оптическая и электронная микроскопия (OSEM) и оптико-эмиссионный спектральный анализ (OES). Результаты исследований OES выявили, что основой является натриево-известковое стекло. OSEM определил, что различные цвета эмали получены в результате использования лазурита, нефелина, диопсида, костной золы, гематита, а также свинцово-оловянная добавка. Сопоставление количественных характеристик элементных концентраций с каталогом археологического стекла Brill позволило идентифицировать болгарский фрагмент как египетское стекло, произведенное в конце XIII – начале XIV веков.

Ключевые слова: археологическое стекло, эмаль, XIII–XIV век, сканирующая электронная микроскопия, красители, египетский импорт.

Информация об авторах:

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник. Казанский Федеральный университет, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; (г. Казань, Россия); rezidahram@mail.ru

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Дегри Патрик, профессор, факультет Лёвенский Католический науки о земле и окружающей среде, университет (г. Лёвен, Бельгия); patrick.degryse@kuleuven.be

Биктагирова Ильвина Рамисовна, зав. лаб. электронных исследований, Казанский национальный технический университет (КАИ) им. А.Н. Туполева (г. Казань, Россия); irsafina92@yandex.ru

Огородников Алексей Дмитриевич, инженер-исследователь УНАЭЦ, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); skif125@mail.ru

Данилов Павел Степанович, зам начальника УНАЭЦ, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); paszulya@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ УЛЬТРАЗВУКА ДЛЯ СТАБИЛИЗАЦИИ ЖЕЛЕЗНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ С АКТИВНОЙ КОРРОЗИЕЙ

© 2020 г. С.Г. Буршнева, О.Б. Кузнецова, Н.В. Смирнова, Л.М. Воропай

Из всего комплекса проблем, связанных с сохранением археологических находок, железные предметы представляют собой одну из самых сложных. В процессе коррозии железный предмет проходит несколько стадий, от окисления поверхности металла до полной минерализации. Самую большую проблему представляют предметы на стадиях сохранности, когда металл практически полностью прокорродировал и перешел в минералы. В мировой практике реставрации существует несколько различных способов стабилизации железных археологических предметов, но ни один из них не может гарантировать сохранность артефакта из железа в процессе его музейного хранения. На сегодняшний день наиболее эффективным реставрационным методом стабилизации археологического железа считается обработка раствором щелочного сульфита. Однако этот метод имеет ряд недостатков, главным из которых является длительность стабилизирующей обработки. Авторами рассматривается возможность повышения эффективности щелочно-сульфитного метода с помощью ультразвука. В ходе экспериментального исследования было установлено, что использование ультразвука при щелочно-сульфитной обработке значительно повышает эффективность метода.

Ключевые слова: археология, консервация, сохранность музейных предметов, археологическое железо, стабилизация.

Введение

Находки из железа являются одним из самых массовых материалов среди археологических предметов и, учитывая степень их разрушения на момент извлечения из земли и далее в процессе музейного хранения, представляют собой одну из самых серьезных проблем, связанных с сохранением как самих предметов, так и культурно-исторической информации, носителем которой они являются.

В процессе нахождения в земле изделия из железа проходят несколько стадий окисления: от образования тонкой минеральной (коррозионной) корки до полной минерализации предмета (Буршнева, 2013, с. 228–234). Основная культурно-историческая информация сохраняется на его оригинальной поверхности, которая в процессе минерализации скрыта в толще коррозионных наслоений между двумя минеральными корками: первичной, являющейся частью минерализовавшегося предмета, и

вторичной, состоящей полностью из внешних коррозионных образований.

Подавляющее большинство железных археологических предметов подвергаются активной коррозии, вызываемой хлорид-анионами, попадающими в структуру металла из земли (Turgoose, 1989, с. 50; Knight, 1990, с. 39; Burshneva et al., 2010, с. 65; Буршнева, 2013, с. 234). При извлечении археологических находок из мест бытования, в результате резкого изменения условий (температура, влажность, химический состав воздуха) скорость коррозионных процессов резко возрастает. Железные предметы начинают активно разрушаться и уже в течение первого года могут утратить свою историко-культурную значимость, так как минеральные корки отслаиваются от металлического ядра и осыпаются. Вместе с минеральными корками утрачивается оригинальная поверхность предметов. Для предотвращения процессов разрушения железных археологических предметов

перед реставраторами стоит задача разработать эффективный способ их реставрации, который обеспечит сохранность предмета и его минеральной корки, выполняющей защитную функцию.

Постановка проблемы

Исследование структуры минеральных корок, выполняющих защитную функцию при хранении археологических экспонатов, методами физико-химического анализа свидетельствует об ее анизотропности, т. е. неупорядоченной структуре, в составе которой всегда присутствуют хлорид-анионы – активаторы электрохимической коррозии. Установлено, что хлорид-анионы находятся на границе металл – минеральная корка и в зонах, образованных разными формами оксигидратов железа, исключая магнетит. Магнетит при образовании сплошного покрытия препятствует проникновению хлорид-анионов к металлу. Доказано, что хлорид-анионы мигрируют к поверхности металла только при наличии трещин в минеральной корке или на участках, не покрытых магнетитом (Колотыркин, 1977, с. 73–80; Turgoose, 1982, с. 4; North, 1982, с. 72). Также установлено, что миграция хлорид-анионов происходит за счет локальных токов, причиной возникновения которых является разность потенциалов между отдельными участками металлов, подвергающихся вторичной коррозии (Воропай и др., 2007, с. 155; Смирнова, 2010, с. 419).

Поэтому главной задачей предотвращения вторичного разрушения железных артефактов в условиях постраскопчного хранения является разработка новых, эффективных способов стабилизации коррозии, включающих максимальное полное уда-

ление Cl^- из граничной поверхности металл – минеральная корка. За счет их удаления происходит стабилизация коррозионных процессов. При этом сохраняется сама минеральная корка, которая несет в себе основную историческую информацию о предмете и выполняет защитную функцию для сохранившегося металлического ядра.

Одним из первых методов стабилизации археологического железа была отмывка объектов в дистиллированной воде (Плендерлис, 1964, с. 112; Scott et al., 1987, с. 73; Шемаханская, 1989, с. 135; Knight, 1997, с. 37). Однако установлено, что этот способ является неэффективным и способствует образованию вторичных очагов коррозии за счет адсорбционной воды в порах и трещинах (Воропай и др., 2007, с. 158).

В настоящее время в мировой реставрационной практике промывку археологического железа проводят в щелочной среде: обработкой в растворе щелочного сульфита, состоящего из растворов гидроксида натрия (NaOH) и сульфита натрия (Na_2SO_3), или погружением предметов в раствор гидроксида натрия. Компоненты растворов должны проникать на глубину минеральной корки до металлического ядра и вымывать хлорид-анионы. Основными препятствиями к этому являются заполненные воздухом микропоры, трещины минеральной корки и включения оксигидратов железа, образующиеся в кислой среде (Смирнова, 2010, с. 422).

Популярностью пользуется способ обработки археологических объектов в растворе щелочного сульфита, который был разработан в 1975 г. австралийскими реставраторами Н.А. Нортон и С. Пирсоном

(North et al., 1975, с. 1–14). Предмет помещают в герметично закрывающийся сосуд со смешанными между собой в одинаковых объемных отношениях растворами гидроксида натрия и сульфита натрия молярной концентрации 0,5 моль/л (раствор щелочного сульфита). Продолжительность обработки зависит от степени сохранности памятника и в среднем может составлять несколько месяцев. Также авторы рекомендуют ежедневно подогревать раствор до 60°C. Удаление остатков рабочего щелочного раствора сульфита натрия осуществляется промывкой в проточной воде, с последующей обработкой в растворе гидроксида бария молярной концентрации 0,5 моль/л, и окончательной промывкой в дистиллированной воде. Проявляя восстановительные свойства, сульфит натрия связывает кислород воздуха в порах минеральной корки и способствует более глубокому проникновению в них рабочего раствора. Однако в данных условиях отсутствует заполнение раствором самых мелких и глубоких пор, что снижает эффективность отмывки от хлорид-анионов.

Для усиления эффективности промывки предметов в растворе гидроксида натрия американскими реставраторами используется «субкритический щелочной раствор» (subcritical alkaline solution, pH=13), когда предметы погружают в 0,5% раствор гидроксида натрия при температуре 180°C и под давлением 221 бар (Margikian et al., 2010, с. 59). Обработка археологического железа водными растворами в состоянии субкритических температур и давлений используется также и в отечественной реставрационной практике (Буравлев и др., 2018, с. 88–93). В этих условиях поры и капилляры заполняются раствором

за счет высокого давления. Однако этот процесс может сопровождаться образованием трещин и отслоением коррозионных корок от поверхности металла, что является существенным его недостатком и ограничивает применение.

Для устранения данных недостатков при отмывке археологических предметов от ионов хлора используется низкочастотный ультразвук. При частоте колебаний 20–40 кГц и числе кавитации 100 не происходит разрушение структуры минеральной корки и усиливается скорость проникновения раствора в поры, что увеличивает эффективность стабилизации активной коррозии (Буршинева и др., 2012, с. 140; Буршинева и др., 2013, с. 67).

Целью данного исследования является разработка нового более эффективного, не разрушающего структуру минеральной корки ультразвукового способа реставрации железных археологических предметов за счет глубокой отмывки хлорид-анионов в растворе щелочного сульфита.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

Используя археологические предметы, не имеющие исторической ценности, подобрать технические условия реставрации (время, состав отмывочных растворов) и доказать возможность применения данного способа при реставрации объектов, имеющих культурно-историческую ценность.

– С помощью современных физико-химических методов анализа определить химический состав минеральной корки до реставрации предметов.

– Подобрать условия реставрации железных археологических предметов, включая стадии стабилизации и отмывки в дистиллированной воде.

– При подборе оптимальных режимов отмычки предметов использовать наиболее точный метод тестирования образцов во влажной камере, который фиксирует оставшиеся очаги коррозии.

– Для подтверждения эффективности реставрации определить химический состав исследуемых объектов методом электронной микроскопии.

Методика исследования

В отечественной реставрации метод ультразвуковой очистки и пассивирование художественных изделий из черных металлов впервые был опробован в 60-х годах прошлого века в ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря (Башкиров и др., 1964, с. 124–137). Однако метод не прижился и после исследований, выполненных сотрудниками Вологодского филиала Всероссийского художественно-научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря совместно с учеными Вологодского государственного университета, он был впервые применен в Вологодском филиале ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря художником-реставратором первой категории Н.В. Смирновой.

В ходе исследования использовали современные методы анализа: гравиметрический, ионометрический, масс-спектрометрический, электронно-микроскопический.

Ультразвуковую обработку проводили в низкочастотной ультразвуковой ванне модели УЗВ-2-УФ на основе пьезокерамических преобразователей с собственной резонансной частотой 22 ± 1 кГц при числе кавитации 100–200. Значение числа кавитации определяли кавитометром. При помещении раствора в стеклянный стакан число кавитации уменьшается примерно в два раза.

Для проверки степени экстракции хлорид-ионов применяли иономер И-160 с ион-селективным электродом (Cl^-).

Степень разрушения металла определяли фотоэлектроколориметрическим способом по изменению концентрации катионов железа в отмывочном растворе после озвучивания образцов.

Экспериментальным путем были подобраны оптимальные условия реставрации археологического железа, включающие две стадии: стадию стабилизации в щелочном растворе сульфита натрия с применением ультразвуковой обработки и стадию отмывки в дистиллированной воде от остаточных концентраций Cl^- и OH^- также с использованием ультразвука.

Для выявления возможных очагов активной коррозии использовали метод тестирования во влажной камере с RH 90%.

Эксперимент проводили в два этапа. Для определения возможности использования ультразвукового способа реставрации на первом этапе определяли оптимальные условия реставрации железных предметов, не имеющих исторической ценности. Второй этап исследования – реставрация археологических предметов, имеющих историческую ценность, – включал: определение химического состава минеральной корки до реставрации методом электронной микроскопии; выбор оптимальных условий реставрации и повторный химический анализ минеральной корки для доказательства эффективности применения ультразвука.

I. Выбор оптимальных условий ультразвукового способа реставрации

Процесс реставрации двухстадийный, включающий стадии стабилиза-

ции и отмывки под действием ультразвука.

Выбор оптимальных условий ультразвуковой стабилизации осуществляли на первом этапе исследования, используя фрагменты железных археологических гвоздей XIV–XVI веков. При этом проводили три параллельных исследования по стабилизации образцов, используя известные способы (обработку традиционными способами в дистиллированной воде и в растворе щелочного сульфита натрия и новым ультразвуковым способом в щелочном растворе сульфита натрия).

Образцы погружали в отмывочные среды и экспериментальным методом определяли изменение концентрации ионов хлора и железа во времени. Эффективность стабилизации определяли по количеству хлорид-анионов и катионов железа в промывочном растворе с учетом массы исследуемого объекта. Результаты свидетельствуют, что максимальная эффективность удаления хлорид-анионов из коррозионной пленки в щелочном растворе сульфита натрия под действием ультразвука происходит в течение 25–30 минут. При этом масса хлорид-анионов на 1 г образца при ультразвуковом воздействии составила 14 мг; при отсутствии ультразвукового воздействия этот показатель в 7 раз меньше и составляет 2 мг на 1 г. Таким образом, при использовании ультразвука эффективность экстракции хлорид-анионов из образцов увеличивается в 7 раз (Смирнова, 2010, с. 424).

О степени сохранности металлической структуры археологических образцов судили по величине остаточной концентрации ионов железа в промывочном растворе. Было установлено, что максимальное вымывание катионов железа происхо-

дит в первые 15 минут после ультразвукового воздействия и составляет 0,88 мг на 1 г образца. При дальнейшем увеличении времени от 20 до 60 минут масса вымываемого железа постепенно уменьшается и составляет 0,11 мг на 1 г образца. Это доказывает, что ультразвуковая кавитация на первом этапе вызывает отслоение только слабых адгезионных железосодержащих фрагментов из точечных очагов коррозии. При этом сама минеральная корка не разрушается и обеспечивает сохранность объекта.

После стабилизации образцы подвергали второй стадии реставрации – отмывке дистиллированной водой совместно с ультразвуком в течение 60 минут, меняя отмывочные растворы до прекращения процессов вымывания хлорид-ионов и OH^- групп. Анализ на присутствие катионов железа был отрицательным.

Таким образом, на первом этапе исследования были установлены параметры стабилизации железных археологических предметов, не имеющих исторической ценности, в растворе щелочного сульфита с применением низкочастотного ультразвука с собственной резонансной частотой 22 ± 1 кГц при числе кавитации 100–200 в ультразвуковой ванне в течение 30 минут. Экспериментальным путем подтверждена возможность использования нового способа при реставрации археологических объектов, имеющих историческую ценность.

II. Разработка параметров способа реставрации археологических предметов из железа, имеющих историческую ценность

Так как в реставрационной практике массовые археологические находки из железа традиционно обрабатываются партиями от 10 до 50 однотип-

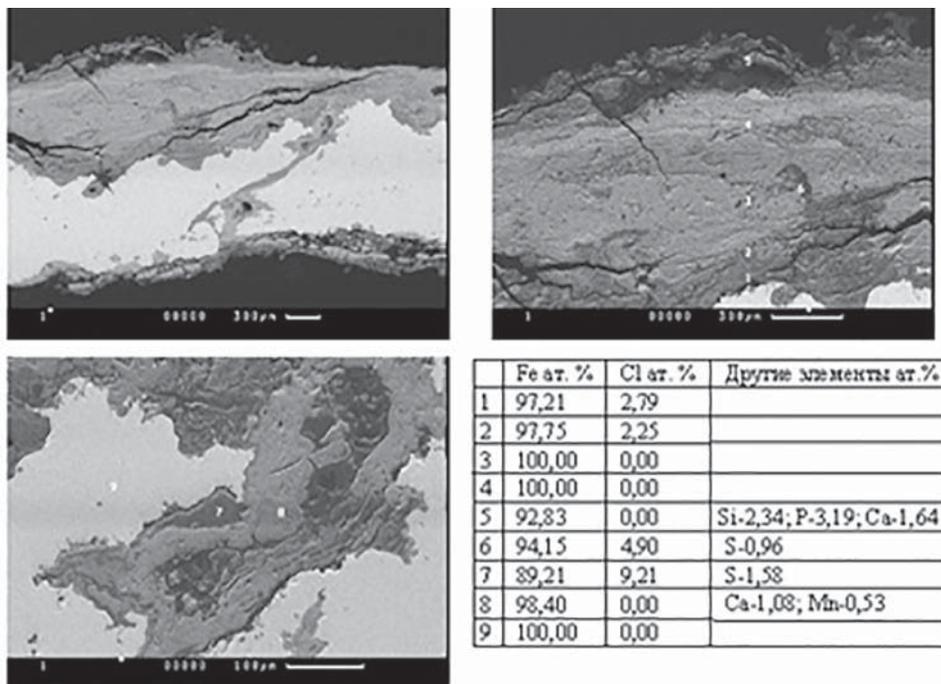

Рис. 1. Структура минеральных корок железных предметов по данным сканирующей электронной микроскопии до проведения реставрационной обработки.

Fig. 1. The structure of the mineral crusts of iron articles determined using scanning electron microscopy prior to restoration processing.

ных по сохранности предметов, то на втором этапе исследования подбирали способы реставрации в щелочном растворе сульфата натрия под действием ультразвука для группы железных археологических предметов, имеющих историческую ценность.

В эксперименте использовали 12 археологических железных предметов XVI–XVII вв. из раскопок Оружейной палаты, взятых на территории Кирилло-Белозерского музея-заповедника (археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством д.и.н. А.Н. Кирпичникова и д.и.н. И.Н. Хлопина, 1971 г.). Это фрагменты чугуновых гранат, мушкетные спусковые скобы и пистолетные замки. Образцы ранее подвергались реставрационной обработке. Однако предварительный анализ поверхно-

сти показал наличие большого количества язв активной коррозии. Перед началом стабилизирующей обработки все предметы были освобождены от консервационного покрытия и рыхлых продуктов коррозии. Был исследован химический состав минеральных корок образцов до проведения реставрационных работ с помощью сканирующего электронного микроскопа CAMSCAN-4D, полупроводникового спектрометра LINK AN-10000 и последовательного спектрометра MICROSPEC. Результаты исследования представлены на рисунке 1.

Результаты свидетельствуют, что минеральная корка имеет неравномерную и неупорядоченную структуру, в состав которой входят хлорид-анионы, сосредоточенные в зонах 1 и 2 и во внутренних зонах 6 и 7. В зонах

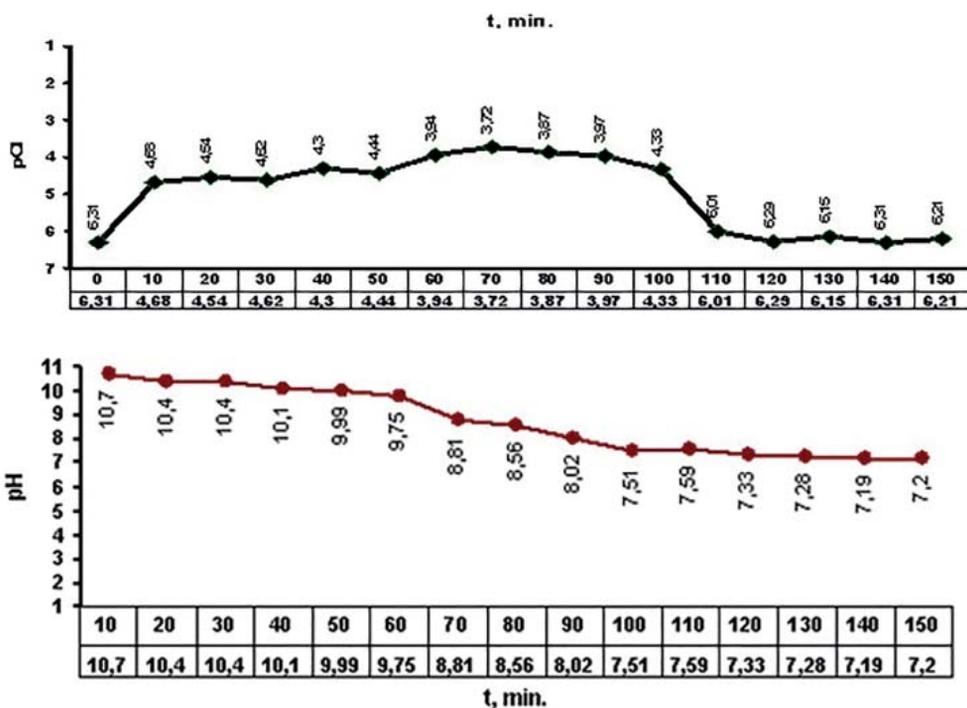

Рис. 2. Изменение концентрации хлорид-анионов и уровня pH в процессе промывки в дистиллированной воде с приложением ультразвука после второй обработки в растворе щелочного сульфита. Смена воды производилась каждые 10 минут.

Fig. 2. Changes in the concentration of chloride anions and pH level during washing in distilled water with ultrasonic application after the second treatment in an alkaline sulfite solution. The water was changed once every 10 minutes.

3, 4, 5 (с преобладанием магнетита) они отсутствуют. Содержание хлорид-анионов в зонах 1 и 2 колеблется от 23 до 28 мг на 1 г железа, в зонах 6 и 7 составляет от 52 до 103 мг на 1 г железа. Таким образом, хлорид-анионы в основном сосредоточены во внутренней зоне минеральной корки, которая контактирует с металлом, что затрудняет процесс реставрации. При неполной отмывке Cl^- из внутренних слоев сохранившейся минеральной корки или при ее разрушении возникают новые точечные активные очаги вторичной коррозии, которые можно выявить только при тестировании образцов во влажной камере. Это необходимо учитывать при разработке двухстадийного способа реставрации.

Процесс реставрации начинали с первой стадии – стадии стабилизации. Предметы подвергали 30 минутной ультразвуковой обработке в растворе щелочного сульфита. Ее эффективность определяли по изменению концентрации хлорид-ионов в щелочном растворе сульфита натрия. После вымывания хлорид-ионов (процесс стабилизации) объекты исследования подвергали второй стадии реставрации – стадии отмывки от Cl^- и OH^- -ионов в дистиллированной воде под действием ультразвука циклами по 10 минут. Для контроля данного процесса каждую порцию отмывочной воды анализировали на содержание хлорид-ионов с одновременным определением водородного

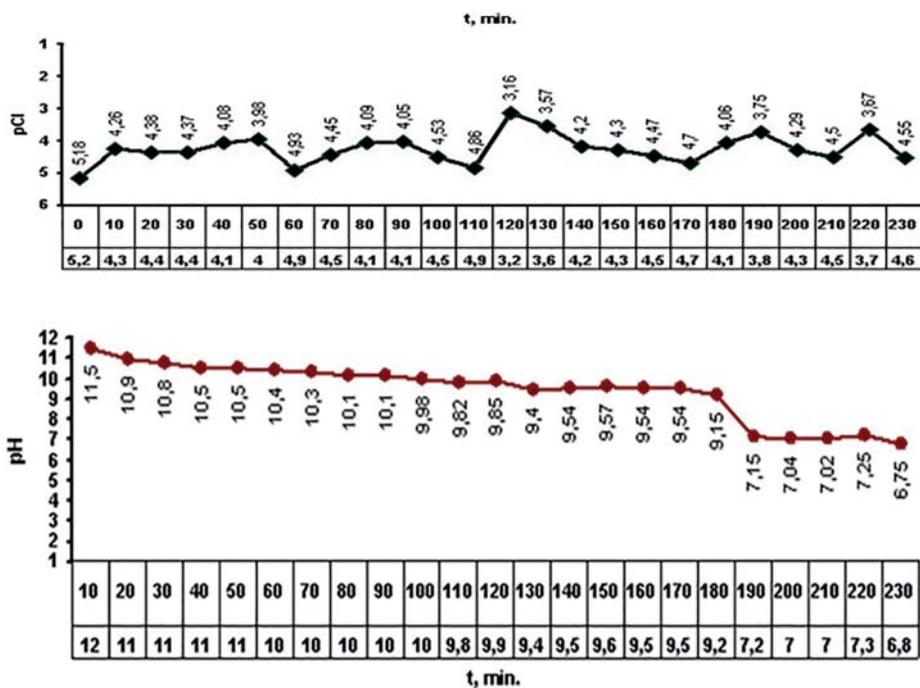

Рис. 3. Изменение концентрации хлорид-анионов и уровня pH в процессе промывки в дистиллированной воде с приложением ультразвука после третьей обработки в растворе щелочного сульфита. Смена воды производилась каждые 10 минут.

Fig. 3. Changes in the concentration of chloride anions and pH level during washing in distilled water with ultrasonic application after the third treatment in an alkaline sulfite solution. The water was changed once every 10 minutes.

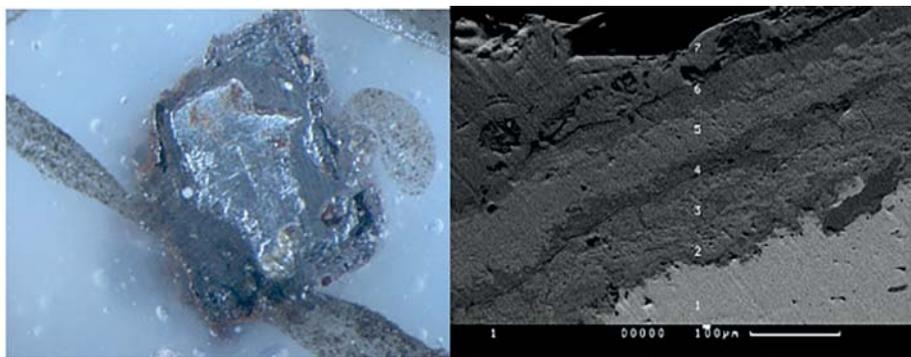
показателя среды, который фиксирует концентрацию ОН-групп. Результаты исследования представлены на рисунке 2.

Установлено, что после первой стадии стабилизации в растворе щелочного сульфита с применением ультразвука понадобилось шесть десятиминутных отмывок в дистиллированной воде с ультразвуком до достижения начального значения pH отмывочного раствора и до прекращения экстракции хлорид-ионов.

Далее образцы тестировали во влажной камере на наличие очагов коррозии. Однако их тестирование показало, что на восьми обработанных объектах имеются очаги коррозионных разрушений, и это свидетельствует о недостаточной стабилизации

археологических предметов и необходимости повторной обработки в щелочном растворе сульфита с последующей отмывкой в дистиллированной воде с применением ультразвука. Поэтому образцы вновь стабилизировали в ультразвуковой ванне в щелочном растворе сульфита (30 минут) и отмывали в дистиллированной воде, используя ультразвук.

Отмывка в дистиллированной воде составила 15 десятиминутных циклов. При этом максимальное количество хлорид-ионов вымылось из образцов за 10 промывок. Стабилизация уровня pH промывочного раствора также произошла после десятой промывки (рис. 2). Однако тестирование во влажной камере снова показало наличие очагов активной коррозии

Зоны	FeO	Fe ₂ O ₃	Cl	SiO ₂	Al ₂ O ₃	MnO	MgO	CaO	P ₂ O ₅	Sum
1	100,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	100,00
2	100,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	100,00
3	98,72	0,00	0,00	0,63	0,00	0,00	0,00	0,66	0,00	100,00
4	98,97	0,00	0,00	1,03	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	100,00
5	100,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	100,00
6	99,75	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,25	0,00	100,00
7	97,38	0,00	0,00	2,13	0,00	0,00	0,00	0,50	0,00	100,00

Рис. 4. Структура минеральных корок железных предметов по данным сканирующей электронной микроскопии после стабилизации в растворе щелочного сульфита с применением ультразвука.

Fig. 4. The structure of the mineral crusts of iron artifacts determined using scanning electron microscopy after stabilization in an alkaline sulfite solution using ultrasonic.

на четырех предметах из двенадцати. Это свидетельствует о необходимости продолжения стабилизации в щелочном растворе сульфита натрия с применением ультразвука.

После третьего цикла стабилизации в растворе щелочного сульфита с ультразвуком объекты вновь отмывали в дистиллированной воде. Суммарное время отмывки составило 230 минут (23 десятиминутных цикла). Процесс отмывки протекает неравномерно. Это объясняется наличием глубоких очагов коррозии или закрытых пробками поверхностных пор, из которых хлорид-ионы могут вымываться постепенно. Полученные значения pH и pCl подтверждают неравномерное их вымывание (рис. 3).

После реставрации с применением ультразвука образцы тестировали во влажной камере на наличие очагов коррозии. Тестирование не выявило очагов активной коррозии ни

на одном предмете и это доказывает окончание процесса отмывки и начало термодинамической стабилизации коррозионных разрушений.

Для подтверждения эффективности ультразвукового способа реставрации, включающего стадии стабилизации в растворе щелочного сульфита и последующую промывку в дистиллированной воде железных археологических предметов, был определен химический состав минеральной корки образцов на содержание ионов хлора. Образцы исследовались с помощью сканирующего электронного микроскопа CamScan 4D, полупроводникового спектрометра MicroSpec кандидатом геолого-минералогических наук Ю.Л. Крецером (рис. 4).

Результаты свидетельствуют, что после ультразвукового способа реставрации в зонах 1–7 минеральной корки полностью отсутствуют хлорид-анионы и не наблюдается процесс

вторичного механического разрушения защитных корок и структуры металла под действием низкочастотного ультразвука.

Выводы

Таким образом, на основании выполненного эксперимента можно сделать следующие выводы:

Разработан новый ультразвуковой низкочастотный способ реставрации археологического железа в щелочном растворе сульфита натрия при числе кавитации 100, включающий 2 стадии: стадию стабилизации коррозионных процессов в щелочном растворе сульфита и стадию отмычки в дистиллированной воде.

Установлено, что время стабилизации и отмычки железных археологических объектов зависят от степени их разрушения. В каждом конкретном

случае условия процессов реставрации требуется подбирать экспериментальным путем, тестируя образцы во влажной камере.

Новый способ является не разрушающим для археологического предмета и обеспечивает полную его сохранность после ультразвукового воздействия.

В сравнении с другими известными способами реставрации железных археологических предметов предлагаемый способ является наиболее быстрым и эффективным и обеспечивает длительную сохранность предметов.

В настоящее время продолжают экспериментальные исследования по подбору альтернативных растворов для проведения реставрации железных археологических предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкиров В.И., Петров Б.И. Ультразвуковая очистка музейных объектов из металла // Сборник статей по вопросам консервации и реставрации музейных объектов из металла / Под ред. М.Я. Мишукова. М.: Сов. Россия, 1964. С. 124–137.
2. Буравлев И.Ю., Цыбульская О.Н., Юдаков А.А., Никитин Ю.Г., Чириков А.Ю., Гельман Е.И., Ярусова С.Б. Консервация железных археологических предметов. М.: РИОР, 2019. 168 с. DOI: 10.29039/0895-9
3. Буришева С.Г. Стабилизация железных археологических предметов в Государственном Эрмитаже // Проблемы сохранения, консервации и реставрации музейных памятников: тезисы III междунар. науч.-практич. конф. / Отв. ред. С.О. Стрельникова. Киев: ВПОЛ, 2001. С. 12–15.
4. Буришева С.Г. К вопросу о сохранности археологических находок из железа (из опыта полевых и реставрационных работ) // Археологический сборник. Вып. 39: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М.Б. Щукина посвящается. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 226–237.
5. Буришева С.Г., Кузнецова О.Б., Смирнова Н.В. Исследование и тестирование метода стабилизации железных археологических предметов с применением ультразвука // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства. Материалы III региональной науч.-практической конф., посвященной 15-летию Эрмитажной школы реставрации / Отв. ред. М.Е. Тропина, О.П. Ченченкова. Екатеринбург: Тезис, 2012. С. 139–146.
6. Буришева С.Г., Кузнецова О.Б., Смирнова Н.В. Применение ультразвука при стабилизации железных археологических предметов в растворе щелочного сульфита // Научно-технический вестник Поволжья. 2013. № 6. С. 66–68.
7. Воронай Л.М., Смирнова Н.В. Физико-химический анализ метода интенсивной промывки археологических экспонатов, выполненных из железа // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства в музеях Урала: Материалы II региональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Эрмитажной школы реставрации / Отв. ред. Е.А. Ковтанюк, М.Е. Тропина, И.А. Харитошкина, О.П. Ченченкова. Екатеринбург: Тезис, 2007. С. 154–158.
8. Колотыркин Я.М. Современное состояние теории пассивности металлов // Вестник АН СССР. 1977. № 7. С. 73–80.

9. Плендерлис Г.Дж. Консервация древностей и произведений искусства. Вып. 3 / Пер. с англ. С.Г. Лузанова / Сообщения ВЦНИЛКР 10–11. М.: Советская Россия, 1964. 176 с.

10. Смирнова Н.В. Физико-химические характеристики метода обработки археологических экспонатов, выполненных из железа, в растворе щелочного сульфита // Грабаревские чтения VII : Междунар. науч. конф. 22-24 окт. 2008 г. М.: СканРус, 2010. С. 419–426.

11. Шемаханская М.С. Реставрация металла: методические рекомендации. М: ВНИИР, 1989. 155с.

12. Burshneva, S., Smirnova, N. Some new advances in alkaline sulphite treatment of archaeological iron // Archaeological Iron Colloquium: Extended Abstracts / Stuttgart, 2010. P. 63–66.

13. Knight B. A Review of the Corrosion of Iron from Terrestrial Sites and the Problem of Post-excavation Corrosion // The Conservator. 1990. № 14. P. 37–43.

14. Knight B. The Stabilization of Archaeological Iron. Past, Present and future // Metal 95: Proceedings of the International Conference on Metals Conservation / London: James & James (Science Publisher) Ltd, 1997. P. 36–40.

15. Mardikian P., Gonzalez N., Drews M.J., Nassanen L. The use of subcritical alkaline solutions for the stabilization of archaeological iron artifacts // Archaeological iron conservation colloquium 2010. / Extended Abstracts. State Academy of Art and Design Stuttgart, 24–26 June. Stuttgart: 2010. P. 59–62.

16. North N.A., Pearson C. Alkaline Sulphite Reduction Treatment of Marine Iron // ICOM-CC, 4th Triennial Meeting / Venice: 13/3, 1975. P. 1–14.

17. North N.A. Corrosion products on marine iron // Studies in Conservation. 1982. № 27. P. 75–83.

18. Scott D.A., Seeley N.J. The Washing of Fragile Iron Artifacts. // Studies in Conservation 32, 1987, P. 73–76.

19. Turgoose S. Post-excavation changes in iron antiquities // Studies in Conservation. 1982. № 27. P. 97–101.

20. Turgoose S. Structure, Composition and Deterioration of Unearthed Iron Objects // Current Problems in the Conservation of Metal Antiquities. Int. symp. on the cons. and rest. of cult. prop., Oct. 4 – Oct. 6 / Tokyo, 1989. P. 35–53.

Информация об авторах:

Буршневa Светлана Георгиевна, художник-реставратор высшей категории, преподаватель, Казанский федеральный университет, Институт международных отношений, кафедра реставрации наследия (на базе АО ТЧНРУ); младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); burshneva@yandex.ru

Кузнецова Ольга Борисовна, кандидат химических наук, доцент, Вологодский государственный университет, институт математики, естественных и компьютерных наук, кафедра химии (г. Вологда, Россия); kuz.ob@mail.ru

Смирнова Наталия Васильевна, художник-реставратор высшей категории, Кирило-Белозерский музей-заповедник (г. Кириллов, Вологодская область, Россия); natasha-s@bk.ru

Воропай Людмила Михайловна, кандидат химических наук, доцент, Вологодский государственный университет, институт математики, естественных и компьютерных наук, кафедра химии (г. Вологда, Россия); ludmila_voropai@mail.ru

EXPERIENCE OF ULTRASONIC USE TO STABILIZE ARCHAEOLOGICAL IRON ARTIFAKTS WITH ACTIVE CORROSION

S.G. Burshneva, O.B. Kuznetsova, N.V. Smirnova, L.M. Voropay

Of all the complex problems of museum storage of archaeological objects, iron objects represent one of the most difficult. In the process of corrosion, an iron object passes through several stages, from oxidation of the metal surface to full mineralization. The greatest problem consists of the items in the stages of oxidation, when the metal is almost completely corroded and converted into minerals. Mineral peels exfoliate under the influence of active corrosion, leading to a loss of historical significance of the object. In the world's practice of archaeological iron conservation, there are several different ways of stabilization, but

none of them can guarantee the integrity of the iron artifact during its museum storage. To date, the most effective conservation method of stabilizing archaeological iron is alkaline sulfite treatment. However, this method has a number of drawbacks, the main of which is the duration of the stabilizing treatment. The authors consider the possibility of increasing the efficiency of the method of processing archaeological iron objects in an alkaline sulfite solution by means of ultrasonic solution activation. In the course of the experimental study, it has been established that the use of ultrasonic in alkaline sulfite treatment hugely increases the efficiency of the method.

Keywords: archaeology, conservation, preservation of museum artifacts, archaeological iron, stabilization.

REFERENCES

1. Bashkirov, V. I., Petrov, B. I. 1964. In Mishukov, M. Ya. (eds.). *Sbornik statei po voprosam konservatsii i restavratsii muzeinykh ob"ektov iz metalla (Collection of Articles on the Conservation and Restoration of Metal Museum Items)*. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 124–137 (in Russian).
2. Buravlev, I. Yu., Cybul'skaya, O. N., Yudakov, A. A., Nikitin, Yu. G., Chirikov, A. Yu., Gel'man, E. I., Yarusova, S. B. 2019. *Konservatsiya zheleznykh arheologicheskikh predmetov (Conservation of iron archaeological objects)*. Moscow: "RIOR" Publ., DOI: 10.29039/0895-9 (in Russian).
3. Burshneva, S. G. 2001. In Strel'nikova, S. O. (ed.). *Problemy sokhraneniya, konservatsii i restavratsii muzeinykh pamyatnikov (Issues of Preservation, Conservation and Restoration of Museum Monuments)*. Kiev: "VIPOL", 12–15 (in Russian).
4. Burshneva, S. G. 2013. In Furas'ev, A. G. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. 40 vypusk: materialy i issledovaniia po arheologii Evrazii. Pamiati M.B. Shchukina posviashchaetsia (Archaeological Collection of Papers. Materials and Studies on Eurasian Archaeology. In Memory of M. B. Shchukin)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 226–237 (in Russian).
5. Burshneva, S. G., Kuznetsova, O. B., Smirnova, N. V. 2012. In Tropina, M. E., Chenchenkova, O. P. (eds.). *Problemy restavratsii pamyatnikov kul'tury i iskusstva (Issues of the Restoration of Culture and Art Monuments)*. Ekaterinburg: "Tezis" Publ., 139–146 (in Russian).
6. Burshneva, S. G., Kuznetsova, O. B., Smirnova, N. V. 2013. In *Nauchno-tekhnicheskii vestnik Povolzh'ya (Scientific and Technical Volga region Bulletin)* 6, 66–68 (in Russian).
7. Voropai, L. M., Smirnova, N. V. 2007. In Kovtaniuk, E. A., Tropina, M. E., Kharitoshkina, I. A., Chenchenkova, O. P. (eds.). *Problemy restavratsii pamyatnikov kul'tury i iskusstva v muzeyakh Urals (Issues of the Restoration of Culture and Art Monuments in the Museums of the Urals)*. Ekaterinburg: "Tezis" Publ., 154–158 (in Russian).
8. Kolotyarkin, Ya. M. 1977. In *Vestnik AN SSSR (Herald of Academy of Sciences of the USSR)* 7. 73–80 (in Russian).
9. Plenderlis, G. Dzh. 1964. *Konservatsiya drevnostei i proizvedenii iskusstva (The Conservation of Antiquities and Works of Art)*. Issue 3. Proceedings VTsNILKR 10–11. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ. (in Russian).
10. Smirnova, N. V. 2010. In *Grabarevskie chteniya VII (7th Grabar' Readings)*. Moscow: "Skandar-Rus" Publ., 419–426 (in Russian).
11. Shemakhanskaya, M. S. 1989. *Restavratsiya metala: metodicheskie rekomendatsii (Metal Restoration: Methodological Recommendations)*. Moscow: "VNIIR" Publ. (in Russian).
12. Burshneva, S., Smirnova, N. 2010. In *Archaeological Iron Colloquium: Extended Abstracts*. Stuttgart, 63–66.
13. Knight, B. 1990. In *The Conservator*. No. 14. 37–43.
14. Knight, B. 1997. In *Metal 95: Proceedings of the International Conference on Metals Conservation*. London: James & James (Science Publisher) Ltd, 36–40.
15. Mardikian, P., Gonzalez, N., Drews, M. J., Nassanen, L. 2010. In *Archaeological iron conservation colloquium 2010. Extended Abstracts*. State Academy of Art and Design Stuttgart, 24–26 June. Stuttgart: 59–62.
16. North, N. A., Pearson, S. 1975. In *ICOM-SS, 4th Triennial Meeting*. Venice: 13/3, 1–14.
17. North, N. A. 1982. In *Studies in Conservation*. No. 27. 75–83.
18. Scott, D. A., Seeley, N. J. 1987. In *Studies in Conservation*. No. 32. 73–76.
19. Turgoose, S. 1982. In *Studies in Conservation*. No. 27. 97–101.
20. Turgoose, S. 1989. In *Current Problems in the Conservation of Metal Antiquities. Int. symp. on the cons. and rest. of cult. prop., Oct. 4 – Oct. 6*. Tokyo. 35–53.

About the Authors:

Burshneva Svetlana G. Conservator of highest qualification, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; burshneva@yandex.ru

Kuznetsova Olga B. Candidate of Chemical Science, Vologda State University, Department of Chemistry, 160000, Vologda, Maltsev 2, Russian Federation; kuz.ob@mail.ru

Smirnova Natalia V. conservator of highest qualification, Kirillo-Belozersky museum, 161100, Vologda region, Kirillov, Russian Federation; natasha-s@bk.ru

Voropay Ludmila M. Candidate of Chemical Science, Vologda State University, Department of Chemistry, 160000, Vologda, Maltsev 2, Russian Federation; ludmila_voropai@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2020 г.

Авторский указатель 2020

- Akhiyarov I.K. (Almaty, Republic of Kazakhstan). см. Beisenov A.Z. № 3
- Beisenov A.Z. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Syvatko S.V. (Belfast, Northern Ireland, UK), Duysenbay D.B. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Akhiyarov I.K. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Reimer P.J. (Belfast, Northern Ireland, UK). New Isotopic Data on the Diet of the Saka Period Population from Central Kazakhstan. № 3, 208
- Biktagirova I. (Kazan, Russian Federation). см. Khranchenkova R.Kh. № 4
- Degryse P. (Leuven, Belgium). см. Khranchenkova R.Kh. № 4
- Duysenbay D.B. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan). см. Beisenov A.Z. № 3
- François V. (Aix-en-Provence, France). Se Faire Cuire Un Oeuf À L'époque Mamelouke. Plats Culinaires À Compartiments En Syrie. № 2, 211
- Gubaydullin A.M. (Kazan, Russian Federation). см. Khranchenkova R.Kh. № 4
- Khranchenkova R.Kh., Gubaydullin A.M. (Kazan, Russian Federation), Degryse P. (Leuven, Belgium), Biktagirova I. (Kazan, Russian Federation). The fragment of enameled glass vessel from the Bolgar excavation (Russia). № 4, 212
- Maynard D. (Whitland, Carmarthenshire, UK). см. Najafov Sh.N. № 3
- Najafov Sh.N. (Baku, Azerbaijan Republic), Maynard D. (Whitland, Carmarthenshire, UK). Archaeological Excavations of the Tovuzchay II Necropolis (Azerbaijan) in 2014–2018 Year. № 3, 159
- Reimer P.J. (Belfast, Northern Ireland, UK). см. Beisenov A.Z. № 3
- Shingiray I. (Oxford, United Kingdom). Life in Motion: Nomadic Cart Culture and Cart Burials of the Golden Horde (A Case Study from Bolshoi Tsaryn I, Kalmykia). № 2, 146
- Svyatko S.V. (Belfast, Northern Ireland, UK). см. Beisenov A.Z. № 3
- Авизова А.К. (Шымкент, Казахстан). Предварительные результаты изучения впускных погребений на Бесиншитобе в Отрарском оазисе. № 4, 113
- Адамов А.А., Балюнов И.В. (Тобольск, Россия). Ярковское I городище – памятник XII–XIV веков из Тобольского Прииртышья. № 4, 199
- Аксенов В.С. (Харьков, Украина). см. Колода В.В. № 4
- Алешинская А.С. (Москва, Россия). см. Андреев К.М. № 3
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С. (Самара, Россия), Алешинская А.С. (Москва, Россия), Васильева И.Н. (Самара, Россия). Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита республики Марий Эл. № 3, 64
- Антипина Е.Е. (Москва, Россия). «Такой родной и загадочный Болгар...» (к юбилею Лилии Вячеславовны Яворской). № 1, 239
- Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия). см. Бочаров С.Г. № 1
- Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия). см. Бугров Д.Г. № 1
- Асылгараева Г.Ш., Иोजица Д.В. (Казань, Россия). Список научных работ Бочарова Сергея Геннадиевича. № 2, 18
- Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). Историческая топография ханской столицы г. Касимова. № 2, 130
- Базаров Б.А. (Улан-Удэ, Россия). см. Ситдииков А.Г. № 1
- Баишева М.И. (Спасск, Пензенская область, Россия). см. Иконников Д.С. № 1
- Байтанаев Б.А., Железняков Б.А. (Алматы, Казахстан). Погребальные зороастрийские сосуды из Южного Казахстана. № 2, 119
- Бакуменко-Пырнэу Л.В. (Яссы, Румыния). см. Постикэ Г.И. № 2
- Балюнов И.В. (Тобольск, Россия). Коньковые гребни в Западной Сибири XVI–XIX вв.. № 1, 70
- Балюнов И.В. (Тобольск, Россия). см. Адамов А.А. № 4
- Бачура О.П., Лобанова Т.В. (Екатеринбург, Россия), Визгалов Г.П. (Сургут, Россия), Мартынович Н.В. (Калининград, Россия), Гимранов Д.О. (Екатеринбург, Россия). Хозяйственные аспекты жизнедеятельности населения города Енисейска в XVII–XIX веках (по остеологическим материалам из усадьбы Баладина). № 1, 184

Белорыбкин Г.Н., Осипова Т.В., Соболев А.С. (Пенза, Россия). Планиграфия сооружений Золотаревского городища. № 4, 159

Боковенко Н.А. (Санкт-Петербург, Россия), Пластеева Н.А. (Екатеринбург, Россия), Тишкин А.А. (Барнаул, Россия). Лошади из кургана Аржан-1: результаты археологических исследований и морфометрический анализ сохранившейся остеологической коллекции. № 3, 219

Бочаров С.Г. (Казань, Россия). Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью из археологических исследований Царевского городища. № 2, 32

Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия). Общие сведения о научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2019 году. № 1, 197

Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия). Животные в погребальном обряде населения Нижнего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по материалам Гулюковского могильника). № 1, 146

Бурова В.В. (Иркутск, Россия). см. Клементьев А.М. № 1

Буршнева С.Г., Кузнецова О.Б. (Вологда, Россия), Смирнова Н.В. (Кириллов, Вологодская область, Россия), Воропай Л.М. (Вологда, Россия). Опыт применения ультразвука для стабилизации железных археологических предметов с активной коррозией. № 4, 223

Васильева И.Н. (Самара, Россия). см. Андреев К.М. № 3

Визгалов Г.П. (Сургут, Россия). см. Бачура О.П. № 1

Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия). Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI. № 1, 117

Волкова Е.В. (Казань, Россия), Куфтерин В.В. (Москва, Россия). Население пьяноборской культуры Нижнего Прикамья по данным остеометрии (материалы могильника Старый Чекмак). № 1, 23

Воропай Л.М. (Вологда, Россия). см. Буршнева С.Г. № 4

Выборнов А.А. (Самара, Россия). см. Андреев К.М. № 3

Газимзянов И.Р. (Казань, Россия), Дремов И.И. (Саратов, Россия). Погребение с северной ориентировкой на мусульманском могильнике в Болгаре и проблема интерпретации железных конусов. № 4, 170

Гайдакова З.Г. (Нефтеюганск, Россия). см. Кардаш О.В. № 1

Герман К.Э., Кочкуркина С.И. (Петрозаводск, Россия). Новые находки в юго-восточной Карелии: свидетельства этнокультурных контактов средневековых культур (по материалам поселения Икшозеро I). № 1, 36

Гимранов Д.О. (Екатеринбург, Россия). см. Бачура О.П. № 1

Голдина Р.Д., Ясаков В.С. (Ижевск, Россия). Предметы из раковин *Turbinella rugum* в археологических памятниках Евразии (III тыс. до н. э. – IX в. н. э.). № 1, 8

Голованова Л.В. (Санкт-Петербург, Россия). см. Дороницева Е.В. № 3

Гомбожапов А.Д. (Улан-Удэ, Россия). см. Ситдииков А.Г. № 1

Гревцов Ю.А. (Красноярск, Россия). см. Разгильдеева И.И. № 3

Грудочко И.В. (Челябинск, Россия). Типология и культурно-хронологическая интерпретация курганов с «усами». № 4, 20

Данич А.В. (Пермь, Россия) см. Крыласова Н.Б. № 4

Дегтярева А.Д. (Тюмень, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. (Караганда, Казахстан). Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана. № 1, 98

Дмитриев Е.А. (Караганда, Казахстан). см. Дегтярева А.Д. № 1

Дороничев В.Б. (Санкт-Петербург, Россия). см. Дороницева Е.В. № 3

Дороницева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Поплевко Г.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Спасовский Ю.Н. (Майкоп, Россия). Обсидиановые наконечники копий в среднем палеолите Приэльбрусья. Предварительные данные об охотничьих стратегиях. № 3, 42

- Дремов И.И. (Саратов, Россия).** см. Газимзянов И.Р. № 4
Дубовцева Е.Н. (Екатеринбург, Россия). см. Клементьева Т.Ю. № 3
Епимахов А.В., Таиров А.Д. (Челябинск, Россия). Между бронзовым веком и железным (могильник Шатмантамак I в Башкортостане). № 3, 171
Железняков Б.А. (Алматы, Казахстан). см. Байтанаев Б.А. № 2
Жилина Н.В. (Москва, Россия). Волжская Булгария и Древняя Русь. Сравнительная характеристика убора из украшений XI–XIII вв. в реконструкциях. № 4, 125
Загребин А.Е. (Ижевск, Россия). Этнограф и археолог Стефан Кирович Кузнецов: казанские годы. № 4, 8
Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия). Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. Здания с подпольным отоплением. № 4, 145
Зоря Р.С. (Казань, Россия). Находка деталей поясного набора из раскопа СХСIX Болгарского городища. № 2, 219
Иконников Д.С. (Пенза, Россия), Баишева М.И. (Спасск, Пензенская область, Россия). Александр Августинovich Кротков – первый исследователь золотоордынского города Мохши. № 1, 59
Иожца Д.В. (Казань, Россия). см. Асылгараева Г.Ш. № 2
Йотов В. (Варна, Болгария). Керамика из столицы Блатненского княжества как свидетельство миссии братьев Кирилла и Мефодия в Блатноград (конец 866 – конец 867 гг.). № 2, 200
Каирмагамбетов А.М. (Нур-Султан, Республика Казахстан). см. Онгарулы А. № 3
Кайсин А.О. (Киров, Россия). см. Оруджов Э.И. № 3
Кардаш О.В. (Сургут, Россия), Гайдакова З.Г. (Нефтеюганск, Россия). Торговые связи населения Крайнего Севера в XI–XIV веках. № 1, 43
Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия). Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции. № 1, 81
Карпов С.П. (Москва, Россия). О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия. № 2, 38
Клементьев А.М. (Иркутск, Россия), Симухин А.И. (Улан-Удэ, Россия), Бурова В.В. (Иркутск, Россия), Прокопец С.Д. (Владивосток, Россия). Иволгинское хуннское городище в Забайкалье: археозоологические исследования (по материалам раскопок 2017 г.). № 1, 167
Клементьев А.М. (Иркутск, Россия). см. Разгильдеева И.И. № 3
Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н. (Екатеринбург, Россия). Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды. № 3, 84
Колода В.В., Аксенов В.С. (Харьков, Украина). Поминальный комплекс представитель всаднического сословия из Северо-Западной Хазарии. № 4, 81
Кольцов П.М. (Элиста, Россия). см. Обухов Ю.Д. № 2
Кочуркина С.И. (Петрозаводск, Россия). см. Герман К.Э. № 1
Красильников П.В. (Казань, Россия). см. Ситдииков А.Г. № 1
Крыласова Н.Б., Данич А.В. (Пермь, Россия). Низки из металлических пронизок и бус в средневековом финно-угорском костюме Пермского Предуралья. № 4, 50
Кудашов А.С. (Самара, Россия). см. Андреев К.М. № 3
Кузнецова О.Б. (Вологда, Россия). см. Буршнев С.Г. № 4
Кузьминых С.В. (Москва, Россия). см. Дегтярева А.Д. № 1
Кузьминых С.В. (Москва, Россия). см. Первозчикова С.А. № 1
Куклина А.А. (Казань, Россия). Новые исследования общеполгарской керамики: историко-культурный подход. № 2, 228
Кукушкин А.И. (Караганда, Казахстан). см. Дегтярева А.Д. № 1
Кукушкин И.А. (Караганда, Казахстан). см. Дегтярева А.Д. № 1
Куфтерин В.В. (Москва, Россия). см. Волкова Е.В. № 1
Лесная Е.С. (Казань, Саратов, Россия). см. Масюта Д.А. № 2
Лобанова Т.В. (Екатеринбург, Россия). см. Бачура О.П. № 1

- Ломан В.Г. (Караганда, Казахстан).** см. Дегтярева А.Д. № 1
- Лыганов А.В. (Казань, Россия).** К вопросу о культурно–хронологической принадлежности двух могильников позднего бронзового века в Волго-Камье (из раскопок А.Х. Халикова). № 3, 144
- Мандрыка П.В. (Красноярск, Россия).** см. Сенотрусова П.О. № 2
- Мартынович Н.В. (Калининград, Россия)** см. Бачура О.П. № 1
- Марченко Д.В. (Новосибирск, Россия).** см. Рыбин Е.П. № 3
- Масюта Д.А. (Одесса, Украина), Лесная Е.С. (Казань, Саратов, Россия).** Деталь поясного набора золотоордынского времени из Юго-Западного Крыма. № 2, 238
- Магренин С.С. (Барнаул, Россия).** см. Серегин Н.Н. № 4
- Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия).** см. Яворская Л.В. № 2
- Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия).** Сторожевые укрепления XIII века «Херсакеи» и Крымской Готии. № 2, 48
- Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. (Казань, Россия).** Металлические изделия с Багаевского селища. № 4, 185
- Нигамаев А.З. (Елабуга, Россия).** см. Чижевский А.А. № 3
- Новиченкова Н.Г. (Ялта, Россия).** Распространение провинциальной византийской культуры на южном берегу Крыма по материалам археологических исследований поселения возле Ливадийской больницы. № 2, 64
- Нолев Е.В. (Улан-Удэ, Россия).** см. Ситдинов А.Г. № 1
- Нуретдинова А.Р., Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия).** К юбилею Светланы Игоревны Валиулиной. № 1, 234
- Нуржанов А.А. (Алматы, Казахстан), Терновая Г.А. (Москва, Россия).** К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах юго-западного Жетысу во второй половине VIII–XII вв. (по материалам археологии). № 4, 99
- Нускабай А.А. (Нур-Султан, Республика Казахстан).** см. Онгарулы А. № 3
- Обухов Ю.Д., Кольцов П.М. (Элиста, Россия).** Памятник периода Золотой Орды поселенческого типа в районе пос. Улан-Хол Лаганского района Республики Калмыкия. № 2, 158
- Онгарулы А., Каирмагамбетов А.М., Нускабай А.А., Рахимжанова С.Ж. (Нур-Султан, Республика Казахстан).** Курган военной элиты саков Торгая. № 3, 233
- Оруджов Э.И. (Казань, Россия), Кайсин А.О. (Киров, Россия).** Топографические и культурно-хронологические аспекты в изучении Чижевского городища. № 3, 196
- Орфинская О.В. (Москва, Россия).** см. Харинский А.В. № 2
- Осипова Т.В. (Пенза, Россия).** см. Белорыбкин Г.Н. № 4
- Пантелеева С.Е. (Екатеринбург, Россия).** Комплекс керамики петровского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар: анализ морфологии и орнаментации. № 3, 129
- Перевозчикова С.А. (Ижевск, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Чижевский А.А. (Казань, Россия).** «Покой мне только снится»: к юбилею Е.М. Черных. № 1, 227
- Пластева Н.А. (Екатеринбург, Россия).** см. Боковенко Н.А. № 3
- Погодин А.А. (Екатеринбург, Россия).** см. Клементьева Т.Ю. № 3
- Поплевко Г.Н. (Санкт-Петербург, Россия).** см. Доронищева Е.В. № 3
- Портнягин М.А. (Иркутск, Россия).** см. Харинский А.В. № 2
- Постикэ Г.И. (Кишинев, Республика Молдова), Бакуменко-Пырнэу Л.В. (Яссы, Румыния).** Чугунные котлы Шехр Ал-Джедид (Орхейул Векь – Старый Орхей, Республика Молдова). № 2, 181
- Прокопец С.Д. (Владивосток, Россия).** см. Клементьев А.М. № 1
- Разгильдеева И.И., Решетова С.А. (Чита, Россия), Клементьев А.М. (Иркутск, Россия), Гревцов Ю.А. (Красноярск, Россия).** Нижнее Приангарье – анализ палеолитического комплекса «Иркинево. Стоянка Ельчимо-3» (исследования 2013 г.). № 3, 8
- Рахимжанова С.Ж. (Нур-Султан, Республика Казахстан).** см. Онгарулы А. № 3
- Решетова С.А. (Чита, Россия).** см. Разгильдеева И.И. № 3

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Хаценович А.М. (Новосибирск, Россия). Доставка каменного сырья и особенности каменной технологии в начальном верхнем палеолите Монголии: «горизонт кострищ» стоянки Толбор-21. № 3, 27

Самашев С.К. (Нур-Султан, Казахстан). Вопросы изучения функции тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана. № 4, 66

Седышев О.В. (Саранск, Россия). Валерий Васильевич Гришаков (1963–2019). № 1, 245

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. (Красноярск, Россия). Керамическая посуда лесосибирской культуры: вопросы типологии и генезиса. № 2, 93

Серегин Н.Н., Матренин С.С. (Барнаул, Россия). Монголия в жужанское время: основные аспекты интерпретации археологических материалов. № 4, 36

Симухин А.И. (Улан-Удэ, Россия). см. Клементьев А.М. № 1

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В. (Улан-Удэ, Россия), Красильников П.В. (Казань, Россия). IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. № 1, 217

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). см. Ахметгалин Ф.А. № 2

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). см. Бочаров С.Г. № 1

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). см. Яворская Л.В. № 2

Смирнова Н.В. (Кириллов, Вологодская область, Россия). см. Буршнева С.Г. № 4

Соболь А.С. (Пенза, Россия). см. Белорыбкин Г.Н. № 4

Спасовский Ю.Н. (Майкоп, Россия). см. Доронищева Е.В. № 3

Таиров А.Д. (Челябинск, Россия). см. Епимахов А.В. № 3

Терновая Г.А. (Москва, Россия). см. Нуржанов А.А. № 4

Тишкин А.А. (Барнаул, Россия). см. Боковенко Н.А. № 3

Тишкин А.А. (Барнаул, Россия). Телеутский Взвоз-I – курганная группа золотоордынского времени на юге Западной Сибири (результаты междисциплинарных исследований). № 2, 107

Ткачев В.В. (Оренбург, Россия). Трансграничная зона срубной и алакульской культур в степном Приуралья: физико-географический и горно-металлургический аспекты. № 3, 116

Файзуллин А.А. (Оренбург, Россия). Украшения в погребальной обрядности носителей ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе кочевников эпохи бронзы. № 3, 100

Фрикке П.А. (Екатеринбург, Россия). Локальные особенности в оформлении курганного пространства памятников петровской культуры. № 1, 124

Харинский А.В. (Иркутск, Россия), Орфинская О.В. (Москва, Россия), Портнягин М.А. (Иркутск, Россия). Захоронение сянтуйского типа могильника Будун 2 (западное побережье озера Байкал) и некоторые аспекты формирования погребального ритуала у населения Прибайкалья в XIII–XIV вв. № 2, 78

Хаценович А.М. (Новосибирск, Россия). см. Рыбин Е.П. № 3

Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия). см. Чижевский А.А. № 3

Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия). см. Нуретдинова А.Р. № 1

Чижевский А.А. (Казань, Россия), Нигамаев А.З. (Елабуга, Россия), Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия). Комплекс предметов вооружения ананьинского времени из Танаевского леса. № 3, 181

Чижевский А.А. (Казань, Россия). см. Перевозчикова С.А. № 1

Чотбаев А.Е. (с. Катонкарагай, Казахстан). Предметы вооружения и снаряжение коня из некрополя Каракаба. № 1, 135

Шигапов М.Б. (Казань, Россия). см. Недашковский Л.Ф. № 4

Яворская Л.В. (Москва, Россия), Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия), Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). Сергею Геннадиевичу Бочарову – 50 лет. № 2, 8

Яворская Л.В. (Москва, Россия). Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики Юго-Восточного Крыма в золотоордынский период. № 2, 170

Ясаков В.С. (Ижевск, Россия). см. Голдина Р.Д. № 1

Авторский указатель. № 4, 236

Список сокращений. № 1, 248

Список сокращений. № 2, 248

Список сокращений. № 3, 248

Список сокращений. № 4, 248

Правила для авторов. № 1, 250

Правила для авторов. № 2, 250

Правила для авторов. № 3, 250

Правила для авторов. № 4, 250

Index of the Authors 2020

- Akhiyarov I.K. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** look Beisenov A.Z. **No. 3**
- Beisenov A.Z. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Svyatko S.V. (Belfast, Northern Ireland, UK), Duysenbay D.B. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Akhiyarov I.K. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Reimer P.J. (Belfast, Northern Ireland, UK).** New Isotopic Data on the Diet of the Saka Period Population from Central Kazakhstan. **No. 3, 208**
- Biktagirova I. (Kazan, Russian Federation).** look Khramchenkova R.Kh. **No. 4**
- Degryse P. (Leuven, Belgium).** look Khramchenkova R.Kh. **No. 4**
- Duysenbay D.B. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan).** look Beisenov A.Z. **No. 3**
- François V. (Aix-en-Provence, France).** Baking Eggs During the Mamluk Period. Culinary Multi-Compartment Dishes in Syria. **No. 2, 211**
- Gubaydullin A.M. (Kazan, Russian Federation).** look Khramchenkova R.Kh. **No. 4**
- Khramchenkova R.Kh., Gubaydullin A.M. (Kazan, Russian Federation), Degryse P. (Leuven, Belgium), Biktagirova I. (Kazan, Russian Federation).** The fragment of enameled glass vessel from the Bolgar excavation (Russia). **No. 4, 212**
- Maynard D. (Whitland, Carmarthenshire, UK).** look Najafov Sh.N. **No. 3**
- Najafov Sh.N. (Baku, Azerbaijan Republic), Maynard D. (Whitland, Carmarthenshire, UK).** Archaeological Excavations of the Tovuzchay II Necropolis (Azerbaijan) in 2014–2018 Year. **No. 3, 159**
- Reimer P.J. (Belfast, Northern Ireland, UK).** look Beisenov A.Z. **No. 3**
- Shingiray I. (Oxford, United Kingdom).** Life in Motion: Nomadic Cart Culture and Cart Burials of the Golden Horde (A Case Study from Bolshoi Tsaryn I, Kalmykia). **No. 2, 146**
- Svyatko S.V. (Belfast, Northern Ireland, UK).** look Beisenov A.Z. **No. 3**
- Avizova A.K. (Shymkent, Kazakhstan).** Preliminary results of study of the inlet burials on the Besinshitobe in Otrar oasis. **No. 4, 113**
- Adamov A.A., Balyunov I.V. (Tobolsk, Russian Federation).** Yarkovskoe 1 hillfort – monument of the XII–XIV centuries in the Tobolsk Irtysh River region. **No. 4, 199**
- Aksonov V.S. (Kharkov, Ukraine).** look Koloda V.V. **No. 4**
- Aleshinskaya A.S. (Moscow, Russian Federation).** look Andreev K.M. **No. 3**
- Andreev K.M., Vybornov A.A., Kudashov A.S. (Samara, Russian Federation), Aleshinskaya A.S. (Moscow, Russian Federation), Vasilieva I.N. (Samara, Russian Federation).** Sokolnii VII Settlement – New Monument of Early Neolithic in Mari El. **No. 3, 64**
- Antipina E.E. (Moscow, Russian Federation).** “Such a Known and Mysterious Bulgar...” (for the Anniversary of Lilia Yavorskaya). **No. 1, 239**
- Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).** look Bocharov S.G. **No. 1**
- Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).** look Bugrov D.G. **No. 1**
- Asylgaraeva G.Sh., Iozhitsa D.V. (Kazan, Russian Federation).** The list of Publications of Sergei Bocharov. **No. 2, 18**
- Akhmetgalin F.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).** Historical Topography of the Khan's Capital Town of Kasimov. **No. 2, 130**
- Bazarov B.A. (Ulan-Ude, Russian Federation).** look Sitdikov A.G. **No. 1**
- Baisheva M.I. (Spassk, Penza Region, Russian Federation).** look Ikonnikov D.S. **No. 1**
- Baitanayev B.A., Zheleznyakov B.A. (Almaty, Kazakhstan).** Zoroastrian Funerary Vessels from South Kazakhstan. **No. 2, 119**
- Bacumenco-Pîrnău L.V. (Iasi, Romania).** look Postică, G. I. **No. 2**
- Balyunov I.V. (Tobolsk, Russian Federation)** Combs with Horse Head in Western Siberia During the 16th – 19th Centuries. **No. 1, 70**
- Balyunov I.V. (Tobolsk, Russian Federation).** look Adamov A.A. **No. 4**
- Bachura O.P., Lobanova T.V. (Yekaterinburg, Russian Federation), Vizgalov G.P. (Surgut, Russian Federation), Martynovich N.V. (Kaliningrad, Russian Federation), D.O. Gimranov (Yekaterinburg, Russian Federation).** Subsistence Practices of the Popu-

lation at the Yeniseysk Town in the 17th – 19th Centuries (based on osteological materials from the Balandin mansion). **No. 1, 184**

Belorybkin G.N., Osipova T.V., Sobol A.S. (Penza, Russian Federation). Spatial Analysis of the Zolotarevka Fortified Settlement Structures. **No. 4, 159**

Bokovenko N.A. (St. Petersburg, Russian Federation), Plasteeva N.A. (Yekaterinburg, Russian Federation), Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation). Horses from the Arzhan-1 Mound: Results of Archaeological Research and Morphometric Analysis of the Preserved Osteological Collection. **No. 3, 219**

Bocharov S.G. (Kazan, Russian Federation). Red Clay Pottery with Turquoise Glaze from Archaeological Studies of the Tsarevskoye Settlement. **No. 2, 32**

Bocharov S.G., Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation). The Main Information About Scientific Activity Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2019. **No. 1, 197**

Bugrov D.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation). Animals in a Burial Rite of the Population of the Lower Kama Region in the First Half of the 1st Millennium AD (based on materials from Gulyukovo Burial Ground). **No. 1, 146**

Burova V.V. (Irkutsk, Russian Federation). look Klementiev A.M. **No. 1**

Burshneva S.G., Kuznetsova O.B. (Vologda, Russian Federation), Smirnova N.V. (Kirillov, Russian Federation), Voropay L.M. (Vologda, Russian Federation). Experience of Ultrasonic Use to Stabilize Archaeological Iron Artifacts with Active Corrosion. **No. 4, 223**

Vasilieva I.N. (Samara, Russian Federation). look Andreev K.M. **No. 3**

Vizgalov G.P. (Surgut, Russian Federation). look Bachura O.P. **No. 1**

Vinogradov N.B. (Chelyabinsk, Russian Federation). Anthropomorphic “Dolls” in the Funeral Rites of Kulevchi VI Burial Ground. **No. 1, 117**

Volkova E.V. (Kazan, Russian Federation), Kufterin V.V. (Moscow, Russian Federation). The Pyany Bor Culture Population of the Lower Kama Region According to Osteometric Data (Stariy Chekmak Burial Ground). **No. 1, 23**

Voropay L.M. (Vologda, Russian Federation). look Burshneva S.G. **No. 4**

Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation). look Andreev K.M. **No. 3**

Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation), Dremov I.I. (Saratov, Russian Federation). Nord-Oriented Burial on the Muslim Burial Ground in Bulgar and the Issue of Interpretation of Iron Cones. **No. 4, 170**

Gaidakova Z.G. (Nefteyugansk, Russian Federation). look Kardash O.V. **No. 1**

German K.E., Kochkurkina S.I. (Petrozavodsk, Russian Federation). New Finds in South-Eastern Karelia: evidence of ethnic-cultural contacts in medieval culture (on materials of the settlement of Ikshozero I). **No. 1, 36**

Gimranov (Yekaterinburg, Russian Federation). look Bachura O.P. **No. 1**

Goldina R.D., Yasakov V.S. (Izhevsk, Russian Federation). Turbinella Pyrum Shell Items at Eurasian Archaeological Sites (the 3rd Millennium BC – 9th Century AD). **No. 1, 8**

Golovanova L.V. (Saint Petersburg, Russian Federation). look Doronicheva E.V. **No. 3**

Gombozhapov A.D. (Ulan-Ude, Russian Federation). look Sitdikov A.G. **No. 1**

Grevtsov Yu.A. (Krasnoyarsk, Russian Federation). look Razgildeeva I.I. **No. 3**

Grudochko I.V. (Chelyabinsk, Russian Federation). Typology and Cultural-Chronological Interpretation of Kurgans with ‘Moustache’. **No. 4, 20**

Danich A.V. (Perm, Russian Federation). look Krylasova N.B. **No. 4**

Degtyareva A.D. (Tyumen, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation), Loman V.G., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A. (Karaganda, Kazakhstan). Non-Ferrous Metal of Early Alakul (Petrovka) Culture of Bronze Age in Central Kazakhstan. **No. 1, 98**

Dmitriev E.A. (Karaganda, Kazakhstan). look Degtyareva A.D. **No. 1**

Doronichev V.B. (Saint Petersburg, Russian Federation). look Doronicheva E.V. **No. 3**

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Poplevko G.N. (Saint Petersburg, Russian Federation), Spassovsky Yu.N. (Maykop, Russian Federation). Obsidian Spearhead in the Middle Paleolithic of the Elbrus Region. Preliminary Data on the Hunting Strategies. **No. 3, 42**

Dremov I.I. (Saratov, Russian Federation). look Gazimzyanov I.R. **No. 4**

Dubovtseva E.N. (Yekaterinburg, Russian Federation). look Klementyeva T.Yu. **No. 3**

Epimakhov A.V., Tairov A.D. (Chelyabinsk, Russian Federation). Between Bronze and Iron Ages (burial ground Shatmantamak I in Bashkortostan). **No. 3, 171**

Zheleznyakov B.A. (Almaty, Kazakhstan). look Baitanayev B.A. **No. 2**

Zhilina N.V. (Moscow, Russian Federation). Volga Bulgaria and Old Rus'. Comparative Characteristics of Attire of Adornments in Reconstructions of the 11th – 13th Centuries. **No. 4, 125**

Zagrebina A.Ye. (Izhevsk, Russian Federation). Ethnographer and Archaeologist Stefan Kirovich Kuznetsov: kazan years. **No. 4, 8**

Zilivinskaya E. D. (Moscow, Russian Federation). Monumental Structures of Bilyar: new approach. Buildings with Underfloor Heating. **No. 4, 145**

Zorya R.S. (Kazan, Russian Federation). Belt Set Details from Excavation CXCIX at the Bolgar Fortified Settlement. **No. 2, 219**

Ikonnikov D.S. (Penza, Russian Federation), Baisheva M.I. (Spassk, Penza Region, Russian Federation). Alexander Avgustinovich Krotkov – the First Researcher of the Golden Horde City of Mohshy. **No. 1, 59**

Iozhitsa D.V. (Kazan, Russian Federation). look Asylgaraeva G.Sh. **No. 2**

Yotov V. (Varna, Bulgaria). Ceramics from the Capital of the Blatna Principality – the Traces of the Mission of the Brothers Cyril and Methodius in Blatnograd (late 866 – middle of 867). **No. 2, 200**

Kairmagambetov A.M. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan). look Onggaruly A. **No. 3**

Kaisin A.O. (Kirov, Russian Federation). look Orudzhov E.I. **No. 3**

Kardash O.V. (Surgut, Russian Federation), Gaidakova Z.G. (Nefteyugansk, Russian Federation). Trade Relations of the Population of the Far North in the 11th – 14th Centuries. **No. 1, 43**

Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation) Eneolithic and Bronze Age Burials Grounds in European Northeast of Russia: Question of Attribution. **No. 1, 81**

Karpov S.P. (Moscow, Russian Federation). Destruction of Tana by Tamerlane in 1395: Event and Consequences. **No. 2, 38**

Klementiev A.M. (Irkutsk, Russian Federation), Simukhin A.I. (Ulan-Ude, Russian Federation), Burova V.V. (Irkutsk, Russian Federation), Prokopets S.D. (Vladivostok, Russian Federation). Ivolginsk Xiongnu Fortress in Transbaikalia: archaeozoological research (based on excavations 2017). **No. 1, 167**

Klementiev A.M. (Irkutsk, Russian Federation). look Razgildeeva I.I. **No. 3**

Klementyeva T.Yu., Pogodin A.A., Dubovtseva E.N. (Yekaterinburg, Russian Federation). The Early Neolithic Shoushma 10 Settlement at the Upper Course of the Konda River. **No. 3, 84**

Koloda V.V., Aksonov V.S. (Kharkov, Ukraine). Burial complex of equestrian class representatives from the northwestern Khazaria. **No. 4, 81**

Koltsov P.M. (Elista, Russian Federation). look Obukhov Yu.D. **No. 2**

Kochkurkina S.I. (Petrozavodsk, Russian Federation). look German K.E. **No. 1**

Krasilnikov P.V. (Kazan, Russian Federation). look Sitdikov A.G. **No. 1**

Krylasova N.B., Danich A.V. (Perm, Russian Federation). Threads of Metal Beads and Tube Beads in the Middle-Age Finno-Ugrian Costume of the Perm Cis-Urals. **No. 4, 50**

Kudashov A.S. (Samara, Russian Federation). look Andreev K.M. **No. 3**

Kuznetsova O.B. (Vologda, Russian Federation). look Burshneva S.G. **No. 4**

Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation). look Degtyareva A.D. **No. 1**

Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation). look Perevozchikova S.A. **No. 1**

- Kuklina A.A. (Kazan, Russian Federation).** New Studies of Bolgar Ceramics: Historical and Cultural Approach. No. 2, 228
- Kukushkin A.I. (Karaganda, Kazakhstan).** look Degtyareva A.D. No. 1
- Kukushkin I.A. (Karaganda, Kazakhstan).** look Degtyareva A.D. No. 1
- Kufferin V.V. (Moscow, Russian Federation).** look Volkova E.V. No. 1
- Lesnaya E.S. (Kazan, Saratov, Russian Federation).** look Masyuta D.A. No. 2
- Lobanova T.V. (Yekaterinburg, Russian Federation).** look Bachura O.P. No. 1
- Loman V.G. (Karaganda, Kazakhstan).** look Degtyareva A.D. No. 1
- Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation).** On the Cultural and Chronological Attribution of Two Burial Grounds of the Late Bronze Age in the Volga-Kama Region (from the excavations by A.Kh. Khalikov). No. 3, 144
- Mandryka P.V. (Krasnoyarsk, Russian Federation).** look Senotrusova P.O. No. 2
- Martynovich N.V. (Kaliningrad, Russian Federation).** look Bachura O.P. No. 1
- Marchenko D.V. (Novosibirsk, Russian Federation).** look Rybin E.P. No. 3
- Masyuta D.A. (Odessa, Ukraine), Lesnaya E.S. (Kazan, Saratov, Russian Federation).** Detail of a Belt Set from the Golden Horde Period from South-Western Crimea. No. 2, 238
- Matrenin S.S. (Barnaul, Russian Federation).** look Seregin N.N. No. 4
- Myts V.L. (Saint-Petersburg, Russian Federation).** look Yavorskaya L.V. No. 2
- Myts V.L. (Saint-Petersburg, Russian Federation).** Guard Fortifications of the 13th Century in “Khersakei” and Crimean Gotia. No. 2, 48
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. (Kazan, Russian Federation).** Metallic Wares from Bagaevka Settlement. No. 4, 185
- Nigamaev A.Z. (Elabuga, Russian Federation).** look Chizhevsky A.A. No. 3
- Novichenkova N.G. (Yalta, Russian Federation).** Dissemination of Provincial Byzantine Culture in the Southern Coast of Crimea Based on the Materials of Archaeological Research of the Settlement near the Livadia Hospital. No. 2, 64
- Nolev E.V. (Ulan-Ude, Russian Federation).** look Sitdikov A.G. No. 1
- Nuretdinova A.R., Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation).** For the Anniversary of Svetlana Igorevna Valiulina. No. 1, 234
- Nurzhanov A.A. (Almaty, Kazakhstan), Ternovaya G.A. (Moscow, Russian Federation).** To the Issue of the Distribution and Influence of Islam in the Cities of the Southwestern Zhetysu Region in the Second Half of the 8th – 12th Centuries. No. 4, 99
- Nuskabay A.A. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan).** look Onggaruly A. No. 3
- Obukhov Yu.D., Koltsov P.M. (Elista, Russian Federation).** A Settlement Site of the Golden Horde Period in the Area of Ulan-Khol Village in the Lagansky District of the Republic of Kalmykia. No. 2, 158
- Onggaruly A., Kairmagambetov A.M., Nuskabay A.A., Rahimzhanova S.Zh. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan).** Mound of the Military Elite Sakas of Torgay. No. 3, 233
- Orudzhov E.I. (Kazan, Russian Federation), Kaisin A.O. (Kirov, Russian Federation).** Topographic, Cultural and Chronological Aspects in the Study of the Chizhevskoe Hillfort. No. 3, 196
- Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation).** look Kharinskii A.V. No. 2
- Osipova T.V. (Penza, Russian Federation).** look Belorybkin G.N. No. 4
- Panteleva S.E. (Yekaterinburg, Russian Federation).** Complex of the Petrovka Pottery from the Fortified Settlement of Kamenny Ambar: Analysis of Morphology and Ornamentation. No. 3, 129
- Perevozchikova S.A. (Izhevsk, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation), Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation).** “I Only Dream Peace”: for the anniversary of E.M. Chernykh. No. 1, 227
- Plasteeva N.A. (Yekaterinburg, Russian Federation).** look Bokovenko N.A. No. 3
- Pogodin A.A. (Yekaterinburg, Russian Federation).** look Klementyeva T.Yu. No. 3
- Poplevko G.N. (Saint Petersburg, Russian Federation).** look Doronicheva E.V. No. 3
- Portnyagin M.A. (Irkutsk, Russian Federation).** look Kharinskii A.V. No. 2

Postică, G.I. (Chisinau, Republic of Moldova), Bacumenco-Pîrnău L.V. (Iasi, Romania). Cast Iron Cauldrons Uncovered in Shehr Al-Djedid (Orheiul Vechi / Old Orhei, Republic of Moldova). **No. 2, 181**

Prokopets S.D. (Vladivostok, Russian Federation). look Klementiev A.M. **No. 1**

Razgildeeva I.I., Reshetova S.A. (Chita, Russian Federation), Klementiev A.M. (Irkutsk, Russian Federation), Grevtsov Yu.A. (Krasnoyarsk, Russian Federation). Lower Angara Region – Analysis of the Paleolithic Complex «Irkineyevo. Site Yelchimo-3» (2013 research). **No. 3, 8**

Rahimzhanova S.Zh. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan). look Onggaruly A. **No. 3**

Reshetova S.A. (Chita, Russian Federation). look Razgildeeva I.I. **No. 3**

Rybin E.P., Marchenko D.V., Khatsenovich A.M. (Novosibirsk, Russian Federation). Acquisition of Stone Raw Material and Peculiarities of the Lithic Technology in the Initial Upper Paleolithic of Mongolia: the «Horizon of Hearths» at the Tolbor 21 Site. **No. 3, 27**

Samashev S.K. (Nur-Sultan, Kazakhstan). Issues of Studying the Function of Signs Resembling Tamgas of the Kazakh Medieval Nomads. **No. 4, 66**

Sedyshv O.V. (Saransk, Russian Federation). Valery Vasilievich Grishakov (1963–2019). **No. 1, 245**

Senotrusova P.O., Mandryka P.V. (Krasnoyarsk, Russian Federation). Pottery of the Lesosibirsk Culture: Typology and Genesis Issues. **No. 2, 93**

Seregin N.N., Matrenin S.S. (Barnaul, Russian Federation). Mongolia in Rouran time: main aspects of the interpretation of archaeological materials. **No. 4, 36**

Simukhin A.I. (Ulan-Ude, Russian Federation). look Klementiev A.M. **No. 1**

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Bazarov B.A., Gombozhapov A.D., Nolev E.V. (Ulan-Ude, Russian Federation), Krasilnikov P.V. (Kazan, Russian Federation). 4th International Congress of the Medieval Archaeology of Eurasian Steppes. **No. 1, 217**

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Akhmetgalin F.A. **No. 2**

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Bocharov S.G. **No. 1**

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Yavorskaya L.V. **No. 2**

Smirnova N.V. (Kirillov, Russian Federation). look Burshneva S.G. **No. 4**

Sobol A.S. (Penza, Russian Federation). look Belorybkin G.N. **No. 4**

Spasovskiy Yu.N. (Maykop, Russian Federation). look Doronicheva E.V. **No. 3**

Tairov A.D. (Chelyabinsk, Russian Federation). look Epimakhov A.V. **No. 3**

Ternovaya G.A. (Moscow, Russian Federation). look Nurzhanov A.A. **No. 4**

Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation). look Bokovenko N.A. **No. 3**

Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation). Teleutsky Vzvoz-I – a Barrow Group of the Golden Horde Period in the South of Western Siberia (Results of Interdisciplinary Research). **No. 2, 107**

Tkachev V.V. (Orenburg, Russian Federation). Crossborder Zone of Srubnaya and Alakul Cultures in the Steppe Pre-Urals: Physical-Geographical and Mining-Metallurgical Aspects. **No. 3, 116**

Faizullin A.A. (Orenburg, Russian Federation). The Adornment in the Mortuary Ceremonies of the Volga-Ural Pit-Grave Culture as the Marker of the Social Significance in the Nomad Society of the Bronze Epoch. **No. 3, 100**

Fricke P.A. (Yekaterinburg, Russian Federation). Local Features in the Decoration of the Mound Space of the Burial Monuments of Petrovka Culture. **No. 1, 124**

Kharinskii A.V. (Irkutsk, Russian Federation), Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation), Portnyagin M.A. (Irkutsk, Russian Federation). A Sayantuj-Type Grave from the Budun 2 Cemetery (West Coast of Lake Baikal) and Some Aspects of Funeral Rites from the Population of the Baikal Region in the 13th–14th Centuries. **No. 2, 78**

Khatsenovich A.M. (Novosibirsk, Russian Federation). look Rybin E.P. **No. 3**

Khramchenkova R.Kh. (Kazan, Russian Federation). look Chizhevsky A.A. **No. 3**

Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation). look Nuretdinova A.R. **No. 1**

Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation), Nigamaev A.Z. (Elabuga, Russian Federation), Khramchenkova R.Kh. (Kazan, Russian Federation). Weapon Complex of Ananyino Period from Tanaika Forest. **No. 3, 181**

Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation). look Perevozchikova S.A. **No. 1**

Chotbaev A.E. (v. Katonkaragai, Kazakhstan). Weapons and Equipment of a Horse from the Necropolis of Karakaba. **No. 1, 135**

Shigapov M.B. (Kazan, Russian Federation). look Nedashkovsky L.F. **No. 4**

Yavorskaya L.V. (Moscow, Russian Federation), Myts V.L. (Saint-Petersburg, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). 50 Years Anniversary of Sergei Bocharov. **No. 2, 8**

Yavorskaya L.V. (Moscow, Russian Federation). Archaeozoological Research of the Settlement Zhemchuzhina-1 and Economic Issues of South-East Crimea in the Golden Horde Period. **No. 2, 170**

Yasakov V.S. (Izhevsk, Russian Federation). look Goldina R.D. **No. 1**

Rules for Authors. No. 4, 236

List of Abbreviations. No. 1, 248

List of Abbreviations. No. 2, 248

List of Abbreviations. No. 3, 248

List of Abbreviations. No. 4, 248

Submissions. No. 1, 250

Submissions No. 2, 250

Submissions. No. 3, 250

Submissions. No. 4, 250

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС – Археология евразийских степей (журнал). Казань
 АК ИП КРО – Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования.
 АлтГУ – Алтайский государственный университет.
 АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
 АН СССР – Академия наук СССР
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АО – Археологические открытия
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
 БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ВолГУ – Волгоградский государственный университет
 ВШП – Великий шелковый путь
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА им. А.Х. Маргулана – Институт археологии им. А.Х. Маргулана НАН Казахстана
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАК – Императорская археологическая комиссия
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
 ИГУ – Иркутский государственный университет
 ИИ АН РТ – Институт истории академии наук Республики Татарстан
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИМО КФУ – Институт международных отношений Казанского федерального университета.
 ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова
 КалмНЦ РАН – Калмыцкий научный центр РАН
 КГУ – Калмыцкий государственный университет
 КиргССР – Киргизская Советская Социалистическая Республика
 ККМ – Касимовский краеведческий музей.
 КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.
 КНИИИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КФ АН СССР – Казанский филиал академии наук СССР
 КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
 ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока

- МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МАЭ – Музей археологии и этнографии Сибири.
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НМИМ – Национальный Музей Истории Молдовы
 НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
 НФ МАЭ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан при ИА АН
 РТ
 НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 РА – Российская археология
 РАН – Российская Академия наук
 РАПК ЦК - Раннеалакульская (петровская) культура Центрального Казахстана
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей заповедник
 РИО – редакционно-издательский отдел.
 РИО КГПУ им. В. П. Астафьева – Редакционно-издательский отдел Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СО – Сибирское отделение
 СПб. – Санкт-Петербург
 ССПУ – Самарский социально-педагогический университет
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
 СурГПИ – Сургутский государственный педагогический университет
 США – Соединенные Штаты Америки
 ТА – Татарская археология
 ТГУ – Томский государственный университет
 ASI – Archivio Storico Italiano.
 ASV, AC – Archivio di Stato di Venezia. Avogaria di Comun
 ASV, MC – Archivio di Stato di Venezia. Maggiore Consiglio
 ASV, SM – Archivio di Stato di Venezia. Senato, Misti
 ASV, SSecreta – Archivio di Stato di Venezia. Senato, Secreta
 ІА НАН України – Институт археологии Национальной академии наук Украины
 RIS – Rerum Italicarum Scriptores

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Подписано в печать 15.12.2020 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20